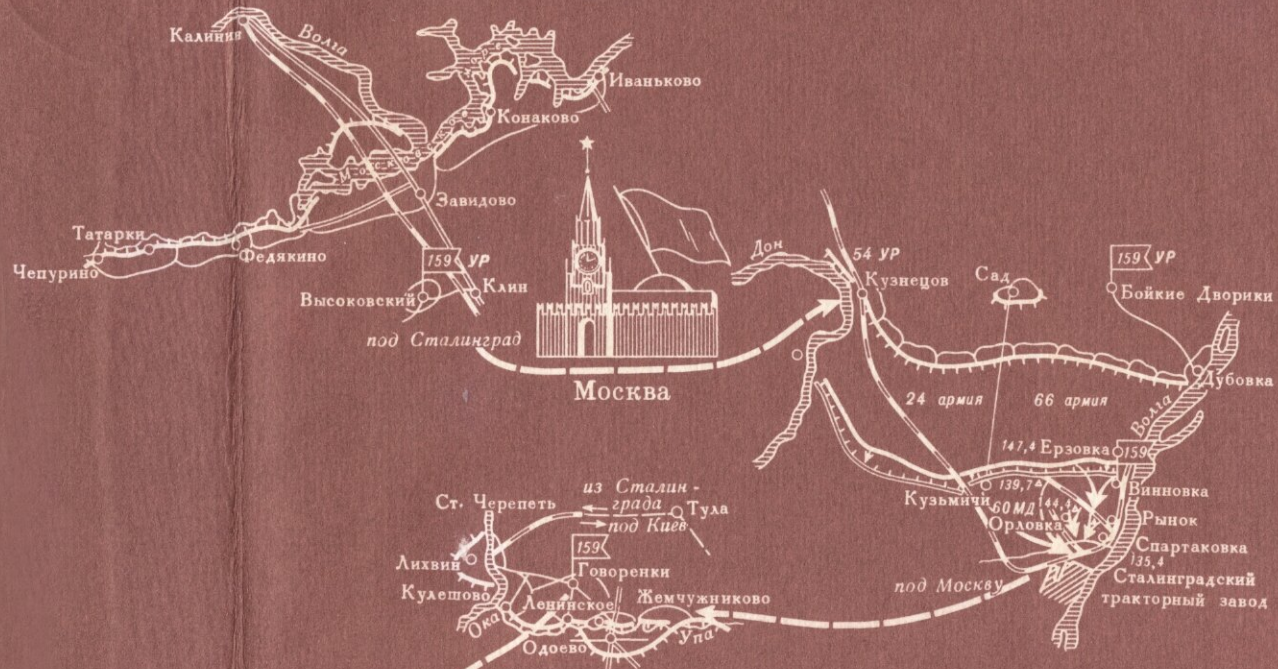

И. Н. ВИНОГРАДОВ

ОБОРОНА - ШТУРМ - ПОБЕДА

Прага

оз. Нейзидлер
оз. Балатон

**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА**
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ВОСПОМИНАНИЯХ
ДОКУМЕНТАХ

*Боевой путь
159-го полевого укрепленного района
в годы Великой Отечественной войны*

И. Н. ВИНОГРАДОВ

ОБОРОНА- ШТУРМ- ПОБЕДА

*Под редакцией и с предисловием
профессора, генерал-лейтенанта
В. Г. ПОЗНЯКА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

Литературная редакция
Д. В. РУБЕЖНОГО

Предисловие

Книга генерала И. Н. Виноградова — это прежде всего описание долгого и славного боевого пути воинского соединения. Протянулся этот путь от Подмосковья через Сталинград, Украину, Восточные Карпаты, Трансильванию, Венгерскую равнину и Западные Карпаты до Восточной Чехословакии. В книге рассказано о многих незабываемых событиях Великой Отечественной войны. О первых днях, неделях, месяцах боев, когда о стойкую героическую оборону защитников нашей Родины разбился авантюристический фашистский план «блицкрига». О победоносном контрнаступлении под Сталинградом, положившем начало освобождению советской земли от фашистских захватчиков и повернувшем ход Великой Отечественной войны в пользу Красной Армии. Здесь и страницы эпопеи «второго Сталинграда» под Корсунь-Шевченковским, где окружение и разгром восьмидесяти-тысячной группировки врага открыли Красной Армии путь к освобождению всей Правобережной Украины и государств, поработанных фашизмом. Автор повествует и о наступлении на правом крыле советских войск, разгромивших в Яско-Кишиневской операции группу армий врага и широко распахнувших ворота для очищения от гитлеровских захватчиков Румынии, Болгарии, Венгрии, а также Греции и Югославии. О форсировании Восточных Карпат и тяжелых освободительных боях в Венг-

рип. О том, как было сломлено сопротивление гитлеровцев в Западных Карпатах, о боях за освобождение Чехословакии.

Соединение, боевой путь которого описывает И. Н. Виноградов, это не широко известные стрелковая дивизия или танковый корпус, не артиллерийская дивизия или инженерная бригада, составлявшие большинство сухопутных войск Красной Армии во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В книге речь идет о 159-м Днестровском орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого укрепленном районе, командиром которого был автор. Это первая в советской военной литературе книга о боевом использовании таких соединений.

Автор ярко рассказывает о боевом пути соединения, о людях соединения, его солдатах, сержантах и офицерах, дела которых описаны с хорошим командирским и товарищеским тактом.

В то же время эта интересная книга и поучительна. В ней умело исследован опыт, добытый как из удач, так и неудач богатой и разносторонней боевой деятельности соединения. Описание значительно обогащено обращением к опыту других укрепленных районов, либо участвовавших в одних операциях со 159-м укрепрайоном, либо действовавших на других участках и направлениях советского стратегического фронта.

Укрепленный район... Каждому такое название покажется понятием в первую очередь географическим.

Действительно, военная история прослеживает в течение многих веков укрепленные лагеря древних, укрепленные замки, города-цитадели, крепости, запиравшие важные узлы дорог и переправы на путях возможного вторжения противника или защищавшие приморские города и военно-морские базы.

В новейшее время, перед второй мировой войной, отдельные укрепленные пункты уже не отвечали требованиям боевых действий с участием миллионных армий, танков, полевой артиллерии большой мощности, авиации. Потребовались новые укрепления — рубежи, перекрывавшие целые направления, широкие полосы местности, которые нельзя было обойти. Такими были «линия Маннергейма» на Карельском перешейке, «линия Мажино» вдоль всей восточной границы Франции с флангами, упиравшимися в границы Швейцарии и Бельгии, «линия Зигфрида».

Создали и мы на наших западных границах целый пояс укреплений, перекрывавших на широком фронте все важнейшие

направления. Эти новые укрепления вместе с их постоянными гарнизонами получили названия укрепленных районов. Они резко отличались от старых крепостей и своими фортификационными сооружениями, которые в большинстве приспособлялись к рельефу местности, зарывались в землю и маскировались. Подступы к ним прикрывались различными, в том числе и взрывными противотанковыми и противопехотными, препятствиями.

Постоянные гарнизоны составляли лишь остов их обороны, которая должна была усиливаться полевыми войсками. И если полевые войска были лишь «гостями» в укрепленном районе, покидавшими его при переходе в наступление, то во всем мире постоянные гарнизоны оставались на своих местах, в своих огневых точках, у стационарных орудий и пулеметов.

Советское военное искусство, всегда новаторское, развивающееся под непосредственным руководством Коммунистической партии, нашло и в использовании войск, составлявших гарнизоны укрепленных районов, свое, нигде не повторенное решение. Войска укрепленных районов были включены в наступательные операции Красной Армии сразу же после захвата ею стратегической инициативы и перехода в общее наступление после блистательной победы под Сталинградом. Они пошли вперед, на Запад со своим вооружением, снятым с площадок и цоколей в капонирах и полукапонирах.

Огромная огневая мощь укрепленных районов не осталась втуне. Укрепленные районы в линии фронта сухопутных войск сыграли свою роль, увеличив их способность закреплять завоеванную местность и ломать сопротивление врага.

И вот о том, как укрепленные районы из соединений, предназначенных к действиям на одном месте, были превращены в маневренные, как в результате инициативы их командиров и смекалки бойцов были найдены новые способы действий в самых разных условиях обстановки для всего соединения, его частей и подразделений — обо всем этом и рассказывает генерал-майор И. Н. Виноградов в своей книге. Ее, несомненно, с пользой для себя прочитает каждый, кто интересуется историей минувшей войны.

Вместо введения

Жаркое июньское утро 1941 г. Казалось, все вокруг дышит миром и спокойствием. Я укладываю чемодан, собираюсь в отпуск — к прохладе гор, к морю. И вдруг по радио звучат слова:

— Граждане и гражданки Советского Союза!.. Сегодня в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие... Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории... Советским правительством дан нашим войскам приказ отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей страны...

И вот я у дверей кабинета генерал-майора Д. В. Крамарчука, начальника Высшей пограничной школы. И не один я. Здесь почти все мои сослуживцы-офицеры. Все хотят немедленно отправиться на фронт, туда, где уже несколько часов наши товарищи-пограничники ведут тяжелый бой с лавиной захватчиков.

Но, увы, нам объявляют, что пока от нас требуется иное: по-прежнему, хотя, разумеется, ускоренными темпами, готовить офицерское пополнение.

И вновь потянулась будничная жизнь военной школы, раньше такая привычная и полюбившаяся, а теперь почти невыносимая. Особенно тяжело было на ежедневных информационных совещаниях, где нас, старших преподавателей, знакомили с положением на фронтах.

События тогда разворачивались крайне неблагоприятно для нашей Родины. Гитлеровское командование начало войну с напе-

сения мощных ударов по трем основным направлениям: от Тильзита на Псков, рассчитывая прорваться дальше, к Ленинграду; из района Варшавы на Минск, Смоленск, а следовательно — на Москву; от Люблина на Житомир, имея в виду затем выйти к Киеву и далее к Донбассу. Сосредоточив подавляющий численный перевес в силах и особенно в средствах на этих направлениях и напад внезапно, без объявления войны, враг захватил инициативу и стремился прорвать фронт прикрытия советских войск, сорвать мобилизацию, стратегическое сосредоточение и развертывание основных сил Красной Армии. Немалые преимущества ему давал и тот факт, что силы вторжения были заблаговременно полностью отмобилизованы и развернуты в приграничной с Советским Союзом зоне.

Но и в этой, чрезвычайно неблагоприятной для нас обстановке, везде, где имелись хотя бы малейшие возможности к сопротивлению, они были до конца использованы советскими войсками. С беззаветной отвагой и стойкостью сражались наши пограничники. Препраждая путь противнику, они стояли насмерть. Об этом рассказывали скупые донесения, поступавшие тогда в Управление пограничных войск.

На рассвете 22 июня, гласило одно из них, над заставой у г. Домрачева пронеслись вражеские самолеты, и сразу же вспыхнули пожары в пограничных селах. За рекой Буг слышался лязг железа. Это были танки. Одновременно противник открыл ураганный артиллерийский огонь по заставе, по изготовившимся к бою пограничникам.

— Справа мотоциклы! — сообщил наблюдатель.

На ближайшем пригорке показались десятка три немецких мотоциклистов. Решив, что пограничники покинули заставу, гитлеровцы двинулись к ней. И тогда дружно застрочили наши пулеметы. Вот упал один мотоциклист, другой, третий... Остальные повернули назад, но лишь немногим удалось уйти. На пригорке остались перевернутые мотоциклы, трупы врагов.

Противник усилил артиллерийский обстрел из-за реки. Снарядом снесло вышку наблюдателя. Горели уже все здания на заставе. Появились первые раненые. Но пограничники и не думали отходить. Заметив, что немцы за рекой подтягивают орудия на гребень холма, собираясь ударить прямой наводкой, начальник заставы приказал снайперам уничтожить прислугу. И вот половина вражеских орудийных расчетов сражена меткими выстрелами, остальные бежали.

Тем временем уже сотни фашистов под прикрытием огня переправились влავь на наш берег. Теперь они более осторожны. Приближаются к заставе ползком. Они все ближе. В ста метрах от обороняющихся гитлеровцы поднимаются и цепью, с диким воем бросаются на блокгаузы пограничников.

— Огонь!

Наши пулеметы бьют одновременно из всех укреплений. Фашисты падают, их цепи рдеют. Уцелевшие уползают в укрытия. Вторая атака. Но и она отбита. Третья, четвертая... Их уже не счесть. И все — безуспешно.

11 часов. По телефону сообщили, чтоб не рассчитывали на помощь погранотряда, там положение было не легче.

А вражеская артиллерия продолжала бить по заставе. Уже разрушены два блокауза. Боеприпасы на исходе. В строю осталось двенадцать пограничников. Во главе с раненым в голову начальником заставы они продолжают упорно обороняться.

— Танки! — сообщает наблюдатель.

Их четыре. Вынырнув из-за высоты, они в сопровождении пехоты идут на заставу. Навстречу им по ходу сообщения ринулись пять смельчаков-пограничников. Подползли поближе. Метнули связки гранат. У переднего танка перебила гусеница, другой — в огне. Следующая пара попятилась назад. Пехота, обогнав танки, пошла в атаку. Но и на этот раз залегла, не выдержав губительного огня горстки защитников заставы.

Вечерело. Начальник заставы убит. Пограничников осталось семеро. Все ранены. Без связи, с жалкими остатками боеприпасов, они все еще были грозной силой для врага, который теперь уже не решался к ним приблизиться. Вместо этого он открыл ураганный огонь из десятков орудий. И прекратил его лишь после того, как взлетел на воздух последний блокауз.

На следующий день, когда фашистские войска, прорвавшись, наконец, на этом участке границы, ушли дальше на восток, колхозники обнаружили на пограничной заставе среди обломков трех тяжело раненных красноармейцев, чудом оставшихся в живых...

Легко понять, что такие сообщения, поступавшие изо дня в день, вызвали чувство гордости и преклонения перед подвигами наших воинов, ненависть к вероломному врагу и страстное желание принять личное участие в борьбе на передовых рубежах.

Конечно, мы, офицеры-преподаватели, делали и в школе нужное для войны дело: провели досрочный выпуск слушателей, начали набор молодежи на курсы ускоренной подготовки младших лейтенантов для вновь формируемых частей и соединений. И все же не покидала мысль о переводе на фронт.

После занятий мы проводили долгие часы у карты, с болью следя за тем, как расплзалось по ней коричневое пятно фашистского нашествия, и всем сердцем верили, что в самые ближайшие дни наши войска нанесут врагу ответный сокрушительный удар. Мы верили в это, несмотря на то что противник продолжал наступать по всему фронту от Балтики до Черного моря и особенно усиленно на шауляйском, каунасском, гродненском, владимир-волыньском, рава-русском и бродском направлениях.

Нам было известно, что советские войска упорно отбивали атаки. На белостокском и брестском направлениях фашистам удалось отеснить наши части прикрытия и занять Ломжу и Брест, но зато на рава-русском противник был отброшен, на шауляйском в упорных боях было уничтожено до 300 вражеских танков и захвачено много пленных, в районе Дубно, Ровно, Броды продолжалось ожесточенное танковое сражение. Упорные бои шли в районе Львова.

Решительный отпор получили захватчики на одесском направлении.

Плачевно закончилась их попытка на рассвете 22 июня переправиться через Дунай в районе Килии примерно на 180 крупных и мелких судах. Командир расположенного на левом берегу 348-го полка подполковник Галаган еще накануне вечером заметил подозрительное движение войск по ту сторону Дуная и привел свою часть в боевую готовность. Когда же под утро противник начал переправу, то на подходе к нашему берегу был встречен внезапным ружейным, пулеметным и минометным огнем. В течение полутора-двух часов переправлявшиеся были перебиты, часть из них утонула.

Признаюсь, всю первую декаду войны мы, да и, пожалуй, не только мы, не вполне ясно представляли себе масштабы и характер развернувшихся боев и ожидали, что враг будет вот-вот остановлен и разгромлен.

Третье июля развеяло эту надежду. В речи И. В. Сталина по радио было сказано со всей ясностью о величайшей опасности, нависшей над нашей Родиной, о предстоящей тяжелой борьбе, в которой разгрому врага будет предшествовать длительная упорная оборона. Партия звала советских людей на всенародную войну с сильным и жестоким врагом, на борьбу за свободу и независимость социалистического Отечества.

Всенародная война... Этот призыв партии сразу же поставил вопрос о народном ополчении и всколыхнул широчайшие народные массы.

Никогда не забуду всего того, что мне довелось увидеть тогда в Москве — на заводах, в учреждениях. Тысячи и тысячи людей шли записываться в добровольческие воинские формирования. На многих предприятиях в народное ополчение пожелали вступить все без исключения. На одном из машиностроительных заводов в числе первых записался 59-летний рабочий Ф. В. Денисов, участник вооруженного восстания 1905 г. и Октябрьской революции. На другом заводе список ополченцев открывался фамилией К. С. Прониченко, участника штурма Зимнего дворца в 1917 г. На тормозном заводе секретарь парткома Пырков смущенно рассказывал:

— Все хотят в ополчение, а ведь завод должен работать... Но и сам он, как оказалось, тоже записался.

Теперь, наконец, и моя просьба будет удовлетворена, думал я, ведь и в Москве, и в Подмоскowie шло формирование новых частей и соединений, которым, конечно, нужны офицеры. И опять я писал рапорты, в которых напоминал о своей более чем 20-летней службе в рядах Красной Армии, о том, что командовал полком, а потом окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе... — Здесь, в военной школе, — ответили мне, — тоже много работы.

Работы, действительно, было, что называется, по горло. Наша школа, как и все другие военные учебные заведения, ускоренными темпами готовила для фронта командиров. Их требовалось много, в том числе и для комплектовавшихся в Москве новых полков, бригад, дивизий. А после занятий в школе мы расходились по заводам и учреждениям столицы, чтобы помочь в формировании и обучении новых частей.

Москва отдала уже Вооруженным Силам Родины своих лучших сынов — по мобилизации и призыву из запаса, для формирования истребительных батальонов и в массовое народное ополчение. И все же население столицы продолжало создавать добровольческие части. На предприятиях и в учреждениях по инициативе трудящихся были созданы военно-учебные подразделения, в которых занятия велись без отрыва от производства.

Рабочие находившегося по соседству с нашей школой машиностроительного завода почти поголовно записались в отряд боевого резерва. После напряженного трудового дня они отправлялись на плац, на стрельбище.

Мы учили их стрелять, окапываться, уничтожать вражеские танки с помощью связок гранат и бутылок с горючим — словом, всему, что нужно в бою.

Рабочие и служащие собирались на заводском дворе. Строились по-ротно, плечом к плечу — инструментальщики и штамповщики, бухгалтеры, монтеры, конструкторы, токари. Нашлись среди них и умелые командиры — лейтенант запаса заготовщик Дадичев, наладчик Агеев. Изю дня в день росло число таких формирований в Москве.

А тем временем над столицей нависла угроза воздушного нападения. Огромный город, еще недавно сверкавший по ночам миллионами огней, теперь плотно с вечера прикрывал их светомаскировкой. Всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне охватила все взрослое население столицы. Группы самозащиты создавались на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, жилых домах.

Везде можно было увидеть людей, подвозивших к зданиям песок, воду. Один нес ведро, другой — лопаты, третий — кадку. Пожарные и инструкторы учили тушить зажигательные бомбы. Женщины создавали отряды санитарок, пионеры и школьники — группы связистов и разведчиков.

И. Н. ВИНОГРАДОВ

С 13 июля вражеская авиация неоднократно пыталась проваться к Москве, прячась в облаках на огромной высоте. Но фашистские самолеты долетали только до Подмоскovie, где их уничтожали или отгоняли.

В ночь на 22 июля была предпринята решительная попытка нанести удар с воздуха в сердце нашей Родины. Сотни фашистских самолетов четырьмя эшелонами шли на Москву. Первый, насчитывавший 70 машин, быстро попал в лучи прожекторов. Встреченный нашими ночными истребителями, он, не долетев до цели, сбросил бомбы за пределами города и поспешно ретировался. То же самое произошло со следующими тремя эшелонами. Лишь одиночные самолеты врага прорвались к столице.

В эту ночь в Москве тревожно выли сирены и голос Левитана возвестил:

— Граждане! Воздушная тревога!

Я был в тот момент на крыше здания Высшей пограничной школы, где находился наш пункт наблюдения ПВО. Где-то совсем близко загрохотали зенитные орудия. Ударили пулеметы. Слышались даже винтовочные выстрелы. И вот запылал в небе один вражеский бомбардировщик, за ним второй, оба они рухнули наземь.

Так встречала Москва фашистских асов. И хотя им все же удалось сбросить бомбы в нескольких районах города, огонь был быстро и организованно потушен.

Вот упали две зажигалки на крышу соседнего дома. Седой старик — дежурный боец группы самозащиты — мгновенно схватил одну из них, бросил в песок, накрыл ведром. Его напарник столкнул вторую зажигалку на землю, а там ее быстро и ловко засыпали песком.

В ту ночь я видел, как самоотверженно работало звено из восьми юношей и девушек, потушивших пожар в 43-й школе и в соседнем жилом доме, как дружина добровольцев, рискуя жизнью, мощными струями воды из шлангов сбивала огонь, грозивший охватить жилые дома и крупный материальный склад близ Белорусского вокзала.

Так было везде, где падали фашистские бомбы. Противовоздушная оборона столицы выдержала суровый экзамен. Наши истребители и зенитная артиллерия сбили 22 вражеских самолета.

23 июля немцы повторили налет, пытаясь достигнуть Москвы на высоте в семь с половиной тысяч метров. Треть из них еще на дальних подступах к столице была обращена в бегство, большинство остальных не смогло пересечь зону зенитного огня. Это удалось лишь немногим, но и они не осмелились приблизиться к намеченным объектам и сбросили бомбы с очень большой высоты, не причинив существенного вреда. На этот раз враг потерял 15 самолетов.

24 июля из 150 фашистских самолетов, направлявшихся к столице, к Москве прорвалось восемь—десять машин, в ночь на 27-е — пять. Налеты продолжались и в августе.

Противник, наступавший тогда на петрозаводском, порховском, псковском, полоцко-невельском, смоленском, бобруйском, житомирском, новоград-волинском направлениях, безуспешно пытался вывести из строя московский стратегический узел, который снабжал и питал силами и средствами упорно оборонявшиеся войска Красной Армии. Уже Смоленское сражение показало, что расчеты гитлеровского командования на молниеносную войну провалились и что враг допустил ошибки в оценке мощи Вооруженных Сил СССР. Тем не менее он продолжал рваться вперед. Положение стало еще более опасным после того, как противник вышел на дальние подступы к нашей столице.

В эти дни Высшая пограничная школа, как и многие учебные заведения, была эвакуирована в глубокий тыл, а нас, около 50 старших офицеров, прикомандировали к штабу 2-й отдельной Московской стрелковой дивизии особого назначения. И опять вспыхнула надежда попасть на фронт. Но фронт уже приближался к Москве. 20 октября в городе было введено осадное положение.

Суров и мужествен был в те дни облик столицы. Она посылала в бой все новые и новые воинские части. Ее заводы и фабрики день и ночь работали для фронта.

До полумиллиона москвичей были заняты на строительстве оборонительных сооружений. Они вкладывали в свой труд горячую любовь к Родине и жгучую ненависть к врагу.

К месту строительства непрерывным потоком шли грузовики, подводы, а вместе с ними — новые и новые партии рабочих, вооруженных лопатами, кирками, ломами. Тем временем по шоссе, в сторону фронта тоже бесконечными вереницами проносились автомашины с мотопехотой, боеприпасами, оружием, снаряжением, продовольствием.

Но и со стороны фронта по дорогам к столице двигался довольно значительный поток людей. Москва стала не только базой снабжения, но и непосредственным войсковым тылом. Сюда прибывали некоторые тыловые учреждения, а за ними тянулись транспорт, различные материальные ценности, обслуживающий персонал.

Накопец, вместе с волной беженцев, спасавшихся от вражеского нашествия, в столицу стремилась проникнуть агентура противника — шпионы, диверсанты. И кое-кому из них это удавалось. Они тут же принимались сеять панические слухи, устраивали провокации.

Враг использовал и другие коварные методы, имевшие целью деморализовать население Москвы. Однажды, например, в Химкинских лесах вдруг послышались звуки боя: трещали пулеметные очереди, раздавались залпы артиллерии, минометов...

Казалось, сюда, непосредственно под Москву уже прорвались вражеские войска. Когда же наши части оцепили и прочесали лес, выяснилось, что фашистские летчики сбросили на парашютах радиолы с большими усилителями, которые и инсценировали звуки боя.

20 октября 1941 г. «Правда» писала: «Постановлением Государственного Комитета Обороны в г. Москве и прилегающих районах введено осадное положение. Эта мера призвана сыграть большую роль для тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих столицу... Враг пытается дезорганизовать наш тыл, посеять панику. Фашистские шпионы и провокаторы распространяют контрреволюционные слухи и стремятся сорвать революционный порядок. Нужно проявлять величайшую бдительность, беспощадно расправляться со всеми агентами германского фашизма».

Вслед за постановлением ГКО в Москве было создано 25 районных военных комендатур. Они должны были обеспечить строгий порядок, главным образом на окраинах и вокруг города. И руководить ими было приказано нам, оставленным в Москве старшим офицерам Высшей пограничной школы.

В ночь на 20 октября нас собрал у себя военный комендант Москвы генерал К. Р. Синилов. Он начал с краткого сообщения о том, что враг прорвал нашу оборону в 70—80 км от столицы.

Затем каждому из нас было приказано: в три часа ночи прибыть на место назначения, известить об этом районные власти, партийные организации и находившегося впереди за городом старшего войскового начальника на фронте, занять под комендатуры соответствующие помещения, принять в свое распоряжение и разместить две-три стрелковые роты войск НКВД, подчинить себе районную милицию, а ее начальника назначить своим помощником, выставить заслоны на окраинах и у входов в город и в девять часов утра доложить о выполнении этих задач.

В три часа ночи я вошел в кабинет первого секретаря Киевского райкома партии Николая Георгиевича Ликовенкова. Кроме него, здесь были начальник только что созданного районного штаба обороны заведующий военным отделом райкома Меркурий Федорович Степанченко и два моих заместителя — Василий Михайлович Шевелев из НКВД и начальник районной милиции Вязов.

В восемь часов утра военная комендатура уже работала, разместившись на Смоленской площади, в здании эвакуированного авиационного техникума. А еще час спустя я доложил об этом генералу Синилову.

В тот день в моем дневнике появилась такая запись: «Как все изменилось! Еще несколько дней тому назад только и думал о том, чтобы уйти на фронт, в действующую армию. А сейчас фронт пришел к нам. Трудно сказать что-нибудь даже предположительно о дальнейшем развитии событий... Победа будет, безусловно, за нами. Но какой ценой? Ценой каких тяжелых потерь?..»

... Районная военная комендатура работает круглые сутки. Устанавливаем контроль над въездами в город со стороны фронта. За первые несколько дней направили в воинские части свыше двух тысяч отставших. Поддерживаем порядок на улицах, в пригородных поселках, даже в очередях у магазинов.

Главная задача — пресечь попытки вражеских провокаций и диверсий, выловить агентуру противника. Три шпиона уже пойманы.

Да, фронт рядом, но столице, ее населению нужно обеспечить полное спокойствие, столь необходимое в момент этой решающей битвы, от исхода которой, быть может, зависит все.

На защиту Москвы встал весь наш народ. Из глубокого тыла непрерывно прибывали свежие войска, оружие, боеприпасы. Тысячи и тысячи москвичей откликнулись на призыв собрания городского партийного актива о создании в каждом районе новых добровольческих рот и батальонов для борьбы с врагом. По Москве прокатилась волна патриотических митингов, районные военные комиссариаты вновь заполнили поток людей, требовавших немедленной отправки на фронт. Районные штабы оборон непрерывно формировали воинские части.

На дальних и ближних подступах к столице быстро росла мощная преграда врагу — новые оборонительные линии, создаваемые самоотверженным трудом москвичей.

Враг бешено рвался к Москве. И люди, создававшие укрепления, понимали это. Их не останавливали ни дожди, ни пронизывающий осенний ветер, ни сильные заморозки. Надо было спешить. Грозная опасность воодушевила, сплотила советских людей. Они знали, что готовят могилу врагу на подступах к столице.

Вот работает коллектив кожгалантерейной фабрики. Попался твердый грунт, но все равно все выполнили задания. Так трудятся и коллективы 1-й Государственной электростанции, Юридического института, Сходненского стекольного завода, фабрики им. Лебедева. Рабочие, служащие приходят с рассветом и не уходят до полной темноты. Рядом с ними по десять, двенадцать часов в сутки работают и домашние хозяйки.

Строительство укреплений успешно велось и в самой столице.

Тружачие нашего Киевского района под руководством своего штаба обороны создали мощную преграду врагу на центральном направлении — Можайском. Вся трасса, проходившая от полотна окружной железной дороги у Поклонной горы, по Дорогомилловской улице, Смоленской площади и Арбату, была перекрыта баррикадами. Каждая из них обеспечивалась перекрестным, многослойным пулеметным и артиллерийским противотанковым огнем из ближайших зданий.

Приспосабливая здания к длительной обороне, мы создавали в них, по существу, опорные пункты. Окна верхних этажей, особенно выходящие на улицы, приспособлялись под бойницы для стрелкового оружия. Подвальный и первый этажи в этих случаях предназначались для ведения артиллерийского противотанкового огня.

Генерал Синилов на совещании одобрил деятельность районных военных комендатур.

— Наша работа, — сказал он, — оценивается Ставкой как важное военно-политическое мероприятие.

Но лучше всего вознаградили нас события 6 и 7 ноября. Торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великого Октября... Скромный, но, как всегда, величественный парад на Красной площади.

На этот раз наш самый большой праздник был особенным. В грозную годину тяжелых испытаний он вселял новые силы, укреплял уверенность в победе над врагом.

Советский народ громил гитлеровцев под Москвой. 15—16 ноября враг начал так называемое второе генеральное наступление на советскую столицу. Его вела все та же группа армий «Центр», развернутая от Волжского водохранилища до Богородицка. Значительно усиленная, она насчитывала теперь почти 77 дивизий — 47 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных и

3 охранные, а также 3 отдельные бригады и имели 1500 танков, 11 670 орудий и минометов, 650 самолетов¹.

Немецкое командование сосредоточило на обоих заходящих крыльях своих войск мощные ударные группировки, которые должны были сомкнуть кольцо окружения к востоку от столицы. Одна из них в составе семи танковых, трех моторизованных и четырех пехотных дивизий наступала из района Волоколамска против правого фланга Западного фронта на клинско-солнечногорско-дмитровском направлении. Другая — 2-я танковая армия под командованием Гудериана, насчитывавшая четыре танковые, три моторизованные и пять пехотных дивизий, одну пехотную бригаду и моторизованный полк СС «Великая Германия», имела задачу нанести удар из района Богородицк—Тула по левому флангу Западного фронта на тульско-каширско-рязанском направлении.

Основная же пехотная группировка войск противника наступала вдоль магистрали Можайск—Москва. Она должна была прорвать нашу оборону в центре, разобщить и затем уничтожить по частям защищавшие Москву войска.

Фашистский план позорно провалился. В сражении, развернувшемся на площади в 200 тыс. кв. километров, вражеские армии были обескровлены и в начале декабря начали переходить к обороне на всем занятом ими пространстве от Калинина до Тулы.

Вслед за тем наши войска, сосредоточившиеся к этому времени в Москве и Подмосковье, перешли в контрнаступление и во взаимодействии с соединениями Калининского и Юго-Западного фронтов отбросили противника на ряде участков более чем на 300 км к западу от столицы. При этом только 2-я танковая армия врага с начала декабря 1941 г. по 6 февраля 1942 г. потеряла около 30 тыс. человек и огромное количество военной техники².

Непосредственная угроза Москве и московскому промышленному району была снята. За этим последовало общее наступление Красной Армии под Москвой, в результате которого противник был отброшен еще дальше на запад.

Весь ход военных действий на центральном участке советско-германского фронта, как и на северо-западном, ленинградском, показывал, что чем дальше от границы продвигался враг, тем медленнее становились темпы его наступления, а затем, почти у самой цели, он был остановлен под Москвой и уже к концу 1941 г. понес серьезнейшее поражение. Это означало, что Крас-

¹ См.: «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Под ред. Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. М., 1964, стр. 51.

² См.: «Провал гитлеровского наступления на Москву». М., 1966, стр. 12.

ная Армия с каждым днем наращивала силы и опыт и что ее ответные удары приобретали все большую мощь.

В Москве к этому времени потеряли свое прежнее значение районные военные комендатуры. Их функции уже не были связаны с обороной столицы.

И опять я писал рапорты о переводе в действующую армию. Но по-прежнему безрезультатно...

Кончался первый год Великой Отечественной войны. Победы, которые одержала Красная Армия минувшей зимой под Москвой, Калинином, Тулой, Ростовом-на-Дону, Керчью, Тихвином, свидетельствовали о росте военной мощи нашей страны и о том, что Красная Армия становилась силой, способной не только противостоять «непобедимым» гитлеровским войскам, но и бить их в открытом бою.

Однако положение все еще оставалось чрезвычайно тяжелым. К моменту окончания наших зимних наступательных операций враг продолжал удерживать значительную часть территории, захваченной им в первые месяцы войны, и накапливал крупные силы для нового удара.

В продолжавшейся тяжелой, кровопролитной борьбе за свободу и независимость Родины от всего нашего народа, от каждого из нас требовалось величайшее напряжение сил. Их должно было хватить и на отражение любого нового удара противника, и на подготовку решительного наступления и изгнания захватчиков с нашей земли, и на окончательный разгром врага в его собственном логове.

Этими помыслами и целями жил тогда каждый советский человек, не щадивший для их осуществления ни сил, ни самой жизни. И мысленно оценивая каждый прожитый день, он спрашивал себя: сделал ли я сегодня все, что мог, для Победы?

Спрашивал себя об этом и я. И не всегда отвечал утвердительно. Часто мне казалось, что я мог бы приносить больше пользы делу борьбы с врагом. Поэтому и продолжал добиваться назначения в действующую армию, хотя в этом мне явно не везло.

И вдруг — счастливый случай.

Весной на дальних подступах к Москве, там, где в минувшем году проходила Можайская линия, был создан новый оборонительный рубеж на случай, если бы враг опять попытался наступать на нашу столицу. В число тех, кого посылали в войска, предназначенные для этой линии, попал и я.

Мне было приказано выехать в Высоковск под Клином и принять командование 159-м полевым укрепленным районом.

Об этом соединении, которое прошло в годы Великой Отечественной войны славный боевой путь от Москвы и Сталинграда до границ нашей Родины, а затем участвовало в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, и рассказано в настоящей книге.

Специальные войска, называвшиеся частями полевых укрепленных районов и состоявшие из отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, появились в самое тяжелое для Красной Армии время — осенью 1941 г., когда она вынуждена была отходить к Москве и Ленинграду, и в 1942 г. — при отступлении к Волге. Вполне понятно, что в таких условиях они создавались наспех и имели далеко не совершенную структуру.

При их формировании предусматривалось, что они станут стационарными войсками, занимающими на подготовленных рубежах оборонительные, преимущественно огневые, сооружения первой линии, и будут сражаться во взаимодействии с полевыми войсками. Поэтому полевые укрепленные районы при обилии тяжелой огневой техники — пехотной и артиллерийской — не имели частей или подразделений боевого обеспечения — разведки, противовоздушной обороны, саперных и инженерных, снабженческих, транспортных. Все это им должно было предоставлять «полевое заполнение».

В действительности же частям укрепленных районов чаще всего приходилось сражаться одним, без «полевого заполнения» не только на оборонительных рубежах, которые нередко они и строили сами, но и в дальнейшем, при переходе Красной Армии в решительное наступление, когда они активно участвовали в наступательных операциях — взламывали оборону врага, ходили в атаку, штурмовали города, форсировали реки, преодолевали горы — словом, самостоятельно вели все боевые действия, предусмотренные для полевых стрелковых войск.

И все они показали себя с наилучшей стороны и в обороне, и в наступлении, внесли достойный вклад в разгром фашистских полчищ, в победу над гитлеровской Германией.

События тех героических лет довольно широко описаны в нашей литературе. Однако некоторые их стороны, в частности история создания полевых укрепленных районов, изучена еще далеко не достаточно, а их боевые действия вообще почти не освещались.

Этот пробел, несомненно, не могут целиком восполнить мои личные воспоминания о боевом пути одного из полевых укрепленных районов. Поэтому, работая над этой книгой, я стремился рассказать, хотя бы кратко и, разумеется, не претендуя на исчерпывающее освещение темы, о героических действиях и других таких соединениях. Этим мне хотелось еще и еще раз подчеркнуть, что 159-й полевой укрепленный район был лишь одной из многих подобных боевых единиц в составе Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны.

Задача со многими неизвестными

В тот майский вечер 1942 г., когда мне вручили долгожданное назначение, я долго бродил по Москве. Прощался с ней, еще затемненной, живущей по-фронтовому, хотя прошли уже месяцы с тех пор, когда враг был отброшен от ее стен далеко на запад. Впрочем, не попытается ли он, собравшись с силами после сокрушительного разгрома под Москвой, вновь двинуть на нее свои войска? По-видимому, эту опасность и учитывало наше командование, продолжая усливать оборонительный пояс вокруг столицы.

О многом думалось в часы расставанья со столицей. Вновь и вновь переживал я события последних дней, когда потребовалась немалая настойчивость, чтобы получить, наконец, назначение в действующую армию. Не выходили из головы и мысли об ожидавших меня трудностях.

...Командующий войсками Московского военного округа генерал П. А. Артемьев знал меня по службе в пограничных войсках, он был осведомлен о том, что я продолжительное время занимался — практически и теоретически — оборонительными укреплениями. И тем не менее он не сразу согласился утвердить мое назначение в 159-й или, как его тогда называли, Клинский полевой укрепленный район.

— Полевые укрепленные районы — дело новое, — говорил он, испытующе глядя на меня. — И нет у нас пока полной уверенности, что это и есть то, что нужно в условиях современной войны. Твердого положения об организации их боевых действий еще не имеем. Справитесь ли? ..

В конце концов, он приказал мне сначала отправиться в другой полевой укрепленный район — Можайский, — ознакомиться

П. А. АРТЕМЬЕВ

с его инженерными сооружениями, затем принять участие в назначенном там оперативно-тактическом учении, а по возвращении письменно изложить, как он выразился, свои впечатления и выводы.

— Тогда и решим ваш вопрос, — сказал генерал.

Вскоре он утвердил мое назначение. Но я до сих пор не знаю, чему это приписать — весьма критическому содержанию докладной записки, которую я представил ему по возвращении из Можайска, или выраженному в ней настойчивому желанию служить в полевом укрепленном районе.

Признаюсь, моя настойчивость объяснялась не только желанием попасть на фронт. Я неизменно ловил себя на мысли о том, что хотел бы испытать свои силы в новом воинском формировании — полевом укрепленном районе, каким бы трудным ни оказалось это поприще.

Оно, действительно, было нелегким. Правда, у меня был опыт организации обороны в цограничных войсках. Но он не шел дальше условий «малой» войны, когда с обеих сторон обычно действуют небольшие силы. Здесь же речь шла о совершенно иной обстановке, в которой вооруженную борьбу ведут крупные войсковые массы, причем обороняющиеся опираются на мощную фортификационную систему.

Какими в этих условиях должны быть сами укрепления? В чем состоит различие задач постоянного гарнизона укреплен-

ного района и «полевого заполнения», т. е. ведущих бой в его полосе полевых войск, каковы формы их взаимодействия? В поисках ответа на эти вопросы я перебирал в памяти все, что мне было известно о фортификации и ее предназначении.

... Когда-то в качестве защитных полос против нашествий врагов использовали дремучие приграничные леса, в степях воздвигали высокие валы, по берегам рек строили огромные стены. Например, Великая китайская стена имела протяженность около четырех тысяч километров. Средневековые армии сражались, имея земляной вал.

В дальнейшем развитие средств вооруженной борьбы породило замкнутые крепости, а в них — бастионы, реданы для фланкирования подступов, форты. На поле боя появились отдельные укрепления — редуты, флешы высокого профиля и, наконец, системы, состоящие из нескольких линий долговременных укреплений.

Но и такие мощные крепостные районы, как Варшавский в России (Варшава—Новогеоргиевск—Загреб), Верден — Гуль и Эпиналь—Бельфор во Франции, Торн—Граудениц—Кутим в Германии, уже в первую мировую войну не соответствовали новым условиям и средствам вооруженной борьбы.

Тогда вспомнили другие инженерные сооружения, также применявшиеся с древних времен и служившие не только для обороны, но и для обеспечения наступления. Придуманное еще в античном мире подвижные полевые укрепления, возводившиеся войсками в походе — при остановке, вынужденной обороне, после неудачного боя, при осаде городов, просуществовали до конца XIX в. Запорожцы, а также гуситы в Чехии строили подвижные «оплоты» и заграждения из повозок.

В 1877 г. русская армия впервые в истории военного искусства применила самоокапывание пехоты, а год спустя приняла на вооружение носимый шанцевый инструмент. Вскоре этому примеру последовали и в других странах. Потом появились сплошные траншеи с ходами сообщения и их комбинации с огневыми сооружениями.

Во время первой мировой войны обороняющиеся строили позиции в несколько линий глубиной сначала до 6—8 километров, а затем до 150 километров, что открывало возможность маневра внутри этой зоны.

Постепенно росли количество и мощь защитных сооружений. На Западе создавали глубокие подземные убежища, вмещавшие полк и более. Для их строительства вместо подручного материала — дерева — стали применять металл, броню, камень, бетон, железобетон. Сооружались также блокгаузы. Так в полевой войне появились элементы крепостной войны.

Когда же появились танки и усилилось применение артиллерии и авиации, обороняющиеся придумали систему стрелковых.

пулеметных и минометных гнезд, располагая их применительно к местности и преграждая путь к ним искусственными препятствиями. Несколько таких сплошных, связанных между собой групп оборонительных сооружений, получивших название опорного пункта, составляли узел сопротивления. В них уже иногда совмещались элементы долговременной и полевой фортификации.

Выраженная в этой «очаговой» или «узловой» системе тенденция оборонительного характера получила в дальнейшем развитие во многих странах. При этом поиски путей к созданию новых фортификационных систем, способных послужить непреодолимым барьером в войне, породили идею о сочетании обороны полевых войск с долговременными оборонительными сооружениями огромной протяженности, расположенными вдоль всей границы.

Однако, например, французское командование, недооценив возможность обхода своих укреплений, усмотрело в них и то, чего они не имели, а именно непреодолимость, и приняло порочную военную доктрину, согласно которой сильная стратегическая оборона считалась основным способом достижения решающего успеха в войне в целом. В результате главной надеждой французской армии стала «линия Мажино», за которой, как полагали, можно было спокойно «отсидеться» в случае войны.

Этот расчет, как показало вторжение гитлеровского вермахта во Францию, был ошибочным, ибо строился на опыте позиционной обороны первой мировой войны, когда, когда, по словам М. В. Фрунзе, «позиционность создавалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом»¹.

Во второй мировой войне, развернувшейся в иных условиях и имевшей иную материальную базу, появились новые средства борьбы. В результате фортификационные системы уже не могли служить важнейшим стратегическим средством прикрытия границы. Но чем же они стали? Этот вопрос имел далеко не только теоретическое значение, его решение должно было оказать значительное влияние на ход вооруженной борьбы.

Несколько забегая вперед, должен сказать, что именно Красной Армии принадлежит честь блестящего решения этой задачи.

Маневренный характер вооруженной борьбы привел к постепенному отказу от «очаговой» системы оборонительных сооружений и применению вместо нее траншей. По своему предназначению они резко отличались от применявшейся русской армией в первой мировой войне траншейной формы позиционной борьбы. Скорее речь шла о возрождении одной из боевых традиций гражданской войны, когда Красная Армия использовала траншей-

¹ М. В. Фрунзе. *История производства. М., 1934*, стр. 137—138.

ный способ не только для активизации своей обороны, но и в наступательных целях. Отмечая на основе этого опыта, что в оборонительном бою «задача полевой фортификации — усиление огневой силы нашего сопротивления», М. В. Фрунзе подчеркивал как главное в этом вопросе: «Фортификация должна всемерно облегчить стремительность нашего наступления и наших действий, помочь оценить и использовать местность и сообразовать движение отдельных групп с нашим артиллерийским и пулеметным огнем»¹.

В ходе Великой Отечественной войны, особенно во втором и третьем ее периодах, Красная Армия осуществила искусное сочетание обороны и наступления, их тесное взаимодействие во всех масштабах — стратегическом, оперативном и тактическом. Оборона и все связанные с ней средства при наступлении помогали наращивать силу удара, перегруппировать войска, закрепляться на новых рубежах, подтягивать резервы и тылы.

Это привело, в частности, и к тому, что полевыми укрепленными районами стали называть не географические районы, оборудованные фортификационными средствами, а войска особой организации. И в этом тоже отразилась новизна положения, требовавшего, чтобы такие соединения, решая задачи не только обороны, но и наступления, были не менее подвижными, чем полевые войска.

Но в то время, о котором я сейчас пишу, это искусство еще только рождалось. Драгоценные крупицы опыта добывались дорогой ценой в огне кровопролитной борьбы за свободу и независимость нашей Родины.

Даже теперь, спустя более четверти века, думая о том дне, о той минуте, когда я слушал правительственное сообщение о вероломном нападении на нашу страну, вновь переживаю охватившее меня тогда волнение.

Нет, то был не страх перед смертельной опасностью, которую несла война. Ведь я был профессиональным военным и прошел еще в молодости огонь первой мировой войны и боев за Советскую власть. Впрочем, начал я еще раньше, безусым подростком в 1906 г., вступив в родной Кинешме в одну из рабочих боевых дружин, которые создал в то время в нашем краю молодой М. В. Фрунзе. И уже тогда мы знали, что смерть в борьбе за правое дело не страшна.

И все же, вслушиваясь снова и снова в правительственное сообщение, я чувствовал все возрастающую тревогу. Мог ли я, офицер погранвойск, преподаватель Высшей пограничной школы, не зная, что работы по возведению укреплений на новой западной границе, начатые после присоединения западных областей

¹ М. В. Фрунзе. *Указ. соч.*, стр. 137—138.

Украины и Белоруссии, были выполнены не более чем на 25 процентов? Не прикрытые сооружения промежутки составляли от 30 до 100 и более километров. Положение осложнялось и тем, что вооружить успели только примерно половину готовых долговременных опорных пунктов. При этом они не имели еще и такого важного оборудования, как взрывные заграждения.

Что касается погранзастав, предназначенных для охраны границ в мирное время, то они, понятно, могли бы лишь в «малой» войне играть роль сильных опорных пунктов обороны. А в большой войне? Да и успели ли войска наших западных округов, дислоцированные в приграничных районах, завершить развертывание своих сил так, как это предусмотрено планом прикрытия? Не застиг ли их противник врасплох?

Потом я узнал, что первые удары мощной, заранее изготовленной военной машины гитлеровской Германии, уже накопившей на Западе немалый опыт современной войны с применением всех родов войск, приняли на себя наши укрепленные районы вместе с погранзаставами.

Вражеское командование нанесло эти удары по всей нашей западной границе — от Балтики до Черного моря, рассчитывая «победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию», уничтожить «находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии... воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории...»¹ Этот план основывался на опыте войны на Западе, где даже сверхмощные приграничные укрепления оказались не в состоянии преградить путь гитлеровским войскам и где стоило лишь захватчикам проникнуть внутрь страны, чтобы решить исход войны в свою пользу.

Такого же результата ожидало гитлеровское командование от нападения на СССР, но жестоко просчиталось.

Советские войска прикрытия, несмотря на многократное превосходство сил противника, оказывали упорное сопротивление, сдерживали врага. Вынужденно отходя, они выводили из-под удара свои главные силы, спутав таким образом с самого начала расчеты гитлеровского командования.

И даже недостроенные или слабовооруженные укрепленные районы на границе использовали все имевшиеся у них возможности к сопротивлению.

Перемышльский укрепленный район, имея всего лишь два пулеметно-артиллерийских батальона и три пулеметные роты на оборонительную полосу в 120 км по фронту, вместе с погранзаставами стойко оборонял переправу через р. Сан, а затем вел бой

¹ «Пюрнбергерский процесс над главными немецкими военными преступниками», т. 1. М., 1955, стр. 357—359.

за Перемышль совместно с 99-й стрелковой дивизией. Гарнизон соседнего Рава-Русского укрепленного района преграждал путь противнику в течение пяти суток, Владимир-Волынского и Брест-Литовского — восемь, Полоцкого — пятнадцать. Мозырский укрепленный район длительное время связывал действия трех пехотных дивизий врага, Тираспольский и Рыбницкий также упорно сдерживали натиск противника.

И только по приказу Советского командования, в силу необходимости гарнизоны этих укрепрайонов оставляли обороняемые ими рубежи.

Все гарнизоны наших укрепленных районов, в конце концов, вынуждены были отступить под ударами превосходящих сил противника, который таким образом получил еще одно важное преимущество, поскольку советские войска прикрытия полностью лишились опоры в виде заранее подготовленных оборонительных рубежей.

Примерно при таких же условиях все западноевропейские государства немедленно капитулировали перед гитлеровской Германией. Этого же ожидала она теперь и от Советского Союза. Но тщетно.

Враг натолкнулся на упорное сопротивление подоспевших главных сил Красной Армии, а затем неожиданно обнаружил, что путь на Москву и Ленинград ему преграждали все новые и новые оборонительные полосы большой протяженности и глубины. В зной и стужу, днем и ночью, под бомбежкой и артиллерийским обстрелом их строили миллионы советских людей, вдохновляемые горячей любовью к Родине и жгучей ненавистью к врагу, навашшему на советскую землю.

В отношении трудностей строительства эти оборонительные линии нельзя даже сравнивать с приграничными укрепленными районами. Там оно велось годами на тщательно изученных участках, здесь же сроки исчислялись неделями, днями, а рекогносцировка, разбивка и трассировка на местности были осуществлены наспех.

Объем же работ становился все более грандиозным. Например, для создания Можайской линии обороны требовалось выкопать 7600 тыс. кубометров земли, заложить 24,5 тыс. тонн цемента, 51,4 тыс. тонн щебня и гравия, 590 тыс. кубометров пиленого леса, построить 1223 бетонных и дерево-земляных капонира для орудий, 4356 — для пулеметов, 600 км противотанковых рвов, 753 км эскарпа и 1268 км противотанковых препятствий¹.

Чтобы выполнить эти работы, 50 тыс. человек должны были напряженно трудиться свыше 100 дней. И хотя на строительстве работали главным образом старики и учащиеся, в том числе

¹ Архив МО СССР, ф. 6314, оп. 11158, д. 93, лл. 166—169.

много женщин, а времени в их распоряжении оказалось почти вдвое меньше, все же они успели выполнить примерно три четверти намеченных работ¹.

Какая же потребовалась для этого беспримерная самоотверженность, какое могучее чувство любви к Отчизне!

На строительстве оборонительных линий не хватало средств механизации работ. Мало было и квалифицированных специалистов. И все же быстро выростала система рубежей. К середине 1942 г. она протянулась от Мурманска через Онежское озеро к Финскому заливу, к озерам Ладожскому и Селигер, к Московскому морю. Пройдя по внешнему кольцу обороны Москвы, она шла затем по Дону и Волге до Астрахани и далее по Кавказу.

Новые оборонительные рубежи на всю глубину ленинградского направления строились уже в то время, когда советские войска упорно сражались с превосходящими силами противника на дальних подступах к Ленинграду. Быстрыми темпами восстанавливали старые Кингисеппский, Псковский и Островский укрепленные районы, создавали новую Лужскую оборонительную полосу протяженностью свыше 250 км и Красногвардейский укрепленный район, возводили укрепления на реке Волхов, на рубежах Токсовском, Колтушском, Приморском, Новгород—Шимск—Свирь-2, на внешней черте Ленинграда и внутри него².

Уже на первом подготовленном рубеже, проходившем по линии Псков, Остров, Новоржев, Великие Луки, было приостановлено решительное наступление фашистской группы армий «Север», хотя она и имела многократное превосходство сил и средств. Затем часть гитлеровских войск была задержана на новгородском направлении. Это позволило выиграть время для сосредоточения резервов, которые и нанесли 14—18 июля контрудар в 30 км западнее озера Ильмень, окружив и уничтожив основные силы 56-го моторизованного корпуса противника — 8-ю танковую дивизию, части 3-й моторизованной дивизии и тылы корпуса.

Благодаря этому враг был отброшен на 35—40 км от района Уторгош—Дно, что ликвидировало угрозу немедленного прорыва к Новгороду. Почти на целый месяц застряли войска противника и у р. Луги. И даже после 18 августа, когда фашистам удалось захватить Новгород, они вновь были остановлены на целых полмесяца, на этот раз перед Лужской оборонительной полосой.

А дальше их ждала новая преграда — центральный сектор Красногвардейского укрепленного района, в основном построенный как раз в те недели, которые были выиграны на предыдущих рубежах. Вражеские войска потеряли десять дней на безуспешные попытки прорвать центральный пояс укрепленного района.

¹ Архив МО СССР, ф. 6314, оп. 11158, д. 88, лл. 200—224.

² Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 637, лл. 1—34.

Лишь спустя еще два дня, 12 сентября, нацупав слабое место на стыке его секторов у населенных пунктов Аллапурское и Ивановка и бросив туда крупные силы пехоты и танков, они вышли на Дудергофские высоты. Это позволило им на следующий день прорвать полосу укрепленного района на всю ее глубину, захватить Красное Село, а затем Пушкин и Колпино, часть Петергофа (Петродворца) и Урицк.

К тому времени (с 8 сентября) северная группировка немецко-фашистских войск под Ленинградом уже овладела Петрокрепостью (Шлиссельбургом), и теперь Ленинград мог поддерживать сообщение со страной лишь по воздуху и через Ладожское озеро. Но и блокированный город, опоясавшийся к тому времени новыми мощными рубежами, фашисты не смогли взять. В результате ожесточенных боев на его ближних подступах наступление группы армий «Север» было окончательно остановлено к 20 сентября.

В этот же период, как и в дальнейшем, были отражены многочисленные попытки противника сокрушить оборону наших войск на Карельском перешейке. Вражеский план наступления через Тихвин с целью соединиться у Петрозаводска с северной группировкой фашистских войск, полностью окружить Ленинград и перерезать коммуникации на Мурманск и Архангельск также был сорван.

В боях на подступах к Ленинграду нашли себе могилу 170 тыс. немецких солдат и офицеров. Гитлеровцы потеряли здесь 500 орудий, 650 танков, 923 бронемашины, 1189 пулеметов, 256 минометов и большое число самолетов¹.

Исключительно важную роль сыграли и новые оборонительные рубежи на центральном направлении советско-германского фронта. Они позволили нашим войскам сначала измотать и обескровить наступавшие на Москву гитлеровские армии, остановить их у стен столицы и, наконец, воспользовавшись выигранным временем, подготовить и осуществить контрнаступление, а затем и общее наступление, в ходе которого фашистская группа армий «Центр» подверглась сокрушительному разгрому.

Уже в последний период Смоленского сражения, начавшегося в первой половине июля 1941 г. и длившегося без перерыва целых два месяца, нашим войскам сослужила хорошую службу созданная к тому времени Вяземская линия обороны. Когда же они под напором превосходящих сил противника вынуждены были оставить и ее, то нашли у себя в тылу новую опору — Можайскую линию обороны.

Можайская линия обороны протяженностью свыше 360 км предназначалась для прикрытия важнейших операционных на-

¹ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 634, лл. 24—36.

правлений к Москве. Основная ее полоса тянулась по правому берегу р. Ламы через Кушелево, Ярополец, Бухалово, Болычево, Милятино, Бородино, Сокольниково, Троицкое, Ильинское, Детчино. Линия имела также дополнительные рубежи: промежуточный, проходивший через Волоколамск, Можайск, Верею, Малоярославец, Степаново, и тыловой — через Клин, Рузу, Дорохово, Симбухово, Боровск, Черная Грязь.

Эта линия обороны была разделена на укрепленные районы: 35-й Волоколамский, 36-й Можайский и 37-й Малоярославецкий. Позднее на левом фланге был дополнительно организован 38-й Калужский укрепленный район¹.

Сосредоточив на московском направлении крупные силы, составлявшие 77 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных, фашистское командование в конце сентября—начале октября начало наступление. Действуя вдоль важнейших шоссе-магистралей и стремясь захватить узлы дорог, гитлеровцы имели целью окружить и уничтожить наши войска, прикрывавшие кратчайшие и наиболее удобные пути к Москве.

Однако лишь в октябре вражеским бронетанковым частям удалось выйти на подступы к Можайской линии обороны, бои непосредственно за эту линию продолжались около 20 суток. И то, что противник все же прорвал ее, объяснялось превосходством его сил в тот момент. Кроме того, к моменту выхода бронетанковых войск противника на подступы к Можайской линии ее укрепленные районы еще не были полностью оборудованы и вооружены. Положение осложнялось также тем, что тактическая полоса не имела инженерных заграждений перед передним краем. Лишь на можайском направлении с 7 октября 467-й саперный батальон начал их ставить на путях предполагаемого движения противника.

6 октября, когда возникла серьезная опасность прорыва противника на Можайск и Малоярославец, оборонительные рубежи еще не были заняты нашими войсками. Правда, еще в июле сюда прибыли 25 стрелковых дивизий, которые должны были составить гарнизон Можайской линии обороны. Это были 32-я армия, предназначавшаяся для обороны Волоколамского укрепленного района, 33-я армия — для Можайского и 34-я — для Малоярославецкого. Однако к концу того же месяца они ушли дальше на запад, чтобы принять участие в Смоленском сражении. А в строившихся укрепленных районах опять остались только рабочие батальоны.

Наступление войск противника в составе пяти пехотных, двух моторизованных и трех танковых дивизий на фронте около 300 км вначале сдерживали неполные четыре стрелковые дивизи-

¹ *Архив МО СССР, ф. 6314, оп. 11158, д. 88, лл. 3—50.*

зии. Были и совсем не занятые войсками участки: 22-километровый в Волоколамском укрепленном районе, 8-километровый — в Можайском и 14-километровый — в Малоярославецком. Что касается Калужского укрепрайона, то фактически он еще не был создан и вообще не имел войск для обороны. Отходившие же войска Западного и Резервного фронтов смогли лишь частично принять участие в этих боях, да и то лишь на волоколамском направлении. Подходившие же с тыла войска опаздывали и вели, по существу, встречные бои непосредственно на укреплениях и в районах обороны Можайской линии¹.

Но и в этих крайне неблагоприятных для нас условиях Можайская линия сыграла исключительно важную роль. Она могла значительно замедлить темпы продвижения противника к Москве и нанести ему большой урон, позволила подтянуть новые резервные войска на подступы к столице, усилить его оборону.

Военные действия на путях к Москве после прорыва противником Можайской линии стали приобретать гигантский размах. Он определялся не только огромным количеством людских сил и военной техники, но и большой глубиной операций. Обе стороны несли тяжелые потери и непрерывно вводили в бой свежие резервы.

Пытаясь помешать подходу наших эшелонов с пополнением, боеприпасами, продовольствием, горючим, немецкая авиация непрерывно бомбила железнодорожные линии, ведущие к фронту. Но безуспешно. Наши железнодорожники мужественно, самоотверженно обеспечивали движение поездов, быстро исправляли нанесенные врагом повреждения. Важнейшие транспортные узлы прикрывала советская авиация, наносившая также мощные удары по противнику.

Фашисты, пока еще обладавшие превосходством сил в танках и авиации, продолжали продвигаться, всячески стремясь обходить наши укрепленные позиции.

Советские люди стояли насмерть. Их героическими действиями враг был остановлен к началу ноября на линии Осташков, озеро Селигер, Селижарово, Калинин, р. Лама, Волоколамск, Руза, р. Руза, Дорохово, Наро-Фоминск, р. Нара, Таруткино, р. Ока, Алексин, южная окраина Тулы, Ливны.

Но не приходилось сомневаться, что немецко-фашистские армии, перегруппировавшись, вновь попытаются ринуться на Москву. И столица готовилась к решающим боям.

Продолжались интенсивные работы по созданию внешнего пояса обороны на ее дальних подступах. Он проходил по линии Тарасовка, Хлебниково, Черкизово, Нахабино, Павловская Сло-

¹ См. Архив МО СССР, ф. 6314, оп. 11158, д. 88, лл. 76—100.

бода, р. Истра, Знаменское, Борки, Перхушково, Домодедово. Строилась также мощная фортификационная система на ближних подступах. Ее основная оборонительная полоса тянулась через Коровино, Химический городок, Никольское, Серебряный Бор, Кунцево, Воронцово, Котляково, Братцево. Вторая состояла из двух обводов: западного — Нижние Котлы, Черемушки, кирпичные заводы, Воробьево, Слобода Кутузовская, Шелешиха, Карамышево; восточного — Кожухово, Гравороново, слобода Дангаузэровская, Измайловский зверинец, Измайлово, Богородское, Владыкино, Верхние Лихоборы. Кроме того, для обороны самой столицы возводились укрепления по окраинам городских районов, а также вдоль Садового и Бульварного кольца¹.

Передний край каждой полосы проходил по берегам рек и водохранилищ, оврагам, лесным массивам, высотам и населенным пунктам, т. е. на такой местности, где естественные условия позволяли создать зону, недоступную для вражеских танков.

Работы велись исключительно быстрыми темпами. К 5 ноября только на создании внешнего оборонительного пояса трудилось свыше 110 тыс. жителей Москвы и Подмосковья. Они построили 1280 железобетонных и бронированных огневых точек (почти в четыре с лишним раза больше, чем на Можайской линии обороны) и около тысячи дерево-земляных (почти вдвое больше), 209 км проволочных заграждений, около 80 км эскарпов и контрэскарпов, свыше 56 км надолбов и лесных барьеров, 13 467 противотанковых ежей².

Новые рубежи отличались от предыдущих не только мощностью укреплений. Опыт боев под Ленинградом и на Можайской линии, добытый столь дорогой ценой, убедительно показал, что создание оборонительных полос без своевременной подготовки для них боеспособных гарнизонов не достигало цели. Поэтому одновременно со строительством мощной фортификационной системы ее оборона на дальних подступах к столице была возложена на войска Западного фронта, а на ближних — на сформированную и развернутую за короткое время новую, хорошо экипированную и снабженную всем необходимым 200-тысячную армию Московской зоны обороны.

Только на ближних подступах к Москве при 60-километровой протяженности переднего края обороны уже к середине октября несли боевую службу 47 батальонов. Кроме того, в последующем войска Московской зоны обороны пополнили вновь прибывшие 7 стрелковых и 1 кавалерийская дивизия, 27 стрелковых бригад, 7 артиллерийских полков. Тогда же было сформировано свыше 20 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов.

¹ Там же, лл. 103—105.

² Там же, лл. 105—198, 246—251.

Таким образом, противопоставленные врагу силы и средства на этот раз были неизмеримо большими и лучше подготовленными, чем, например, на Можайской линии.

Да и само предназначение фортификационной системы и оборонявших ее войск Западного фронта и Московской зоны обороны стало иным. Оно состояло в том, чтобы не только прочно прикрыть главные операционные направления под Москвой и активными действиями перед основной оборонительной полосой на дальних подступах к столице ослабить и окончательно обескровить ударные группировки войск противника, но и создать благоприятные условия для перехода наших армий в наступление, превратив с этой целью обороняемую зону в надежный плацдарм для сосредоточения глубоких оперативно-стратегических резервов.

И все эти исключительно важные и не менее сложные задачи были полностью выполнены.

Следовательно, теперь мы умели организовывать оборону лучше, чем в первые месяцы войны? Да, но вместе с тем она еще не отвечала всем требованиям современной вооруженной борьбы.

Продолжала существовать, например, принятая до войны у нас, как и на Западе, «очаговая» или «узловая» система инженерного оборудования позиций, хотя уже имелось немало доказательств превосходства траншейной. Последнюю успешно применили осенью 1941 г. под Москвой командиры двух дивизий 5-й армии. Были известны и другие подобные примеры, подтвердившие, что траншеи и сплошные ходы сообщения обеспечивали более надежную связь во всех звеньях обороны и позволяли во время боя лучше маневрировать силами и средствами.

Что касается укрепленных районов, то в них существовали наилучшие условия для заблаговременного создания эффективной системы обороны. Ведь они строились и оборудовались на угрожаемых направлениях задолго до начала боевых действий на данном участке. Значит, казалось бы, нужно лишь умело использовать время и средства.

Но почему же тогда в Можайском укрепленном районе, где мне довелось побывать, оборона все же строилась по «очаговому» принципу? Этого я не знал, хотя и раскритиковал ее в своей докладной записке командующему войсками округа, но, увы, мне предстояло очень скоро узнать это на практике — в 159-м укрепленном районе.

Поиски решения

На командном пункте в Высоковске меня встретили комиссар укрепрайона И. Н. Пемов, рослый, широкоплечий, в выцветшей, выдавшей виды пилотке, из-под которой выбивалась копна курчавых волос, и начальник штаба А. С. Дмитриев, о котором я еще в Москве слышал как об очень опытном офицере.

Знакомство с новыми боевыми друзьями всегда волнует и настраивает на торжественный лад. Но есть и другое свойство у таких встреч: они коротки и носят строго деловой характер. Это — печать суровых будней войны, заполнявших тогда всю жизнь и все помыслы каждого из нас. И еще одна особенность, относящаяся уже к офицеру, прибывшему в незнакомую воинскую часть, чтобы принять командование ею: хочется поскорее встретиться со всеми, с кем придется вместе воевать, и увидеть все, что составляет облик этой части, ее боеготовность.

Такое чувство испытывал и я в тот майский день 1942 г. Оно усиливалось желанием поскорее все увидеть, убедиться в том, чего мне втайне хотелось: чтобы в этом укрепрайоне дело обстояло лучше, чем в Можайском, где я недавно побывал. Ведь если там от меня требовалось лишь объективно оценить боеготовность, то здесь я отныне отвечал за нее.

После обмена приветствиями я сказал Пемову и Дмитриеву, что намерен уже сегодня начать «приемку» укрепрайона. И сразу же получил первое подтверждение своим опасениям.

Оказалось, что батальоны только-только сформировались и, по существу, лишь приступили к боевой подготовке, а оборонительные сооружения еще достраивались. Но я мысленно утешал себя: может, это и лучше, что приехал не на «готовенькое», — не на кого будет пенять за недостатки в боевой подготовке и в инженерных сооружениях.

И. Н. ПЕМОВ

Качество строительства укреплений, естественно, не могло не интересоваться меня. Тем более, что его недостатки уже вызвали к тому времени серьезные нарекания. Буквально за несколько дней до отъезда в Высоковск мне довелось услышать об этом в Кремле из уст М. И. Калинина. Закончив вручение орденов и медалей участникам обороны Москвы, Михаил Иванович обратился к нам, награжденным, с краткой речью. Он говорил о величии подвига советского народа, остановившего сильного и жестокого врага на подступах к столице и отбросившего его далеко на запад. С большой теплотой отозвался Михаил Иванович и о тех, кто в грозный час смертельной опасности опоясал Москву оборонительными рубежами. Но, говоря о военных строениях, он в то же время высказал в их адрес серьезный упрек.

— Награждать строителей за самоотверженный труд по созданию оборонительных рубежей, конечно, надо, — заявил он. — Но многих руководителей строительства никак нельзя похвалить. Плохая организация работ приводит к многократным переделкам окопов, блиндажей, противотанковых рвов, а это — огромный ущерб. Сколько зря потраченного труда, сколько потерянного времени...

Он имел в виду, к сожалению, довольно частые тогда случаи нарушения тактико-технических условий при строительстве линий обороны. Происходили они из-за того, что при невиданных масштабах такого строительства у нас остро не хватало спе-

специалистов. Руководить работами нередко поручали неопытным людям. В результате этого прибывавшим на новый рубеж войскам приходилось подчас заново переделывать инженерные сооружения.

Слушая М. И. Калинин, я подумал, что он говорит о недостатках в строительстве тех рубежей, которые создавались в первые месяцы войны, когда прежние представления об оборонительных сооружениях рухнули, а новые еще не сформировались. Но побывав в Можайском укрепрайоне, увидел, что это не так. Строители продолжали делать ошибки, порой совершенно недопустимые.

Более того, одной из главных причин многочисленных переделок оказалась техническая документация, утвержденная Управлением военного строительства. Планы, сметы, чертежи были трафаретными для всех укрепленных районов, а это резко уменьшало возможности искусного использования условий местности каждого из них в отдельности.

Вот почему я почти обрадовался, узнав, что строители еще не закончили работу на полосе 159-го укрепрайона, и решил немедленно установить с ними контакт, осмотреть инженерные сооружения и, если потребуется что-либо изменить, то сделать это совместными усилиями.

Но это оказалось совсем не простым делом. И не потому, что мои намерения были неосуществимы или никаких изменений

не требовалось. Нет, существовало другое обстоятельство, о котором я узнал только теперь. Как говорится, век живи — век учишь.

Началось с того, что к предполагаемому осмотру строившихся укреплений отнесся более чем скептически один из моих новых помощников — начальник инженерного отдела укрепрайона майор Ф. А. Антошкин. Он довольно вяло заметил:

— Стоит ли мешать строителям?

В ответ на мое приглашение он сел в машину, пожав плечами и всем своим видом показывая, что считает эту поездку бесполезной.

Осмотр укреплений дал неутешительные результаты. Огневые точки — основа опорных пунктов — в большинстве были одинаковыми и позволяли вести обстрел только впереди лежащей местности. Этот недостаток дополнялся слабостью или вообще отсутствием огневой связи между ними.

Совершенно не учитывая условий местности, строители воздвигли дерево-земляные и каменно-земляные сооружения в виде «грибов» такой высоты, что противник мог бы увидеть их на расстоянии двух-трех километров. Ходы сообщения не были ни закрыты, ни замаскированы и хорошо просматривались, особенно с воздуха.

Вот что, например, оказалось в 350-м пулеметно-артиллерийском батальоне.

Он занимал участок обороны вдоль южного берега Ивановского водохранилища и предместное укрепление на его северном берегу общей протяженностью по переднему краю до 20 км и имел на вооружении 16 орудий, 28 противотанковых ружей, 60 станковых и ручных пулеметов, 16 малокалиберных минометов. Построенные для него огневые точки в дерево-земляных и каменно-земляных казематах предназначались главным образом для пулеметов и противотанковых ружей. Орудия и минометы выкатывались на открытые площадки из блиндажей, служивших временным укрытием от артиллерии противника.

Казалось бы, все в порядке. Но беда заключалась в том, что при четырех—шестикилометровой глубине боевого участка казематы для пулеметного огня находились друг от друга на расстоянии от 200 до 1000 метров, а площадки для орудий и минометов еще дальше. Ни те, ни другие не имели между собой технической связи. Даже ходы сообщения строились так, что по ним можно было передвигаться лишь из каземата или блиндажа не более чем на 30—40 метров в ближайший тыл.

Свое недоумение по этому поводу я тут же высказал представителю Управления военного строительства. Но получил довольно резкий ответ:

— Наше дело строить, ваше — воевать. А качество строительства определит специальная приемочная комиссия,

Итак, майор Антошкин оказался прав: контакта не получилось. Сам же он не только отнесся к этому совершенно спокойно, но и уверял меня, что строители «по-своему правы».

По-иному реагировал начальник штаба укрепрайона А. С. Дмитриев. Неодобрительно поглядывая на плоды работы строителей, он говорил:

— Вот примем инженерные сооружения, тогда уж и переделаем их сами...

Как ни раздосадован я был таким оборотом дела и как ни стремился вместе с комиссаром хоть что-либо изменить в этом «порядке», все наши попытки неизменно оканчивались неудачей. Оставалось одно: последовать совету Дмитриева.

Но вот вскоре была получена очень важная для нас директива Генерального штаба от 3 июня 1942 г. В ней говорилось, что «рекогносцировки и строительство полевых оборонительных рубежей проводятся медленно и в ряде случаев плохого качества», что «передний край в процессе работы часто приходится переносить, так как выбор его делается совершенно безграмотно...» И, наконец, что имеется «много случаев плохого использования местности как при посадке сооружений, так и при создании противотанковых препятствий»¹.

В директиве были очень важные указания, но, как это ни удивительно, она не оказала заметного воздействия на тех, кто руководил строительством оборонительных сооружений нашего укрепленного района. Они были убеждены, что именно к ним эта директива не относится, так как они строят укрепления строго по утвержденным чертежам. И это, мол, подтвердит даже приемочная комиссия.

Неожиданно для строителей штаб Московского военного округа назначил председателем приемочной комиссии меня. Это было уже в августе, когда работы по созданию укреплений, наконец, закончились.

Тут уж избежать конфликта не удалось. Комиссия отказалась подписать заранее подготовленный Управлением военного строительства приемо-сдаточный акт и решила предварительно осмотреть оборонительные сооружения. В результате она составила другой акт, в котором подробно перечислялись недостатки произведенных работ. Но такой документ не устраивал строителей, и они не пожелали поставить под ним свои подписи.

Кончилось все это не менее оригинально: в штаб округа были посланы оба акта, каждый из которых подписала лишь одна сторона. Строители ушли, а батальоны укрепрайона, не дожидаясь конца тягбы, приступили к переделке оборонительных сооружений.

¹ См. Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 68, лл. 1—4.

Размышляя потом об этой истории, я, как мне кажется, понял, почему руководители строительства укреплений, несомненно, честные, хорошие люди (многих из них я близко знал и глубоко уважал), не считались подчас со справедливыми требованиями войск, которым предстояло оборонять новые рубежи.

Тут, на мой взгляд, сказывалась сила привычки, оставшейся от мирного времени, когда специализированные военно-строительные организации являлись полными хозяевами в этом деле. Они пользовались непререкаемым авторитетом в силу того, что в войсках у нас не было достаточного количества опытных специалистов по оборонительным сооружениям. Между тем после начала войны роли переменялись: войска, естественно, быстрее обретали опыт ведения боевых действий в новых условиях и предъявляли все более высокие требования к военным строителям, а те еще не полностью отрешились от устаревших представлений об обороне. Но поскольку никаких структурных изменений в организации строительства укреплений не произошло и хозяева у него были прежние, то и возникало явно ненормальное положение: новые рубежи создавались без должного учета опыта войны.

Такого же мнения придерживались Мемов и Дмитриев. Мы частенько говорили на эту тему и в конце концов пришли к выводу, что наилучший выход из создавшегося положения — передать все дело строительства войскам полевых укрепленных районов, придав им, разумеется, соответствующие силы и средства. Тогда мы еще не знали, что очень скоро так или почти так и будет, что и нам придется оборонять рубежи, построенные нами самими далеко отсюда.

В то лето многое свидетельствовало об ослаблении угрозы Москве. Отброшенные от нее на сотни километров вражеские армии не предпринимали попыток нового наступления, зато другая мощная группировка немецко-фашистских войск прорвала нашу оборону на юге. Ее танковые соединения вышли к Дону и стремились, форсировав его, двинуться дальше, к Волге.

Но тогда нам, конечно, не было известно, что противник, сбросив крупные силы в наступление на юге, оказался уже не в состоянии нанести серьезный удар на другом направлении. Являясь частицей тех значительных сил Красной Армии, которые были оставлены летом 1942 г. под Москвой, войска нашего укрепленного района продолжали усиливать боевые рубежи и готовились к отражению возможного нового наступления врага на советскую столицу.

159-й полевой укрепленный район находился на правом крыле мощной фортификационной системы, которая гигантской подковой огибала Москву на ее дальних подступах. Его соседом слева был 155-й (Волоколамский), а дальше к югу и юго-востоку тянулись рубежи 152-го (Можайского), 154-го (Малоярославецкого), 153-го (Калужского), 119-го, 160-го и 161-го укрепрайонов.

Трудно было бы сказать, какой из них являлся наиболее важным. Они представляли собой единую систему обороны, которая могла выполнить свою задачу лишь при условии, что врагу не удастся найти слабое место ни в одной из ее составных частей. И все же у каждого из них были свои особенности, которые непременно нужно было учесть.

В частности, 159-й укрепрайон имел две полосы обороны, начинавшиеся в районе Большой Волги. Передний край первой из них, основной, проходил по всему южному берегу Иваньковского водохранилища, затем по р. Ламе до Назарец; предместное укрепление было расположено в районе Редкино. Вторая полоса тянулась по р. Сестре к Высоковску, а там сворачивала к Троицкому, Дятлову, Городищу.

Таким образом, части укрепрайона в составе семи пулеметно-артиллерийских батальонов обороняли значительную часть именно того участка, на котором противнику во время его второго «генерального» наступления на Москву в ноябре 1941 г. удалось прорваться на ближние подступы к столице. Более того, здесь находилось одно из двух направлений главного удара группы армий «Центр», рассчитанного на окружение Москвы и уничтожение оборонявших ее войск. Причем, если наносившая тогда удар с юга 2-я танковая армия Гудериана была остановлена еще у Тулы и Каширы, то другой вражеской группировке, пытавшейся обойти Москву с севера, удалось продвинуться на ближние подступы к столице...

Что и говорить, участок нам достался нелегкий. Понимая это, мы и стремились сделать его неприступным.

С первого дня, знакомясь с батальонами, я обратил внимание на то, что они были сформированы из лиц в возрасте от 40 до 50 лет, уволенных ранее в запас. Что касается офицеров, то они имели за плечами годичную военную подготовку, полученную много лет назад, но предполагалось, что и этих познаний вполне достаточно для службы в укрепленных районах.

На самом же деле это было далеко не так.

Если собрать воедино все, что нам предсказывалось, как устно, так и письменно, то идея длительной и упорной позиционной обороны, положенная в основу создания полевых укрепленных районов, предусматривала превращение их в непроницаемый щит, под прикрытием которого полевые войска, как меч, наносят разящие удары по врагу. Соответственно этому сила укрепрайонов была в заблаговременно организованном, главным образом фланкирующем пулеметном и артиллерийском огне из долговременных сооружений и в искусном инженерном оборудовании местности. Особое значение придавалось способности гарнизонов опорных пунктов к круговой обороне, к четкому взаимодействию между собой и с полевыми войсками. Ко всему этому нужно добавлять готовность к контрудару и уничтожению противника,

вклинившегося в глубину обороны, к успешной борьбе с вражеской артиллерией, танками и авиацией.

Для осуществления такой идеи в узлах обороны и опорных пунктах на переднем крае и в глубине укрепленного района размещались постоянные гарнизоны, состоявшие из отдельных батальонов и рот, вооруженных противотанковыми орудиями и ручными, станковыми и ручными пулеметами, а также легкими минометами. Помимо них на территории укрепрайона должны были находиться стрелковые части и соединения, предназначенные для того, чтобы уплотнить боевые порядки постоянного гарнизона, выполнять задачи разведки и боевого обеспечения, производить контратаки и, маневрируя вдоль оборонительной полосы, деблокировать наши опорные пункты, если они подвергнутся опасности со стороны противника.

Таковы были общие принципы организации боя в условиях полевого укрепленного района. К сожалению, в то время они, как я уже говорил, не стали уставными положениями и представляли собой лишь сумму отдельных указаний и советов старших начальников плюс собственный опыт офицеров укрепрайонов. Поэтому многие из этих принципов далеко не везде осуществлялись на практике.

Об этом можно было судить по доходившим до нас известиям о боевых действиях, которые в то лето вели полевые укрепленные районы, входившие в состав наших войск на юге.

Там шли тяжелые бои, принимавшие все более опасный для нашей Родины характер. Неудачный исход сражений в районе Харькова, на Керченском полуострове, под Севастополем, а также оборонительных операций на воронежском направлении и в Донбассе ухудшил положение Красной Армии.

Кстати, уже в послевоенные годы Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в своей книге «Выстояв, мы победили» назвал одну из причин этих неудач, а именно численное превосходство в живой силе и технике противника, особенно в танках и самолетах. Действительно, мы тогда еще не достигли превосходства над противником в силах и средствах, и это серьезно сказывалось на ходе военных действий. На руку врагу было и отсутствие второго фронта в Европе, что позволило немецко-фашистскому командованию перебросить десятки дивизий из Франции, Бельгии, Голландии, усилить поддержку силами и средствами из стран-сателлитов.

Все это, бесспорно, первостепенные факторы, в результате которых врагу удалось вновь захватить инициативу в летне-осенней кампании 1942 г. Но здесь мне хотелось бы сказать еще об одной стороне дела, которая имеет прямое отношение к моему рассказу об укрепленных районах.

Известно, что в сентябре 1941 г. в приказе Верховного Главнокомандующего со всей серьезностью указывалось на недостатки

в организации обороны наших войск. В частности, отмечалось, что солдаты подчас не умели даже самоокапываться.

К лету 1942 г. положение в этом смысле, несомненно, улучшилось. Красная Армия стала неизмеримо сильнее, о чем убедительно говорили победы, одержанные ею зимой 1941/42 г. под Москвой, Калининном, Тулой, Ростовом-на-Дону, Керчью, Тихвином. Она закалилась в жестоких битвах, накопила опыт современной войны и стала силой, способной бить врага.

Однако и в этот период многие наши оборонительные рубежи все еще никак нельзя было назвать неприступными. Это показывают и архивные документы.

Так, один из них свидетельствует, что 40-минутная артиллерийская подготовка противника, начавшаяся в 10 часов 28 июня 1942 г., свела на нет всю систему обороны 40-й армии на воронежском направлении. Далее, воспользовавшись все той же слабостью обороны, фашисты ударом с воздуха при одновременном прорыве танков разрушили командный пункт этой армии и лишили ее управления. В результате штаб Брянского фронта в течение трех дней не имел о ней даже сведений¹.

Что касается полевых укрепленных районов, то и они оказались в исключительно тяжелом положении из-за серьезных недостатков в системе оборонительных сооружений и в результате слабого взаимодействия с полевыми войсками.

Весьма поучительна в этом отношении история боев шести батальонов 75-го полевого укрепленного района на Воронежском внешнем обводе, в тылу отходившей 40-й армии. В ходе упорнейшей битвы, которая длилась непрерывно четыре дня, они подбили 152 танка и уничтожили до полка мотопехоты противника. Однако им не удалось остановить натиск врага, и одной из причин тому явилось то, что все это время подразделения 75-го полевого укрепрайона сражались на плохо оборудованном рубеже и без поддержки войск.

Во-первых, Воронежский внешний обвод, о котором идет речь, был создан по так называемой очаговой системе и имел лишь стрелковые окопы и открытые пулеметные площадки, а также дерево-земляные огневые точки — по восемь—десять на батальон. К тому же его не успели достроить. Не полностью были готовы также противотанковые рвы и эскарпы.

Во-вторых, о выходе батальонов 75-го укрепрайона 30 июня на этот рубеж не было известно ни командованию армии, ни штабу Брянского фронта. Командовавший тогда Брянским фронтом генерал Ф. И. Голиков в разговоре по прямому проводу ска- зал об этом 2 июля заместителю начальника Генерального штаба

¹ Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 269, л. 176; д. 557, л. 284; ф. 395, оп. 9155; д. 98, лл. 2—63.

генералу Н. Ф. Ватутину. Он просил сообщить состав сил и средств 75-го укрепрайона, а также их предназначение¹.

И прошло еще немало времени, прежде чем части 17-го танкового корпуса установили взаимодействие, причем весьма кратковременное (на несколько часов), с батальонами укрепленного района, да и то лишь с двумя. Это произошло 4 июля, когда противник успел уже сосредоточить свои танковые, механизированные войска и пехоту с артиллерией перед фронтом укрепрайона.

Система «очаговой» обороны не оправдала себя и на подступах к Сталинграду. Здесь, между Доном и Волгой, подлинной преградой врагу оказались, по существу, только противотанковые рвы, общая протяженность которых достигала 1863 км. Созданные же на четырех сталинградских обводах отдельные окопы и огневые точки — бронебашни, корпуса танков, железобетонные колпаки, дерево-земляные и каменно-земляные сооружения не были соединены сплошными траншеями или ходами сообщения. Поэтому, будучи лишены непрерывной связи, систематического снабжения и поддержки, они превратились для оборонявших передний край обводов пулеметно-артиллерийских батальонов 54-го, 115-го, 118-го, 76-го и 77-го полевых укрепленных районов фактически в «ловушки».

Например, 157-й пулеметно-артиллерийский батальон 115-го полевого укрепленного района занимал плацдарм на западном берегу Дона. Прикрывая переправы, он отражал предпринимавшиеся с 27 июля неоднократные атаки вражеских танков и мотопехоты. Неравный бой за переправу у Калача носил крайне ожесточенный характер. Он продолжался вплоть до 9 августа, когда противнику удалось, наконец, вклиниться в обороняемый плацдарм.

Вслед за тем 157-й батальон был вновь атакован 150 танками и тремя батальонами мотопехоты. На этот раз отсутствие поддержки и плохое снабжение боеприпасами сказались еще острее. После тяжелого трехчасового боя батальон, понесший значительные потери, получил приказ командования об отходе и под прикрытием огня соседних 175-го и 158-го батальонов отошел на восточный берег Дона.

Система «очаговой» обороны крайне затруднила и для 77-го полевого укрепленного района маневрирование силами и снабжение боеприпасами. В результате его батальоны после многодневных героических боев с превосходящими силами противника вынуждены были отойти, понеся большие потери.

Это было в августовские дни, когда передовые части 4-й танковой армии противника, повернув с кавказского направления на Сталинград, атаковали его внешний обвод. Контрудары на-

¹ Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 557, л. 284.

ших войск вынудили врага 9 августа приостановить наступление. В частности, и пулеметно-артиллерийские батальоны 77-го укрепрайона стойко отражали натиск противника в районе Тингута.

Войсками 57-й и 64-й армий было отражено и наступление врага во второй половине августа. Однако для 77-го укрепрайона на этот раз сложились крайне неблагоприятные условия. 21 августа концентрированным ударом гитлеровцы прорвали фронт на одном из участков. Группа вражеских танков проникла в балку Каменную и в западную часть Тингутинского лесничества, а на следующий день вышла на тылы 77-го укрепрайона и, смяв их, прорвалась к железнодорожной станции Тингута.

Батальоны укрепленного района перестроились и повели бой с танками и мотопехотой противника перевернутым фронтом. Фашистские танки достигли рощи, где находился командный пункт укрепленного района, обстреляли его и боевые порядки батальонов, но не смогли сломить упорное сопротивление оборонявшихся.

Казалось, судьба укрепрайона была предрешена на следующее утро, когда 150 немецких танков с двумя полками пехоты прорвались на соседнем участке, который обороняло Винницкое пехотное училище. Кстати, им это удалось в значительной мере из-за того, что оборонявшиеся ввиду отсутствия траншей и ходов сообщения не имели возможности маневрировать наличными силами. Теперь противник, вклинившись в оборону 44-го и 4-го пулеметно-артиллерийских батальонов, атаковал их боевые порядки не только с фронта, но также с левого фланга и тыла.

Но и на этот раз получил отпор.

Величайшее мужество и отвагу проявили и огневые расчеты 171-го пулеметно-артиллерийского батальона, когда, расстреливая их почти в упор, на гребень занятой ими высоты поднялись с тыла до 40 немецких танков. Наши артиллеристы и бронебойщики подожгли четыре и подбили пять из них, остановив остальных и отрезав от них вражескую пехоту. И хотя по воинам батальона били с трех сторон тяжелые минометы, артиллерия и танки, все же атака противника вновь захлебнулась.

Но и батальоны 77-го укрепрайона были уже обескровлены. Смертью храбрых пали сотни солдат, а также начальник штаба подполковник Кучеренко, начальник артиллерии полковник Титов, начальник политотдела батальонный комиссар Дергачев, парторг и комсорг 171-го батальона, комсорг 44-го и много других. Среди тяжело раненных были старший политрук Сазонов, политрук Давыдов, батальонный комиссар Бехтерев и комендант укрепленного района Степанов.

Неравная схватка продолжалась 23 августа с 6 до 16 часов, после чего по приказу командования батальоны укрепленного района отошли на следующий обвод — в шести километрах северо-западнее ст. Тингута.

Четыре дня непрерывно шли бои у населенных пунктов Вертячий и Качалинская. Здесь три батальона 54-го укрепленного района под командованием полковника М. Т. Карначева стойко отражали упорные попытки противника переправиться через Дон. О соотношении сил дает представление уже тот факт, что против 228-го и 226-го пулеметно-артиллерийских батальонов действовали 389-я и 384-я немецкие пехотные дивизии, усиленные танками, тяжелой артиллерией и поддерживаемые авиацией. Лишь на пятые сутки, 19 августа, начали подходить для усиления обороны переправ части 98-й и 21-й стрелковых дивизий.

Надо сказать, что в составе полевых укрепленных районов не было подразделений противовоздушной обороны. Это позволяло вражеской авиации безнаказанно бомбить боевые порядки пулеметно-артиллерийских батальонов, на выбор подавлять их орудия.

Несмотря на то что 229-й батальон разбил огнем наведенную противником переправу, все же вражеским автоматчикам под прикрытием авиации удалось 21 августа переправиться на лодках и закрепиться на левом берегу Дона, в стыке между 54-м и 115-м полевыми укрепленными районами. Вскоре после этого они охватили левый фланг 228-го пулеметно-артиллерийского батальона 54-го укрепленного района, а переправившаяся севернее другая группа — правый.

К исходу дня батальон вел бои уже в окружении. Оказать ему помощь своими силами соседние части укрепленного района не могли, так как были скованы ожесточенными атаками противника. Высланный же в Вертячий 308-й стрелковый полк еще в пути подвергся сильным ударам немецкой авиации и понес большие потери. Даже те его подразделения, которые подошли к полю боя, долго не могли включиться в оборону, так как совершенно открытая местность оказалась под воздействием авиации противника, господствовавшей в воздухе, а сплошных траншей и ходов сообщения для подхода с тыла к переднему краю не было.

По тем же причинам существенной помощи укрепленному району не оказали и другие части, подходившие к полю боя.

25 августа гитлеровцы форсировали Дон и в районе Рубежный — в полосе 131-й стрелковой дивизии, после чего окружили соседний 175-й пулеметно-артиллерийский батальон 115-го укрепленного района, занимавший участок обороны у Калача. В образовавшийся прорыв на узком фронте противник двинул колонну танков и мотопехоты и при поддержке всех огневых средств двух танковых и одной моторпозированной дивизий занял Калач-Питомник и затем Кривомузгинскую. Другая его колонна вышла в тыл 227-го и 159-го пулеметно-артиллерийских батальонов того же укрепленного района, продолжавших оборонять переправы и участок по левому берегу Дона на линии Мостовский, Голубинский, Песковатка.

В результате десятидневных непрерывных боев батальоны вышли из окружения, потеряв 50—70% личного состава и вооружения, и по распоряжению штаба 62-й армии начали совместно с 112-й стрелковой дивизией и 20-й мотострелковой бригадой отходить на участки обороны следующего обвода.

Превосходство вражеской авиации и острая нехватка средств борьбы с ней были одним из серьезнейших препятствий, мешавших выполнению задач обороны. Фашистской авиации также благоприятствовали условия местности: в открытой степи, где жаркое лето начисто выжгло растительность, боевые порядки войск отчетливо проектировались с воздуха, и это позволяло самолетам врага держать их под непрерывными ударами¹.

Все это, как и далеко не совершенная в тактико-техническом отношении «очаговая» оборона, препятствовавшая взаимодействию с полевыми войсками, а также отсутствие транспорта для переброски тяжелой боевой техники, делавшее пулеметно-артиллерийские батальоны укрепленных районов малоподвижными, привело к тому, что они понесли большие потери и вышли на последний городской обвод — непосредственно к Сталинграду — большей частью отдельными группами.

Мы, находившиеся тогда под Москвой, конечно, знали не все подробности этих сражений, но с глубоким волнением следили за ходом грандиозной битвы на юге, преклоняясь перед мужеством и героизмом наших воинов, сражавшихся там против превосходящих сил противника. Как и многие в то время, мы настойчиво искали новых решений задач обороны. Офицеры горячо обсуждали этот вопрос между собой и внимательно прислушивались к замечаниям бывалых солдат, из которых многие участвовали еще в первых боях за Советскую власть, а некоторые воевали и в первую мировую войну. Великое дело — солдатская память. Она бережно хранит тысячи, казалось бы, мелочей, которые в целом составляют сокровищницу боевого опыта...

Вновь и вновь присматриваясь к инженерным сооружениям нашего укрепрайона, я все более отчетливо понимал, что они имеют многие из тех серьезных недостатков, которые так дорого обошлись защитникам Сталинграда.

Укрепления здесь строились по такой же «очаговой» системе. Огневые точки отстояли не только на 200—1000 метров одна от другой, но и не менее чем на 100 метров, а иногда на километр-полтора от командиров взводов. Ни траншей по фронту, ни ходов сообщения не было.

Такая изолированность подразделений и отдельных огневых расчетов лишь усиливала уязвимость позиций, не говоря уж о полном отсутствии возможностей для маневра силами. Наконец,

¹ Архив МО СССР, ф. 115 Ур, оп. 144091, д. 4, лл. 1—25; ф. 6314, оп. 11158, д. 209, лл. 1—11.

как в этих условиях должен был управлять огневыми точками командир взвода или роты? Ведь в случае осложнения боевой обстановки он тотчас же терял непосредственную связь с ними.

Глубоко тревожил и вопрос о взаимодействии с полевыми войсками. Противовоздушная оборона также была слабым местом укрепрайонов. И наконец, оставался нерешенным вопрос о боевом и тыловом обеспечении. Мы, например, не имели специального подразделения разведки и располагали лишь одним инженерным взводом при полном отсутствии саперов. Единственная рота связистов была не в состоянии обеспечить устойчивой проводной связью батальоны и роты, располагавшиеся на 80-километровом фронте. Еще хуже обстояло дело с тыловым обеспечением: нам даже по штатному расписанию не полагалось ни транспортных, ни медико-санитарных подразделений, ни ремонтных мастерских, ни складов.

Нет, мы далеко не смирились со всеми этими трудностями, но, к сожалению, многие из них не могли быть преодолены нашими собственными силами. Правда, личный состав укрепрайона, охваченный чувством высокой ответственности за доверенный ему участок обороны на дальних подступах к столице Родины, сделал немало. Мы приспособили, насколько это было возможно, инженерные сооружения к нашим потребностям, а боевую подготовку вели с учетом специфики предстоявших боев, несколько расширив с этой целью обычную программу обучения. Словом, делали все, что зависело от наших собственных усилий, с какими бы трудностями это ни было связано.

Конечно, мы смогли лишь отчасти улучшить инженерные сооружения, так как устранить главный их недостаток — «очаговую» систему — не удалось.

Правда, мы пытались это сделать. И даже получили на то согласие побывавшего у нас в укрепрайоне представителя Генерального штаба генерала П. П. Вечного.

— Попробуйте, — сказал он в ответ на мои настойчивые предложения. И добавил: — Если, конечно, вы уверены, что траншеи лучше отдельных окопов.

Но «пробовать» нам пришлось не здесь, под Москвой, а далеко отсюда, на другом рубеже.

Дело в том, что и генерал Вечный, прибывший во главе целой комиссии, и побывавший до него в укрепрайоне генерал Г. Г. Соколов из штаба округа, к нашему удивлению, интересовались главным образом степенью боевой подготовки личного состава. Будто сговорившись, они знакомились с одними и теми же тремя батальонами, причем Соколов объявил благодарность их личному составу, а комиссия генерала Вечного отметила общее удовлетворительное состояние боевой подготовки.

Вскоре все разъяснилось: проверка трех батальонов проводилась с целью определить их боеготовность для переброски на

другое направление. А в конце сентября я получил приказ подготовить эти батальоны, управление и штаб укрепрайона, а также роту связи к погрузке в железнодорожные вагоны.

Итак, служба под Москвой оказалась кратковременной.

Но она многое дала личному составу укрепрайона. Здесь батальоны не только овладели основными навыками боя в условиях укрепленной полосы, но и научились выбирать наилучшие позиции и приспособлять их к задачам обороны. Все мы, солдаты и офицеры, пришли сюда в той или иной степени неподготовленными, теперь же приобрели некоторый опыт, и с ним уже можно было идти навстречу предстоявшим нам боям.

В стенах под Сталинградом

Куда нас направляют? На Западный, Калининский или Воронежский фронт, где наши войска активными действиями сковывают резервы противника, препятствуя их переброске под Сталинград? Или, быть может, к самому Сталинграду, чтобы пополнить ряды его защитников?.. Этого нам пока не говорили, но и так было ясно: туда, где шли бои.

Заключена погрузка в эшелоны. Один за другим по Московской окружной дороге они выведены на ст. Угрешскую.

Здесь мне вручили приказ, согласно которому 159-й полевой укрепленный район в том составе, о котором я говорил выше, передается в распоряжение командования Донского фронта. Мы должны прибыть на ст. Иловлинскую под Сталинградом.

И вот уже мы подвигаемся к Волге.

По сторонам пути нескончаемая ширь родной земли: леса, луга, поля... Постепенно пейзаж меняется. Все реже мелькают лесные дубравы, все шире поля. А вот и степь, привольная, бескрайняя. Она раскинулась на многие сотни километров. И казалось, нет ей конца.

В головном эшелоне — штаб укрепрайона, рота связи, боевое прикрытие.

Вечерет. В вагоне тихо. В руках у Пемова письмо. Старое, слегка помятое. Я уже не раз видел, как он перечитывает этот листок и, вздохнув украдкой, прячет обратно в карман. Устремив взгляд в потолок и чему-то улыбаясь, лежит на топчане Николай Николаевич Калинин, начальник политотдела укрепрайона. Начальник связи Михаил Александрович Щербаков пристроился возле телефона...

Тишина навевает раздумье. О дорогих, близких. О прожитом дне. О завтрашнем.

Где-то впереди раздается глухой взрыв. И почти одновременно жужжит телефон. Дозор с паровоза докладывает;

— Пути нет.

Поезд заметно сбавляет ход. Стоим у открытой двери. В ясном октябрьском небе — силуэт самолета.

— «Костыль»! — раздается сразу несколько голосов.

Нет, это не разведчик. Фашистский стервятник оказался пикирующим бомбардировщиком «Ю-87». А вот и второй.

— Воздух!

— Воздух! — дублирует линия связи.

Начальник штаба Дмитриев проверяет готовность противоздушного прикрытия, состоящего из пулеметов, установленных на крышах вагонов, а также из противотанковых пушек, приспособленных для стрельбы по воздушным целям. Сейчас они грозно развернуты навстречу пикирующим самолетам. Огонь! Лазурь неба прорезают струи трассирующих бронебойно-зажигательных пуль. Фашистские летчики вынуждены повернуть в сторону от нашего эшелона.

Это была наша первая встреча с фронтом.

В ночь на 3 октября, часа за два до рассвета, головной эшелон остановился в четырех километрах от ст. Иловлинская. За ним — остальные, на расстоянии в два километра один от другого. Приехали!

Фронт, как говорится, рукой подать. Поэтому нужно затемно не только выгрузиться, но и рассредоточиться, а если успеем, то и замаскироваться. Иначе враг обнаружит прибытие новых сил и обрушит на нас удар с воздуха.

Не теряя времени, батальоны принялись за дело. Каждый боец занял заранее определенное для него место. Разгрузка была закончена быстро и без суеты. Опустевшие эшелоны сразу же ушли, а личный состав батальонов разместился в наскоро приспособленных укрытиях.

И когда с рассветом появились вражеские самолеты, они даже не покружили над нами. Видимо, степь казалась такой же безлюдной, как и вчера.

А мы напряженно вглядывались в полыхавшее впереди злое пламя пожарниц. Это горел Сталинград. Там, мы знали, ни днем ни ночью не умолкал грохот грандиозного сражения. И еще мы знали, что отныне судьба Сталинграда стала и нашей судьбой...

Еще 1 сентября в приказе по войскам Сталинградского фронта говорилось: «В течение месяца идет ожесточенная борьба за город Сталинград. Немцы потеряли сотни танков и самолетов. Через горы трупов своих солдат и офицеров озверелые гитлеровские банды рвутся к Сталинграду, к Волге...» А теперь был октябрь, и бои уже шли в самом городе.

После сильных артиллерийских и авиационных ударов противнику удалось ценой огромных потерь выйти в район Тунду-

това, а затем овладеть южной частью Сталинграда и продвигаться к вокзалу. Бой становился все ожесточеннее.

Защитники Сталинграда поклялись: «Перед лицом наших отцов, поседевших бойцов Царицынской обороны, перед полками товарищей других фронтов, перед нашими боевыми знаменами, перед Советской страной мы клянемся, что не посрамим славы русского оружия, будем биться до последней возможности. Клянемся повторить подвиг защитников Царицына, у стен Сталинграда положить начало окончательному разгрому гитлеровского нашествия на русскую землю».

На атаки врага советские войска отвечали контратаками, нанося по фашистам удары и стойко удерживая занимаемые рубежи.

Борьбу на дальних подступах к Сталинграду начала 6-я немецкая армия. Встретив упорнейшее сопротивление, гитлеровское командование принуждено было направить сюда и 4-ю танковую армию. Оно стремилось во что бы то ни стало сбросить наши войска в Волгу, овладеть городом и весной будущего года использовать его в качестве исходного рубежа для нового удара. Страшась наступающей зимы, фашисты, плохо подготовленные к зимней кампании, дрались с особой яростью и ожесточением. Но и две армии оказались не в состоянии овладеть городом.

Сорвать планы гитлеровцев, не отдать им Сталинград — этой мыслью жила тогда вся наша страна. С севера и востока спешили сюда новые полки и дивизии, чтобы не только отстоять город на Волге, но и окружить вражеские армии, а затем и ликвидировать всю сталинградскую группировку фашистских войск.

Прибыв под Сталинград, мы, конечно, еще не знали об этом плане нашего командования. Нам было известно лишь то, что угроза захвата Сталинграда все еще была вполне реальной, и если бы это случилось, то следующий свой удар враг мог направить вверх по Волге в тыл московскому стратегическому плацдарму.

Разумеется, и эта опасность учитывалась нашим командованием, когда оно решило создать оборонительные рубежи в междуречье Дона и Волги. Однако предназначались они не только для отражения возможных попыток противника наступать в этом направлении, но и с целью помешать ему вырваться из окружения после того, как оно будет завершено нашими войсками.

И в том, и в другом отношении важная роль отводилась главному рубежу, получившему наименование «А». Он должен был своим правым флангом упираться в берег Дона в районе села Кузнецова, а левым — в волжский берег южнее городка Дубовки. Этой оборонительной линии предстояло стать первой мощной преградой для немецко-фашистских войск в случае, если бы им удался прорыв к северу от Сталинграда в полосе 24-й и только что сформированной 66-й армии Донского фронта.

Рубеж «А», существовавший пока что только в планах, и предназначался для нашего полевого укрепленного района. Об этом сообщил встретивший нас на ст. Иловлинская офицер связи. Он передал приказ командования Донского фронта: выйти предстоящей ночью в район будущего оборонительного рубежа, командный пункт укрепрайона оборудовать в усадьбе совхоза в Бойких Двориках.

От ст. Иловлинская до правого фланга оборонительного рубежа — 35 км, до левого — 110. А средств передвижения — никаких. Так сразу же начали давать себя знать организационные недостатки штатного расписания укрепрайона.

Но как бы то ни было, а боевую задачу надо выполнить. Немедленно начинаем готовить батальоны к ночному маршу. Офицеры штаба садятся за карту, чтобы «провесить» маршрут до пунктов назначения.

...Ночь выдалась темная и непогожая, настоящая осенняя. По голой степи гулял холодный ветер. В темноте была едва различима дорога, неширокая, вся в выбоинах. По ней трудно идти и налегке. А на плечах у бойцов тяжелое пехотное вооружение, боеприпасы. Да еще нужно помогать лошадям тянуть артиллерию...

Но вот, наконец, Бойкие Дворики. Раньше здесь был командный пункт резерва Донского фронта — двух стрелковых дивизий. Но теперь они выдвинулись в боевую линию, ближе к Сталинграду, оставив один полк до прибытия наших частей.

Вместе с ним нас дождался заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Д. И. Рябышев. Он прежде всего ознакомил меня с задачами на ближайшее время, а затем принялся насаждать в батальонах, как он говорил, противовоздушную дисциплину. Этому генерал посвятил все три дня, которые он оставался в Бойких Двориках. Солдата или офицера, неосмотрительно шагавшего по поселку, он собственноручно заталкивал куда-либо в укрытие.

Забота генерала была небезосновательной: нам, действительно, грозила опасность воздушного нападения. Тем более, что недалеко от Бойких Двориков в какой-то пади располагались два авиаполка «Ю-2», пилотируемых нашими отважными летчицами. Вечерами или в предутренние часы они совершали очень удачные налеты на передний край и тылы противника, оказывая существенную помощь нашим наземным войскам.

Обозленные частыми визитами «кукурузников», как прозвали эти самолеты, гитлеровцы усердно искали место их расположения. Вот почему немецкие самолеты-разведчики часто появлялись и над Бойкими Двориками, что, естественно, потребовало от нас мер предосторожности.

Мы прибыли под Сталинград в пору самых кровопролитных сражений.

Гитлер приказал своим войскам во что бы то ни стало овладеть городом не позднее 14 октября. И фашистские генералы во всю старались. Они подтянули к Сталинграду еще три свежие дивизии. Усилили удары с воздуха. Но и это не помогло им преодолеть сопротивление героических защитников волжской твердыни.

Особенно тяжелые бои развернулись в районах заводов «Баррикады», «Красный Октябрь» и тракторного. Не прекращались ожесточенные схватки внутри города и вдоль узкой полосы по берегу Волги шириною от полутора до четырех и длиною до 60 километров. Она тянулась от Сухой Мечетки на севере, где мужественно оборонялась группа войск полковника Горохова, и до Красноармейска на юге.

От генерала Рябышева я узнал и о действиях сталинградской оперативной группы полевых укрепленных районов. Такие рассказы, видимо, тоже входили в программу старого генерала по воспитанию вновь прибывших. И, действительно, все, что он говорил об этом, вызывало глубокое волнение.

Поистине беспримерным был подвиг защитников Сталинграда и в их числе воинов полевых укрепленных районов. Без преувеличения можно сказать, что на их долю нередко выпадала одна из самых трудных задач: первыми встречать врага на рубежах обороны и последними уходить с них, прикрывая отход полевых войск. В этих тяжких боях пали смертью героев тысячи солдат и офицеров пулеметно-артиллерийских батальонов. Но и врагу они нанесли огромные потери, заставляя его дорого платить за каждую пядь нашей земли.

... После того, как противник прорвал обвод «О», отходившие с боями пулеметно-артиллерийские батальоны 115-го полевого укрепленного района заняли оборону на следующем рубеже. Эта линия, именовавшаяся «кольцом», или сокращенно «К», проходила по линии Пичуга—Котлубань—Малая Россошка—Карповка, далее по реке Червленной до Тундутово и оттуда до Красноармейска.

Батальоны занимали участки на новом рубеже не одновременно, а по мере выхода из упомянутых выше боев. Некоторые не успевали закрепиться до подхода противника, а другие вообще не достигали отведенного им участка обороны.

Так, участок от Котлубани до Малой Россошки должны были занять 160-й и 174-й батальоны. Но своего транспорта они не имели, а выделенный штабом фронта не прибыл вовремя. Начав пеший марш, батальоны были в пути атакованы танками противника и рассеяны.

После этого остатки 174-го артпульбата присоединились к 157-му, который к 30 августа вышел на рубеж вдоль восточного берега реки Червленной. Второй эшелон обороны на этом же направлении составлял 160-й артпульбат, занявший круговую оборону в районе балки Яблонево и ст. Басаргино.

Тем временем танки и мотопехота противника, устремившиеся на участок обвода «К» от Котлубани до Малой Россошки, так и оставшийся необороняемым, быстро перекатились через него и еще 23 августа прорвались к Волге в районе Ерзовки (севернее Сталинграда).

Ожнее, в районе Наримана, около ста вражеских танков атаковали 30 августа 176-й артпулбат, который только что прибыл на этот участок обороны и еще не успел закрепиться. Захватив Нариман и выйдя на тылы четырех других пулеметно-артиллерийских батальонов — 157-го, 175-го, 178-го и 61-го, они продвинулись до ст. Басаргино. Встретив здесь упорное сопротивление 160-го артпулбата и понеся потери, противник начал обходить эту станцию с востока, с тем чтобы прорваться к северу и соединиться с другой группировкой, которая в это время вела бой в районе разьеда Конный, уже у переднего края следующего Сталинградского обвода «С».

К исходу 1 сентября пулеметно-артиллерийским батальонам на обводе «К» угрожало полное окружение. Поэтому им было приказано отходить на рубеж «С»¹...

На следующий день после нашего прибытия в Бойкие Дворики мы получили крупное пополнение из других подмосковных укрепрайонов. Теперь у нас было тринадцать батальонов: девять пулеметно-артиллерийских, два — противотанковых ружей и два — саперных. Всего личный состав соединения насчитывал свыше десяти тысяч солдат и офицеров. Это была немалая сила, особенно если учесть сравнительно большое для того времени сосредоточение боевой техники в батальонах. Очень важным явилось для нас и прибытие саперов. Ведь рубежа еще не было, его предстояло построить. И то обстоятельство, что в работах будут участвовать два саперных батальона, было хорошим предзнаменованием.

Наша ближайшая задача состояла в том, чтобы немедленно приступить к созданию укрепленной линии. Нельзя было откладывать и постройку землянок для жилья, медпунктов, бань, прачечных и для различных хозяйственных нужд, так как ничего этого здесь не оказалось. После дальней дороги людям даже негде было помыться.

Итак, мы превраоцались в строителей. До сих пор батальоны укрепленных районов только «принимали» заранее подготовленные рубежи, оборудованные всем необходимым вплоть до пулеметных столов в огневых точках и приспособлений на площадках для орудий. Теперь же нам предстояло сделать это самим.

¹ Архив МО СССР, ф. 115 Ур, оп. 144091, д. 4, лл. 1—25.

Было чему радоваться: начинала сбываться мечта о создании оборонительной полосы собственными силами.

Но, признаюсь, вынашивая эту идею, я не думал, что осуществлять ее придется в безлюдной степи, где вокруг — ни населенного пункта, ни деревца, местами даже воды не найдешь. Под руками нет нужных материалов и оборудования, а до ближайших войсковых складов — сотни километров по бездорожью.

Невольно вспоминалось Подмоскowie, густонаселенное, с развитой сетью железнодорожных и автомобильных магистралей. Даже наше подмосковное снабжение, которое мы, будучи там, не уставали ругать, теперь казалось очень хорошим, прекрасно налаженным.

А здесь? С первого дня возникли «проблемы». Для бань нужны котлы, и нам даже предложили наряд на их получение... на ст. Балашово. 400 километров туда и столько же обратно. А транспорта нет. Пришлось отказаться от наряда и вместо котлов использовать железные бочки из-под бензина, которые нам посчастливилось найти в Бойких Двориках. Печи сделали сами. Но ведь их нужно чем-то топить. А топливо можно найти только на флангах занятой нами полосы — по берегам Дона и Волги. Опять дело упирается в отсутствие транспорта. На первый случай вчистую подобрали сухую траву в степи, нашли несколько охапок соломы. Но это не меняло положения.

Особенно тревожила неопределенность в отношении продовольственного снабжения. Кто будет доставлять продукты питания и, главное, на чем? По предложению Пемова решили поехать в Военный совет фронта и в управление тыла, просить помощи. Но предварительно пошли — я, Пемов, Дмитриев, Калинин, мой заместитель по тылу Никитин — к генералу Рыбшину.

Узнав, зачем мы пришли, он замахал на нас руками:

— Ничего не знаю, никакими материальными ценностями не распоряжаюсь... У меня вон только адъютант, да газик с шофером. Их, что ли, хотите забрать?

Генерал уже было хотел нас выпроводить, но вдруг вспомнил:

— Вот что, полковник, — сказал он, обращаясь ко мне, — завтра поедете со мной представляться командующему фронтом Константину Константиновичу Рокоссовскому. Ему и доложите о своих нуждах. Он человек заботливый, авось что-нибудь устроит...

Возвратившись к себе и коротко посоветовавшись, начали действовать. Пемов с Никитиным поехали в управление тыла, я вместе с Дмитриевым и Калининным начал готовить доклад командующему фронтом.

Генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский принял меня в блиндаже на своем командном пункте. Внимательно выслушав доклад о составе войск укрепленного района и их боевой подготовке,

он затем расспросил меня о прежней службе. Все это настолько приободрило меня, что я подумал: а не попытаться ли получить его согласие на возведение оборонительного рубежа «А» по траншейной системе? Это разрешение имело бы для нас важное значение, так как без него отдел укрепленных районов управления фронта вряд ли позволил бы нам «своевольничать».

И командующий дал согласие. Он также обещал оказать содействие в материальном обеспечении войск укрепленного района. Но предупредил, что в этом деле предстоит немалые трудности.

— Приволжский плацдарм, — сказал он, — неожиданно оказался театром военных действий. Ну кто, скажите, предполагал, что война придет и сюда, за тысячи километров от границы. А вот пришла, и приходится воевать. Пусть это голая, необжитая степь, но она наша, и мы ее не отдадим. Ну, а условия... Что ж, и это понятно: переживаем второй за полтора года войны величайший кризис. Первый был под Москвой, второй — здесь. Напряжение сил огромное, а это не может не рождать трудностей. — И прощаясь, добавил: — Смелее действуйте, как подсказывает вам опыт, полковник.

Помощь нам, действительно, была оказана. Начальник тыла генерал И. Г. Советников прикрепил наше соединение на все виды довольствия к ближайшей в территориальном отношении 4-й танковой армии. А так как у нас не было транспорта, то армейское управление снабжения выделило свои собственные части для доставки всего необходимого не только из глубинных баз, расположенных в районе Камышина и еще дальше, но и непосредственно в подразделения.

Однако и это не обеспечило регулярный подвоз продовольствия. Положение стало еще хуже после того, как 4-я танковая армия вскоре свернулась и ушла, а нас «перекрепили» к управлению снабжения 24-й армии. Батальонам и ротам не только не удавалось создать необходимый запас, но и нередко опоздания с доставкой продуктов приводили к перебоям в приготовлении пищи и к сокращению рационов.

Посоветовавшись, решили на свой страх и риск создать нештатную роту подвоза. Использовали повозки и лошадей из имущества взводов боепитания, хозяйственных отделений, имевшиеся в каждом батальоне. Добавили к ним коней, временно изъятых из артиллерийских подразделений, и повозки, переданные нам жителями Дубовки и Кузнецова. Получился вполне солидный обоз. Он оказался в состоянии снабжать батальоны и роты в пределах 70-километровой полосы, а иногда подвозил грузы даже из глубинных баз.

Хозяйственные дела приходилось сочетать со всеми остальными. А их было немало. И прежде всего нужно было торопиться с подготовкой рубежа.

Строить, строить, строить...

Мы должны были своими силами построить 190 площадок для противотанковых орудий, столько же минометных, 760 пулеметных, 480 — для противотанковых ружей, свыше 260 командных наблюдательных пунктов батальонов, рот, взводов. И рядом с ними — укрытия и блиндажи для огневых расчетов. Наконец, мы сами напросились связать все эти точки сплошными траншеями по фронту и ходами сообщения в глубину.

Создание траншей значительно увеличивало объем работ. И тем не менее эта идея встретила полную поддержку среди солдат и офицеров.

Всем им уже пришлось служить в подмосковных укрепленных районах, и существовавшая там «очаговая» система не вызвала у них одобрения. Кроме того, траншея была знакома многим пожилым воинам еще со времен первой мировой и гражданской войн. И они не забыли, что тогда она сослужила солдату хорошую службу: рождала чувство локтя, боевого товарищества, уверенности в том, что и боеприпасы, и обед будут доставлены вовремя. В траншее, которую из конца в конец облетала крепкая солдатская шутка, где добрую весть сразу узнавали все, не было места унынию, упадку боевого духа.

Бывалые солдаты объясняли молодым бойцам и преимущества траншеи в бою, особенно в такой открытой местности, как та, где мы строили рубеж: во-первых, можно не только вести настильный огонь из одной, строго ограниченной точки, но и маневрировать, перемещаться; во-вторых, удобство пользования оружием совмещается с наиболее надежным укрытием от огня противника. Офицеры видели в траншейной системе возможность непосредственной связи, скрытого маневра вдоль переднего края, незаметного накопления сил и средств на избранном участке.

Словом, строительством траншей были довольны все... кроме майора Антошкина. Начальник инженерной службы укрепрайона по-прежнему считал, что надо во всем положиться на военных строителей, которые-де вот-вот придут и сами произведут необходимые работы. Он также заявил, что создание траншей является нарушением указаний отдела укрепленных районов Генерального штаба. Наконец, он был уверен, что Управление военного строительства забракует начатые нами работы.

Высказав все это, Антошкин поехал жаловаться начальнику отдела укрепленных районов штаба Донского фронта полковнику Иконникову. Тот вполне согласился с ним, но помешать нам не решился, так как знал о разрешении командующего.

Строители, действительно, должны были прибыть сюда, и нам предстояло лишь начать возведение рубежа собственными силами, чтобы уже в октябре быть готовыми к отражению возможного удара противника. Но суть проблемы состояла в том, чтобы создаваемая оборонительная линия лучше соответствовала

нашей боевой задаче, чем те, которые строились по типовым чертежам и уже не раз показали свое несовершенство.

А как этого добиться? Печальный опыт подсказывал, что на договоренность со строителями нельзя надеяться, что они могут с нами не посчитаться.

Оставалось одно: вести первоначальные работы таким образом, чтобы предопределить и весь их дальнейший ход. Так мы и решили. Эта маленькая «военная хитрость» позволяла нам самим выбрать передний край, проложить траншеи — благо, разрешение уже было получено — и подготовить хотя бы открытые площадки для огневых точек, с тем чтобы строители потом именно на этих, уже намеченных местах возвели оборонительные сооружения.

Рекогносцировка переднего края показала, что строить оборону нужно главным образом на применении сплошного, многослойного и перекрестного огня — противотанкового и противопехотного. В условиях открытой степи это могло дать нам большие преимущества. Приняв такой вариант, мы договорились на совещании командиров и политработников также о том, что площадки для орудий, минометов, пулеметов и противотанковых ружей должны представлять собой составную часть траншеи, которая таким образом свяжет их для начала хотя бы в ротном звене.

И строительство началось.

Сначала оно шло довольно медленно: сказывалась непривычка многих солдат к земляным работам, да и грунт попался тяжелый. Все же в некоторых частях и подразделениях работа сразу пошла успешно, а это оказало положительное воздействие на всех.

Бойцы начали соревнование за высокую производительность труда. Инициатива в этом принадлежала коммунистам и комсомольцам. Очень полезную роль сыграло специальное совещание командиров и политработников всего укрепленного района, на котором представители батальонов, хорошо зарекомендовавших себя на строительстве рубежа, подробно рассказали о своем опыте. Затем в ротах этот вопрос обсудили на партийных и комсомольских собраниях.

К отстающим подразделениям прикрепили опытных специалистов из саперных батальонов. Чтобы компенсировать нехватку инструмента, организовали работы посменно, днем и ночью. И результаты превзошли наши ожидания: все батальоны стали превышать задания на строительстве почти вдвое.

Бойцы спешили. Они прекрасно понимали, как много значил их тяжелый труд: фронт был рядом.

Там был враг, который в эти дни еще упорнее рвался вперед. На рассвете 14 октября после сильной авиационной и артиллерийской подготовки 150 танков противника, сопровождаемые пехотой, атаковали тракторный завод. После восьмичасового кровопролитного сражения немецкое командование вынуждено было

вести в бой еще пять дивизий, поддерживаемых крупными силами авиации. Овладев тракторным, фашисты вышли в этом районе к Волге. Вскоре они захватили Рынок, Спартакровку и с трех сторон окружили группу полковника С. Ф. Горохова в северной части города.

Фронт приближался. От нас его отделяли теперь 15—20 километров. Теперь уже и мы стали объектом внимания противника. Пришлось усилить боевое обеспечение — разведку, противотанковую и противовоздушную оборону.

Вражеские самолеты ни днем, ни ночью не оставляли нас в покое. Они гонялись даже за одиночными бойцами.

Послали однажды в штаб фронта казначей техника-интенданта II ранга А. И. Матюкова. Прошло несколько дней, а его все нет. Наконец, начальник финансового отдела В. Ф. Маслов доложил, что казначей в управление фронта не являлся. В общем, пропал без вести.

Это показалось мне странным. Матюков был хорошим, дисциплинированным офицером. Да и выехал он не один — с ним были два сопровождающих солдата на повозке. Куда же все они девались?

Об их участи мы вскоре узнали. В степи нашли перевернутую повозку, а рядом с ней — трупы двух солдат и Матюкова. Видимо, фашистский самолет настиг их в открытой степи и расстрелял и людей, и лошадей.

Фашистские летчики вели себя нагло, и многие из них поплатились за это. Наши бойцы не раз сбивали их. Сержант И. Ф. Бражников, например, вышел победителем из единоборства с «Ме-109».

Это произошло так.

Отстояв в дозоре, Бражников степью возвращался в роту. Появившийся вражеский самолет погнался за ним. Сержант не растерялся, лег на спину, изготовил винтовку по всем правилам стрельбы по воздушному противнику и открыл огонь. Пуля перебила трассу управления самолета, и летчику пришлось приземлиться. Пытался убежать. Бражников — за ним. Метким выстрелом ранил фашиста и взял его в плен¹.

Сержант Бражников был награжден орденом Отечественной войны. Его примеру старались подражать все бойцы. Это помогло многим из них отделаться от «воздухобоязни». Борьба с самолетами врага становилась все более успешной.

День 20 октября был радостным для всего личного состава укрепрайона: мы досрочно закончили оборудование рубежа, и батальоны смогли занять созданные ими самими позиции.

В те дни у нас в укрепрайоне произошли перемены. В связи с упразднением института военных комиссаров уехал Пемов. Это

¹ См.: «Правда», 15.XII 1942.

было первое прощание с боевым другом. За долгие месяцы совместной службы в укрепрайоне мы с ним очень сблизились, научились хорошо понимать друг друга, вместе решать трудные задачи. Нелегко было расставаться, да пришлось.

Вместо него на должность заместителя по политчасти прибыл бригадный комиссар И. С. Ткаченко, бывший член Военного совета 41-й армии. Но у нас он находился недолго. После его отъезда заместителем по политчасти временно стал начальник политотдела Н. Н. Калинин, замечательный человек, весь отдающийся работе. Теперь мы виделись чаще, вместе обдумывали все, чем жил укрепрайон, делили и невзгоды, и радости.

Одним из предметов наших огорчений было предстоявшее прибытие строителей, в необходимости которого мы все больше сомневались.

Дело в том, что обстановка на фронте к этому времени изменилась коренным образом. С переднего края к нам начали поступать первые хорошие вести. Наступление врага было везде остановлено. Героической, беспримерной обороной и мощными ответными ударами наши войска сумели надломить силы немецко-фашистских армий, вынудив противника отказаться от дальнейшего наступления и перейти к обороне. А наши силы тем временем росли не по дням, а по часам. В район Сталинграда непрерывно подтягивались свежие резервы Красной Армии.

В тот день, когда мы закончили строительство рубежа, через него проследовали к фронту три новые дивизии, а еще три начали сосредотачиваться на правом фланге нашей полосы — у Дона. Над укрепрайоном одна за другой пролетали эскадрильи советских бомбардировщиков под охраной истребителей. Они шли откуда-то с севера — тоже к Сталинграду.

Чувствовалось, что назревают большие события. И смысл их становился все более ясным: условия благоприятствовали подготовке контрнаступления советских войск, и оно, несомненно, должно было вскоре начаться.

Все это были лишь предположения, ничего определенного о планах нашего командования мы не знали и не могли знать. Но все более радостные известия шли с фронта, и все чаще думалось: построенный нами рубеж не придется оборонять. Ведь теперь уже не наши, а немецко-фашистские войска вынуждены закапываться в землю.

Стоило ли при таких условиях возводить здесь, между Доном и Волгой, еще и долговременные оборонительные сооружения? И все же строители прибыли, и работы возобновились. Поскольку это делалось по приказу сверху, нам оставалось лишь усомниться в своих предположениях, что мы и сделали с глубоким сожалением, и принять активное участие в дальнейшем строительстве.

По новому проекту перед передним краем нужно было продолжить между Доном и Волгой сплошной противотанковый ров

и подземную проводную связь, возвести долговременные оборонительные сооружения и укрытия.

Хотя строительством теперь руководил начальник отдела укрепленных районов фронта полковник Икошников, который был убежденным противником траншей, однако нам повезло. В результате еще одной рекогносцировки оказалось, что передний край выбран нами удачно, а потому и трасса нового рубежа была проложена здесь же, только немного впереди уже построенного. Благодаря этому возникли две укрепленные полосы, отлично дополнявшие одна другую.

Новые огневые сооружения, строившиеся, разумеется, по системе «очаговой» обороны, приобрели, однако, совершенно иной характер, так как строители по нашему настоянию как бы вписали их в траншею, связав к тому же сплошными ходами сообщений. К нашему удовольствию, при этом даже не возникали конфликты с отделом укрепленных районов фронта: помогало все то же разрешение командующего.

Строительство, в котором значительная часть работ опять легла на плечи воинов укрепрайона, продолжалось весь ноябрь. Если прибавить то, что было сделано нами в октябре, то общий объем только вынудой земли равнялся 228 тыс. кубометров. А грунт был уже подмерзший, с трудом поддававшийся лопате. Солдаты, в большинстве пожилые, все тяжелее переносили большую физическую нагрузку, тем более что питание было попрежнему недостаточным.

Управление снабжения отдавало одно за другим строгие распоряжения об улучшении довольствия укрепрайона, но и это не помогало, так как нас то и дело «перекрепляли» — после 4-й танковой к 24-й армии, к 1-й гвардейской, 66-й... Регулярному подвозу мешало и плохое состояние дорог. В ноябре непогода сделала их вообще непроезжими. Даже тракторы застревали в грязи.

Поправить дело мы могли лишь при наличии собственных тыловых подразделений. И создать их нужно было своими силами, не дожидаясь пока этот вопрос будет решен соответствующими высшими организациями.

Эту мысль решительно поддержал Н. Н. Калинин. Начальник штаба А. С. Дмитриев тотчас же вооружился карандашом и начал выяснять, сколько людей можно высвободить для этой цели.

Задача оказалась нелегкой, и пришлось Дмитриеву отправиться в батальоны — посоветоваться. Вернулся он через несколько дней с готовыми расчетами. Уточняли мы их сначала втроем, потом вместе с начальником тыла капитаном Никитиным и нашим плановиком капитаном Шляпиным. Под конец обсудили на совещании командиров батальонов.

Такая тщательная подготовка помогла создать тыловые подразделения, не ослабляя линейные.

В каждом батальоне имелись минометы 50 мм. Они, как показал опыт войны, не оправдывали надежд. Зачем же их держать? Решили: минометы пока сдать на склад, а освободившихся бойцов перевести в формируемые тыловые подразделения. Итак, у нас уже было 75 человек.

Далее, мы знали, что в бою нам понадобятся не все имевшиеся в ротах взводы противотанковых ружей, тем более что в укрепрайоне были два батальона ПТР. Поэтому вместо взвода оставили каждой роте по два ружья, высвободив таким образом 165 человек.

Итого 240 бойцов. К ним добавили добровольцев из местных жителей, среди которых были и молодые женщины, работавшие на кухнях, в прачечных, санитарками, связистками.

Так появилась возможность сформировать обменные пункты снабжения, усилить роту подвоза и эвакуации, создать медсанроту. Создали свою хлебопекарню, оружейную, сапожную, пошивочную мастерские и даже банно-прачечный отряд. Бойцам стало намного легче.

Но тут появилась у нас новая «болезнь», которой не могли помочь никакие хозяйственные улучшения.

Николай Николаевич Калинин как-то показал мне полученное командиром одной из рот письмо следующего содержания: «Товарищ старший лейтенант! Простите, но больше терпенья нет! Товарищи там, на фронте, начали бить фрица и в хвост и

в гриву, а мы роем и роем до потери сознания. Иду на фронт. Не поминайте лихом! Рядовой вашей роты Иван Фомин».

И ушел. А вслед за ним исчезли еще трое. Вскоре мы получили известие о том, что все они зачислены в сражавшиеся части. Потом еще двое. И еще...

Итак, опять «чепе». Что мы могли сделать? Дезертирами их не назовешь, ведь они уходили на передний край фронта, чтобы драться с врагом. А такое стремление жило в каждом из нас. И командиры рот и батальонов, писавшие мне рапорты о подобных случаях, и я, читавший эти донесения, — все мы, в сущности, завидовали «беглецам». Они-то уже участвовали в битве за Родину, а мы все еще строили новый рубеж, не имея никакой уверенности в том, что он понадобится.

Эти сомнения вспыхнули с новой силой после того, как противник, предпринявший 11 ноября новую отчаянную попытку овладеть Сталинградом, потерпел полную неудачу. Причем эта попытка оказалась последней и, кроме того, полностью подтвердила, что враг окончательно измотан, обескровлен.

И вот на рассвете 19 ноября мы услышали доносившийся с правого фланга грохот мощной артиллерийской канонады. То было начало наступления Красной Армии, которому суждено было оказать решающее влияние на весь ход войны. Как вскоре стало известно, удар был нанесен войсками трех фронтов — Юго-Западного, Сталинградского и нашего, Донского. Прорвав оборону противника, танковые и механизированные соединения устремились с севера и юга к району Советский и Калач, где и соединились, зажав в тесном кольце 22 вражеские дивизии.

С быстротой молнии долетали к нам, в степь эти вести с фронта, вызывая всеобщее ликование. Только теперь мы могли хотя бы отчасти представить, какой титанический труд по подготовке сил и средств, по их скрытному сосредоточению на выбранных направлениях главного удара предшествовал этому поистине неотразимому наступлению. Нужна была также огромная выдержка, колоссальное терпение, чтобы накопить, не растрапив понапрасну, резервы в те тяжкие дни и недели, когда враг рвался к Волге. Зато теперь вся сталинградская группировка фашистских войск окружена, и гибель ее неизбежна.

К нашей радости примешивалось — что греха таить! — и чувство горечи: а как же мы, неужели и теперь части укрепрайона останутся вдали от фронта, в степи, которой уже ничто не угрожает?

Да, рубеж построен. Он оборудован броневыми и железобетонными казематами для огневых точек. Проложен глубокий противотанковый ров. Есть и проволочные заграждения, и минные поля. Но все это наверняка не потребует, так как — в этом мы не сомневались — сталинградская группировка врага обречена.

К. К. РОКОССОВСКИЙ

Все подтверждало, что рубеж «А» потерял свое значение и что фронту нужны войска для окончательного уничтожения окруженных гитлеровских армий. Сначала от нас в другие соединения ушли саперы. Вслед за тем командование фронта передало стрелковым дивизиям рядовой и сержантский состав четырех артпульбатов и двух батальонов ПТР.

Те, кто уходил от нас, радовались, для них начиналась новая, боевая жизнь. Мы же, остававшиеся, провожали их с завистью.

Конечно, мы понимали, что представляем собой войска, созданные исключительно для обороны, тогда как в районе Сталинграда теперь велось наступление. Но означает ли это, что соединения, подобные нашему, не нужны в наступательных операциях? Напрашивался только один ответ: нет, не означает. Он был подсказан действиями уже сражавшихся тогда под Сталинградом полевых укрепленных районов. Некоторые из них выполняли самые различные боевые задачи, в том числе и наступательные.

Особенно поучительными были действия 76-го полевого укрепленного района. Его артпульбаты, усиленные мотострелковым батальоном, танковой ротой и другими подразделениями, еще в конце сентября получили задачу выбить противника из поселка Цаца на восточном берегу одноименного озера. И с успехом выполнили ее, захватив важные позиции, которые были использованы позднее 57-й армией в качестве исходного рубежа

при наступлении, начатом ею 20 ноября. 76-й укрепрайон участвовал и в этой операции. Его батальоны, перейдя в наступление вместе с полевыми частями, заняли ряд населенных пунктов, в том числе 21 ноября — Малые Дербеты, два дня спустя — Загон и Бурбин, следующей ночью — Садовое¹.

Разумеется, было много неясного в отношении форм и способов действий полевого укрепленного района в условиях наступления наших войск. Тяжелое вооружение и отсутствие стрелковых подразделений делали его малоподвижным, между тем как одним из важнейших качеств, необходимых для успеха, являлась мобильность.

Но, оказывается, были возможности преодолеть этот недостаток. Командование того же 76-го укрепрайона создало в каждом батальоне, например, так называемые ударные группы, способные успешно атаковать противника. Наконец, разве не войска укрепрайонов обеспечивают фланги наших наступающих армий, закрепляют захваченные позиции, создают необходимые условия для перегруппировки войск в ходе операций?

Все разговоры на эту тему в батальонах и у нас в штабе сводились к единодушному выводу: мы нужны на фронте. Но проходили дни, и стало казаться, что о нас забыли. Бойцы же все чаще спрашивали: скоро ли на фронт? Многие не скрывали опасения, что нас так и оставят здесь или прикажут ехать еще

¹ См. Архив МО СССР, ф. 1 гв. Ур, оп. 7777, д. 4, лл. 1—60; д. 3, лл. 1—36.

куда-нибудь в тыл. Офицеры буквально засыпали меня рапортами с просьбой послать их на фронт.

И опять собрались Дмитриев, Калинин и я на совет. Он был кратким. Решили отправиться к генералу Ф. К. Корженевичу, начальнику штаба 66-й армии, с которой взаимодействовал наш укрепрайон, и попытаться «выпросить» боевой участок на фронте.

Поехали втроем. В пути распределили между собой все те доводы, которые, как нам казалось, были неотразимыми. В общем, основательно подготовились уговаривать генерала Корженевича.

Но труды наши оказались напрасными. Нам объяснили, что штабу армии «не с руки» просить пополнение, да и вообще мы, оказывается, обратились не по адресу: судьбу наших батальонов может решить только командование фронта, которому виднее, придется ли оборонять рубеж «А». Туда, мол, и обращайтесь.

Что ж, дорога в штаб фронта тоже была нам знакома. Отправились туда вдвоем — я и Калинин.

Генерал К. К. Рокоссовский принял нас и, выслушав, успокоил.

— Воевать будете, это дело решенное, — сказал он. — А что нетерпеливы — это хорошо... Пусть будет по-вашему — ускорим. Новый участок вам укажет командующий 66-й армией генерал А. С. Жадов.

На обратном пути нам повстречался Дмитриев, ехавший в штаб армии. Там уже знали о распоряжении командующего фронтом и вызывали нас, чтобы поставить частям укрепрайона боевую задачу.

Первый боевой рубеж

5 декабря 1942 г. 159-й полевой укрепленный район вошел в состав 66-й армии. Это было на 13-й день после того, как войска Донского, Сталинградского и Юго-Западного фронтов, завершив окружение 6-й и 4-й танковой армий противника, приступили к их уничтожению¹.

К тому времени в составе наших войск в районе Сталинграда было еще шесть укрепленных районов — 54-й, 76-й, 77-й, 115-й, 118-й и 156-й. Они принимали активное участие в операциях по окружению и ликвидации вражеской группировки, причем выполняли задачи не только оборонительного, но и наступательного характера.

Это, разумеется, внесло много нового в их действия. Прежде всего потребовалось коренным образом реорганизовать силы и средства укрепленных районов.

Как именно — подсказала сама боевая обстановка.

Так, 76-й полевой укрепленный район в первой половине декабря сумел продвинуться на юг, заняв совместно с частями 91-й стрелковой и 61-й кавалерийской дивизий новый рубеж на линии Кануково (Вершин-Сад), Кенкря, Обильное, Нурга, Гюзак, Тукунск.

Но положение его войск, прикрывавших левый фланг 51-й армии, осложняли все те же серьезные недостатки в организации обороны. Она представляла собой систему ротных опорных пунктов, расположенных на занятой батальонами линии. Устроенные по принципу круговой обороны, они не имели огневой связи друг с другом.

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 10, л. 7.

Все это дало о себе знать, когда 23 декабря вражеская мотопехота, усиленная танками, попыталась прорваться в тыл 51-й армии. Атаковав опорные пункты 46-го артпульбата в Нурге и не считаясь с большими потерями, противник в ожесточенном бою захватил позиции одной из рот. Но две другие отбили атаку. Враг был остановлен. Чтобы отразить дальнейшие попытки прорыва, одно из подразделений 51-го артпульбата и 161-я огнеметная рота были выдвинуты из Садового в Аршань-Зельмень, где и создали сильный опорный пункт.

Но этого оказалось мало. Начиная с 24 декабря противник, воспользовавшись отсутствием огневой связи между опорными пунктами 76-го укрепрайона, почти беспрепятственно маневрировал между ними, атакуя отдельные подразделения. Ему удалось даже лишать штабы батальонов связи с командованием. К счастью, именно в тот момент наши войска разгромили котельниковскую группировку противника, что и вынудило прорвавшиеся вражеские части отойти от рубежа 76-го укрепрайона.

Бои на этом рубеже представляли собой часть ожесточенного сражения, развернувшегося в связи с последней попыткой фашистского командования спасти окруженные дивизии Паулюса. Ударная группировка гитлеровских войск под командованием генерала Гота стремилась пробиться из района Котельниково к Сталинграду вдоль железнодорожной линии, идущей из Тихорецка. Поскольку наступавшие силы противника значительно превосходили по численности 51-ю армию, наше командование срочно перебросило на угрожаемый участок 2-ю гвардейскую армию. В ходе кровопролитных боев группировка Гота была разгромлена, а сам он позорно бежал с остатками своих войск.

Пример боевых действий 76-го укрепленного района¹ показывает, насколько сложной была обстановка, в которой пришлось тогда действовать пулеметно-артиллерийским батальонам под Сталинградом. Им нужно было научиться не только наступлению, но и умелому сочетанию наступления с прочной обороной своих боевых участков.

Вот почему мы, оказавшись на фронте в дни мощного наступления советских войск, сразу же почувствовали, несмотря на весь свой оптимизм, что находимся в условиях, к которым мало подготовлены. Трех артпульбатам — 2-му, 350-му и 360-му — пришлось особенно трудно еще и потому, что командование армии сначала вывело их из подчинения управлению укрепрайона и передало дивизиям первого эшелона.

Внешне все это выглядело вполне нормально: стрелковым войскам придавались части усиления. Но, по существу, в данном случае это было нецелесообразно, что и подтвердили первые же бои.

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. Ур, оп. 7777, д. 3, лл. 1—50; д. 4, лл. 30—60.

66-я армия в те дни нанесла удар в направлении Орловки, с тем чтобы во взаимодействии с другими наступавшими соединениями прорвать оборону окруженной в этом районе группировки противника, отсечь и уничтожить ее северо-восточную часть. Прикрывала Орловку укрепленная гитлеровцами высота 144,4. Она находилась в полосе наступления 206-й стрелковой дивизии, в подчинение которой был передан 2-й артпульбат. Ему-то 8 декабря командир дивизии и поставил задачу овладеть вражеским узлом сопротивления на этой высоте.

Вынужденный с ходу вступить в бой, комбат майор С. С. Баннов повел в атаку пулеметно-артиллерийские роты со всем их тяжелым вооружением, даже не успев подготовить приспособления для его передвижения по снегу. В результате артпульбат в течение пяти дней безуспешно штурмовал высоту, понеся значительные потери.

Точно такие же задачи были получены 350-м и 360-м батальонами. Правда, командиры этих частей капитан В. М. Григорьев и майор А. В. Улисов успели перед атакой наскоро реорганизовать роты. Стремясь приблизить их к типу стрелковых подразделений, они изъяли часть станковых пулеметов, минометов и противотанковых ружей, а высвободившихся бойцов вооружили винтовками и автоматами. Но тут начала сказываться неподготовленность личного состава к действиям в качестве подразделений стрелков и автоматчиков. В итоге 350-й и 360-й батальоны также не выполнили поставленных им задач.

Так окончилась неудачей попытка использовать артпульбаты для боя в составе стрелковых дивизий. Командование учло этот опыт и вновь передало батальоны укрепрайону, поставив перед ним самостоятельную задачу: оборонять рубеж на левом фланге армии — от высоты 147,6 (северо-западнее Орловки) до Спартановки¹.

Протяженность этого участка превышала десять километров. Иначе говоря, укрепрайон в составе пяти пулеметно-артиллерийских и приданного нам 1417-го саперного батальонов занимал две пятых всей полосы 66-й армии. Этот участок считался неактивным, но, конечно, лишь по сравнению с остальной частью армейской полосы. Противостояли нам здесь части трех вражеских дивизий — 94-й пехотной, 16-й и 24-й танковых. Они были уже основательно потрепаны и неспособны предпринять серьезную атаку, однако все еще пытались вести активные действия. Это и потребовало создать на отведенном укрепрайону участке оборонительный рубеж.

Задача наша состояла в том, чтобы воспрепятствовать любой попытке врага прорвать на этом участке кольцо окружения.

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 10, лл. 7—10.

Тщательное ознакомление с местностью сразу же показало, что задача будет нелегкой. Противник, который незадолго до этого отступил под нажимом наших войск, остановился на заранее подготовленном выгодном рубеже. На трех высотах — 144,4, 135,4 и 64,7 — фашисты построили мощную оборонительную систему.

Когда мы понаблюдали за ней и хорошо изучили, выяснилось, что передний край обороны противника проходил по скатам высот и по железнодорожной насыпи. Узлы сопротивления состояли из ротных и взводных опорных пунктов, обеспечивавших продуманную до мельчайших деталей систему перекрестного многослойного огня из всех видов оружия. Оборона железной дороги усиливалась огневыми точками, устроенными для снайперов в расставленных по линии паровозах и вагонах.

Позади высот в балках и рощах были расположены артиллерия и минометы. Они днем и ночью вели прицельный огонь по нашим боевым порядкам и тылам, которые просматривались на всю их глубину вражескими наблюдателями, находившимися на переднем крае.

Узлы сопротивления были связаны сплошной траншеей и ходами сообщения, большей частью перекрытыми и поэтому особенно удобными для передвижения при смене постов, доставке боеприпасов, пищи, а также для маневрирования силами и средствами.

Маскировка была настолько тщательной, что, наблюдая с наших позиций, мы видели, казалось бы, пустынное поле там, где в действительности находилась густая сеть оборонительных сооружений.

Кроме того, в балках меж высотами враг создал «огневые мешки», а на подступах к опорным пунктам первой линии и между ними расставил всевозможные заграждения: малозаметные препятствия, «спирали Бруно», рогатки, противотанковые и противопехотные мины, управляемые фугасы и «сюрпризы». Наконец, он имел для контратак мотострелковые части, усиленные танками и самоходными артиллерийскими орудиями.

Позднее, после взятия этих высот, я обратил внимание еще на одну деталь, показавшуюся мне любопытной. Жилые землянки и блиндажи, особенно офицерские, были оборудованы со всеми возможными удобствами. Попадались в них даже пианино и зеркальные шкафы, взятые, разумеется, в домах местных жителей. Видимо, гитлеровцы всерьез намеревались обосноваться здесь надолго.

Что касается нашего рубежа, то в тактическом отношении он был очень невыгодным. Передний край проходил у подножья высот, что крайне усложняло организацию наблюдения и создание хотя бы мало-мальски подходящих позиций для обстрела.

Такие условия были и в глубине полосы. Все это затрудняло также маскировку боевых порядков и огневых точек. Невыгодность наших условий состояла и в том, что если противостоявший нам враг успел оборудовать свои позиции до полного наступления зимы и, главное, еще тогда, когда они находились у него в тылу, то мы вынуждены были это делать в стужу и снегопад, под постоянным огнем воздействием противника.

Вот когда пригодилась бойцам и офицерам укрепрайона выучка, которую мы прошли в Подмосковье и особенно на построенном собственными силами рубеже «А» в степи между Доном и Волгой. Мы не забыли, что она нелегко нам досталась, но теперь вспоминали о ней с чувством глубокого удовлетворения. Она приучила преодолевать трудности, закалила, подготовила к выполнению боевых задач, выковала умение приспосабливаться к неизведанной, сложной обстановке и использовать ее с наибольшей выгодой.

Итак, ознакомившись с местностью, мы тотчас же приступили к оборудованию позиций.

Нам самим предстояло построить огневые точки, укрытия, ходы сообщения. Но как это сделать под прицельным огнем противника? Сколько времени придется копать мерзлую, покрытую глубоким снегом землю? И нельзя ли найти иной способ создания рубежа, более подходящий при таких условиях?

Такой способ был найден и осуществлен благодаря изобретательности и самоотверженности воинов укрепрайона. Весь свой большой опыт вложил в это дело и руководивший работами инженер-капитан М. В. Самолетов.

Прежде всего вместо траншей и ходов сообщения возвели снежные валы и, полив их водой, превратили в ледяные. Чтобы сделать это, понадобилось немало труда, упорства, смекалки. Ведь работы велись на переднем крае, буквально на глазах у врага, подстерегавшего каждое наше неосторожное движение.

Одна доставка воды чего стоила! Зато в невиданно короткий срок — в течение нескольких дней была создана целая система скрытых от врага позиций и ходов сообщения в тыл и между ротными и взводными районами.

Одновременно в тылу разбирали уже ненужные блиндажи и землянки, используя этот материал для постройки остовов огневых точек. Ночами подвозили их на позиции, к заранее подготовленным котлованам, и за 20—30 минут устанавливали, окапывали, покрывали снегом, который затем поливали водой. Такие сооружения предохраняли огневые расчеты не только от пуль и осколков артиллерийских снарядов, но и от прямых попаданий мин.

Часть готовых остовов ставили на громадные сани, крепко сколоченные из толстых бревен, и точно так же маскировали. Затемно несколько десятков бойцов на руках выкатывали их на

передний край. Огневые точки на санях оказались очень удобными, маневренными, их можно было передвигать и во время боя.

С первого же дня возникли трудности в организации наблюдения. Попытались перенести его с переднего края на четыре-пять километров вглубь, но это оказалось неэффективной мерой. Тогда придумали другое. Поддерживаемая сильным огнем группа бойцов смелым броском захватывала подходящую для наших наблюдателей огневую точку врага на его переднем крае. Это были главным образом вагон на железнодорожной линии или особенно удобные для этой цели подбитые и закопанные немцами танки, бронемашины с поворачивающимися башнями.

Роты лейтенантов В. С. Богоявленского и С. К. Внукова, находившиеся в первом эшелоне, за короткое время захватили четыре такие точки. Хотя удерживать их удавалось недолго, день—два, но и это в наших условиях было неплохо. Ночью к ним протягивали телефонные провода, и наблюдатели могли корректировать огонь.

Чтобы знать уязвимые места обороны противника и следить за перегруппировкой его сил, нам нужна была также активная разведка, способная вести ночной поиск, добыть «языка».

Поэтому мы тем же способом, каким создавали тыловые подразделения, сформировали и роту разведки. Но она пока не имела опыта, и вследствие этого ее действия первое время были безуспешными. Едва темнело, разведчики выползали за колючую проволоку и минные поля, чуть не вплотную подбирались к железнодорожному полотну, чтобы нащупать хороший проход, наметить место для налета. Попытки же захвата «языка» проваливались одна за другой.

Однако нам нужны были сведения о противнике. Требовал их и штаб армии. Наконец, самым неприятным было то, что неудачи привели к появлению у неопытных разведчиков чувства безнадежности. Оно могло либо исчезнуть под влиянием немедленного успеха, либо развиться в еще более опасную боязнь поиска.

Да, нужна была хоть одна удача. Но как ее добиться?

Выручил пулеметчик А. Н. Зайцев, человек большой физической силы и смелости, отличный спортсмен. В один из трудных для нашей роты разведки дней ее командир доложил, что Зайцев просится в ночной поиск. Я вызвал Зайцева. Он пришел ко мне на передний край. Коренастый, с открытым лицом и ясными серыми глазами. Коротко, четко доложил, что готов к выполнению боевого задания. Начали подготовку. Вместе наблюдали за передним краем противника, изучали расположение его огневых точек, режим смены постов, наметили план действий.

Спустя два дня группа разведчиков, в составе которой был и Зайцев, вышла в ночной поиск.

Я ждал ее возвращения на нашем переднем крае. Томительно проходили минуты, часы. Что происходит там, во тьме, куда ушла горстка смельчаков? Вернутся ли они? И не с пустыми ли руками, как уже не раз бывало?

Внезапно тьму прорезали вспышки выстрелов. Впереди мелькнули фигуры наших солдат. Они отходят назад под огнем противника. Но их уже увидели и наши артиллеристы и пулеметчики. Действуя по заранее намеченному плану, открываем ответный огонь. Под его прикрытием благополучно перебираются через ледяной вал разведчики. И среди них Зайцев с тяжелой ношей. Молодчина, приволок-таки пленного!

Но оказалось, что это была удача лишь наполовину. Пленный фашистский пулеметчик находился в тяжелом состоянии и, не успев ответить ни на один из моих вопросов, через несколько минут скончался. Зайцев смущенно доложил: перестарался. Выяснилось, что когда он подполз к вражескому пулеметчику, тот уже заметил остальных разведчиков и приготовился открыть по ним огонь. Нанеся фашисту удар ножом, Зайцев спас товарищей, но потерял возможность заполучить «языка» и теперь был очень огорчен этим.

Да, обидно потерять уже взятого «языка». Однако и я, и Калинин считали, что поиск был весьма полезным в смысле своего воздействия на наших разведчиков. Проведенный быстро, смело и почти без потерь — в группе оказалось лишь двое легко раненных — он показывал на деле, что стоит лишь быть чуть-чуть «поаккуратнее», и полный успех обеспечен.

Мы видели, что вся рота разведки повеселела, и даже те, кто уже не надеялся на удачу, вновь начинали верить в нее. Нужно ли говорить, как это важно в опасном и сложном деле разведки, где решающее условие — убежденность в успехе. Наконец, ведь Зайцев все-таки спас товарищей, помешал фашистскому пулеметчику расстрелять их в упор.

Вскоре Зайцев успел вновь побывать в расположении противника, и на этот раз вполне успешно. Он так «бережно» доставил связанного немецкого унтер-офицера, что у того оказалась лишь небольшая царапина на лице. Затем был взят еще один «язык» — солдат из штабной роты танковой дивизии, потом еще и еще.

А. Н. Зайцев сделал большое дело. Его смелость и отвага помогли нашим солдатам, еще неопытным в этом отношении, избавиться от зарождавшейся в них боязни поиска. По его просьбе мы оставили пулеметчика в роте разведки, и в дальнейшем он показывал пример мужества, самоотверженности и находчивости при выполнении боевых заданий.

Так начался перелом в действиях роты разведки. Недостатка в «языках» больше не было, и наши сведения о противнике пополнялись ежедневно.

Пленные были живым свидетельством все более плачевного

состояний окруженных войск. Отощавшие, обовшивевшие. Многие без белья, с одетым прямо на тело верхним обмундированием. Моральный дух гитлеровцев падал изо дня в день. По мере сокращения пайка. А он уменьшался очень быстро. И не удивительно. Фашистское командование пыталось снабжать окруженные войска по воздуху. Но этому препятствовала советская авиация. В результате ее действий лишь десятая часть транспортных самолетов, направлявшихся к окруженным, достигала цели¹.

И произошло это потому, что теперь над Сталинградом господствовала наша авиация, да и наземные советские войска сбивали немало фашистских самолетов. Но даже из того, что удавалось гитлеровцам послать по воздуху, далеко не все попадало по назначению. Вражеские транспортные самолеты могли летать только ночью. Лишенные возможности точно ориентироваться, летчики часто сбрасывали парашюты с грузами на территорию, занятую нашими войсками. Врагу не хватало уже не только продовольствия, но и боеприпасов. Их начали строго лимитировать: у стрелка, например, было не более 30 патронов, а расходовать их разрешалось лишь по замеченным целям — «навверняка». Этот приказ относился и к артиллерийским снарядам, минам. Мало стало горючего. Танки использовались лишь при контратаках.

Все эти показания пленных говорили, что ни о каких серьезных наступательных операциях фашистов уже не могло быть и речи. Окруженный враг был способен лишь на мелкие операции, направленные к тому, чтобы сорвать подготовку нашего наступления.

От «языков» мы узнавали и о нараставшем у гитлеровских солдат неверии в победу Германии. Более того, многие желали какого угодно конца войны, лишь бы скорее возвратиться домой. И продолжали они воевать лишь потому, что генералы и офицеры усиленно подогревали в них надежду на выход из окружения, обещанный в начале декабря Гитлером в его приказе.

Среди пленных попадались и румыны из числа тех, кого их тогдашнее антинародное правительство послало воевать против Советского Союза. Они не скрывали своей радости по поводу того, что попали в плен и что теперь для них война окончена. Показания давали охотно, всячески стремились сообщить ценные для нас сведения.

Так мы узнали о ненависти к гитлеровцам со стороны обманутых румынских солдат и многих офицеров. Это чувство росло в них, по мере того как гитлеровцы все более пренебрежительно относились к своим румынским «союзникам». Ими помыкали, использовали на самых тяжелых оборонительных работах. Им же в первую очередь урезали паек.

¹ См. «Великая победа на Волге». М., 1965, стр. 428.

Пленные уверяли, что почти все румыны не хотят больше воевать за Гитлера и не прочь перейти на нашу сторону. Но мешает этому целая система контроля, установленная немецким командованием и охватывающая всех румын, от высших офицеров до солдат. Даже их огневые расчеты наполовину состояли из немцев.

Готовясь вместе со всеми войсками 66-й армии к решительному штурму, мы продолжали «исправлять» структуру укрепления, стремясь хотя бы отчасти приспособить ее к новым задачам. Благо, начальство тогда не обращало внимания на всякие временные формирования. Да и ресурсы — и людские, и материальные — у нас были благодаря расформированию батальонов, о котором я уже говорил.

Итак, вслед за созданием роты разведки появился у нас и стрелковый батальон. Его сформировали из подразделений 231-го артпульбата, сохранив этот номер. В составе батальона были две стрелковые, автоматная и пулеметная роты. Такая часть была крайне необходима не только для выполнения частных задач наступательного характера, но и в обороне — для контратак или, в случае вклинения немцев в нашу полосу, для деблокировки опорных пунктов или отдельных огневых точек.

Кроме того, в каждом батальоне создали по одному артиллерийскому дивизиону, вооруженному 76-миллиметровыми противотанковыми орудиями, изъятыми из пулеметно-артиллерийских рот. Сформировали и штабную батарею.

Словом, укрепрайон стал полнокровным войсковым соединением из пяти пулеметно-артиллерийских, стрелкового и саперного батальонов, рот связи и разведки, развитого войскового тыла. Имели мы и собственную артиллерию непосредственной поддержки пехоты, способную вести огонь с закрытых позиций.

Вся эта реорганизация была проведена довольно быстро, в течение нескольких дней. Она была в основном закончена к началу января, когда командование армии, готовясь к наступлению, решило включить в ударную группу некоторые стрелковые части, а их боевые участки передать укрепленному району¹.

В соответствии с этим мы сменили 124-ю стрелковую бригаду из группы полковника Горохова, 548-й и 656-й полки 116-й стрелковой дивизии и 206-й полк 99-й стрелковой дивизии. Наши позиции теперь тянулись от балки Каменной до Спартак-новки включительно.

Смена войск на боевых участках, которую мы осуществляли впервые, оказалась довольно трудным делом. Нашим командирам пришлось заранее тщательно изучить противостоявшего врага, расположение его боевых порядков и огневых точек сменяемых

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 10, лл. 23—30.

частей. Потребовалось хорошенько запомнить и подходы к новому рубежу — ведь смена частей производилась только ночью, часто во время боя.

Например, участок группы Горохова находился всего лишь в 50—60 метрах от огневых точек врага. Сменили успешно, без потерь.

Еще сложнее оказалось положение на боевом рубеже 548-го стрелкового полка, который как раз во время смены выполнял задачу по захвату высоты 147,6. Часть ее он успел занять, но курганы на противоположных скатах оставались в руках у врага. Шел жаркий бой. Противник, имевший точные прицелы для ночной стрельбы по всей высоте, вел сильный огонь.

С Дмитриевым и двумя автоматчиками отправляюсь на командный пункт сменяемого полка. В непроглядной тьме с трудом находим полуразрушенное здание, в котором он помещается. Вокруг посвистывают пули, где-то рядом строчат пулеметы, бьют орудия.

— Днем у нас тут не ходят — ползают, — успокаивает майор, начальник штаба полка.

Дмитриев уходит к месту сосредоточения наших подразделений, чтобы возвратиться сюда вместе с ними.

Первой подходит рота 350-го артпульбата. Спустя несколько минут она уже ведет бой за курган, а сменяемые бойцы постепенно отходят назад. Все происходит так быстро, что противник, пожалуй, и не замечает смены атакующих подразделений.

Заняв позиции «наощупь», в разгар ночного боя, рота с ходу идет на штурм. Пулеметный расчет сержанта Муравлева быстро продвигается по скату высоты. Меткой очередью уничтожив преграждавшую путь группу фашистов, он вклинивается между огневыми точками врага и оттуда ведет огонь, помогая продвижению роты.

Вот уже рядом с ним батарея лейтенанта Таскаева. Молниеносно изготовившись для стрельбы прямой наводкой в упор, она бронебойными снарядами буквально сравнивает с землей укрепление противника на кургане.

Сюда подтягивается и вся рота. Теперь высота занята нами полностью. Смена полка закончена.

Итак, мы заняли новые участки, и теперь нам противостояло больше вражеских сил. Это были немецкие 267-й и 274-й пехотные полки, 79-й мотострелковый и 194-й саперный батальоны, подразделения 12-го полка 1-й кавалерийской дивизии румын¹. У нас же сил стало меньше.

Это произошло, во-первых, потому что одновременно со сменой частей нам было приказано в целях усиления ударной груп-

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 10, лл. 28—30.

пировки армии передать в оперативное подчинение 99-й стрелковой дивизии тот самый 231-й батальон, на который мы возлагали так много надежд. Лишились мы и 360-го артпультабата. Его вывели из состава укрепленного района и, передав в оперативное подчинение 124-й стрелковой бригады, перебросили на усиление правого фланга армии.

Пришлось уменьшить плотность войск на позициях. Мы занимали теперь рубеж протяженностью 17 км. Но не жаловались. Напротив, были довольны тем, что, наконец, воюем. И не просто воюем, а бьем врага, принесшего столько горя нашему народу.

Мы хорошо понимали, какой грандиозной должна была стать мощь Родины, Советской Армии и насколько должно было вырасти наше военное искусство, чтобы остановить врага на всем пространстве от Балтики до Черного моря и в то же время бросить сюда, под Сталинград, такую силу, которая оказалась способной зажать в могучих тисках десятки отборных дивизий противника. Мы знали: еще один удар, и сталинградская группировка фашистских войск перестанет существовать.

Сталинград был тогда важнейшим, решающим узлом борьбы, и каждый наш воин понимал, что многое в дальнейшем развитии событий на всем советско-германском фронте зависело от исхода битвы здесь, на берегах Волги.

А он был уже предрешен. Обреченность окруженных фашистских армий стала очевидной. Все теснее сжималось вокруг них кольцо советских войск.

Попытка прорвать его извне, предпринятая крупными силами под командованием генерала Манштейна, окончилась полной неудачей. Стянутые фашистами из района Ростова-на-Дону, астраханских степей и других пунктов дивизии, объединенные в две ударные группировки — Котельниковскую и Тормосинскую, безуспешно стремились расколоть наш фронт. Они дорого заплатили за свою попытку. Сначала они были остановлены нашими войсками, а в конце декабря разгромлены, причем их остатки откатились на юг, оставив Котельниково.

В городе инициатива также целиком перешла к нашим войскам. Положение окруженных быстро ухудшалось. Тем не менее гитлеровские генералы все еще пытались поднять боевой дух своих солдат.

Приказ, например, командира 376-й немецкой пехотной дивизии гласил: «Мне сообщают, что советская листовка, озаглавленная „К окруженным под Сталинградом немецким частям“, подписанная командующим Сталинградским фронтом генерал-полковником Еременко и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским, вызвала у солдат и офицеров склонность к капитуляции, поскольку создавшееся положение рассматривается как безнадежное. Даже до меня дошли слухи о случаях отказа повиноваться командирам во время атак,

о переходе солдат на сторону врага, особенно группами, об открытом выступлении солдат за прекращение борьбы и сдачу в плен. Приказываю: всеми имеющимися... средствами, включая показательные расстрелы, прекратить всякое упоминание о капитуляции со стороны солдат и офицеров. Всем офицерам и солдатам надлежит еще раз указать на необходимость безусловного выполнения приказа фюрера о том, что немецкий солдат должен погибнуть, если он сдал пост. Все части до последнего человека должны быть введены в бой».

И до нас доходили сведения о подобных приказах немецких генералов. Но они уже ничего не могли изменить. Окруженные фашистские армии ждал неминуемый разгром, и мы видели в этом залог грядущей полной победы над врагом.

Торжественно отпраздновали наступление нового, 1943 года.

Как ни сурова была окружающая обстановка, сколько ни таили новых опасностей предстоявшие бои, в частях укрепрайона, как, впрочем, и во всех наших войсках под Сталинградом, царило приподнятое, радостное настроение.

Возвращаясь в новогоднюю ночь с переднего края, я думал о том, что и у нас в укрепрайоне теперь есть свои маленькие достижения. Нет, не были потеряны те долгие месяцы, которые ушли на боевую учебу под Москвой и в междуречье Дона и Волги. Вот здесь, на левом крыле армии, четыре артпульбата держат противника на почтительном расстоянии, а кое-где даже теснят его, захватывая выгодные позиции.

Я знал, что делалось это в порядке подготовки к предстоящей армейской наступательной операции. Кроме того, по заданию штаба армии части укрепрайона участвовали в организации оперативной маскировки с целью создания у противника ложного представления о месте подготовки главного удара. Для этого усилили действия на переднем крае, активизировали разведку, демонстрировали мнимую перегруппировку боевых порядков. Для имитации усиленного движения войск использовали тыловые части и макеты танков, орудий, машин.

Предстоявшее наступление радовало и тем, что вместе с левыми войсками, несомненно, пойдут вперед и части укрепрайона. Ведь атаковать врага, гнать его всегда лучше, чем обороняться, это само собой разумеется. А то, что войска укрепрайона предназначались только для обороны и соответственно этому формировались и обучались, меня уже давно не смущало.

Правда, было ясно, что эти особенности создадут в период наступления немало дополнительных трудностей. Что ж, придется их преодолеть. По всему видно, что оборонительный период войны идет к концу. И пора. И отлично. Не может же он длиться бесконечно. Отступать дальше некуда, а для того, чтобы победить противника, нужно наступать. Гнать захватчиков за пределы нашей земли и окончательно разгромить врага в его собственном

логове. Именно так и будет, залогом тому неодолимая мощь нашего народа и его твердая решимость забыть человечество от угрозы фашизма.

Понимая, что Советской Армии предстоят грандиозные наступательные операции, в которые потребуется вложить много сил и все наше возросшее военное искусство, я не мог не предчувствовать перемен и в предназначении полевых укрепленных районов. От них, безусловно, потребуется выполнение не только оборонительных задач, но и нечто большее: обеспечение наших наступающих полевых войск и даже умение самостоятельно атаковать противника, штурмовать его опорные пункты.

Готовы ли мы к таким действиям? Мне было бы трудно ответить на этот вопрос. Конечно, укрепрайон уже давно не тот, каким его сформировали в начале 1942 г. Создав свою службу разведки и собственные тыловые подразделения, мы уже одним этим улучшили условия для самостоятельных действий. Кроме реорганизации 231-го батальона, сформировали в качестве ударной силы штурмовые и блокировочные группы и усиленно готовили их, особенно для ночного боя.

Да, сделано немало. Но достаточно ли?

От обороны к наступлению

Очень скоро события показали, что наступлению мы должны были еще учиться. Это стало ясно сразу же после начала наступательных действий в январе 1943 г.

Несмотря на явную бессмысленность дальнейшего сопротивления, командование сталинградской группировки противника отклонило советский ультиматум от 8 января 1943 г. о безоговорочной капитуляции. Наши войска вынуждены были приступить к ликвидации окруженных вражеских армий.

66-я армия наносила удар в направлении поселка завода «Красный Октябрь» и его окраин. Ее задача состояла в том, чтобы разрезать оборону противника, отсечь отдельные его группировки, а затем окружить и уничтожить одну из них — северо-восточную — в районе высоты 139,7, Городища и Орловки¹. Противник оказывал отчаянное сопротивление, и только к 23 января 66-я армия смогла выполнить задачу первого дня — выйти на рубеж разезда Древний вал — Водяная балка.

Мы в укрепрайоне, конечно, не могли судить об уровне организации и ведении всей этой армейской наступательной операции. Но по крайней мере два ее недостатка стали нам хорошо известны, так как выявились во время атак, в которых участвовал наш 231-й батальон. Это были недостаточно эффективная артиллерийская поддержка атакующих подразделений и неосмотрительный отрыв танкового десанта от наступающей пехоты.

231-й батальон действовал в составе одного из полков 99-й стрелковой дивизии. Исходное положение для атаки он занимал у подножья и на северо-восточных скатах высоты 145,1. Его первый и второй эшелоны состояли каждый из стрелковой

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 98, лл. 30—31.

роты, резерв — из неполной роты автоматчиков, выделившей 35 бойцов в состав танкового десанта. Впереди был курган +3,0 — опорный пункт узла сопротивления противника, обороняемый батальоном 79-го механизированного полка 16-й танковой дивизии врага.

Командир 231-го батальона капитан М. Т. Колчев получил от командира полка приказ наступать двумя стрелковыми ротами в составе ударной группы, в которую входил и танковый десант. Приказ гласил: после 17-минутной артиллерийской подготовки и залпа РС — сигнала для движения вперед — атаковать немцев на кургане, двигаясь за огненным валом артиллерии и расстреливая противника на ходу. Не только курган +3,0, но и всю высоту планировалось занять к исходу дня.

На деле получилось иначе.

В 9 часов, точно в назначенное время, по условленному сигналу стрелковые роты батальона вместе с соседями пошли в атаку. Никакого огневого вала, который должен предшествовать движению пехоты, не было, армейская артиллерия в это время уже вела огонь по тылам противника. Танковый же десант с автоматчиками, проскочив через передний край противника, ушел в немецкий тыл. Оторвавшись от пехоты и лишившись поддержки артиллерии, он погиб под ураганным артиллерийским и минометным огнем врага.

Сразу же начала сказываться и неэффективность артиллерийской подготовки наступления, слишком короткой, с недостаточным числом участвовавших орудий, которые к тому же не вели прицельного огня. В результате огневые точки противника не были подавлены.

Первая рота 231-го батальона, совершив бросок вперед на 50 метров, попала под перекрестный огонь автоматов и пулеметов. Ее командир старший лейтенант Студнев был убит одной из первых вражеских пуль. Понеся значительные потери, рота залегла. В 60 метрах позади нее то же самое сделала вторая рота. Одновременно остановились и другие подразделения ударной группы. Наступление сорвалось.

Повторная атака началась в 14 часов после 15-минутного артиллерийского и минометного обстрела переднего края противника.

Чтобы восполнить потери, капитан Колчев ввел в бой свой резерв — неполную роту автоматчиков. На этот раз он принял самостоятельное решение — обойти курган справа. Понеся значительно меньшие потери, батальон к 16 часам короткими перебежками достиг кургана, захватил две огневые точки противника, устроенные в подбитых танках, и закрепился.

С наступлением ночи вражеская пехота, поддерживаемая тремя танками, предприняла одну за другой пять контратак. Все они были отбиты батальоном Колчева.

Дальнейшему его продвижению мешало непредвиденное обстоятельство: на южных скатах высоты оказались еще два кургана с огневыми точками типа капониров, искусно замаскированными в снегу. Находясь вне досягаемости для нашей артиллерии, они вели прицельный огонь по подходам к курганам.

Колчев сделал единственно возможное в этих условиях: его 45-мм орудия ударили прямой наводкой по амбразурам вражеских дзотов. Поддерживаемый этим огнем, батальон продвигался бросками и в упорном кровопролитном бою занял весь курган +3,0.

Следующей ночью он отбивал непрерывные контратаки, а утром 12 января, усиленный взводом разведки полка, овладел вторым курганом. Вся же высота 145,1, являвшаяся ключевой в обороне противника на этом участке, была взята ударной группировкой армии лишь к 15 января.

Выведенный из боя с большими потерями 231-й батальон возвратился в укрепрайон, который до 23 января оставался на своем рубеже, ведя наблюдение и активную разведку.

В эти дни 2-й, 18-й и 350-й батальоны также делали попытки продвинуться вперед. Но безуспешно. Лишь находившиеся на правом фланге укрепрайона отдельные группы бойцов 350-го батальона вместе с продвигавшейся здесь пехотой соседней дивизии смогли осторожно подползти поближе к переднему краю противника и закрепиться там.

Так еще раз подтвердилось, что, не имея соответствующей боевой техники для разрушения или подавления огня мощных укреплений врага, наши батальоны должны действовать небольшими группами смельчаков, захватывать отдельные его дзоты. У нас в укрепрайоне уже были такие временные формирования, но опыт первых боев 231-го, а также попытки продвижения вперед, предпринятые другими батальонами, укрепили уверенность в том, что наибольших результатов в наступлении мы достигнем лишь путем широкого применения подобных штурмовых групп.

Действительно, впоследствии так и было. Причем их боевой успех строился на смелости и боевой выучке бойцов, непосредственном сочетании ближнего огня, в том числе противотанковых ружей и малокалиберной артиллерии, с коротким решительным ударом. Для разрушения опорных пунктов сопротивления противника штурмовые группы успешно применяли также ручные противотанковые гранаты и мощные заряды взрывчатых веществ.

Эти группы пригодились нам очень скоро.

После выхода на рубеж разъезд Древний вал—Водяная балка 66-й армии потребовалось для выполнения последующей задачи произвести перегруппировку сил. Укрепленному району было приказано: удерживая свой рубеж, одновременно во взаимодействии с полками соседней 116-й стрелковой дивизии овладеть противостоявшими узлами сопротивления фашистов на высотах 144,4 и 135,4, задерживавшими продвижение ударной группировки армии¹.

Итак, укрепленному району, созданному исключительно для обороны, предстояло выполнить наступательную задачу — штурм высот. Наши предположения начинали сбываться.

Командиры батальонов за месяц успели хорошо изучить позиции и силы противника, с которыми теперь мы должны были сразиться. Штурмовые группы, и побывавшие в бою, и новые, готовились к этому дню давно. Оставалось лишь поставить им боевые задачи.

В каждой такой группе было много коммунистов и комсомольцев. Поэтому прежде всего провели партийные и комсомольские собрания. Напомнили о том, какое влияние окажет на весь ход войны ликвидация окруженной крупной группировки фашистских войск. Впрочем, бойцы и сами хорошо знали это. Поэтому такие беседы, носившие вначале общий характер, постепенно переходили в русло задач роты, взвода и огневого расчета.

Накануне наступления я пробыл весь день во 2-м батальоне, который занимал участок перед высотой 144,4 и должен был первым штурмовать ее. Вместе с комбатом капитаном И. П. Синициным, заменившим майора С. С. Баннова, подробно разобрали

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, в. 9, лл. 7--12.

предыдущие наступательные действия, предпринимавшиеся этим батальоном, причины их неудачи. Уточнили детали плана наступления.

Прежде всего нужно было захватить железнодорожную насыпь, по которой проходил передний край противника, что позволило бы затем углубить прорыв. Для этого комбат выделил две штурмовые группы (22 и 27 человек) во главе с коммунистами лейтенантом В. Т. Долженковым и старшим лейтенантом Никулиным. Их задача состояла в том, чтобы, взаимодействуя между собой и поддерживая друг друга огнем, с наступлением полной темноты внезапным броском блокировать, по крайней мере частично, пять огневых точек врага и оседлать хотя бы небольшой отрезок насыпи.

Вслед за тем первая и третья пулеметно-артиллерийские роты выдвигались сюда, поддерживая штурмовые группы. Они должны были овладеть опорными пунктами противника в районе кладбища и на гребне высоты 144,4, а затем ее восточными скатами. Для развития успеха предназначалась вторая пулеметно-артиллерийская рота, находившаяся во втором эшелоне.

Наступлению предшествовала артиллерийская подготовка. Имевшиеся у нас три дивизиона 76-мм орудий весь конец дня 22 декабря вели методический прицельный огонь по дзотам противника на железнодорожной насыпи и на высотах 135,4 и 144,4. Продолжался он и ночью. Чтобы отвлечь внимание врага от штурмовых групп, одновременно не прекращали пулеметного и минометного огня также первая и третья роты 2-го батальона.

Скрытно от противника штурмовые группы заняли исходное положение в 200—300 метрах от насыпи. Затем начали продвигаться к ней, продолжая тщательно маскироваться.

Неизвестно, видел ли их противник. Так или иначе они приблизились к насыпи и были уже в 50 метрах от нее, когда враг, внезапно осветив местность висячими ракетами и открыв пулеметный и автоматный огонь, сразу же вывел из строя свыше 20 наших солдат.

Группы залегли. Под прикрытием всех наших наличных огневых средств они вскоре отошли на исходные позиции. Не достиг успеха в ту ночь также 18-й батальон, занимавший позиции на направлении высоты 135,4.

311-й же немного продвинулся вперед по высоте 64,7. Его командир майор Филиппов лучше использовал данные предварительного наблюдения за системой обороны противостоявшей вражеской части. Зная, что с наступлением рассвета солдаты с переднего края противника отводятся на отдых и в огневых точках остаются только наблюдатели, он и решил именно в этот момент начать выполнение своей задачи.

В ночь на 23 января 311-й батальон лишь поддерживал усиленным огнем соседа справа. С рассветом же, когда бой за вы-

соту, о котором сказано выше, закончился и противник, как обычно, отвел свои подразделения с переднего края на отдых, Филиппов после внезапного сильного огневого налета, длившегося не более двух минут, атаковал врага заранее подготовленными тремя штурмовыми группами.

Основной удар наносила штурмовая группа лейтенанта Блюдова. Под прикрытием огня орудий прямой наводки, заранее выкаченных на руках на сближенные дистанции, и пулеметов группа быстро захватила часть переднего края обороны противника у железнодорожной развилки и двинулась в обход основного опорного пункта на самой высоте.

Левее действовала вторая группа. Отвлекая внимание противника, она наносила удар вдоль северного края балки, перерезавшей высоту, стремясь в то же время выйти на южный край балки. Третья группа должна была обеспечивать группу Блюдова с севера, со стороны рожи Четырехугольной. Поддерживая штурмовые группы огнем, пулеметно-артиллерийские роты батальона готовились в случае успеха двинуться вперед, на высоту.

Фашисты не оказались застигнутыми врасплох. Но, преодолевая сильный автоматный, пулеметный и минометный огонь противника, атакующие решительным броском вышли на высоту и вступили здесь в рукопашный бой с поспешно возвратившимися с отдыха немецкими подразделениями. Майор Филиппов немедленно выдвинул вперед пулеметно-артиллерийские роты. Заняв позиции на скатах высоты, они огнем станковых пулеметов отразили контратаки оправившегося противника.

Батальон закрепился на высоте, но развить успех уже не сумел.

Утром у меня собрались на совет Калинин, Дмитриев и командиры батальонов. Разобрали причины неудачи и план нового наступления для захвата высоты 135,4, которой мы на этот раз решили овладеть в первую очередь, так как это облегчило бы удар и по высоте 144,4.

Бои показали, что для овладения высотами нужно в составе укрепрайона иметь, помимо штурмовых групп, и стрелковый батальон. Поэтому ускорили доукомплектование возвратившегося 231-го батальона. К концу того же дня он был приведен в боевую готовность. Кроме того, командиры артпулбатов перевели свои резервные роты на положение стрелковых. В каждой из них была штурмовая группа в составе 25 бойцов.

Захват высоты 135,4 поручили 18-му пулеметно-артиллерийскому батальону, которым командовал энергичный, инициативный капитан Иван Максимович Новаковский. Поддерживать его должны были соседние 2-й и 311-й батальоны, а также артиллерийские дивизионы укрепленного района.

Еще один вывод, который был подсказан предшествующими боями, состоял в том, что огневая поддержка 76-мм орудий, на-

ходящихся на закрытых позициях, малоэффективна во время штурма. Такой огонь не обеспечивал разрушения опорных пунктов врага. Для этого требовались артиллерия и минометы крупных калибров, а их у нас в укрепрайоне не было.

Дело осложнилось и тем, что мой заместитель по артиллерии подполковник В. З. Семькин оказался человеком малоинициативным. Более того, привыкнув действовать только в условиях укрепленных районов классической формы, он не скрывал своего недовольствия по поводу того, что нас используют для штурма или, как он говорил, «не по назначению».

Формально он как будто выполнял все свои обязанности, придаться было не к чему. Но в своеобразной боевой обстановке тех дней, когда нужно было искать и использовать малейшую возможность подавить или хотя бы ослабить сопротивление врага, подполковник Семькин мало чем помогал этому.

К счастью, среди наших артиллеристов был, пожалуй, лишь один такой. В дивизионах одобрительно отнеслись к разработанному штабом укрепрайона плану, согласно которому наступление должно было начаться внезапно, без артподготовки, но зато предстояло катить орудия вручную, с тем чтобы они, следуя в боевых порядках наступающих, вели огонь прямой наводкой по заранее засеченным бойницам и амбразурам укреплений гитлеровцев.

Кроме того, в штурмовые группы 18-го артпульбата мы включили по отделению саперов из инженерного батальона. Их задача состояла в том, чтобы проделывать проходы в минных полях

противника и взрывать его огневые точки и другие оборонительные сооружения.

В целом, таким образом, план был основан на внезапности штурма и наиболее эффективном применении всех имевшихся в нашем распоряжении средств подавления обороны врага. Естественно, осуществить этот план мы решили после наступления темноты. А так как подготовку удалось завершить быстро, то атака началась в ближайшую же ночь.

24 января в 23 часа на штурм высоты 135,4 двинулся отряд из двух штурмовых групп 18-го батальона, состоявший из 50 бойцов во главе с командиром роты коммунистом капитаном Хайдаровым. Маскируясь, без выстрела, смельчаки приблизились на 40—50 метров к переднему краю противника.

Гитлеровцы, как и в прошлый раз, именно в этот момент осветили местность ракетами и открыли автоматнo-пулеметный огонь. Штурмовые группы вынуждены были залечь.

Но дальше события развертывались совсем не так, как прежде. И как раз потому, что непосредственно за передовым отрядом атакующих следовали артиллерийские расчеты.

Воспользовавшись освещением, демаскировавшим огневые точки противника, они открыли по их амбразурам огонь прямой наводкой с дистанции 100—150 метров. Он оказался действенным и помог штурмовым группам, а также ринувшей вслед за ними всей роте капитана Хайдарова, ворваться на передний край врага и при содействии соседей уничтожить три огневые точки в дерево-земляных сооружениях противника. Выдвинув затем станковые пулеметы и орудия на фланги, Хайдаров в условиях образовавшегося прорыва закрепил за собой часть железнодорожной насыпи.

Командир 18-го батальона капитан Новаковский тотчас же направил подразделения другой пулеметно-артиллерийской роты для овладения и закрепления всего опорного пункта противника. И не напрасно. Пытаясь восстановить положение, фашисты не замедлили начать контратаку. Но повели ее, видимо, ближайшими резервами силою не более роты. И не достигли желаемого результата. Контратака была отражена.

Обозначившийся частичный успех батальона надо было срочно развить. Поэтому в прорыв немедленно вошли рота разведки укрепленного района и соседняя рота 2-го батальона. Они и овладели всем железнодорожным полотном на этом направлении с находившимися здесь паровозами и вагонами.

Теперь в дело вступил 231-й стрелковый батальон. Он атаковал фашистов уже в глубине их обороны. Вскоре батальон захватил кладбище на северо-западных скатах высоты и опорный пункт противника вблизи рощи Четырехугольной. После этого командование укрепрайоном ввело в бой свой резерв — стрелковые роты 2-го и 350-го батальонов. Действуя совместно

с ними, 231-й овладел всей северной и северо-восточной частью высоты.

Следовавшие за стрелковыми подразделениями пулеметно-артиллерийские роты закрепляли захваченные позиции и успешно отражали неоднократные контратаки противника. Вскоре артиллерийские и пулеметные расчеты 2-го и 18-го артиллерийских батальонов перерезали всю высоту с северо-запада на юго-восток. Это позволило вывести в резерв 231-й батальон и другие стрелковые подразделения со штурмовыми группами для подготовки к дальнейшему наступлению, которое было назначено на следующую ночь.

Последнее объяснялось все тем же отсутствием в укрепленном районе мощной артиллерии, способной вести контрбатареинный огонь. Вследствие этого продвигаться днем было невозможно: артиллерийским, а также пулеметным, минометным огнем из долговременных укреплений, расположенных на гребне высоты и обратных скатах, противник стремился уничтожить каждую появившуюся открытую цель.

Отдохнув за день и приведя себя в порядок, резервные подразделения в ночь на 25 января вновь повели бой, развивая успех. 18-й батальон, атакуя фашистов к югу от кладбища, блокировал, а вскоре и уничтожил их долговременные огневые точки на курганах южного ската высоты и тем самым помог продвижению соседнего 2-го батальона. Затем оба они, усиленные резервом укрепрайона, начали совместную атаку. Она была слаженной и обеспечила полный успех: к 8 часам 26 января войска укрепленного района овладели всей высотой 135,4, ликвидировав находившийся здесь узел сопротивления противника¹.

Последствия этого оказались для врага еще более серьезными, чем мы предполагали, так как одновременно с захватом высоты 135,4 произошло еще одно важное событие: наш сосед — 166-я стрелковая дивизия вышла к населенному пункту Орловка с юго-запада. Все это вместе взятое поставило другой узел сопротивления противника — на высоте 144,4 — под угрозу полного окружения.

В результате фашисты вынуждены были приступить к отходу не только с этой высоты, но и из Орловки. Мы же начали преследование их силами 2-го и 350-го артиллерийских батальонов во взаимодействии с полками стрелковой дивизии.

В ходе этих действий перед укрепрайоном возникла новая задача: как быть с нашим тяжелым пехотным вооружением в условиях преследования отступающих вражеских войск? Поскольку настигнуть бегущего врага можно лишь при высоких темпах продвижения, единственным выходом было избавиться преследующие части от тяжелого вооружения. Так и сделали, по существу временно превратив их в стрелковые.

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 48, л. 57.

Но и при этом достигнутые частями укрепрайона темпы преследования оказались недостаточными для того, чтобы окружить отступавший вражеский батальон. Он отходил к тракторному заводу под прикрытием пулеметного и автоматного огня так называемых подразделений «смертников», т. е. солдат, которых фашисты обрекли на гибель.

Ликвидировав эти отдельные узлы сопротивления, мы обошли отступавшего в районе Мокрой Мечетки противника, но полностью его окружить не успели. Остаткам фашистского батальона удалось уйти по льду на противоположный берег этой речки, где заранее был оборудован новый оборонительный рубеж. Оттуда противник вел мощный пулеметный, минометный и артиллерийский огонь, и мы не смогли с ходу форсировать речку.

Позднее мы научились этому. И немалую роль в том, что части укрепрайона впоследствии умели стремительно преследовать и успешно громить врага в самых трудных условиях, сыграл опыт боев именно в этот день — 26 января 1943 г., когда наши батальоны впервые обратили противника в бегство.

Впрочем, этот день не только прибавил нам опыта, но и принес реальный успех. Вслед за овладением высотой 135,4 части укрепленного района к исходу 26 января полностью очистили от противника не только балки Каменную и Песчаную, но и высоту 144,4¹.

Легко представить радостный подъем, охвативший наших солдат и офицеров. Это было подлинное ликование, когда мы узнали, что удача батальонов укрепрайона — лишь маленькая частичка крупного успеха, достигнутого в тот день советскими войсками в районе Сталинграда: 21-я и 62-я армии, прорвав оборону противника и соединившись у Мамаева кургана, разрезали сталинградскую группировку фашистских войск на две — южную и северную.

Мы знали, что в составе 62-й армии действовал 156-й полковой укрепленный район. Его батальоны еще в конце декабря вошли в непосредственное соприкосновение с противником, заняв боевой рубеж по линии, проходившей от западного берега Волги по району заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» вплоть до центральной части Сталинграда. В ходе наступления они прикрывали фланги атакующих войск 62-й армии, поддерживали их огнем, закреплялись на захваченных рубежах, а также сами штурмовали блокированные опорные пункты противника.

Отважно сражался 17-й пулеметно-артиллерийский батальон этого укрепрайона.

23 декабря, когда он занял часть территории завода «Красный Октябрь», большинство заводских зданий еще находилось

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 48, лл. 57—60.

в руках врага. Фашистский гарнизон общей численностью до 400 человек создал здесь сильно укрепленные опорные пункты, позволявшие вести мощный многослойный огонь, который, казалось бы, исключал для наших полевых войск всякую возможность продвижения вперед.

В свою очередь, искусно расположив артиллерию, минометы и пулеметы в захваченных двух цехах — мостовом и чугунолитейном, — 17-й артпулбат огнем отсек вражеский гарнизон от остальных фашистских войск и лишил его связи с ними. Сковав таким образом силы противника и не позволив им маневрировать, он обеспечил штурмовым группам 45-й стрелковой и 3-й гвардейской дивизий возможность атаковать гарнизон вражеского узла сопротивления. Благодаря этому наши полевые войска, в боевых порядках которых находились и пулеметные расчеты 17-го батальона, 10 января захватили здания заводоуправления и лаборатории.

Большую помощь полевым войскам оказали и остальные батальоны 156-го укрепрайона. Они прочно прикрывали фланги и тыл атакующих, что позволяло успешно развивать наступление¹.

Итак, 26 января сталинградская группировка немецко-фашистских войск была рассечена надвое.

Это было начало полного разгрома окруженных. Впоследствии именно так и оценила история события того знаменательного дня. Но и тогда, в разгар одного из величайших сражений всех времен, мы, его участники, сердцем почувствовали значение происходившего на наших глазах.

Вот оно, поле битвы, оставшееся за нами. Оно досталось нам нелегко и не без потерь. Но мы видели в несколько раз большее число сраженных врагов. И мы видели бегущего под нашим натиском противника, побросавшего не только награбленное имущество, но и оружие — винтовки, автоматы, пистолеты, орудия и оставившего даже танки.

Одни лишь батальоны укрепрайона за последние 3 дня боев захватили 9 вражеских орудий, 30 станковых пулеметов, 53 автомата, 8 минометов, 290 винтовок, 5 подбитых танков и столько же складов с боеприпасами. Что и говорить, трофеи сравнительно небольшие, но ведь они были первыми для нас!

Наконец, пленные... Их тоже оказалось не так уж много — 68. Но ведь и они были взяты нами впервые.

Ни с чем не сравнить чувство солдата, испытавшего горечь отступления и тяжелой обороны, а теперь, наконец, начавшего одолевать врага в смертельной схватке. Оно рождало мощный порыв к наступлению, придавало новые силы для предстоявших боев.

¹ Архив МО СССР, ф. 6314, оп. 11158, д. 209, лл. 78—79.

Битва за Сталинградский тракторный

По ту сторону Мокрой Мечетки отчетливо видны были кирпичный завод, электростанция. Дальше раскинулись корпуса тракторного, многоэтажные жилые дома, огромное здание заводского Дворца культуры.

Где-то там, на территории тракторного, засел со своим штабом командир 11-го немецкого армейского корпуса генерал Штрекер. Этот фашист впоследствии не пожелал сдаться даже после того, как капитулировал фельдмаршал Паулюс со всем своим окружением. Вероятно, Штрекер, вопреки очевидным фактам, подтверждавшим обреченность сталинградской группировки гитлеровских войск, все еще рассчитывал на то, что ее спасет помощь «фюрера». А до тех пор он надеялся отсидеться в корпусах тракторного, превращенного по его приказу в настоящую крепость.

Не только завод, но и все подступы к нему представляли собой мощную оборонительную систему. Ее передний край проходил по южному берегу Мокрой Мечетки.

Первой преградой должно было служить созданное здесь сплошное минное поле. Выше обрывистый и малодоступный сам по себе берег был буквально усеян замаскированными огневymi точками долговременного типа и блиндажами с двойными и тройными бревенчатыми перекрытиями, а иногда и с прокладками из рельсов. Доты соединялись полузакрытыми траншеями и закрытыми ходами сообщения, проложенными непосредственно за надежной железобетонной стенкой, тянувшейся по верхней кромке берега.

Система обороны на переднем крае противника позволяла ему вести по атакующим многослойный перекрестный огонь из пулеметов и навесной из минометов. За первой линией обороны, проходившей у самой речки, следовала вторая. Здесь в узлы сопротивления были превращены электростанция и цеха кирпичного

завода, в том числе гофманские печи — кольцевые каналы длиной по сто метров, оборудованные специальными камерами и, по существу, представлявшие собой готовые мощные форты.

Третьей линией служили дома поселка и окружавшая завод железобетонная стена. Там, где она была разрушена, фашисты соорудили каменные баррикады. Наконец, еще немного дальше располагался второй эшелон обороны, центром которого гитлеровцы сделали Дворец культуры. Позади поселка занимали огневые позиции артиллерия и крупные минометы.

Ко всему этому нужно добавить, что тянувшийся к югу от устья Мокрой Мечетки крутой берег Волги также был превращен врагом в сплошную оборонительную позицию. Здесь огневые точки располагались в несколько ярусов, сообщались между собой и были хорошо защищены от артиллерийских снарядов и авиационных бомб.

Таким образом, батальоны 159-го укрепленного района, овладев высотами 135,4 и 144,4 и выйдя к устью Мокрой Мечетки, оказались перед еще более мощной оборонительной линией противника. Взломать и ее — такова была задача, поставленная командованием 66-й армии.

... Ясное, морозное утро 28 января. Яркое солнце освещает истерзанную, обгавленную кровью сталинградскую землю, которая сегодня вновь станет полем жестокого боя.

Правее нас будет наступать 226-я стрелковая дивизия. Ее задача — пробиться к тракторному заводу с севера. Нам же приказано штурмовать противника с северо-востока, со стороны устья Мокрой Мечетки¹. В полдень начнется двухчасовая артиллерийская и авиационная подготовка, которая, по замыслу штаба армии, сокрушит вражескую оборону.

Позади две ночи и день подготовки к штурму. Бессонные ночи для нас, офицеров, и трудный день для солдат. Успех в предыдущих сражениях, хотя он и стоил немалых потерь, еще выше поднял боевой дух наших воинов. Они были охвачены тем особым чувством, которое я назвал бы жаждой битвы с ненавистным врагом. Стремление довершить разгром части гитлеровской группировки, еще недавно грозной, а теперь загнанной в ловушку, было настолько сильным, что солдаты с нетерпением ждали приказа идти на штурм.

Напряженно готовили «канву» предстоявшего боя наши штабные — А. С. Дмитриев и его помощники старший лейтенант Ф. Ш. Тагиров и И. А. Негода. Они успевали также проводить, чередуясь, долгие часы на наблюдательном пункте, устроенном на южной окраине Спартановки, и в специально отведенных для наблюдателей-слухачей местах на переднем крае.

¹ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 48, л. 59.

Казалось, предусмотрели все. Батальоны окончательно перестроили по типу стрелковых. Пулеметно-артиллерийские роты стали — благо, трофейного оружия и боеприпасов было в достатке — подразделениями стрелков и автоматчиков, хорошо приспособленными для штурма. Тщательно подготовились к атаке штурмовые группы. Батальоны и роты хорошо отработали взаимодействие друг с другом в бою.

И все же атака не принесла нам успеха.

Ей предшествовала, как я уже сказал, артиллерийская и авиационная подготовка. Она была, действительно, очень мощной. Ровно в полдень на противника обрушилась вся армейская артиллерия. От гула орудий крупного калибра задрожала земля. Бесконечной чередой пронеслись горящие снопы смертоносных снарядов, посылаемых «катюшами». Одновременно 40 бомбардировщиков, делая заход за заходом, наносили по врагу сильные бомбовые удары.

После такой двухчасовой работы артиллерии и авиации, думали мы, от противника не останется живого места. Но на деле вышло далеко не так.

В это время я был на своем наблюдательном пункте на южной окраине Спартановки и отсюда видел как на ладони все поле боя. Но что это? Почему снаряды и бомбы ложатся не на переднем крае обороны фашистов, а в глубине ее, на территории тракторного завода?

Рядом со мной находилось руководство тракторного — директор, секретарь партийной организации, председатель завкома.

Наблюдательный пункт 159-го укрепрайона в Спартановке

Их трясло как в лихорадке: завод и так полуразрушен, неужели же его добьют свои?

К счастью, этого не случилось. Но не произошло и другого: задача артиллерийской и авиационной подготовки, состоявшая в том, чтобы подавить оборону противника, не была выполнена. «Подправить» же артиллеристов и летчиков, к величайшей моей досаде, не удалось, так как прямой связи с ними у меня не было, а донесения, посланные в штаб армии, прибыли туда слишком поздно.

И тут наступил момент, назначенный для начала штурма. Ровно в 14 часов, одновременно с соседями справа, пошел в атаку первый эшелон укрепрайона — три батальона, поддерживаемые огнем своих артиллерийских дивизионов. Стремительный бросок — и наши бойцы уже ползут вверх по крутому правому берегу Мокрой Мечетки.

Враг затаился. А может быть, все-таки артиллерийская и авиационная подготовка была не так уж неэффективна, и оборона противника на переднем крае подавлена?

Но смутная надежда тут же исчезает: фашисты внезапно открыли губительный перекрестный огонь из пулеметов. И вот уже наши бойцы прижаты к земле. Атака захлебывается.

Сосредоточиться на правом берегу сумел только 311-й батальон. Начало положила его правофланговая рота, первой выскользившая на участок вблизи трех полуразрушенных домов.

Я видел, как ее командир лейтенант И. П. Субелиани мгновенно стоял за укрытием, оглядывая поле боя. Потом его длинное гибкое тело скользнуло вниз. Неужели убит? Может быть, только ранен? Но, к счастью, Субелиани был невредим. Он быстро переползал от одной группы бойцов к другой, отдавал приказания.

Рота поднялась. Двинулась вперед, к одному из зданий. Но тотчас же залегла, встреченная яростным пулеметным огнем. И снова коммунист Субелиани не растерялся. Новый бросок вперед. У ближайшего здания завязывается рукопашный бой. Почти сразу он перемещается внутрь дома.

Что там происходит? Кто выйдет победителем из этой схватки? Томительно тянутся минуты. И вот, наконец, донесение командира 311-го батальона майора Филиппова: рота лейтенанта Субелиани выбила противника не только из ближайшего здания, но и из двух других.

Тем временем на правый берег ворвались подразделения 2-го батальона. Одному из его взводов тоже удалось захватить здание на территории кирпичного завода.

Стемнело, а бой не утихал. Он продолжался и всю ночь. Но попытки доставить новые подкрепления на правый берег были безуспешны, так как враг, используя закрытые ходы сообщения, вновь проник из глубины обороны к берегу Мокрой Мечетки и

заял тщательно замаскированные и поэтому не замеченные нами раньше огневые точки. Более того, с помощью тех же ходов сообщения фашисты перебросили сюда значительные силы и атаковали с тыла наши подразделения, действовавшие на правом берегу.

В неравном ночном бою, переходившем в кровопролитные рукопашные схватки, нашим бойцам невероятными усилиями удалось удержать только один из четырех захваченных днем домов.

Положение резко усложнилось. Мучительно думая о причинах неудачи, я не мог не видеть, что дело не только в невысокой эффективности артиллерийской и авиационной подготовки.

Во многом мы были виноваты сами. Например, недостаточно изучили лежавшее на нашем пути минное поле и потому плохо разминировали его. Кроме того, продолжала сказываться односторонняя выучка бойцов укрепленного района. Отлично натренированные для боя в обороне, они все еще чувствовали себя непривычно в наступлении, когда приходилось сражаться вне огневых точек. Шли в атаку кучно даже тогда, когда непременно нужно было действовать в одиночку или в крайнем случае мелкими группами. Подчас не умели укрываться от вражеского огня, наступая днем на открытом месте. Нетвердо знали свой маршрут атаки.

Нелегко было говорить обо всем этом командирам батальонов и рот, собравшимся 29 января в штабе укрепрайона. Ведь ни одного из тех, кто участвовал в последнем бою, нельзя было упрекнуть в недостатке отваги. Напротив, все они сражались самоотверженно, героически. И все же мы обсуждали именно ошибки и недоделки подготовки и осуществления вчерашней атаки. Ибо успех штурма зависит не только от храбрости наступающих, но и не в меньшей степени от их искусных, заранее обдуманных действий.

Теперь, когда я вспоминаю об этом совещании, оно представляется мне отражением знаменательного процесса, который происходил тогда во всей Советской Армии.

Завершившимся в то время разгромом сталинградской группировки отборных немецко-фашистских войск Советские Вооруженные Силы положили начало перелому в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны. Заканчивался ее первый, оборонительный период, начинался второй — наступательный. Конечно, в предстоявших суровых битвах искусству обороны все еще принадлежала огромная роль, но она уже не была главной. Если до этого основное стратегическое содержание наших военных действий состояло в том, чтобы воспрепятствовать продвижению войск противника, особенно на решающих направлениях, то теперь оно заключалось уже в быстрейшем очищении всей советской территории от захватчиков, в разгроме фашистских армий.

История Великой Отечественной войны сохранила немало свидетельств больших достижений советского военного искусства в организации и ведении крупных наступательных действий.

Взять хотя бы разработанную нашим командованием операцию «Уран» по окружению сталинградской группировки противника. Этот план до сих пор поражает своей оригинальностью, а также грандиозностью масштабов. Какой гигантский труд был проделан нашей Коммунистической партией, всем советским народом и его армией, для того, чтобы сломать хребет фашистскому зверю, добравшемуся до берегов Волги! И какие безмерно важные результаты принес этот великий труд: 22 отборные гитлеровские дивизии были окружены, разгромлены и пленены.

Дальнейшие события дали немало и других подтверждений тому, что советское военное искусство в области наступательных действий превзошло все известное до тех пор из истории войн.

Но здесь мне хочется сказать о другой стороне этого вопроса, а именно: даже неизмеримо возросшее тогда умение готовить и вести наступление в крупных масштабах не смогло бы дать нужный результат, если бы составной его частью не являлся дух боевого творчества, охвативший всех наших воинов — и офицеров, и солдат. Ведь общий план командования доходил до каждого из нас в виде определенной боевой задачи, которую нужно было выполнить на данном участке. Разумеется, знали мы также, с кем будем взаимодействовать при ее осуществлении. Но кто лучше нас самих был способен сказать, что именно мы должны делать в тот или иной момент атаки? Ответ на этот вопрос могли подсказать лишь конкретные условия боя.

Итак, повиновение приказу, но не слепое и бездумное, а творческое, с поиском наилучшего решения поставленной задачи — такова была, как мне кажется, одна из особенностей общего роста советского военного искусства в те суровые годы. Конечно, она всегда была характерной чертой Советской Армии с первого дня ее рождения. Но в период Великой Отечественной войны эта особенность сыграла исключительно важную роль. И вполне естественно, что наиболее ярко она проявилась в наступлении — самой активной форме военных действий.

Силою творческого духа, царившего и в нашем укрепрайоне, я объясняю и то, что никто из офицеров в тот памятный день 29 января 1943 г. даже не подумал искать каких-либо оправданий неудачи, постигшей нас накануне. Мы стремились найти другое: наилучший способ преодолеть пространство, отделявшее нас от противника и пристрелянное им буквально на каждом клочке.

Этот поиск, знакомый всем, кто сражался с врагом, осложнялся для частей укрепленного района, как я уже говорил, особенностями их вооружения и выучки. Поэтому нужно было найти такой ключ к решению поставленной перед нами задачи, кото-

рый превратил бы недостатки организации и боевой подготовки батальонов в достоинства.

Этим ключом и стал опыт предшествующих боев. Пусть никого не удивляет, что мы обратились к нему лишь после того, как испытали горечь неудачи. Ведь боевой опыт не есть нечто готовое. Он рождается, как и всякий опыт, в сопоставлении сущности, причин многих удач и ошибок.

Да, при взятии высоты 135,4 батальоны действовали более продуманно. Тогда, например, наша собственная артиллерия хорошо поддержала атакующих именно потому, что, двигаясь в их боевых порядках, она была с малых дистанций по огневым точкам и укреплениям противника. Но применяя такой метод, мы исходили из того, что можем рассчитывать лишь на свои силы, и соответственно построили весь план атаки.

Вчера же все было иначе: в течение двух часов перед штурмом орудия крупного калибра и бомбардировщики «обрабатывали» оборону врага. В этой обстановке мы и не подумали использовать опыт предыдущего сражения.

Отчасти, конечно, это объяснялось несколько наивной уверенностью в том, что оборона противника еще до начала штурма будет подавлена авиацией и армейской артиллерией. Однако главное было в ином: мы сами еще не вполне осознали, какое значение имели в наших условиях уроки боя за высоту 135,4. Иначе говоря, пока что не относились к ним как к опыту в том смысле этого слова, который означает нечто очень ценное.

По-другому это представлялось нам 29 января, после первого, безуспешного штурма подступов к тракторному заводу. Теперь мы видели, что и при мощной артиллерийской и авиационной подготовке одно из условий успеха — использование «малой артиллерии», двигающейся в боевых порядках наступающих.

Стало также ясно, что одного лишь предварительного разминирования недостаточно, специально подготовленные бойцы должны вести его и в ходе боя при помощи всех имеющихся средств. Наконец, непременно нужно было, чтобы подразделения шли в атаку рассредоточенно и чтобы каждый участник штурма к моменту его начала не только знал свою задачу и маршрут, но и подготовился хотя бы к нескольким различным вариантам действий совместно с соседом, умел в зависимости от обстановки применить тот или иной из них.

Все эти требования, предназначенные служить боевому успеху и предотвращению лишних потерь, были положены в основу приказа командирам батальонов и рот о подготовке к новому наступлению.

А так как командование армии назначило его на 31 января, то у нас оставалось около полутора суток для того, чтобы попытаться вновь захватить те позиции врага, которые 311-й и 2-й батальоны

заяли, но не сумели удержать накануне. Решили атаковать противника на этом участке на следующее же утро — 30 января. Это должно было обеспечить внезапность, так как фашисты, несомненно, полагали, что наши подразделения, отброшенные ими на исходные позиции, не скоро смогут оправиться и начать новый штурм.

На рассвете несколько подразделений 311-го и 2-го батальонов первыми атаковали противника в районе уже побывавших в их руках нескольких зданий кирпичного завода.

Расчет на внезапность оказался правильным. Как вскоре выяснилось, гитлеровцы не ожидали нашей повторной атаки так скоро и поэтому даже отвели некоторые свои подразделения в глубину обороны на отдых.

Стремительно достигнув расположения врага, атакующие вновь захватили — теперь уже прочно — все четыре дома и таким образом полностью восстановили положение первого дня боя. При этом воины 311-го батальона уничтожили большую часть отчаянно оборонявшихся, остальных обратили в бегство. В рукопашной схватке было убито семь немецких офицеров, а двое взяты в плен.

...Ночь на 31 января. В зеленовато-голубом зимнем небе светятся вечные звезды, напоминая о том, что пройдет, окончится и эта война. Да, конечно. И пусть это произойдет как можно скорее. Пусть эта война, принесшая человечеству невыразимо тяжкие лишения и утраты, станет последней на земле.

Во имя этого мы, советские люди, и ведем тяжелую борьбу с фашизмом — злейшим врагом мира, сделавшим грабительскую, захватническую войну своей программой. Он силен и опасен, так как за ним идут все темные силы. Но все же победим в этой борьбе мы, ибо мощь нашей великой социалистической страны непреодолима. И ради победы, которая очистит Родину от захватчиков и избавит все человечество от коричневой чумы, каждый советский воин не пожалеет ни сил, ни самой жизни. Ему не страшно погибнуть в бою за правое дело, ведь это смерть во имя жизни.

Быть может, и этот новый день, уже зарождающийся на востоке, будет для многих из нас последним. Но не об этом наши думы...

Части укрепрайона заканчивали приготовления к решительному наступлению на один из последних оплотов сопротивления сталинградской группировки врага. Завершили свою работу бойцы, которые всю ночь с помощью особых приспособлений — «кошек» прокладывали проходы в минных полях — и в наших собственных, и во вражеских. Задолго до рассвета на южный берег Мокрой Мечетки подтянулись все подразделения 311-го батальона. Туда же ушел 350-й, сменивший выведенные во второй эшелон роты 2-го батальона.

В 10 часов вновь дрогнула земля от гула орудий. Началась артиллерийская подготовка. А вот и бомбардировщики.

Крупнокалиберные снаряды и тяжелые бомбы на этот раз чаще падали там, где нужно, и мы от души были благодарны артиллеристам и летчикам. Однако не поддались искушению отказаться от использования своей артиллерии непосредственно в боевых порядках батальонов и рот. И не пожалели об этом. Огонь прямой наводкой, который мы вели в ходе боя по дотам противника, в значительной степени обеспечил успех штурма.

Первым сразу же после артиллерийской и авиационной подготовки пошел в атаку 311-й батальон. Две его роты прежде всего выбили гитлеровцев из здания сушилки в юго-западной части территории кирпичного завода. Одновременно батальон, взаимодействуя с соседями, овладел еще несколькими заводскими строениями. Он настолько прочно закрепился в этом первом опорном пункте врага на правом берегу Мокрой Мечетки, что ни одна из последовавших затем контратак, предпринимавшихся фашистами из глубины их обороны, успеха не имела.

Уверенно и осмотрительно действовал 350-й батальон. Его командиру капитану Григорьеву, совсем еще юноше, определенно пригодилось все, что он увидел за последние дни, находясь почти непрерывно на моем наблюдательном пункте и тщательно изучая ход боя. Еще перед атакой можно было видеть, как методично, без суеты накапливались бойцы на линии броска. «Свой» маневр хорошо знал каждый из них и в бою.

Вот метнулись вперед роты первого эшелона. За ними двинулись остальные. Подразделения делали бросок одновременно, каждое на своем направлении. Ползком, один за другим, бойцы добирались до расщелины у кирпичного завода. За ней их ждала встреча с врагом.

Застучал первый пулемет, отсекая огнем группу фашистов, пытавшихся проникнуть из глубины обороны к зданиям завода. Метко направленная огневая струя заставила их откатиться назад.

Капитан Григорьев шлет первое донесение: занял одну из гофманских печей и два ближайших к ней здания, закрепился прочно.

Вместе с левофланговым 18-м батальоном атаквали противника бойцы 149-й стрелковой бригады, до того входившей в группу Горохова. Я уже упоминал об этой горстке отважных воинов, которые в течение нескольких месяцев героически отстаивали небольшой клочок земли чуть выше устья Мокрой Мечетки, прикрывая переправы через Волгу. Теперь они не менее отважно действовали в наступлении.

18-й батальон наносил удар по опорному пункту врага к югу от устья Мокрой Мечетки. Прошло несколько минут, и вот уже комбат капитан Новаковский сообщает: одна из рот захватила

складские строения кирпичного завода, другая гранатами выбивает фашистов, засевших в гофманской печи и в трубе сушиллки.

К исходу дня батальоны, в числе которых был и 360-й, только что возвратившийся с правого фланга армии и с ходу вступивший в бой, полностью овладели кирпичным заводом, составлявшим, как я уже отмечал, часть первой, наиболее сильно укрепленной линии обороны противника. Таким образом, в наших руках оказались восточные подступы к тракторному заводу, а также к Дворцу культуры.

Приятно было узнать, что добилась успеха и действовавшая справа от нас 226-я дивизия. Форсировав Мокрую Мечетку, она также вышла на подступы к тракторному — с севера.

Еще радостнее известия из штаба фронта: южная часть группировки врага во главе с фельдмаршалом Паулюсом сложила оружие.

Что касается северной, против которой сражались мы, то Паулюс отказался отдать ей приказ о капитуляции. Он мотивировал это тем, что, будучи военнопленным, не имеет права отдавать приказы группировке, которая еще вела боевые действия. Командование же последней, стремясь во что бы то ни стало удержать тракторный завод, являвшийся теперь уже единственным оплотом фашистов в Сталинграде, упрямо отклоняло все предложения о сдаче. Тем самым оно фактически подписало смертный приговор гарнизону этого узла сопротивления, ибо нашему командованию оставалось лишь одно: уничтожить врага, не желая сдаться.

Там, в южной части города, впервые после многих месяцев ожесточенных боев, наступила тишина. Ее нарушает лишь радостное ликование победителей — наших товарищей из других соединений.

А нам еще предстоит последний штурм. Его исход предreshен, так что позаботимся лишь о том, чтобы побыстрее и с наименьшими для себя потерями разгромить окопавшиеся здесь остатки войск противника, поскорее обрадовать Родину полной и окончательной ликвидацией сталинградской группировки врага...

Стемнело. Мы с Дмитриевым осторожно обходим наш передний край, проверяем, надежно ли закрепились батальоны в захваченных у фашистов опорных пунктах.

Тут же отводим нашей артиллерии новые места в боевых порядках пехоты. Это нужно потому, что завтра, во время штурма, ее задача усложнится. Возможно, что гитлеровцы, засевшие в сильно укрепленных каменных зданиях заводского поселка и во Дворце культуры, в блиндажах с надежными перекрытиями и за железобетонной стеной, окажутся малоуязвимы для пулеметов и стрелкового оружия. Кроме того, они могут вновь воспользоваться развитой сетью крытых ходов даже для маневра в тыл

нашим батальонам. И в том, и в другом случае поможет наша артиллерия, ведя огонь прямой наводкой с кратчайших дистанций.

Все это, а также тщательная проверка ходов сообщения на занятом участке, оказалось отнюдь не лишним.

Едва успели мы принять дополнительные меры предосторожности, как из глубины расположения противника пошли в контратаку фашистские батальоны. Подобные пошутки, имевшие целью вернуть утраченные позиции, не прекращались до самого утра. Но гитлеровцам не удалось не только отбросить нас, но и возвратить хотя бы одно из захваченных нами зданий.

Особенно упорно стремились они отбить небольшой, обособленно стоявший полуразрушенный дом, занятый еще днем штурмовой группой во главе с лейтенантом Бабушкиным из 18-го батальона. Первую атаку роты фашистов, начавшуюся ровно в полночь, восемь наших отважных бойцов отразили огнем ручного пулемета и автоматов. Враги залегли вокруг дома. Потом пытались незаметно подползти к его стенам.

Но каждый раз штурмовая группа по команде Бабушкина забрасывала их ручными гранатами. Отважным бойцам, защищавшим дом, хорошо помогли наши артиллеристы. Подвижное огневое кольцо сначала преградило фашистам путь к зданию, а затем и отогнало их на почтительное расстояние.

1 февраля с самого рассвета начался штурм тракторного. На подступах к нему продолжали уничтожать противника 350-й и 18-й батальоны вместе с бойцами 149-й бригады. А 311-й в это же время, взаимодействуя со своим правым соседом — 9-м стрелковым полком 226-й дивизии, атаковал гитлеровцев, засевших в механическом цехе тракторного.

В передовой линии наступающих рот мы имели по 24 орудия на километр фронта. Артиллеристы, находившиеся в боевых порядках пехоты, вели непрерывный, прицельный огонь прямой наводкой на самых сближенных дистанциях, почти в упор били по амбразурам огневых сооружений фашистов. Это в огромной степени помогало нам шаг за шагом «прогрызать» оборону противника.

Сразу же за кирпичным заводом находился следующий опорный пункт фашистов, центром которого была трансформаторная станция. Он оказался «зубастым». Нашим бойцам сначала удалось обойти станцию, но там они попали под губительный огонь с фланга, из-за стены. Часть атакующих отошла, остальные залегли.

Здесь я еще раз убедился в том, что мы многое выиграли от создания собственной медицинской службы.

Уже к началу январских боев медико-санитарное обслуживание батальонов было полностью реорганизовано. Сделать это пришлось еще в конце декабря, когда подразделения укреп-

района, совершенствуя позиции на своем участке обороны под сильным огнем врага, понесли первые серьезные потери.

Тогда нас обслуживали медсанбаты соседних дивизий, поэтому раненые попадали туда с большим опозданием по сравнению с установленными нормами. Кроме того, по выздоровлении их не возвращали в укрепрайон, а оставляли в той дивизии, которой принадлежал данный медсанбат. Нас, конечно, не устраивало ни то, ни другое.

И первым, к моему удивлению, об этом заговорил Дмитриев. Он с жаром доказывал, что созданной нами «внештатной» медико-санитарной роты недостаточно, так как она способна выполнять лишь функции эвакуационного пункта. Причем ее возможности даже в этом отношении очень ограничены. И это чувствуется уже теперь. А что же будет, когда начнем более активные боевые действия? Ведь число раненых увеличится, а значит и доставлять их в медсанбаты дивизий станет еще труднее. Наши врачи, добавил начальник штаба, считают, что мы в состоянии создать свой медико-санитарный батальон.

— Вы успели уже и с врачами посоветоваться! — невольно улыбнулся я.

Слушая Дмитриева, я представил себе первые дни нашего знакомства. Тогда, признаюсь, он показался мне несколько суховатым. Службист, подумал я о нем, дальше положенного не сделает ни шагу.

С тех пор прошло меньше года, но я уже давно убедился, что первое впечатление было ошибочным. Александр Сергеевич оказался не только отличным начальником штаба, но и человеком большой души. Мы крепко, по-настоящему подружились. И все же иногда мне казалось, что Дмитриев, всегда готовый горячо поддержать любое удачное начинание, подхватить хорошую идею и, как никто другой, умело развить и осуществить ее на практике, сам, так сказать, «пороха не выдумает».

Вот почему я сначала удивился, а потом несказанно обрадовался и самому предложению о создании медсанбата, и тому, что оно исходило от Дмитриева.

И до этого, и в дальнейшем мне не раз доводилось видеть, как в суровых испытаниях войны раскрывалось все лучшее в нашем народе, в каждом советском человеке, как малоинициативные люди становились энтузиастами, робкие — героями, сугубо «штатские» — талантливыми военными специалистами.

Да ведь и в целом наш народ до войны, до вероломного нападения гитлеровцев, так сказать, штатским. Но, мирный и прямодушный, целиком посвятивший себя труду на благо каждого человека, он во имя этого блага научился и искусно сражаться с опасным и коварным убийцей — фашизмом. И вместе с ненавистью к врагу росло в каждом из нас некое шестое чувство, помогавшее открывать в себе те силы, о которых мы подчас и сами раньше не ведали.

Итак, собственный медсанбат, не предусмотренный ни структурой, ни штатным расписанием укрепрайона, но действительно необходимый нам. Медсанбат, благодаря которому будет спасена жизнь многих раненых солдат и офицеров... Как же его создать?

— А вот как, — отвечает Александр Сергеевич.

У него уже готовы все расчеты. В них предусмотрено использование трофейного имущества, вполне подходящего для медсанбата. Главное же — медицинский персонал — тоже налицо. Это оставшиеся у нас в укрепрайоне работники санитарной службы из тех восьми батальонов, чей рядовой и сержантский состав был передан стрелковым дивизиям еще тогда, когда мы занимали оборонительный рубеж в междуречье Дона и Волги.

Медсанбат был создан и сослужил хорошую службу бойцам и офицерам укрепрайона. Особенно почувствовали мы это во время боев за Сталинградский тракторный. Число раненых, естественно, увеличилось, но теперь помощь им и лечение были поставлены гораздо лучше. И не только в самом медсанбате, но и непосредственно на поле боя.

Не могу не вспомнить с чувством благодарности и восхищения наших героев-санитаров, каждому из которых обязаны своим спасением десятки воинов.

Кстати, с созданием собственного медсанбата санитары увидели, что их опасная работа приобрела еще большее значение. Ведь раньше бывало так, что они, рискуя жизнью, выносили с поля боя раненого, но спасти его все же не удавалось, так как путь до операционного стола хирурга оказывался слишком долгим. Теперь же, когда у нас был — и близко — свой медсанбат, санитары знали, что именно от них во многом зависит спасение жизни раненых.

И они буквально творили чудеса храбрости и самопожертвования.

Замечательные были у нас санитары! А это так много значит. Есть в роте хороший санитар, и солдат уверенно, без оглядки идет в атаку. Он знает: если будет ранен, то на помощь придет верный друг с санитарной сумкой на плече.

Одного из них мы все, и солдаты и офицеры, любовно звали Саней. И, может быть, поэтому я не запомнил его фамилию. Но зато как сейчас вижу отважного санитаря, пробирающегося под огнем противника туда, где лежат раненые.

Это было как раз в разгар того самого боя 1 февраля 1943 г., о котором я уже рассказывал.

Среди наших бойцов, успевших обойти трансформаторную станцию — центр второго опорного пункта фашистского узла сопротивления на территории Сталинградского тракторного завода, — были раненые. Казалось, туда никому не удастся ни пройти, ни доползти. Но не таков был Саня, чтобы оставить раненых без помощи.

Вот он пополз вперед. Саня уже вынес сегодня с поля боя 36 раненых. Увеличится ли этот счет? Или?..

Но Саня не только храбр, он и опытен. Он не просто ползет по этому клочку земли, где каждое неверное движение грозит смертью. Вплотную прижавшись к земле и используя малейшие углубления в ней, он перемещается из одного в другое и удивительно быстро приближается к полуразрушенной стене, за которой лежат двое наших раненых.

Еще минута. Саня скрывается за стеной и тотчас же появляется вновь, теперь уже с тяжелой ношей. Невероятно, но он почти несет на себе обоих раненых. Фашисты открывают по нему яростный огонь. Группа вражеских автоматчиков, переползая по траншеям и ходам сообщения, стремится отрезать санитару путь к своим.

Но и мы не бездействуем. Сначала по гитлеровцам бьют пулеметчики и стрелки. Они вынуждают вражеских автоматчиков залечь. На выручку пришли и наши артиллеристы. Тремя меткими выстрелами они разрушили укрытия, из-за которых противник вел огонь по смельчаку.

Наконец, Саня с нами. Он цел и невредим. Деловито перевязав спасенных им раненых, поглядывает по сторонам: не пужна ли еще кому-нибудь его помощь.

... Утихший ночью бой возобновился с рассвета 2 февраля. После короткой артиллерийской и авиационной подготовки 18-й, 350-й батальоны вместе с бойцами из 149-й бригады атаковали противника, засевшего во Дворце культуры и соседних строениях, превращенных им в крепости. Одновременно 311-й и 2-й батальоны, взаимодействуя с соседом — 9-м стрелковым полком, ударили во фланг врагу, сломили его сопротивление и обратили в бегство.

Фашисты попытались отойти из поселка на территорию тракторного. Но мы уже завязали бой непосредственно у заводской стены. Гитлеровцы начали сдаваться в плен — и одиночками, и целыми подразделениями.

Батальоны укрепрайона охватили завод с северо-востока, 9-й полк — с севера. Запершийся в цехах штаб 11-го немецкого армейского корпуса потерял связь со всеми своими войсками, кроме тех, которые находились при нем. Но и последние уже ничем не могли помочь генералу Штрекеру.

Наступила развязка. Проникнув в заводской двор, наши батальоны окружили механический цех, в подвале которого «квартировали» командир фашистского корпуса и его штабные офицеры. В этих условиях вражескому командованию оставалось лишь капитулировать, что оно и сделало.

В 8 часов утра на стенах цеха появились белые флаги и генерал Штрекер затребовал нашего представителя для «переговоров». Что ж, решили мы, можно и представителя. Послали заме-

стителю командира 311-го батальона капитана В. В. Железнова. Но чванливый гитлеровец заявил ему, что о капитуляции намерен говорить «только с генералом Советской Армии».

Напомню, что это было в начале 1943 г. в Сталинграде, где наши войска впервые окружили и принудили к капитуляции значительную группировку фашистских вооруженных сил во главе с ее командованием. В дальнейшем гитлеровцы не раз еще испытывали на себе мощные удары Советской Армии и, если можно так выразиться, «научились» сдаваться не только нашим офицерам, но и солдатам.

В Сталинграде же такие, как Штрекер, еще на что-то наделись и соответственно этому вели себя.

Но, как говорится, не стоило спорить «по пустякам». Тем более, что мы свое дело сделали, да и как раз в этот момент на территорию тракторного прибыл заместитель командующего 66-й армией генерал П. М. Козлов. Он и оформил пленение командира и штаба 11-го немецкого армейского корпуса.

Впрочем, оказалось, что мы еще не все сделали. Дело в том, что, несмотря на тотчас же переданный по радио приказ Штрекера всем частям корпуса о безоговорочной сдаче в плен, некоторые из них, противостоявшие левому флангу нашего укрепрайона и засевшие во Дворце культуры и в зданиях поселка на берегу Волги, упорно отказывались капитулировать. Пришлось их выбить оттуда.

В решительную атаку пошли все пять батальонов. Гитлеровцы попытались бежать, но оказалось, что некуда: с юга наступала 62-я армия.

К 12 часам 2 февраля остатки немецких войск сдались.

*До свиданья,
Сталинград!*

Тихо в Сталинграде. Так непривычно тихо, что кажется вот-вот опять загремят орудия, засвистят пули и начнут взрываться бомбы, сея вокруг пламя и смерть. Но постепенно привыкаешь к мысли о том, что эта тишина настоящая и что многомесячная кровопролитная битва окончилась.

Теперь главное — отдать последний долг нашим павшим воинам.

Их восемьдесят один. Быть может, это и немного, особенно если учесть ожесточенный характер боев, которые вели тысячи солдат и офицеров укрепрайона против упорно оборонявшегося врага. Но каждый боец, павший смертью храбрых за свободу, честь и независимость Родины, для нас, его товарищей, — невозвратимая горькая утрата.

И не правы те, кто говорит, что на войне привыкаешь к зрелищу смерти. Нет, к этому могли привыкнуть разве только те, с кем мы тогда сражались, — гитлеровцы, провозгласившие своей программой уничтожение целых народов и рас. И они не только провозгласили, но с звериной жестокостью осуществляли эту программу. Бухенвальд, Освенцим, Майданек... Сотни и тысячи лагерей смерти создали фашисты для массового истребления людей. Они пустили в ход все, что могла изобрести фантазия убийцы, — пулю, огонь, яд.

Во всей своей наготе омерзительный облик фашизма предстал перед нашими глазами в тот самый день, о котором я рассказываю.

Безымянный островок на Волге. Недалеко от последнего нашего боевого участка в Сталинграде. Гитлеровцев мы тут не обнаружили, но зато увидели выбросившийся на берег полусожженный пароход со зверски умерщвленными детьми.

Это подлое преступление было совершено фашистами осенью 1942 г.

Гражданские власти Сталинграда решили тогда эвакуировать детей за Волгу, чтобы спасти их от бомбежки. На пароход под флагом Красного Креста поместили свыше тысячи малышей. Взрослыми здесь были только члены экипажа судна.

Противник отлично знал об этом, так как власти города непрерывно передавали по радио соответствующее сообщение на немецком языке. Но как только судно отошло от берега, в воздухе появились фашистские самолеты. На пароход с детьми полетели бомбы. Он тотчас же загорелся. Однако и этого было мало гитлеровским воздушным разбойникам. Они стреляли из пулеметов до тех пор, пока не уничтожили всех, кто находился на пароходе.

И вот мы на островке. Даже глубокий снег, покрывший остов парохода, не может скрыть следы подлого преступления фашистских извергов. Повсюду останки погибших... Чуть приоткрытый железный ящик, а в нем обгорелые, обуглившиеся тела детей. Тех, кто, видимо, искал, но так и не нашел спасения от огня.

Слова не шли с уст. Молча, сняв шапки, стояли мы над останками тысячи с лишним детей и десятка матросов. Я видел побледневшие от скорби и негодования лица Калинина и Дмитриева, яростно сжатые кулаки бойцов и офицеров. Мы многое знали тогда из газет и рассказов очевидцев о злодеяниях фашистов, но тут, на островке, впервые перед нашими собственными глазами предстало одно из них, страшное, бесчеловечное, похожее на кошмарный сон. И не было меры нашему гневу, нашей ненависти к врагу.

С чувством глубокой печали и горечи думал я о гибели ни в чем не повинных детей. За что убили их фашисты? На этот мучительный вопрос был только один ответ: нет, не армией были гитлеровские полчища, вторгшиеся на советскую землю, не армией в том смысле, какой вкладывают люди в это слово, а скопищем убийц, не щадивших никого, даже детей.

Истребление людей стало манией тех, кто верховодил этой «армией». Лишившись такой возможности в Сталинграде, Гитлер решил наверстать упущенное тем, что обрек на гибель собственные войска. Когда же они все-таки вынуждены были капитулировать, то и тогда, в самый последний момент, гитлеровцы не удержались от гнусной попытки умертвить... своих раненых солдат.

Дико, невероятно, но это именно так и было.

Выбивая из всевозможных убежищ небольшие вражеские группы, бойцы одного из наших батальонов обнаружили большой подвал, битком набитый ранеными немецкими солдатами и офицерами. Оказалось, что это госпиталь. Раненые лежали вповалку,

прямо на полу. Торопливо переходили от одного из них к другому люди в белых халатах со шприцами в руках. Застигнутые врасплох, они признались, что выполняют приказ своего командования об умерщвлении всех раненых. После этого они должны были поджечь госпиталь.

Я не знаю, где сейчас те, кого мы спасли тогда от смерти в этом подвале. Но, уверен, они не забыли, что советские люди, верные своему высокому гуманизму, отвели от них руку с ядом, который уготовило им фашистское командование в награду за то, что они пошли завоевывать «жизненное пространство».

И еще одна незабываемая картина: пленные...

Нескончаемой вереницей тянулись они в тот день мимо руин Сталинграда по дороге на Саратов. Жалкое зрелище представляла собой армия «завоевателей». Тысячи и тысячи оборванных, изголодавшихся, полузамерзших гитлеровских вояк. Без шинелей, закутанные в тряпье, обутые в так называемые эрзац-валенки — огромные, сплетенные из соломы, неуклюжие, разваливающиеся на ходу. Обмороженные лица, покрытые грязью и коростой.

Идут, идут пленные. Их тусклые глаза выражают, казалось бы, тупое безразличие ко всему. Но на самом деле это не так. Присмотришься — и начинаешь понимать, что в этих людях осталось лишь одно чувство, одно желание: жить! И им уже не до завоеваний, они больше не хотят чужой земли, которая стала могилой для многих из них.

Впоследствии, знакомясь с материалами по истории войны, я не раз убеждался в том, что разгром под Сталинградом породил в немецких солдатах именно это чувство. Еще тогда, когда вокруг них сомкнулось кольцо советских войск, большая часть погибавшей армии Паулюса поняла, наконец, в какую пропасть толкнул ее Гитлер.

Тому есть веское, неопровержимое доказательство — результаты проверки писем из Сталинградского котла в Германию, проведенной немецкой военной цензурой в январе 1943 г. Цель этого мероприятия состояла в том, чтобы выявить моральное состояние окруженных дивизий. И вот каким оно оказалось: только 2,1% авторов писем были настроены «положительно к военному руководству», т. е. к гитлеровскому командованию, а остальные 97,9% «сомневались» в благоприятном для Германии исходе войны или открыто осуждали авантюристический поход к берегам Волги¹.

И вот они идут по берегу нашей великой реки. Но под конвоем. И не все, кто пришел сюда, а лишь те, кого миновала пуля

¹ Подробнее о результатах этой «проверки» см.: Л. А. Безыменский. *Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1961, стр. 173.*

в бою, кто не погиб от холода и голода в последние недели, когда окруженные почти лишились снабжения и поедали всех кошек и собак, которых им удавалось поймать.

Плен... Многие из них очень хорошо знали, что означал немецкий плен: истязания, расстрелы, массовое истребление. А кое-кому, быть может, в свое время приходилось и самому конвоировать советских военнопленных. И они помнили, как это делалось: автоматы наготове, и при случае рука не дрогнет добить обессилевшего раненого, да и рядом овчарки, специально обученные набрасываться на отставших пленных.

Теперь они сами еле плетутся в многотысячной колонне, с опаской поглядывая на наших конвоиров.

Тех совсем немного — по одному на сто—двести пленных, да и овчарок что-то не видать. Но кто его знает, этого молодого русского солдата в ладном полущубке, в шапке-ушанке и валенках... Он шагает, широко улыбаясь, радуясь своей победе. Но как он поступит с теми из немцев, кто свалится на дороге, обессилев от пережитого в окружении?

В этом страхе перед конвоиром сплелись и собственный опыт гитлеровских солдат, и геббельсовская пропаганда, годами заведомо лживо внушавшая им, что Советская Армия якобы уничтожает всех взятых ею в плен.

Давала себя знать и другая черта, привитая им в фашистском вермахте: каждый заботился только о себе и не желал пальцем шевельнуть ради спасения более слабого соседа. Для меня все это не было новостью. Но знать о гнусности фашизма и увидеть ее воочию — далеко не одно и то же. Тяжело, омерзительно было смотреть на это воплощение подлости.

Вот один прилаживается отдохнуть, а подняться сам уже не в силах. Но спутники уходят вперед, даже не оглянувшись на него. Другого, еле переставляющего ноги, поддерживают двое. Но это продолжается недолго. Пройдя несколько шагов, они, переглянувшись, усаживают больного возле дороги и удаляются. Третьего, еще живого, торопливо раздевают его «товарищи». Они отбирают у него все, что может пригодиться им самим, — сапоги, шинель, одеяло — и, тут же напивив на себя, спешат уйти от приближающегося конвоя.

Втянув голову в плечи, они ждут: сейчас прогремит выстрел, и тот, кого они раздели и бросили у дороги, уже не будет пужаться в отнятой у него одежде. Ведь русский плен, по их представлениям, не отличался от немецкого.

Но конвоир и не думает стрелять. Вместо этого он преграждает путь мародерам, заставляет их вернуть украденное.

Подходит грузовик, и наши бойцы укладывают больного в кузов. Там же они размещают других ослабевших и увозят их. Оказывается, колонну военнопленных сопровождают несколько таких грузовиков. Они не оставляют на дороге ни одного отставшего.

— В госпиталь увозят гадов, вот оно как! — задумчиво говорит старик-крестьянин, остановивший возле нас свою повозку, запряженную парой отощавших лошадей. Помолчав, он продолжает, как бы отвечая самому себе: — А что ж, может так и надо. Мы — советские. . . В бою — бить их нещадно, а тут. . . Чего с них, с таких, возьмешь? Отвоевались!

В этих словах я услышал то, что чувствовали, наверное, все мы, советские люди, глядя на вереницы пленных немцев. Враги еще не раз будут биты нами, а те из них, кто уцелеет от ударов Советской Армии, поднимут руки и — искренне или с досадой — будут кричать: «Гитлер капут!» Мы примем их капитуляцию без мысли о мести немецкому народу, ибо в подавляющем большинстве своем это обманутый народ, и наша цель совсем не в том, чтобы стереть его с лица земли. Нет, от возмездия за неимоверные страдания и тяжелые утраты, понесенные нашей Родиной, не уйдут лишь те, кто его заслужил: военные преступники — и главные, и второстепенные, и даже третьестепенные.

Мы твердо верили в это, особенно теперь, после великой нашей победы под Сталинградом. Верили и в тот скорбный час, когда отдавали последний долг нашим павшим товарищам.

Место для братской могилы выбрали в сквере Дворца культуры, посреди молодой поросли тополей, высаженных перед войной на высоком берегу Волги. Здесь они шли в свою последнюю атаку, пусть же они и похоронены будут на отвоеванной ими священной земле Сталинграда.

Закончены последние приготовления. Батальоны выстраиваются вокруг братской могилы, в которой уже лежат павшие в бою. Звучат прощальные слова. Салют. Солдаты и офицеры в последний раз проходят мимо раскрытой могилы. Каждый молча прощается с товарищами, бросает комок земли. И вот уже над могилой вырос холм. Мы хотим, чтобы он был высоким и чтобы памятник, любовно сделанный нашими саперами, был виден издалека.

Прощайте, боевые друзья! Тяжко сознавать, что вас не будет с нами в грядущих боях, которые принесут освобождение всей захваченной фашистами советской территории и полный разгром врага. Грустно думать о том, что вы уже не вернетесь с победой к тем, кто ждет вас дома. Но вы не умерли ни для своих близких, ни для нас, ваших товарищей по борьбе с врагом. Всегда будет жить ваш великий ратный подвиг во имя Родины, во имя грядущей победы! Вечная вам слава!

Последний церемониал: братскую могилу и памятник принимает под свою охрану коллектив тракторного завода.

Рабочие пришли сюда, на свой родной завод, сразу же после его освобождения. Только-только закончился последний бой, а руководители предприятия уже начали «принимать» у нас цеха.

Колонна немецких военнопленных

Снаружи производственные корпуса пострадали не так уж сильно, но внутри гитлеровцы сожгли все, что успели. Однако везде уже кипит работа: вывозят обломки, мусор, ремонтируют и налаживают уцелевшее оборудование. В цеха свозят подбитые танки. Среди них и наши, и немецкие. Рабочие обещают дать через неделю первую партию восстановленных боевых машин: они хотят своим трудом помочь окончательному разгрому врага, начатому в их родном Сталинграде.

Конечно, в тот день, когда окончилась грандиозная битва на берегах Волги, мы, находившиеся в Сталинграде, еще не вполне представляли ее значение. Впоследствии мы узнали, что в сражении под Сталинградом противник только за 2,5 месяца наступления советских войск лишился 32 дивизий и 3 бригад, а еще 16 его дивизий понесли серьезный урон. Общие потери гитлеровцев с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. составили здесь 800 тыс. солдат и офицеров, до 2 тыс. танков и самоходных орудий, почти столько же боевых и транспортных самолетов, свыше 10 тыс. орудий и минометов, 70 тыс. автомашин¹.

¹ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 3, стр. 65.

Операция Советской Армии по окружению и ликвидации сталинградской группировки немецко-фашистских войск давно уже стала одной из самых выдающихся страниц истории войн всех времен и народов. Как ни парадоксально, но среди тех, кто первым признал это, был Геббельс, заявивший 18 февраля 1943 г.: «... Жертвы, принесенные под Сталинградом (т. е. разгром оборонных дивизий гитлеровского вермахта. — *И. В.*), имеют решающее значение для истории...»¹

И хотя несколько позднее, слегка оправившись от смутения, клика Гитлера клялась, что «мощь вермахта не ослабла», однако ход событий показал, что именно под Сталинградом Советская Армия вырвала из рук врага стратегическую инициативу и сохраняла ее до полного разгрома фашистской Германии. «Начиная с этого момента, — констатировал сразу же после войны французский генерал Л. М. Шассэн, — русские, овладев инициативой, непрерывно гнали — за исключением отдельных моментов на узких участках фронта — нацистов до Берлина»².

Все это, разумеется, было сказано спустя недели, месяцы и годы после битвы на Волге. Намного раньше, но тоже не сразу подсчитали штабы и общие данные о потерях, понесенных здесь гитлеровцами.

Однако уже в те февральские дни 1943 г. мы хорошо понимали, что многомесячное сражение, в котором нам посчастливилось участвовать, внесло резкую перемену в ход войны. Каждый офицер и солдат знал, чувствовал сердцем, что крупная победа, одержанная нашими войсками, могла означать лишь одно: соотношение сил в вооруженной борьбе неотвратимо менялось в пользу нашей Родины.

Это ясно говорили и доходившие до нас вести об успешном наступлении Советской Армии почти на всех фронтах.

Мы знали, что еще в ночь под новый, 1943 год войска Калининского фронта штурмом овладели городом Великие Луки — важным узлом железных и шоссейных дорог, вокруг которого фашисты создали три оборонительные полосы. 12 дней спустя ударные соединения Ленинградского и Волховского фронтов атаковали гитлеровцев южнее Ладожского моря и, прорвав сильно укрепленную линию противника глубиной до 14 километров, 18 января ликвидировали блокаду героического Ленинграда.

Потом пришло сообщение с Воронежского фронта, войска которого окружили и в течение десяти дней ликвидировали вражескую группировку на Дону. Тогда же они вместе с соединениями Брянского фронта нанесли мощный удар крупным силам про-

¹ M. Garder. *Une guerre pas comme les autres*. Paris, 1962, p. 209.

² L. M. Chassin. *Histoire militaire de la seconde guerre mondiale*. Paris, 1947, p. 202.

тивника на воронежско-курском направлении, после чего освободили большую часть Воронежской и Курской областей. Радостные вести шли с юга: там продолжался начатый в январе разгром северокавказской группировки фашистских войск...

Значение этих событий трудно было переоценить. Если первая военная зима закончилась сокрушительным разгромом немцев под Москвой, то вторую Советские Вооруженные Силы ознаменовали почти на всем советско-германском фронте крупными успехами, вдохновившими наш народ на борьбу за полную победу над врагом.

И мы невольно завидовали тем укрепленным районам, которые вместе с полевыми войсками продолжали громить противника.

Так, ушли на запад батальоны 54-го полевого укрепленного района, находившиеся с сентября 1942 г. в составе 24-й армии. В дни боев под Сталинградом я с интересом следил за действиями этого укрепрайона — одного из ближайших к нам. Его батальоны шли тогда на штурм двумя цепями. Первая, вооруженная ручными пулеметами и противотанковыми ружьями, сблизилась с противником и переходила в атаку при поддержке второй, которую составляли расчеты станковых пулеметов и минометов. Такое построение боевых порядков вполне оправдало себя.

Сменив пять стрелковых дивизий (49, 173, 260, 273 и 298-ю), 54-й укрепрайон занял 15 января 1943 г. позиции к югу и юго-западу от ст. Котлубань протяженностью по фронту более 30 км, а на следующий день вместе с полевыми войсками перешел в наступление. Выполняя поставленную командованием 24-й армии задачу, три артпульбата к исходу 17 января прорвали оборону противника, овладели его основным опорным пунктом на этом участке — высотой 143,8 и уничтожили сильный вражеский гарнизон, составивший около тысячи солдат и офицеров. При этом было захвачено 39 пленных, 94 вкопанных в землю танка, 33 орудия и три склада с оружием и боеприпасами.

Пять дней спустя части 54-го укрепрайона получили новую задачу: овладеть разъездами Конный и Древний вал. Первый из них был взят штурмом 23 января, второй — 24 января. Кроме того, артпульбаты одновременно захватили Городище, выйдя таким образом на северную окраину Сталинграда.

Теперь они были где-то на Дону или еще дальше и, так же как многие другие укрепленные районы — 69-й, 73-й, 77-й, 78-й, 115-й, 118-й, 151-й, 156-й, — участвовали в освобождении новых и новых городов и сел.

Знали мы и о том, что три укрепрайона — 2-й, 16-й и 150-й — своими действиями способствовали операциям Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда. А в составе войск Северо-Западного фронта во время

ликвидации спас-деменского плацдарма противника находился 91-й полевой укрепленный район¹.

Наконец, успешно действовал 76-й укрепрайон, находившийся по-прежнему в составе 51-й армии на Южном, бывшем Сталинградском, фронте. Участвуя в преследовании отступавших гитлеровских войск, он занял 15 февраля один из секторов Ростовского обвода «Г». Его соседом справа был 116-й полевой укрепленный район, переброшенный сюда из-под Астрахани. 23 февраля 76-й укрепрайон вышел на новый рубеж, проходивший в основном по восточному берегу р. Миус².

А мы, оставшиеся в Сталинграде, внезапно обнаружили, что находимся в глубоком тылу. Еще вчера здесь кипела грандиозная битва, а сегодня, когда она умолкла, оказалось, что фронт находится более чем в 300 километрах от города. Трудно было привыкнуть к тому, что после разгрома окруженной вражеской группировки этот город стал тыловым и войска уходят отсюда к новым битвам. Куда теперь поведут нас пути войны?

Ответ на этот вопрос мы получили довольно скоро, и он оказался неожиданным. Приказом командования Донского фронта части укрепрайона были расформированы, рядовой и сержантский состав передан для доукомплектования стрелковых дивизий, а мы, офицеры, вместе со службами управления направлялись туда, откуда прибыли, — под Москву.

Нелегко командиру прощаться с солдатами, с которыми сроднился в бою. И вдвойне это тяжело тогда, когда расстаешься с теми, кто на твоих глазах вырос в замечательных воинов, умело и слаженно действующих в сражении с врагом.

А то, что батальоны укрепрайона стали именно такими, показал их боевой успех в напряженной схватке с противником, длившейся несколько недель. Это отметил и командующий 66-й армией генерал А. С. Жадов. Выступая перед командирами соединений с докладом об армейской наступательной операции под Сталинградом, он сказал, что 159-й укрепленный район занял «очень видное место в боевых действиях армии», сковывая противника более чем на половине всей ее полосы и переходя «в отдельных случаях в наступление»³.

Эта высокая оценка обрадовала весь личный состав укрепрайона. Она еще больше сблизила солдат и офицеров, охваченных единым стремлением к дальнейшей борьбе с врагом, укрепила их уверенность в своих силах, их готовность к новым битвам. Но, видимо, на войне расставания неизбежны.

Сложившаяся весной 1943 г. обстановка на советско-германском фронте со всей очевидностью предвещала, что в ближайшее

¹ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 637, лл. 1—34.

² Архив МО СССР, ф. 1 зв. Ур, оп. 7777, д. 4, 60, 69; д. 3, лл. 36, 59, 104.

³ Архив МО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 12, л. 229.

время наиболее важные события произойдут в районе так называемой Курской дуги.

В результате успешных операций войска Калининского и Западного фронтов в марте освободили Ржев, Гжатск, Вязьму и сотни других населенных пунктов, отбросив врага на еще более значительное расстояние от Москвы. Южнее противник также был отеснен и вынужденно перешел к обороне на линии Мценск, Малоархангельск, Севск, Рыльск, Сумы, Белгород, р. Северный Донец.

Так в районе Курска образовался огромный выступ, занятый соединениями Центрального и Воронежского фронтов, в тылу которых Советское Верховное Главнокомандование сосредоточило крупные резервы. Он имел большое значение для последующих наступательных операций Советской Армии.

Это хорошо понимало и гитлеровское командование. Поэтому ликвидацию Курского выступа оно ставило первоочередной задачей своего нового летнего наступления, задуманного с целью вернуть утраченную стратегическую инициативу и поддержать основательно пошатнувшийся престиж вермахта. Рассчитывая разгромить крупные силы Советской Армии в этом районе, немецко-фашистское командование планировало в дальнейшем расширить фронт наступления к югу и нанести удар по советским войскам в Донбассе.

Разгадав замысел врага, Советское командование противопоставило ему свой план операции в районе Курска. Одновременно были разработаны меры по оперативному обеспечению московского стратегического направления, предусматривавшие, в частности, усиление оборонительного пояса на дальних подступах к столице нашей Родины. В ходе осуществления этих мер здесь должны были занять боевые рубежи войска нескольких полевых укрепленных районов, в том числе и наш 159-й.

Нам предстояло отправить в Подмосковье все вооружение частей укрепрайона, в том числе 192 артиллерийских орудия и столько же минометов, около 800 пулеметов, а также большое количество боеприпасов. Для перевозки этого имущества нужно было проделать 1200 рейсов на грузовиках. Нелегкая задача, если учесть, что своего автотранспорта у нас почти не было, а «взаймы» никто не давал.

Но худа без добра не бывает. Учитывая возникшие трудности, мы при расформировании батальонов с разрешения командования фронта оставили в укрепрайоне часть солдат в качестве команды по эвакуации имущества. Думаю, теперь не грех и признаться, что это были лучшие из лучших, составившие впоследствии ядро вновь сформированных батальонов укрепленного района.

Уезжали мы на этот раз группами, постепенно освобождаясь от работ по отгрузке имущества. Кроме того, работы ве-

лись намного быстрее, чем было намечено, поэтому командование укрепрайона разрешило солдатам и офицерам по пути к новому месту службы заехать на 10—15 дней к родным. То была заслуженная награда за доблесть и мужество, проявленные в боях.

Наконец, и для тех, кто уезжал последними, наступило время проститься со Сталинградом.

Еще в первые дни после окончания Сталинградской битвы мне довелось вместе с Калининым и Дмитриевым проехать вокруг города. Именно — вокруг, так как завалы и еще не разминированные подходы к центру помешали нам побывать везде. По льду Волги добрались до южной окраины. Здесь дорога тоже была закрыта: оказалось, что мост через реку Царицу взорван. Оставалась лишь одна возможность — ехать к железнодорожному вокзалу, что мы и сделали. Однако и оттуда в центр не попали — на дорогах работали саперы, занятые разминированием.

Кружа по окраинам, мы все же хоть издали увидели и центр.

Весь город лежал в руинах. Вновь свободный, но израненный, истерзанный врагом. И сердце сжималось от боли и гнева.

Нет меры нашей ненависти к врагу, осквернившему священную советскую землю! Мало очистить от захватчиков наши собственные города и села, нужно уничтожить фашизм в его собственном логове, чтобы нигде и никогда больше не злобствовала коричневая чума. И он будет уничтожен, поручкой тому Сталинград — символ нашей грядущей победы.

До свиданья, город-герой! Пройдет не так уж много времени, и по воле нашего народа ты воспрянешь, как птица феникс, из пепла и станешь прекраснее, чем когда-либо. Сюда, на берега Волги, будут приезжать люди со всей земли, чтобы увидеть места, ставшие могилой отборных гитлеровских дивизий. Доведется ли и мне увидеть тебя снова?

Перед броском на запад

И вот мы снова на дальних подступах к Москве. Но уже не в районе Клина, а южнее, ближе к тем местам, где вскоре произошло еще одно решающее сражение Великой Отечественной войны — Курская битва. 159-му полевому укрепленному району в составе вновь формируемых семи батальонов — 20, 361, 491, 493, 494, 496 и 500-го — было приказано оборонять рубеж к западу от Тулы, который раньше занимали войска 119-го укрепрайона. Нашим правым соседом стал 153-й укрепленный район, левым — 160-й¹.

Если принять во внимание, что сражение под Курском развернулось на огромной территории в сотни километров по фронту, то в несколько раз меньшее расстояние, отделявшее этот район от кольца укреплений на дальних подступах к Москве, можно было с полным основанием считать незначительным. Командование, несомненно, учитывало и возможное наступление противника на советскую столицу в случае его удачи под Курском.

Все это продиктовало необходимость нового усиления обороны Москвы, особенно на угрожаемых направлениях.

На одном из направлений к Москве находился и наш новый участок, проходивший по линии Болото, Лихвин, Кулешово, Одоєво, Русаново. Вероятными считались попытки противника прорваться на направлениях Козельск—Лихвин—Черепаново и Богданово—Одоєво—Воскресенское. Здесь, как гласил приказ командующего войсками Московской зоны обороны, нам предстояло создать наиболее плотные группировки.

Формирование батальонов шло необыкновенно быстро. Одновременно мы завершили и переоборудование рубежа.

¹ Архив МО СССР, ф. 6314, оп. 11158, д. 208, лл. 1—32.

Он был построен еще в начале 1942 г. по старой системе и имел все свойственные ей недостатки: огневые точки были изолированы, так как не имели связи ни между собой, ни с командиром взвода; ходы сообщения, тянувшиеся от них не более чем на 100—150 метров, предназначались только для выхода в ближайший тыл; соответственно система «очаговой» обороны строилась на применении главным образом противопехотного (пулеметного) огня, и хотя уже давно было ясно, что основной ударной силой противника являлись танки, для борьбы с ними делали упор на пассивные средства — рвы, эскарпы, контрэскарпы.

Но теперь были все условия для исправления этих недостатков, что объяснялось коренными изменениями, происшедшими в организации обороны Советской Армии в целом: к тому времени стало общепризнанным то, что год—полтора назад многие отвергали, а именно — необходимость решительного отказа от «очаговой» системы.

Процесс этот произошел не сразу.

Перемены в организации строительства рубежей явственно обозначились во второй половине 1942 г. Правда, начало им было положено осенью 1941 г. под Ленинградом, а потом под Москвой, когда, как я уже упоминал, «самовольно» устроили сплошные траншеи на 13-километровом участке обороны две стрелковые дивизии 5-й армии. То же самое сделали под Ростовом-на-Дону на правом фланге 9-й армии, а в начале 1942 г. — под Севастополем.

Вскоре траншеи стали появляться и на других участках и направлениях. Особенно широко начали их применять после Сталинградской битвы. Именно тогда оборудование рубежей траншеями и долговременными сооружениями получило широкое распространение и полное признание. В 1943 г. это было отражено и в директиве Генерального штаба, и в проекте нового полевого устава Советской Армии.

Несомненно, что опыт первого периода войны, оказавший огромное влияние на развитие советского военного искусства в целом, сказался, в частности, и в постепенном изменении наших методов организации и ведения обороны. И составными частями этого процесса были поиски нового, все шире предпринимавшиеся командованием соединений и частей.

Скромный вклад в это дело внес и 159-й полевой укрепленный район.

Я уже отмечал, что наш собственный опыт, накопленный под Клином и в ходе строительства рубежа «А» в междуречье Дона и Волги, получил неожиданное подтверждение во время боев, которые мы вели в северной части сталинградского плацдарма противника. Тогда, а особенно после капитуляции окруженной группировки, стали ясны все те преимущества, которые получил враг, создав сильно укрепленную, глубоко эшелониро-

ванную оборону с тщательно продуманной системой всех видов огня, с траншеями и густой сетью закрытых ходов сообщения, позволявшими фашистскому командованию эффективно маневрировать имевшимися в его распоряжении силами.

Советские войска взломали эту оборону и заставили гитлеровцев капитулировать. Однако произошло это не потому, что оборона противника была слаба и даже не потому, что мы превосходили его численно. Напротив, силы были примерно равны. Ибо если советские войска имели преимущество в танках, артиллерии и минометах (1,3 : 1), то уступали по количеству самолетов (1 : 1,1) и несколько в численности войск¹.

Превосходство советских войск было достигнуто путем умелого маневрирования силами и средствами на направлениях главных ударов за счет второстепенных участков фронта и умелого использования резервов. В этом ярко проявилось возросшее искусство наступления Советской Армии, сделавшее возможным окружение и ликвидацию мощной группировки отборных гитлеровских войск.

Но искусство наступления неразрывно связано с искусством обороны, что и подтвердила вскоре Курская битва. Вот почему, думается мне, начало второго периода Великой Отечественной войны, который носил целиком наступательный характер, ознаменовалось и быстрым ростом нашего умения обороняться. Решающую роль в этом сыграл тот факт, что и тогда, в условиях успешного наступления Советской Армии, Советское командование уделяло исключительно большое внимание усилению обороны.

Представляется очень важным и то, что наряду с применением огромного собственного опыта Советская Армия умело использовала и некоторые формы оборонительных сооружений, применявшиеся противником. Так, в 1943 г. было составлено и разослано войскам для сведения и руководства описание Спас-Деменской укрепленной линии врага.

Что касается мощного оборонительного рубежа, созданного гитлеровцами на северо-восточной окраине Сталинграда, где они наиболее упорно сопротивлялись, то его описание было представлено штабу Московского военного округа управлением 159-го укрепрайона.

Составляли его наши офицеры еще в феврале, сразу же после окончания боев за Сталинградский тракторный. Сначала хорошо поработала рекогносцировочная группа, подготовившая точную схему всей вражеской оборонительной полосы, начиная с рубежа на высоте 144,4 и кончая узлами сопротивления у речки

¹ См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945*, т. 3. М., 1961, стр. 26.

Мокрая Мечетка и на территории самого завода. Потом мы дополняли ее детальными пояснениями, раскрывшими систему обороны противника, технические особенности его инженерных сооружений и средств связи.

Все, что подсказывал опыт, накопленный Советской Армией в целом, и, в частности, то, чему мы научились под Клином и в междуречье Дона и Волги, в ожесточенных боях под Сталинградом, как нельзя лучше пригодились нам на новом рубеже. Он был коренным образом переоборудован собственными силами батальонов, сочетавших этот нелегкий труд с напряженной боевой подготовкой.

Костяком нашего рубежа по-прежнему оставались оборонительные районы. Но имевшиеся в них узлы обороны с ротными и взводными опорными пунктами были приспособлены для круговой обороны. Причем они, а также отсечные позиции по флангам по всей глубине обороны, были соединены сплошными траншеями. Это превратило отдельные инженерные сооружения в законченную оборонительную систему, единую по фронту и в глубину на всю дальность ударных средств наступающего противника.

Основная полоса состояла чаще всего из трех (но не менее двух) траншей, последовательно расположенных одна за другой с врезанными в них огневыми точками различного назначения, блиндажами и заграждениями. Причем сами траншеи были не только средством, при помощи которого увязывалось все инженерное оборудование рубежа. Вместе с ходами сообщения они стали и средством боя, комплексными огневыми сооружениями, позициями для стрелков, автоматчиков, пулеметчиков, бронебойщиков, снайперов, обеспечивали широкое применение стрелкового оружия и маневр силами и средствами по фронту и в глубину.

В то время на всех оборонительных рубежах Советской Армии происходила и усиленная модернизация огневых точек.

Применение мощного огня с коротких дистанций, совершенствующиеся в то же время наблюдение и точность стрельбы привели к развитию ближнего боя, а это чрезвычайно повысило значение маскировки сооружений. Начали исчезать бойницы в окопах и траншеях, потом отказались от брустверов. Вместо громоздких, издалека заметных дерево-земляных и каменно-земляных сооружений появились сборные — из железобетона или брони, а также цельнометаллические броневые колпаки, железобетонные остовы. Их зарывали в землю, оставляя на поверхности только незаметные верхушки.

Даже отдельные огневые точки стали целым комплексом, способным поражать противника в секторе, приближенном к круговому. Сами они представляли собой два спаренных железобетонных или стальных колпака. Но при них еще имелись несколько площадок для открытого ведения огня, гнезда для ору-

жия, укрытия для бойцов, один или два наблюдательных пункта. И все это было связано ходами сообщения, по преимуществу крытыми.

Боевой опыт научил применять и всевозможные «экспромты». Среди них были и так называемые «ползунки», которые часто представляли собой согнутый лист обыкновенного котельного железа с размещенными на нем стрелками или пулеметчиками. Буксировал такое «сооружение» тягач или танк. Даже на скалах эскарпов и контрэскарпов появились огневые точки, особенно артиллерийские капониры и полукaponиры. Они размещались в стенках и на изломах противотанковых рвов и предназначались для внезапного открытия огня по атакующему противнику.

Что касается противотанковых и противопехотных препятствий и искусственных заграждений, то они теперь применялись в различных вариациях: двухъярусные треугольные рвы, с одним лишь тыльным бруствером или в виде нескольких зигзагообразных ровиков; лесные завалы, гранитные и железобетонные надолбы, рельсовые баррикады «ежи», «волчьи ямы», всевозможные минные поля, управляемые фугасы и надбрустверные взрывные заграждения для непосредственной обороны траншей; комбинации из всяческих «сюрпризов» и, при наличии возможности, электризация почвы. Несколько пунктов, оборудованных такими противотанковыми средствами и объединенных одним командованием и общей системой огня, составляли противотанковые районы.

Особой заботой стало обеспечение стыков. Был установлен строгий порядок их инженерного оборудования, предусматривавший создание дополнительных опорных пунктов, позиций или отдельных огневых сооружений и заграждений.

Все эти новшества мы широко применили и на своем новом рубеже, причем не только на главной полосе, но и на созданных нами промежуточных и тыловых.

На этот раз достройкой и совершенствованием укреплений руководил наш новый начальник инженерной службы майор Борис Григорьевич Дмитриев. Он уже давно сменил на этой должности майора Антошкина и, не в пример ему, был отличным специалистом, а главное — инициативным и умелым организатором работ по улучшению рубежа.

Теперь это была многополосная оборонительная система с отсечными позициями и несколькими линиями траншей. Примерно так были оборудованы и рубежи других укрепленных районов, тянувшиеся справа и слева от нас. В итоге все мы были лучше, чем когда-либо раньше, готовы преградить путь врагу, если бы он вновь попытался прорваться к Москве.

Ликвидация сталинградской группировки противника стала началом целой серии мощных ударов, нанесенных Советской

Армией немецко-фашистским захватчикам. В январе, когда еще продолжалась битва на берегах Волги, гитлеровцы под натиском войск Южного и Закавказского фронтов начали поспешно отступать из временно захваченных ими районов Северного Кавказа.

Почти одновременно соединения Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов разгромили на верхнем Дону вражескую группу армий «Б». Успешные наступательные операции были проведены Советской Армией и на других направлениях. Всего в ходе зимней кампании 1942/43 г. советские войска разгромили 113 дивизий противника, или 43% всех вражеских соединений, находившихся на советско-германском фронте, и освободили огромную территорию — 480 тыс. квадратных километров.

Но это ничему не научило фашистскую клику, правившую Германией.

Все еще рассчитывая добиться благоприятного для себя исхода войны, гитлеровцы объявили тотальную мобилизацию, вновь призвали в армию около 2 млн. человек и таким путем не только покрыли убыль в своих войсках на советско-германском фронте, но и увеличили численность своих армий. К лету 1943 г. здесь насчитывалось на 42 вражеские дивизии больше, чем в момент нападения на СССР в 1941 г. Одновременно немецкая промышленность увеличила производство военной техники почти в два раза по сравнению с 1942 г.

Вновь сколоченные крупные силы были собраны гитлеровским командованием с большим трудом, так как людские ресурсы Германии понесли уже огромный урон. Но германский фашизм шел на все, чтобы достичь своей цели в борьбе против Советского Союза. И вот в Берлине решили бросить основные силы для нанесения такого удара, который позволил бы фашистскому командованию вновь овладеть стратегической инициативой. Именно эту цель, несомненно, имел в виду Гитлер, когда он заявил в конце марта 1943 г.: «... Нам удалось создать предпосылки, обеспечивающие конечную победу над нашими врагами в ближайшие месяцы»¹.

Данное заявление Гитлера, сделанное им в выступлении по радио и, следовательно, сразу же ставшее известным советскому командованию, ясно показывало, что фашистская клика не только готовит новое наступление, но и возлагает на него все свои надежды. Знала наше военное руководство и о том, что объектом летнего наступления 1943 г. гитлеровцы избрали Курский выступ. Сравнительно небольшой участок протяженностью по фронту до 400 километров привлек их внимание тем, что, как им казалось, здесь открывалась возможность окружить и уничтожить круп-

¹ См.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1521, л. 31.

ные силы Советской Армии, проложив тем самым путь к дальнейшим наступательным действиям.

Время показало, что это был авантюристический план, составители которого совершенно не учитывали ни изменившееся соотношение сил на советско-германском фронте в пользу Советской Армии, ни ее возросшее военное искусство.

Об одной стороне военного искусства я и хочу здесь сказать, ибо она как нельзя лучше подтверждает, что к тому времени в советской стратегии, в общем наступлении умелая оборона стала играть значительную роль.

Все то, что я рассказывал об оборудовании рубежа 159-го полевого укрепленного района к западу от Тулы, представляет собой лишь уменьшенную во много раз копию грандиозной оборонительной системы Советской Армии в районе Курской дуги. Созданная напряженным трудом войск, она отвечала всем требованиям военного искусства того времени. Противотанковые заграждения, минные поля, многочисленные инженерные сооружения с заранее подготовленной системой мощного огня тянулись в глубину на 150—190 километров, а расположенные дальше к востоку рубежи полевых укрепленных районов еще больше усиливали надежность обороны.

Особенностью обороны являлось широкое применение траншей и ходов сообщения, объединенных в единую систему¹. Они были неперменной принадлежностью всех трех оборонительных полос, причем главная полоса имела две—три, а на важнейших направлениях даже четыре—пять линий траншей, соединенных ходами сообщения. И все это в целом составляло великолепный фортификационный комплекс, обеспечивавший войскам необходимые условия для успешной борьбы с крупными вражескими группировками, обильно оснащенными новейшими танками «Тигр» и самоходными орудиями «Фердинанд».

Еще одно важное обстоятельство: строительство оборонительной системы на Курской дуге началось более чем за три месяца до вражеского наступления, причем завершились эти работы в условиях, когда советские войска имели превосходство в силах и средствах и сами были готовы к наступательным действиям.

Хотя противник сосредоточил здесь около 900 тыс. солдат, до 10 тыс. орудий и минометов, 2,7 тыс. танков и самоходных орудий, более 2 тыс. боевых самолетов², все же советские войска были сильнее.

Например, артиллерии только в соединениях двух фронтов — Центрального и Воронежского, занимавших территорию Курского выступа, — было почти вдвое больше, чем у готовившихся к на-

¹ См.: *«История Великой Отечественной войны. 1941—1945»*, т. 3, стр. 250.

² См.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 2973, л. 9.

ступлению гитлеровцев. Кроме того, справа от выступа стояли наготове войска Брянского и Западного фронтов, слева — Юго-Западного и в тылу Центрального и Воронежского — соединения Степного фронта. И все они были подготовлены к активным действиям.

Здесь советское военное искусство ярко проявилось в умении находить наиболее целесообразные способы использования неизмеримо возросшей мощи Советской Армии. Советское командование приняло решение сначала в оборонительных боях измотать и обескровить наступавшие немецко-фашистские войска, после чего довершить их разгром решительным контрнаступлением.

Вот почему составной частью этого плана и являлось создание мощной оборонительной системы на участке ожидавшегося наступления врага.

Она, как мы видели, коренным образом отличалась от линий обороны, строившихся в 1941—1942 гг., в том числе и на важнейших направлениях.

Боле того, новая фортификационная система была специально создана для преднамеренной обороны с целью нанесения врагу максимальных потерь и создания наиболее благоприятных условий для перехода в контрнаступление и решительного разгрома противника.

Советские войска и раньше — под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на Северном Кавказе — останавливали наступление гитлеровцев и переходили в контрнаступление. Но решающую роль играли тогда не столько оборонительные системы, ибо они были далеки от совершенства, сколько бои на ряде промежуточных рубежей, в которых Советская Армия при длительном отходе изматывала противника и, обескровив его войска, вынуждала их переходить к обороне, а часто и отступать под натиском наших свежих сил.

Здесь же, под Курском, дело обстояло иначе. Советская Армия впервые готовилась остановить и разгромить на заранее созданном рубеже обороны мощную группировку свежих вражеских войск.

Значение этого факта для оценки достигнутого к тому времени высокого уровня советского военного искусства огромно. Ведь гитлеровские генералы похвалялись тем, что их не смогла остановить ни одна из существовавших в Европе систем обороны. Сравнительно быстро удалось им преодолеть и недостроенные укрепленные районы на наших западных границах, и наскоро созданные оборонительные линии на многих важных направлениях советско-германского фронта.

Времена изменились. В жестоких кровопролитных боях за свободу и независимость Родины Советская Армия не только не ослабла, но стала сильнее и искуснее хваленого гитлеровского вермахта. Она, как показала зимняя кампания 1942/1943 г., теперь

отлично умела громить врага даже тогда, когда он, вынужденный повсеместно переходить к обороне, пытался спрятаться за мощными укреплениями. В то же время советские войска научились создавать для себя такие оборонительные системы, которые стали непреодолимыми для противника.

И именно в Курской битве, так же как (в меньших, конечно, масштабах) ранее в действиях 22-го Карельского и 23-го Мурманского укрепрайонов, впервые в Великой Отечественной и всей второй мировой войне фортификация полностью выполнила свое предназначение: помогла с самого начала остановить наступление вражеских войск, нанести им крупные потери в оборонительных боях и подготовить условия для успешного контрнаступления.

Но все это было еще впереди. Пока же, находясь довольно близко от арены предстоявшей битвы, воины нашего укрепленного района напряженно готовились отразить натиск врага, если бы ему удалось хоть частью сил прорваться к обороняемому нами рубежу.

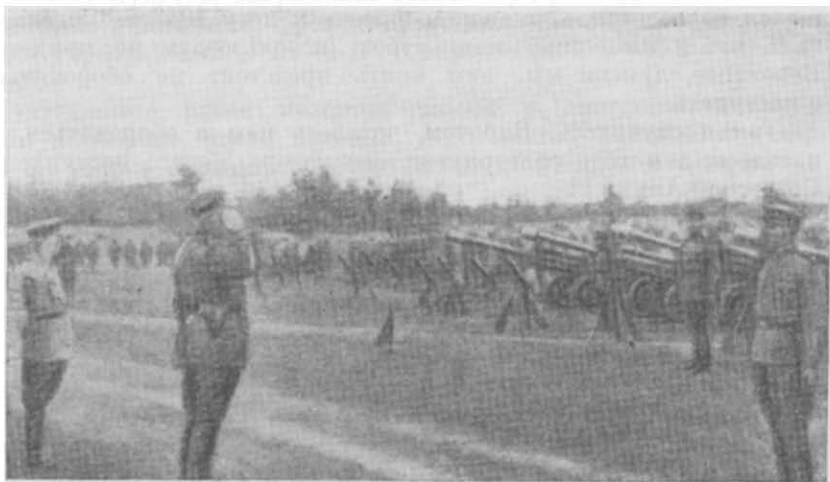
Одновременно с проведением работ по дооборудованию полосы обороны укрепленный район и все его части были дополнительно укомплектованы новым вооружением. Вручила его нам делегация рабочих Тульского оружейного завода. Этот торжественный акт стал праздником для каждого солдата и офицера, важным событием в жизни соединения.

Тульские рабочие, выступая на митинге перед личным составом укрепрайона, говорили о том, что весь коллектив старейшего русского оружейного завода трудится, не покладая рук и стремясь дать Советской Армии как можно больше первоклассного вооружения для полного изгнания с территории нашей Родины и окончательного разгрома фашистов. Пусть это оружие, сказали они, обращаясь к воинам, будет в ваших руках всегда победоносным, насмерть разящим врага.

Взволнованно слушали все мы наших дорогих гостей. Отвечая им, солдаты и офицеры заявили, что рассматривают их слова как наказ Родины и свято выполняют его. Для нас, говорили воины укрепрайона, получение оружия из рук тех, кто его создал, — великая честь, и мы оправдаем ее, не жалея ни сил, ни самой жизни во имя Победы.

Да, всеми мыслями и чувствами, всем своим существом стремились мы к новым боям. Жажда битвы с ненавистным врагом, которая владела каждым советским воином, была особенно сильной теперь, когда Советская Армия наносила гитлеровцам один за другим сокрушительные удары.

Полную боевую готовность укрепрайона показал смотр, устроенный у нас в начале июня командованием Московского военного округа и штабом Московской зоны обороны. Проводился он в форме двухсторонней оперативно-тактической игры, выявившей

Бойцы 159-го укрепрайона принимают оружие от рабочих
Тульского оружейного завода (лето 1943 г.)

состояние инженерного оборудования рубежа и боевую выучку его гарнизона — пулеметно-артиллерийских батальонов.

Не скрою, приятно было услышать положительную оценку, единодушно высказанную всеми поверяющими, в том числе начальником штаба Московской зоны обороны генералом А. И. Кудряшевым и членом Военного совета округа генералом Д. А. Ганановичем. Последний так резюмировал свое заключение:

— Можно констатировать, что мы научились по-настоящему строить оборону: создавать мощные, отвечающие всем современным требованиям рубежи и искусно их оборонять.

Обсуждение итогов смотра закончилось самым неожиданным образом. Из глубины ночного парка, окружавшего командный пункт укрепрайона, который располагался близ села Говоренки, внезапно послышалась заливистая трель соловья. За этим последовали ответные рулады. Мы все столпились у раскрытых окон и с минуту увлеченно слушали «дуэт». Потом кто-то из присутствующих весело заметил:

— Не иначе, эти соловьи — курские. Чуют, что скоро вернутся в родные места.

Соловьи, если они, действительно, были курскими, не ошибались. Очень скоро вся курская земля стала свободной.

И если уж говорить о предчувствиях, то не было в них недостатка и у ветеранов нашего укрепрайона, имевших за пле-

чами опыт службы под Москвой и в междуречье Дона и Волги в 1942 г. Не только чутье, но и вся военная обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте к лету 1943 г., подсказывала, что и нынешний наш рубеж использовать не придется. Вероятнее, думали мы, нам опять предстоит не обороняться, а наступать.

Так и случилось. Впрочем, довелось нам и обороняться, но не здесь, а в ходе развернувшегося вскоре общего наступления Советской Армии.

... Вражеское наступление на Курск началось 5 июля. Из района южнее Орла действовала группа армий «Центр», из района севернее Харькова — группа армий «Юг». Никогда еще фашистское командование не создавало столь значительной плотности войск и насыщенности их боевыми средствами на таком сравнительно небольшом участке наступления. Гитлеровцы собрали здесь отборные соединения, новейшую военную технику, бросили в бой огромное количество танков и самолетов.

Наступлению гитлеровцев советские войска противопоставили непреодолимую силу, высокую боевую технику, величайшую стойкость и выдержку. Враг не добился желаемого успеха и уже через неделю вынужден был прекратить наступление.

И тогда, 12 июля, в наступление перешли войска Западного и Брянского фронтов, к которым вскоре присоединились и армии Центрального, Воронежского и Степного фронтов. Взлом оборону противника и обратив его в беспорядочное бегство, Советская Армия 5 августа освободила Орел и Белгород, 8 августа — Богодухов, 23 августа — Харьков, в последующие дни — много других городов и сел.

Всего 50 дней продолжалась Курская битва. Но это были дни, завершившие коренной перелом в ходе войны в пользу Советской Армии. «В этой страшной схватке, — отмечал впоследствии Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, — был сломлен стальной хребет гитлеровской армии, и фашистская Германия, окончательно потеряв надежду на успех, реально увидела перед собой поражение в войне»¹.

Советские Вооруженные Силы перешли в общее наступление. Под их мощным натиском войска противника откатывались назад. Линия фронта протяженностью две тысячи километров стремительно уходила на запад. К концу летне-осеннего наступления Советская Армия завершила освобождение западных областей Российской Федерации и Левобережной Украины, форсировала Десну, Сож, Днепр, Припять, Березину.

Почти во всех этих операциях принимали участие и полевые укрепленные районы. Они прикрывали фланги наступающих ар-

¹ «Правда», 22.VI.1961.

ний и фронтов, активно действовали при освобождении многих населенных пунктов, закрепляли отбитые у врага рубежи. В составе войск Западного фронта сражались батальоны 152-го и 154-го укрепрайонов¹, на 1-м Прибалтийском — 155-й укрепрайон².

Считавшиеся ранее малоподвижными и приспособленными только к обороне, части полевых укрепленных районов научились не только обращать в бегство, но и преследовать противника.

Так, занимавшие рубеж к востоку от верховьев р. Миус батальоны 116-го укрепрайона 1 сентября 1943 г. начали преследование отступавших вражеских войск, форсировали эту реку и продвинулись к 2 сентября до линии Валютиновка, Пантелеймоновка, Разовка, Очеретино. К 9 сентября они вышли к Славянке, Красному, Голицинскому, к 12 сентября — к Гришино, Ново-Подгорному и колхозу «Коминтерн», а спустя еще четыре дня — к Красноармейскому, что находится недалеко от побережья Азовского моря.

В следующем месяце они участвовали в штурме и освобождении г. Мелитополя. За отвагу и самоотверженность, проявленные в этом бою, 116-му полевому укрепленному району было присвоено почетное наименование «Мелитопольский»³.

Теперь настал и наш черед вступить в битву за окончательное изгнание захватчиков с советской земли. 159-й, а также 54-й полевые укрепленные районы выдвигались на правый берег Днепра. Здесь, на юго-западном театре военных действий, предполагалось нанести главный удар в очередной зимней кампании, разгромить крупную стратегическую группировку войск противника.

Еще 6 ноября 1943 г. войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Киевом. Позднее они вместе с 2-м и 3-м Украинским фронтами в боях за Правобережную Украину отбросили врага еще на сотни километров. Противнику удалось удержаться на Днепре лишь в районах Канева, Никополя, где вследствие этого и образовались Корсунь-Шевченковский и Никопольский выступы.

Все еще надеясь отбросить Советскую Армию на левобережье, сохранить в своих руках сильный естественный рубеж — Днепр и придать войне позиционный характер, фашистское командование стянуло сюда крупные силы пехоты, танков, авиации. Им была поставлена задача ликвидировать наши плацдармы на правобережье и затем закрепиться на правом берегу Днепра.

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 2610, 32.

² Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2074, д. 900, л. 201.

³ Архив МО СССР, ф. 116 Ур, оп. 151602, д. 1, л. 78.

Советское командование и на этот раз противопоставило замыслам противника свой план. Он состоял в том, чтобы разгромить немецко-фашистские войска на правом берегу Днепра.

В ходе же подготовки этой грандиозной операции нужно было усилить оборону правобережных плацдармов, обеспечить их сохранение в случае попыток врага предпринять наступательные действия.

В выполнении этой задачи и предстояло участвовать 54-му и 159-му укрепрайонам, переданным в состав 1-го Украинского фронта.

Страницы Корсунь-Шевченковской эпопеи

Колеса вагонов мерно постукивали по стыкам рельсов. Мимо мелькали леса и поля, припорошенные снегом, кое-как прикрывавшим следы недавних жестоких сражений. . .

Перебирая в памяти события тех героических лет, я часто думаю, откуда черпала наша армия и вся страна ту могучую силу, которая нужна была для борьбы с опасным врагом, для победы над ним. И вновь и вновь вижу ее истоки в непоколебимом морально-политическом единстве нашего народа, его глубоком патриотизме и преданности идеям Коммунистической партии. Да, именно эти благородные идеи борьбы за свободу и счастье всех народов, за мир и созидательный труд вселяли в советских воинов уверенность в правоте своего дела, вдохновляли на невиданный в истории массовый героизм, величайшую самоотверженность.

Огромная роль в укреплении политико-морального состояния войск и тем самым в непрерывном наращивании их боевой мощи принадлежала партийно-политической работе в Вооруженных Силах. Пронизывавшая ее идея самоотверженной борьбы с врагом глубоко отражала мысли и чувства советских воинов, их готовность к самопожертвованию во имя победы. Важной особенностью партийно-политической работы в войсках являлось сочетание последовательного проведения линии партии с учетом условий обстановки и тех или иных конкретных задач, поставленных командованием перед соединениями и частями. Этим в значительной мере объяснялось то, что хорошо организованная воспитательная работа была одной из важнейших предпосылок успешного ведения действий.

Такой была она и в нашем соединении.

Помню, летом 1942 г., когда мы еще находились под Москвой, при политотделе укрепрайона был создан агитколлектив. Это ока-

залось очень хорошей формой организации воспитательной работы. Пока мы были на пассивном участке обороны, агитколлектив устраивал лекции на патриотические темы, просмотры кинофильмов, самодеятельные концерты, которые по существу также были школой политического воспитания бойцов и офицеров. В этом отношении большую роль играли и проводившиеся у нас встречи с жителями тех временно оккупированных районов Московской и Калининской областей, которые были освобождены в ходе наступления наших войск зимой 1941/42 г. Следы зверств гитлеровцев в окрестных населенных пунктах и рассказы очевидцев будили в бойцах жгучую ненависть к врагу, осквернившему советскую землю, укрепляли их волю к борьбе за скорейшее освобождение Родины.

Но тогда непосредственно перед нами не было противника. На рубежах под Москвой, как и несколько позднее в междуречье Дона и Волги, батальоны еще только начинали свой боевой путь и, следовательно, должны были прежде всего приобрести необходимую выучку. Это определяло их главную задачу в тот период — напряженную боевую учебу. Кроме того, они достраивали или строили оборонительную полосу. Работы были ограничены сжатыми сроками, что требовало большого, самоотверженного труда от каждого бойца и офицера, а также умения командиров организовать этот труд должным образом. Наконец, еще только начиналось превращение укрепрайона, личный состав которого состоял тогда из новичков — добровольцев или мобилизованных из запаса, — в боевое соединение, спаянное солдатской дружбой и четко отлаженным взаимодействием.

Все это определило и направление, и характер партийно-политической работы. В то время главным ее содержанием были общие для всей Советской Армии в первый период войны лозунги партии: «Стоять насмерть!», «Ни шагу назад!» В этих словах заключалось все, чем жили тогда советские люди. Содержание этих лозунгов полностью отражало и все конкретные задачи укрепрайона. Ибо и напряженная боевая учеба, и работы по строительству укреплений имели одну цель — подготовить успешное отражение ударов врага. Эта мысль, овладевшая каждым воином, стала и мощной цементирующей силой для всего соединения.

Всю воспитательную работу умело направляли политотдел укрепрайона и партийные организации батальонов. Политзанятия дополнялись беседами, читкой и обсуждением материалов, публиковавшихся в печати, коллективным прослушиванием важнейших радиопередач. Поэтому личный состав всегда был хорошо осведомлен о событиях на фронтах и в тылу. Мы как бы видели своими глазами и тех, кто уже сражался беззаветно с врагом, и тех, кто самоотверженно трудился в тылу, быстро наращивая выпуск вооружения и всего необходимого для борьбы с захватчиками. Все это укрепляло веру в непреодолимую мощь Родины,

в грядущую Победу. Не случайно одной из самых любимых у наших бойцов была песня «Священная война», написанная А. Александровым и В. Лебедевым-Кумачом и приобретающая сразу же огромную популярность в народе и в армии.

В такой обстановке высокого патриотического подъема и рождалась, крепла в сердце каждого бойца и офицера жажда битвы с ненавистным врагом, готовность к подвигу и самопожертвованию во имя разгрома фашизма. Никакая задача не казалась нам непосильной, и именно это помогало преодолевать все трудности.

Партийные и комсомольские организации у нас были во всех частях и подразделениях. Кроме того, как я уже отмечал, многие бойцы являлись участниками борьбы за Советскую власть еще в годы гражданской войны. Наконец, среди офицеров в сущности не было таких, кто так или иначе не вел бы воспитательную работу. Вот и получилось, что фактически каждый второй-третий воин укрепрайона был агитатором. Это и сделало партийно-политическую работу составной частью всей жизни соединения.

Особую значимость партийно-политической работе придавал личный пример коммунистов, комсомольцев. Так было и в период боевой подготовки, и в дальнейшем — в сражениях и походах. Выполнению каждого боевого приказа предшествовали партийные и комсомольские собрания, краткие митинги или беседы в частях и подразделениях. А вслед за этим первыми шли в бой коммунисты и комсомольцы, увлекая за собой всех бойцов и подавая им пример беззаветного мужества и самопожертвования во имя разгрома врага.

Таковыми запомнились мне и бои по уничтожению курсуншевченковской группировки противника.

В ночь на 13 декабря мы выгрузились на ст. Дарница. Переправились под огнем вражеской авиации через Днепр. Сначала заняли тыловой рубеж фронта у ближних подступов к Киеву по линии Шевченко, Бобрик, Боярка-Будаевка, Вета Почтовая, берег Днепра, имея соседом справа 54-й укрепрайон. Но ненадолго.

Обстановка на фронте менялась с каждым днем. Измотав противника в оборонительных боях, войска 1-го Украинского фронта 24—28 декабря перешли в наступление. В течение нескольких дней они освободили Коростень, Новоград-Волынский, Житомир, Бердичев, Белую Церковь и продвинулись вперед на 80—200 километров, тесня с севера крупные вражеские силы, продолжавшие упорно цепляться за правый берег Днепра у Канева. Еще не окончилась эта операция, получившая название Житомирско-Бердичевской, как началось наступление 2-го Украинского фронта. Его войска, преодолевая яростное сопротивление гитлеровцев, отбросили их на 40—50 километров к западу и овладели Кировоградом.

Однако и после этих успешных наступательных действий войска двух фронтов вследствие упорного противодействия врага

не соединились к западу от Днепра. Их разделяла в районе Корсунь-Шевченковского сильная группировка противника. Цепляясь за правый берег Днепра у Канева, она разобщила действия 1-го и 2-го Украинских фронтов и угрожала их флангам.

25—26 января советские войска по приказу Верховного Главнокомандования начали операцию по окружению и ликвидации этой вражеской группировки. Мощные удары под основание Корсунь-Шевченковского выступа наносили соединения 1-го Украинского фронта из района юго-восточнее Белой Церкви и 2-го Украинского — со стороны Кировограда.

28 января ударные части двух фронтов соединились в Звенигородке. Оставалось заполнить промежутки в боевых порядках наших войск, окружавших корсунь-шевченковскую группировку, окончательно отсечь ее от главных сил противника на Правобережной Украине. Для этого нужны были и внутренний фронт окружения, и внешний — против попыток оказать извне помощь попавшим в «котел» дивизиям.

... Раннее утро 28 января. Батальоны 159-го укрепрайона, переданные незадолго до этого на усиление 27-й армии и занимавшие ее промежуточный рубеж под Белой Церковью, выдвигаются на передний край для участия в создании внутреннего кольца окружения. Наш путь лежит из Германовки к занятому противником городу Богуславу.

Транспорта по-прежнему мало. Станковые и ручные пулеметы, 82-мм минометы, противотанковые ружья, боеприпасы — все это бойцы несут на своих плечах. Не хватает лошадей для артиллерии: орудия передвигаем «перекатами», часто вручную. А идти и без того нелегко. Оттепель. Стаявший снег превратил дорогу в сплошное месиво. Орудия то и дело застревают в непролазной грязи¹.

На распутицу, вызванную необычайно мягкой зимой, весьма рассчитывало фашистское командование, нуждавшееся в передышке после мощных ударов Советской Армии². Видно, гитлеровцам не пошли на пользу уроки, преподанные им на советско-германском фронте и в лютые морозы, и в жару, и в распутицу. Они так и не поняли, что никакие трудности не остановят Советскую Армию в борьбе за освобождение Родины и полный разгром врага. Не сбылись и их надежды на передышку.

Несмотря на исключительно плохое состояние дорог, советские войска на Правобережной Украине вот уже несколько дней продолжали успешное наступление. И тем, кто уже прорвал оборону противника у основания Корсунь-Шевченковского вы-

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 19.

² См.: «История Великой Отечественной войны. 1941—1945», т. 4. М., 1964, стр. 57; «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht», Bd. IV. Erster Halbband. Frankfurt/Main, 1961, S. 107.

ступа, продвигаться вперед по бездорожью было во много раз тяжелее, чем нам. Эта мысль, как и стремление поскорее выйти на боевой рубеж, удесятирила силы воинов укрепрайона, шагавших с тяжелым грузом на плечах.

Перед выходом на марш командиры и политработники зачитали во всех подразделениях приказ о предстоявших нам действиях, ознакомили бойцов с обстановкой на фронтах.

Особенное воодушевление вызвало в батальонах сообщение о том, что мы идем на передний край и будем непосредственно участвовать в ликвидации крупной вражеской группировки. Бойцы и офицеры понимали, что впереди жестокая битва с врагом, который, конечно, не раз попытается вырваться из «котла». И с глубокой уверенностью говорили:

— Не выскочит фриц, остановим!

Трудно шагать по грязи, в которой буквально вязнут ноги. Но каждый находит в себе силы еще и помочь товарищам, вытащить свалившееся в кювет орудие или застрявший грузовик, облегчить соседу его ношу. И все для того, чтобы не опоздать к назначенному сроку.

Батальоны идут и идут вперед. Уже миновали Ракитино, Тарашу. Позади остался рубеж 54-го укрепрайона, проходивший тогда к западу от Днепра по линии Яновка, Шубовка, Ольшаница (Вильшаница). Впрочем, это только полпути. Но вот, наконец, деревня Сидоровка. Мы почти у цели.

Однако именно здесь нас ожидало самое трудное. И не только нас. На подъеме длиной около двух километров, покрытом толстым слоем вязкой глины, скопилось множество застрявших армейских машин. Образовалась пробка. На ее ликвидацию и на преодоление подъема батальоны потратили шесть часов тяжелого труда.

И все же воины укрепрайона в срок завершили этот изнурительный марш. В 12 часов 29 января головной 20-й пулеметно-артиллерийский батальон с ходу начал занимать позиции на переднем крае. Вслед за ним и остальные войска укрепрайона вышли на боевой рубеж, который до этого обороняли части двух стрелковых дивизий, предназначавшиеся теперь для усиления ударной группировки армии.

Наш передний край проходил от северной окраины Богуслава через Николаевку, Сидоровку, Скрипченцы и Шендеровку до села Туркенцы. Перед фронтом укрепрайона, имевшим общую протяженность до 40 км, не было постоянных частей противника. Зато то и дело появлялись все новые сводные полки и батальоны, наспех сформированные из остатков потрепанных фашистских дивизий. И каждый из них предпринимал попытку прорвать нашу оборону. Даже сменяли мы стрелковые части под огнем врага, отразив при этом несколько его атак.

Так батальоны укрепрайона вступили в бой.

Уже 30 января небольшие подразделения 20-го артпульбата просочились в деревню Дыбницу и заняли ее, отбросив противника на противоположный берег реки Рось. В ту же ночь фашисты дважды пытались вновь овладеть этой деревней, но их атаки были отбиты.

Успех в Дыбнице несколько улучшил условия для выполнения поставленной нам командованием задачи по освобождению Богуслава, стариннейшего города, основанного еще во времена Киевской Руси, а теперь вот уже больше двух лет терзаемого захватчиками.

С первых же дней пребывания на правом берегу Днепра перед нами вновь, как и под Сталинградом, предстали зловещие следы фашистских преступлений. Разоренные города и села, виселицы и рвы, переполненные трупами безжалостно умерщвленных женщин, детей, стариков. Под Белой Церковью, например, мы видели старую строительную площадку, которую оккупанты превратили в место массовых расстрелов населения.

Освобождение Дыбницы раскрыло перед нами еще одну мрачную картину чудовищных злодеяний захватчиков. От местных жителей мы узнали, в частности, о трагедии, разыгравшейся несколько дней назад в Топтиевке. В этой деревне, расположенной недалеко от Богуслава, фашисты сожгли дома, отобрали имущество у населения, надругались над женщинами на глазах у их близких. Остервенев от собственных зверств, они облили горючей смесью 17-летнюю девушку и сожгли ее вместе с раненым военнопленным¹.

Злодеяния гитлеровцев во временно оккупированных украинских городах и селах вызывали жгучую ненависть к врагу. Личный состав укрепрайона рвался в бой, чтобы отомстить фашистам за их бесчеловечные преступления, очистить советскую землю от захватчиков. Легко понять, с каким воодушевлением встретили наши воины приказ о наступлении на Богуслав.

Обстановка благоприятствовала его освобождению. Непосредственно вблизи города, к югу от него проходили боевые рубежи 20-го батальона, несколько правее — 361-го. С севера к Богуславу приближался 496-й артпульбат, действовавший некоторое время вместе с 54-м укрепленным районом и теперь вновь вошедший в состав 159-го.

Главный удар наносил 20-й батальон. Его задача состояла в том, чтобы внезапным штурмом овладеть южной частью города, затем форсировать реку Рось и завершить полное освобождение Богуслава. Поддерживать наступление было приказано 361-му и 496-му батальонам. О содействии освобождению города догово-

¹ См. акт об этом злодеянии, составленный представителями политорганов 159-го полевого укрепленного района совместно с местными жителями. — Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 173327, д. 5, л. 51.

С. К. ЩЕРБАКОВ

рились и с командованием приближавшегося со стороны Днепра 54-го укрепрайона.

Готовясь к наступлению, командиры батальонов действовали увереннее, чем когда-либо раньше: у нас был драгоценный опыт боев под Сталинградом. Все, чему мы там научились, как нельзя лучше пригодилось и здесь. Выделенные для атаки роты были временно преобразованы в стрелковые. Каждый взвод представлял собой, в сущности, штурмовую группу, только несколько большей численности. Впрочем, общее количество атакующих и на этот раз было невелико, ибо поставленная им боевая задача предусматривала освобождение города «не числом, а умением».

Этому учил опыт многих победоносных сражений, проведенных за последний год Советской Армией. Ведь и здесь, на Правобережной Украине советские войска наносили по врагу мощные удары, превосходя его к началу 1944 г. лишь по численности войск (1,3 : 1), боевых самолетов (1,7 : 1), орудий и минометов (1,7 : 1)¹, но несколько уступая ему в количестве танков и самоходных артиллерийских установок. Причем существовали еще и естественные преграды наступательным действиям наших соединений — крупные реки. В целом, таким образом, Советская Армия громила врага не только вследствие изменившегося в ее пользу

¹ См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945*, т. 4. М., 1962, стр. 57—58.

соотношения сил и средств, но и благодаря своему взрослому военному искусству.

Решительность и внезапность наступательных операций, выбор наилучшего направления главного удара, умелый маневр силами и средствами — все это, осуществлявшееся Советской Армией в грандиозных масштабах, находило отражение в действиях всех ее соединений, частей и подразделений на отдельных участках.

Так стремились действовать и командиры батальонов укрепрайона. Особенно ярким примером тому был командир 20-го батальона майор С. К. Щербаков. Ветеран гражданской войны, он умело сочетал ее опыт с современными методами ведения боя. Это было особенно важно теперь, когда окончательно определилось, что задача полевых укрепрайонов — активно участвовать в окончательном очищении от врага захваченной им территории, а следовательно и в наступательных действиях по освобождению городов и сел.

Да, лихая атака времен гражданской войны ожила вновь во всеоружии новейшей военной техники. И подлинным мастером ее организации и ведения был у нас Степан Константинович Щербаков.

Ровно в 12 часов 1 февраля, после внезапного артиллерийского и минометного налета на позиции противника, майор Щербаков повел в атаку роты первого эшелона. Они стремительно ворвались в южную часть города и завязали уличные бои с отчаянно сопротивлявшимся вражеским гарнизоном.

Советские воины сражались самоотверженно, героически. В самом начале штурма раненого командира 2-й роты заменил парторг батальона Ахачиров. Почти тотчас же и он был ранен, но продолжал руководить боем до полного овладения южной частью города.

Тем временем к берегу Роси прорвалась группа комсомольцев во главе с комсоргом роты лейтенантом И. А. Оглизовым. Под ураганным пулеметным и минометным огнем противника она первой форсировала реку. Овладев несколькими улицами на правом берегу, воины-комсомольцы свыше суток вели неравный бой с превосходящими силами врага и все же удержали этот важный плацдарм до подхода наших частей. Отважно действовали и комсомольцы из взвода Ляпушкина. Их командир был дважды ранен, но не ушел с поля боя.

Блестяще решил трудную задачу коммунист И. С. Овчинников. Над 3-й ротой, которой он командовал, в ходе боя нависла угроза окружения. Еще была возможность отступить, но тогда осталась бы невыполненной поставленная роте задача. Да и отход под сильным огнем противника нанес бы ей значительный урон. Овчинников принял единственно правильное решение: он повел взводы в рукопашный бой с врагом, преграждавшим им путь,

Уничтожив в ожесточенной схватке свыше ста фашистов, рота вышла из полукругления и выполнила свою задачу¹.

Почти двое суток непрерывно вел 20-й батальон уличные бои. 361-й и 496-й выделили ему в помощь по одной роте, а остальными силами овладели населенными пунктами Чайки, Мисайловка, а также освободили уже упоминавшуюся Топтиевку.

3 февраля Богуслав был окончательно очищен от врага. Тогда же 404-й пулеметно-артиллерийский батальон 54-го укрепленного района занял железнодорожную станцию Богуслав. Противник начал поспешный отход, прикрываясь арьергардами из пулеметчиков и автоматчиков, усиленными полевой артиллерией².

В те же дни мы овладели еще двумя опорными пунктами врага — деревнями Ольховец и Москаленки. В целом в результате этого натиска, а также наступления 54-го укрепленного района, действовавшего совместно с 206-й стрелковой дивизией, наша сторона кольца окружения к 5 февраля значительно сузилась.

Теперь она начиналась чуть севернее Николаевки, на левом берегу Роси. Дальше к югу, где река отступала в глубь территории, занятой окруженными фашистами, рубеж 159-го укрепленного района проходил, как уже отмечалось, по линии Сидоровка, Шендеровка, Туркенцы.

Командование захваченной в «мешок» вражеской группировки все еще надеялось на выручку извне. Чтобы выиграть время и продержаться до прибытия обещанной Гитлером помощи, фашисты сильно укрепили все занятые ими населенные пункты, высоты, лесные массивы, превратив их в сплошную оборонительную полосу.

Теперь же, когда с каждым днем усиливались бои на внешнем фронте окружения, где уже в конце января четыре танковые дивизии немцев³ стремились прорвать оборону советских войск и соединиться где-то в районе Лисянки с курсунь-шевченковской группировкой, последняя все ожесточеннее пыталась атаковать наш внутренний фронт. Выгодная для противника конфигурация местности и наличие путей для движения крупных сил показывали, что он может воспользоваться для прорыва только направлением Стеблев — Шендеровка — Джурженцы — Лисянка. И, действительно, именно район Шендеровки стал ареной кровопролитных боев, которые, как и битва на внешнем фронте, имели решающее значение для исхода Курсунь-Шевченковской операции и последующих наступательных действий 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Учитывая важность этого направления, командование 27-й армии заблаговременно создало в Шендеровке узел обороны. Он

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 512947, д. 3, лл. 17—30.

² Архив МО СССР, оп. 144467, д. 4, лл. 17—22; оп. 48138, д. 3, лл. 10—25; оп. 512947, д. 3, лл. 17, 51.

³ См.: А. Н. Грылев. За Днепром, стр. 54.

занимал полосу в четыре километра по фронту и имел довольно значительную глубину, в то время как на остальных участках занятого нами рубежа боевой порядок укрепрайона строился в один эшелон. Шендеровский узел был лучше оснащен и огневыми средствами, особенно противотанковыми. Ему были выделены также резервы для контратак, отсутствовавшие на остальной части рубежа. Комендантом шендеровского узла был присланный из штаба армии майор Лосев.

В ночь на 1 февраля 500-й артпульбат, усиленный армейским огнеметным батальоном, совершив по распутице 110-километровый марш, с ходу занял огневые позиции в Шендеровке. Командир батальона коммунист майор И. П. Сеницин, один из лучших боевых офицеров укрепрайона, тут же поставил боевые задачи всем подразделениям.

Обстановка не позволяла медлить. Уже на рассвете 2 февраля батальон выдержал ожесточенную двухчасовую атаку противника, переходившую в рукопашные схватки. А в течение дня еще несколько атак.

Особо опасной была последняя в тот день, продолжавшаяся почти шесть часов. Немцы настолько глубоко вклинились в систему обороны узла, что совершенно отрезали и окружили третью артиллерийскую батарею. Командир ее был тяжело ранен. Командование принял парторг дивизиона Бялик. Обращаясь к бойцам, он сказал:

— Товарищи! Будем драться до последней капли крови, но выполним боевую задачу — не пропустим врага.

Бойцы огневых расчетов, все как один, повторили эту клятву. Они стойко отражали бешеный натиск фашистов, били по наседавшему противнику из орудий, а когда кончились снаряды, перешли на ружейный огонь и ручные гранаты.

Окруженными оказались также четыре коммуниста — лейтенант Бызов, парторг роты Ковалев, сержант Цыганков, рядовой Павлов и комсомолец Аристархов. Отбиваясь в течение четырех часов, они уничтожили свыше 60 фашистов.

Пришлось ввести в бой резерв укрепленного района. Это позволило восстановить положение. Враг был отброшен за передний край, оставив на поле боя более 600 трупов своих солдат и офицеров, несколько сожженных танков и бронемашин.

С 3 по 8 февраля противник ежедневно предпринимал двести атаки пехоты и танков, сопровождавшиеся сильным артиллерийским огнем. Но каждый раз откатывался назад, теряя убитыми по 50—100 солдат и офицеров. Более того, батальон, несколько улучшив контратаками свои позиции, получил возможность контролировать передний край врага и вести разведку в глубине и в тылу его расположения.

Активность окруженных гитлеровцев была неудивительна. Она возросла в связи с предпринятой 4 февраля попыткой против-

ника тремя танковыми дивизиями в районе Ризино—Лысянка и тремя танковыми дивизиями в районе Толмач—Искренное прорвать внешний фронт окружения и деблокировать находившуюся в «мешке» группировку»¹. Последняя же принялась еще более настойчиво искать слабые места на участке шендеровского узла, стремясь все к той же цели — соединению с пробивавшимися извне гитлеровскими войсками.

А кольцо окружения сжималось с каждым днем. Находившимся в нем дивизиям противника уже давно не хватало горячего и продовольствия. Попытки гитлеровского командования обеспечить снабжение по воздуху провалились благодаря действиям нашей авиации и зенитной артиллерии. Положение врага быстро ухудшалось, и особенно вследствие того, что советская артиллерия простреливала теперь уже почти всю занятую им территорию.

Вечером 7 февраля в селе Хировке, на участке первой роты 500-го батальона, мы встречали представителей командования 1-го и 2-го Украинских фронтов. Им было поручено вести переговоры о капитуляции окруженной группировки. Советское командование во избежание кровопролития предлагало противнику сложить оружие, гарантируя при этом жизнь и безопасность всем сдавшимся солдатам и офицерам.

Сразу же заговорили наши окопные звуковещательные установки. На немецком языке были зачитаны сводки о положении на фронтах, а также сообщение о том, что на следующее утро, в 11 часов, наши парламентарии пройдут с белым флагом по шоссе от Хировки на Стеблево, в расположение обороны немецких войск, для вручения их старшему начальнику предложения о капитуляции.

Утром несколько раз повторили эту передачу. А ровно в 11 часов на улице прифронтного села Хировки появились два советских парламентария — подполковник Савельев и лейтенант Смирнов в сопровождении трубача и солдата с белым флагом.

Вместе с членом Военного совета 27-й армии полковником Р. Е. Булдовичем, Николаем Николаевичем Калининным провожаем их до «ничейной» зоны. Дальше нам нельзя — мы не парламентарии.

Группа с белым флагом уходит вперед, в расположение противника. Зорко наблюдаем за ней в бинокли. Тревожит неизвестность: что ждет наших товарищей в логове фашистов, давно поправших все человеческие законы и традиции.

Вот навстречу парламентариям выходят несколько солдат и офицеров противника. Надевают всем нашим повязки на глаза. Уводят...

¹ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 66.

Молча, тревожно ждем. Каждая минута кажется бесконечной. Конечно, повязки — неплохая примета. Да и положение у окруженных не такое, чтобы открыто пойти на новое гнусное преступление, за которым, как они, несомненно, понимают, последует немедленное суровое возмездие. И все же...

Но, по-видимому, гитлеровцы, действительно, не решились справиться с нашими парламентарями. Со вздохом облегчения видим показавшуюся впереди группу с белым флагом. На глазах у парламентарей те же повязки. Теперь гитлеровцы снимают их. Парламентареры идут к «ничейной» зоне. Наконец-то! Крепко жмем руки, поздравляем с благополучным возвращением.

И тут же узнаем, что условия капитуляции не приняты.

Вскоре опять заговорили фашистские пушки и пулеметы. Возобновились ожесточенные попытки врага прорвать кольцо окружения.

Неудача на направлении Шендеровки толкнула немецкое командование на попытку прощупать другие участки нашего рубежа. В конце дня 8 февраля пехота с танками внезапно атаковала первую роту 496-го пулеметно-артиллерийского батальона на южной окраине села Петрушки, но безуспешно.

Не удалось совершить и прорыв из Стеблева через участок первой роты 491-го батальона в Хировке. Здесь противник, наступавший 9 февраля такими же силами, как и накануне, сначала сумел вклиниться в наше расположение, но, введя в бой резервы укрепрайона, мы в ходе рукопашной схватки, длившейся более трех часов, восстановили положение.

В тот день враг несколько раз атаковал и другие участки рубежа, однако нигде не достиг успеха.

Тогда он вновь нацелил свои удары на район, занятый 500-м артульбатом. В ночь на 10 февраля предпринимались неоднократные попытки прорваться через расположение первой роты этого батальона. Противник вел атаку на узком фронте «волнами» до батальона каждая в интервалами в 10—15 минут. Но и эта попытка не была для нас неожиданной, ее подготовка была заблаговременно раскрыта разведкой укрепрайона. Атакующих встречал артиллерийский и минометный огонь, расстраивавший боевые порядки атакующих. Через зону заградительного огня удавалось прорываться отдельным группам пьяных немецких солдат, но здесь их в упор расстреливали пулеметчики.

Да, 500-му батальону выпала самая трудная задача. Исключительно напряженные схватки с врагом не прекращались с первого дня его пребывания на этом рубеже. Об их ожесточенности можно судить хотя бы по таким данным: с 1 до 10 февраля в боях с врагом батальон израсходовал четыре полных комплекта боеприпасов.

И все же самое тяжелое для него было еще впереди.

Немецко-фашистское командование сосредоточило против

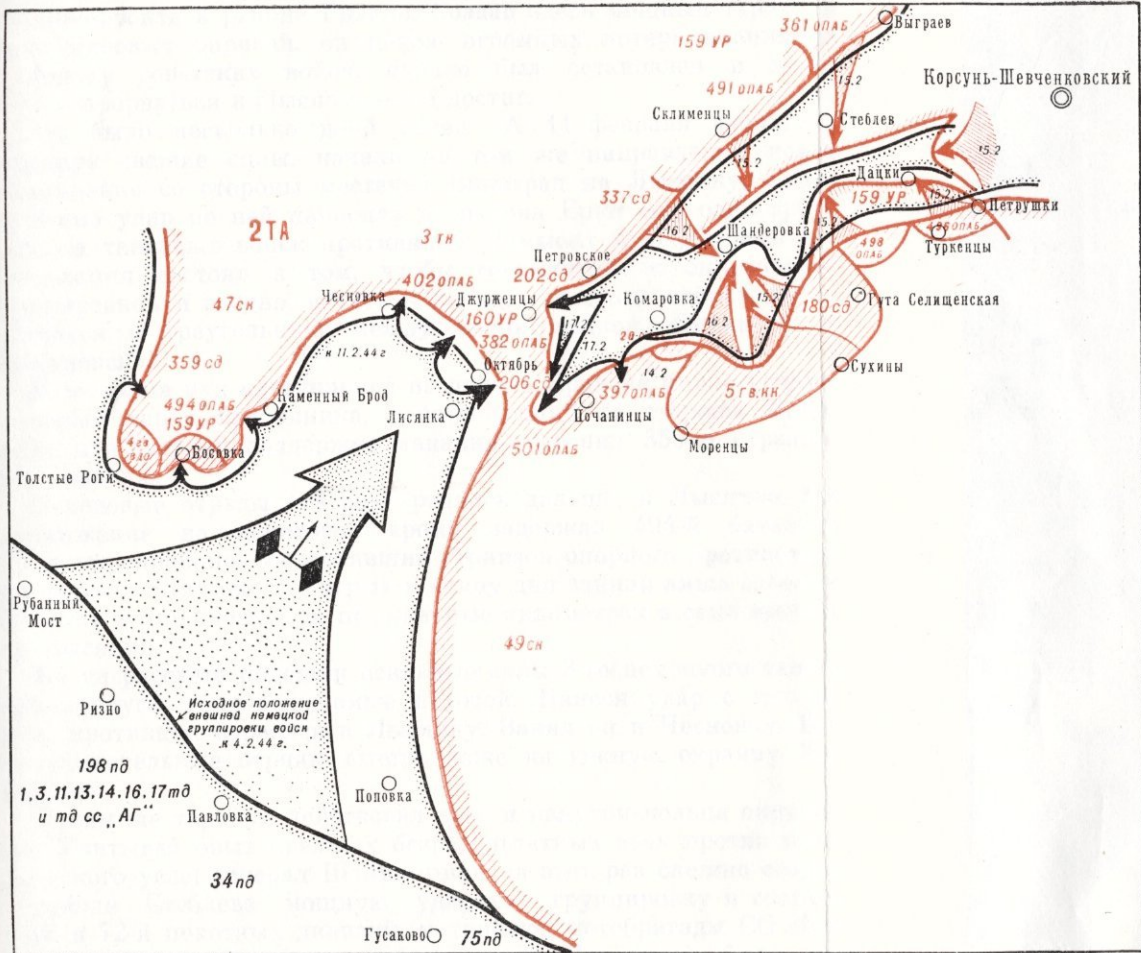

Схема № 1. Боевые действия 159-го полевого укрепленного района в Корсунь-Шевченковской операции 1-го и 2-го Украинских фронтов.

наших войск на внешнем фронте окружения теперь уже не 6, а 14 дивизий, из них 8 танковых¹. Не сумев пробиться в полосу 2-го Украинского фронта, враг усилил удары против 1-го Украинского фронта в районе Ризино. Создав здесь мощный таран из трех танковых дивизий, он ценою огромных потерь вклинился в оборону советских войск, однако был остановлен и своей цели — прорваться к Лысянке — не достиг.

Это было несколько дней назад. А 11 февраля фашисты, подтянув свежие силы, начали на том же направлении новое наступление со стороны местечка Виноград на Лысянку. Одновременно удар по ней наносила из района Ерки еще одна группировка танковых войск противника. Замысел гитлеровского командования состоял в том, чтобы соединиться с окруженной группировкой и заодно зажать в кольце советские войска, находившиеся в треугольнике между Звенигородкой, Лысянкой и Рыжановской.

В то время как наступление из района Ерки не имело успеха, танковый таран противника, действовавший со стороны Винограда, при сильной поддержке авиации потеснил 359-ю стрелковую дивизию.

Передовые отряды «тигров» рвались дальше, к Лысянке. Их продвижение на некоторое время задержал 494-й батальон 159-го укрепрайона, составивший гарнизон опорного противотанкового узла в Босовке. «Тигры» к концу дня заняли лишь селения Бужанку и Франковку, расположенные километрах в семи восточнее Лысянки.

Но на рассвете подошли основные силы 3-го немецкого танкового корпуса, сопровождаемые пехотой. Нанеся удар с юго-запада, противник ворвался в Лысянку. Занял он и Чесновку. Его разведывательные отряды вышли даже на южную окраину Хижинцев.

Таким же тараном действовал враг и изнутри кольца окружения. Учитывая опыт прежних безрезультатных атак против шендеровского узла, генерал Штеммерман на этот раз спешно создал в районе Стеблева мощную ударную группировку в составе 112-й и 72-й пехотных дивизий, мотополка, мотобригады СС «Валлония», усиленных танковым батальоном. Перед ней была поставлена задача быстрее выйти к Лысянке и соединиться с наступавшим извне кольца окружения 3-м немецким танковым корпусом.

В ночь на 12 февраля, почти одновременно с упомянутым выше прорывом на Лысянку, был атакован шендеровский узел. Ударная группировка окруженных войск одновременно нанесла два удара — по правому флангу 500-го артпульбата в хуторе Завадском и левому — на стыке с соседним 491-м батальоном.

¹ См.: «История Великой Отечественной войны. 1941—1945», т. 4, стр. 66.

Стало ясно, что противник, охватывая узел с флагов, стремится выйти в тыл 500-го батальона.

На удары атакующих гарнизон узла ответил дружным огнем из всех видов оружия. При поддержке соседей и артиллерии укрепленного района батальон в течение нескольких часов прочно удерживал позиции. Враг был временно остановлен, но для этого майору Синицину пришлось использовать весь свой резерв.

И тогда начало сказываться громадное превосходство сил неприятеля, который бешено рвался вперед, не считаясь с потерями. Вновь встретив сопротивление, враг еще более усилил удары.

Это была страшная ночь. Фашисты жгли все окрестные дома, превратив их в гигантские костры. Осветив себе путь пламенем пожарниц, все новые и новые пехотные и танковые подразделения остервенело бросались в бой.

Сосредоточив большую часть сил против правого фланга батальона, гитлеровцы все же лишь к 6 часам утра смогли потеснить здесь 3-ю роту, выйти на южную окраину Шендеровки и занять в ее тылу высоту 201,4. Что касается левого фланга узла, то здесь они успеха не имели. Лишь нанеся удар севернее, на Скрипченцы, и вклинившись в боевые порядки соседнего 491-го батальона, противник занял восточную окраину этого села и создал таким образом угрозу полного окружения Шендеровки.

К 8 часам 12 февраля несколько фашистских танков подошли к командному пункту 500-го батальона.

Майор Синицин бросил в бой все наличные силы, включая и тыловые подразделения. Штабное помещение было превращено в опорный пункт. Ряды оборонявших его воинов редели, но ни один не дрогнул перед натиском врага.

Немецкий танк с группой автоматчиков шел прямо на 45-мм орудие, у которого остался один наводчик. Это был 52-летний сержант Якушкин. Не раз доводилось ему бить немецких оккупантов — и в первую мировую войну, и в гражданскую, и теперь. Не растерялся он и оставшись один на один с вражеским танком. Выждал удобный момент и выстрелом почти в упор подбил его, а затем вторым и третьим снарядами рассеял автоматчиков. Невдалеке вдруг застрочил пулемет. Якушкин залег у орудия. Выглянул: у пулемета вражеский офицер и трое солдат. Офицер бросил гранату, но у орудия есть щит. Якушкин быстрым движением заряжает свою пушку. Меткий выстрел, и вот уже не видно фашистов, не слышно их пулемета¹.

В контратаку на гитлеровцев идет группа бойцов. Ее ведет немецкий антифашист капитан Ватер. Два дня назад он прибыл в укрепленный район со звуковой установкой Политуправления 1-го Украинского фронта и обратился по радио к окруженным

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 4, лл. 28, 32.

с речью о неизбежности поражения гитлеризма. Закопчив свое выступление, капитан Ватер заявил мне:

— Не хочу уходить с поля боя, остаюсь в батальоне в Шендеровке и вместе с вами хочу драться с фашистами.

Он остался и храбро участвовал в отражении атак врага. Во время одной из них Ватер был ранен, но после перевязки вновь пошел в бой.

И вот теперь во главе группы бойцов он контратакует фашистов в районе командного пункта батальона. Гитлеровцы отброшены. Но и Ватер смертельно ранен.

Спасти его не удалось. Он пал смертью героя в жестокой битве с фашистами¹.

500-й батальон упорно продолжал бой, хотя и потерял уже более чем две трети своего состава. Он стойко оборонялся и после того как во второй половине дня полк пехоты с танками, атаковав соседний 491-й батальон, ценою больших потерь прорвался в Хильки и таким образом завершил окружение шендеровского узла.

Подразделения батальона майора Синицина, сосредоточившись в прочном редуте восточной части Шендеровки, пять раз переходили в контратаки. Отбрасывая наседавшего противника, они захватили даже несколько улиц и высоту 201,4.

Но людей в строю оставалось все меньше. Не хватало снарядов и патронов: попытки прорваться из Шендеровки на автомашинах с боеприпасами потерпели неудачу, а доставка по воздуху оказалась невозможной из-за нелетной погоды.

Судьба блокированного гарнизона узла глубоко тревожила командование не только укрепрайона, но и 27-й армии.

Сначала мы поддерживали оборонявшихся огнем артиллерии всех соседних участков. 13 февраля в мое распоряжение прибыл 1129-й полк 337-й стрелковой дивизии. Но его неоднократные попытки выбить противника из восточной окраины села Скрипченцы и войти в соприкосновение с 500-м батальоном не имели успеха, несмотря на поддержку блокированного гарнизона и резерва укрепрайона.

Тогда возник план силами 337-й дивизии и наших батальонов нанести удар в районе шоссе Стеблев—Шендеровка и таким образом разрезать надвое наступавшую с этой стороны группировку противника. Но все произошло по-иному. Дивизия несколько запоздала из-за бездорожья, а тем временем обстановка изменилась, и отнюдь не в пользу немецко-фашистских войск.

Дело в том, что вопреки ожиданиям противника окружение Шендеровки не пробило брешь в полосе укрепленного района в целом. Упорная самоотверженная оборона узла задержала

¹ Там же, л. 28.

паступавшую изнутри «котла» ударную группировку, что позволило командованию 27-й армии своевременно перебросить к тылам Шендеровки части 180-й, 206-й стрелковых дивизий и 54-го укрепрайона.

Враг не только был остановлен здесь, но и попал опять в безвыходное положение. Конфигурация участка, куда он ворвался, представляла собой теперь ярко выраженную форму мешка, сжатого с боков и снизу плотным кольцом частей 27-й армии, а также нескольких соединений 2-го Украинского фронта. Весь захваченный противником район простреливался нашей артиллерией, в том числе и орудиями средних калибров, что обрекало вымотанную ударную группировку фашистов на поголовное истребление.

В сложившихся условиях командир батальона майор Синицин принял решение оставшимися в строю силами гарнизона прорываться между Хильки и Скрипченцы на соединение с частями укрепленного района. По радио, которое все эти дни служило нам единственным средством связи с Синициным, он сообщил о своем решении. Оно было утверждено. Одновременно был разработан план прорыва при поддержке извне со стороны соседних артиллерийских батальонов.

В ночь на 14 февраля, надежно укрыв около 60 раненых бойцов в домах местных жителей, 111 солдат и офицеров Шендеровского гарнизона с боем прорвали окружение. В 4 часа утра они вышли к высоте 226,8, соединившись с войсками укрепленного района.

Этому успеху благоприятствовало не только содействие соседних батальонов. Смелчаки выбрали для прорыва вражеского кольца как раз тот момент, когда фашисты, усиливая нажим на другом направлении, заметно ослабили атаки против блокированного ими 500-го батальона.

Несмотря на явно невыгодное положение своей ударной группировки, пробившейся в Шендеровку, Штеммерман бросал сюда, в «мешок» все новые подкрепления со стороны Стеблева. Рассчитывая найти слабое место в нашем кольце окружения, он продолжал отчаянные попытки пробиться к Лысянке и соединиться с действовавшими там танковыми дивизиями. Видимо, командование курсунь-шевченковской группировки уже не надеялось на то, что танковый таран извне достигнет цели, и решило самостоятельно вырваться из окружения любой ценой.

Попытки выйти из «котла» становились все более яростными по мере того, как неотвратимо сужалось кольцо наших войск вокруг окруженной группировки противника.

Войска 2-го Украинского фронта, наступавшие с востока, 13 февраля вышли на южный берег Роси и штурмом заняли окраину Курсунь-Шевченковского. В ночь на 14 февраля находившиеся в городе фашистские войска начали поспешно отходить к Яблоновке.

То была ночь огня и разрушений, убийств и грабежей, учи-

ненных гитлеровцами. Враг, обреченный на уничтожение или пленение, всю свою злобу вымещал на беззащитных мирных жителях, расстреливая женщин и стариков, сжигая их дома. Воздух потрясали взрывы, разрушившие до основания гидроэлектростанцию, вокзал, мельницу, больницы. . .

Злобствуя и уничтожая все на своем пути, гитлеровцы замесались по всей окруженной территории. В то время как их ударная группировка в районе Шендеровки безуспешно пыталась прорваться в районе села Хильки, находившиеся в Стеблеве и Яблоновке фашистские войска бросились искать другую лазейку.

Особенно упорно стремились они пробиться на участках, занятых войсками нашего укрепрайона вблизи населенных пунктов Выграев и Склименцы.

Утром 14 февраля части 88-й и 332-й немецких пехотных дивизий после сильного артиллерийского и минометного налета предприняли одну за другой шесть яростных атак на позиции 361-го пулеметно-артиллерийского батальона. Не считаясь с огромными потерями, шагая буквально по трупам своих солдат и офицеров, враг бешено рвался вперед.

Несколько раз ему удавалось вклиниться в наши боевые порядки и даже окружить первую и вторую роты. Однако батальон, его соседи и резерв укрепрайона артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем уничтожили большую часть гитлеровцев, а остальных обратили в бегство.

Столь же безуспешно дважды атаковали фашисты участок 491-го пулеметно-артиллерийского батальона. Наступавшие здесь части противника были почти целиком уничтожены.

На следующий день окруженная вражеская группировка, занимавшая Шендеровку и юго-восточную окраину села Скрипиченцы, все свои усилия вновь перенесла на направление Почапинцы, Джурдженцы. Ближайшие на пути к ним селения Хильки, Комаровка, Новая Буда переходили из рук в руки. Расстояние между рвущимися навстречу друг к другу двумя немецкими группировками уменьшилось до 10—12 километров.

Но больше им не удалось сделать ни шагу.

В центре этой полосы в селе Джурдженцы располагался вспомогательный пункт управления 27-й армии. Отсюда командарм генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, не отрываясь от карты и средств связи, вот уже несколько дней и ночей руководил уничтожением окруженных войск противника. В этой операции важную роль сыграли перегруппированные в район Комаровки и Новой Буды гвардейские 29-й танковый и 5-й кавалерийский корпуса. Вместе с полевыми войсками в контратаку пошли и батальоны нашего укрепрайона.

Продвижение врага было окончательно остановлено на обоих направлениях.

С утра 16 февраля резко похолодало. Войска 2-го Украин-

ского фронта, освободившие Корсунь-Шевченковский и Яблоновку, вышли на окраину Стеблева.

Остатки окруженных дивизий оказались стиснутыми теперь на «пяточке» в несколько десятков километров между Децки и Шендеровкой, простреливаемом нашей артиллерией со всех сторон. Но они продолжали безуспешно атаковать, хотя уже не могло быть и тени сомнения в безнадежности их положения.

Последняя отчаянная попытка вырваться из кольца окружения была предпринята в ночь на 17 февраля. В районе Шендеровки выстроились две колонны немецких войск. В левой находились части эсэсовцев из мотобригады «Валония», а также 72-й и 112-й пехотных дивизий. В центре этой колонны на бронетранспортерах, охраняемых со всех сторон уцелевшими танками дивизии «Викинг», разместились штабы и все старшие офицеры окруженных частей. В правой колонне были собраны остатки 57, 82, 167-й дивизий, прочие мелкие части и подразделения. Непосредственно за ней располагались тылы и обозы.

Командование окруженной группировки, несомненно, понимало, что, отказываясь капитулировать, обрекает на гибель своих солдат и офицеров. Но оно и не стремилось спасти им жизнь. У гитлеровских генералов была иная цель: самим, хотя бы с частью сил, вырваться из окружения.

Этот замысел и продиктовал описанное выше построение колонн для атаки.

В том, что она будет последней, фашистские генералы также не сомневались. Об этом свидетельствует то, что они, как всегда в таких случаях, приказали «ликвидировать» госпитали. В результате, как мы узнали затем от пленных, легкораненые солдаты и офицеры были направлены в части, а тяжелораненые — безжалостно умерщвлены.

Разумеется, фашистские убийцы не забыли на прощанье расправиться с теми из мирных жителей, кто попался им на глаза. Они согнали из окрестных сел около тысячи стариков, женщин и детей, заперли их в церкви и школе, после чего подожгли эти здания, а заодно и соседние дома, мельницу, колхозные сараи.

При свете этого гигантского факела колонны гитлеровцев двинулись в свой последний путь на юго-запад от Шендеровки, где их ждала расплата за все преступления, совершенные ими на нашей земле.

... 4 часа утра. Чуть светает. На высоте 193,3, расположенной севернее села Моренцы, — рубеж 20-го пулеметно-артиллерийского батальона. Вот послышался глухой гул. С передовых постов сквозь снегопад и метель едва видна какая-то темная масса. Она движется, приближается. Слышится беспорядочная стрельба.

Над расположением батальона взлетает цепочка ракет, по проходам прозвучало: «Ураган! Ураган!» Это сигналы боевой тревоги.

В бинокль было видно, как подползает, извиваясь, громадное змеиное тело колонны. Вот она словно раздвоилась. Одна ее часть с тяжелым топотом понеслась на позиции 20-го батальона, другая повернула влево. Первая снова расчленилась, теперь уже на три, шириной метров в тридцать каждая. Впереди — танки: справа и слева по три, в центре пять. Это «тигры». За ними пехота, мотопехота, дальше автомашины, повозки и снова танки.

Наш передний край тотчас же опоясался огнем — артиллерийским, пулеметным, из автоматов и винтовок. В ответ сквозь бурю донесся звериный рев, а вслед за ним стрельба — тоже из всех видов оружия. Воющая толпа, подстегиваемая руганью офицеров, вываливается из снежной пелены, строча из автоматов и швыряя гранаты.

Первые шеренги атакующих, скошенные огнем почти в упор, уже лежат на снегу. По ним набегают новая волна. Но каждая пуля нашего стрелка, каждый снаряд неотвратно находят цель. Часть орудий прямой наводкой метко разит врага подкалиберными и бронебойными. И вот уже недвижно застывает один «тигр», другой, третий... Наша артиллерия бьет и с закрытых позиций, как бы навесив подвижной заградительный огонь вдоль колонн противника.

Залпы орудий и минометов, разрывы снарядов и мин, свист картечи и скороговорка пулеметов, автоматов... Казалось, такой огонь сметет ползущих вверх по скату высоты. Но они все еще пытаются лезть вперед. Их подгоняют эсэсовцы с пистолетами и автоматами в руках. Они получили приказ любой ценой проложить путь на соединение с внешней группировкой.

Еще танки. Пять, потом семь. Они уже у нашего переднего края. Обгоняя свою пехоту, мчатся к гребню высоты.

Пара «тигров» прорвалась на позицию третьей роты.

Лейтенант Овчинников, как всегда, командует спокойно и уверенно. Противотанковые орудия ударили танкам в «лоб». Один снаряд врезался в броню, другой, третий. А «тигр» все еще не «издох». Тогда над окопом мелькнула подвижная фигура комсомольца Лапушкина. Полетела связка противотанковых гранат. Взрыв, и танк ошалело заметался из стороны в сторону. Еще одна связка, и он замер.

Второй шел чуть правее, намереваясь смять орудия прямой наводки. Навстречу металлической громаде пополз комсомолец Огрызаев. Метнул две бутылки зажигательной смеси. Машину охватило пламя... «Тигр» горел, но тем временем подросла вражеская пехота.

Гитлеровцев было много, больше, чем наших бойцов. Каков будет исход завязавшейся ожесточенной рукопашной схватки? А вон там движется новый поток с танками, бронетранспортерами. Если его не остановить...

Майор Щербаков мгновенно принимает решение: перенести огонь артиллерии на приближающиеся фашистские части.

Танки противника, уходя от орудийного огня, нарываются на минное поле. Страшные взрывы потрясают воздух. К небу взвиваются столбы пламени и дыма. Вражеская пехота отпрянула, залегла в сотне метров от переднего края, а те, кто уже было ворвался в наши окопы, перебиты.

Совместными действиями войск 2-го Украинского фронта, в подчинение которого перешла и 27-я армия, врагу был нанесен сокрушительный удар. Гитлеровцы заметались по полю боя. Инерция первого натиска была потеряна, боевой порядок нарушен. Его еще сохраняли лишь собранные в голове левой колонны отборные части — опора командования окруженной группировки. Остальные же из организованного войска превратились в толпы обезумевших, гибнущих людей.

То была агония недавно еще мощной группировки, насчитывавшей больше десятка дивизий. Кое-где появились белые флаги. Но основная масса солдат, увлекаемая командирами, стремилась если не прорваться, то как-нибудь «незаметно» просочиться на юг. Она обтекала Комаровку, беспорядочно уходила от боя, маскировалась по зарослям и оврагам, где ее настигали специально сформированные наши отряды преследования.

От Стеблева и Шендеровки до населенных пунктов Комаровка, Хильки, Моренцы, Почапинцы, Джурдженцы заснеженные поля и дороги были загромождены разбитой и брошенной военной техникой врага, машинами всех заводов Германии и оккупированных ею стран, усеяны трупами «завоевателей». Здесь нашел бесславную смерть и их командующий генерал Штеммерман.

А уцелевшие начали сдаваться в плен. 18 200 солдат и офицеров сложили оружие у ног победителей — советских воинов. Это была почти четвертая часть личного состава курсунь-шевченковской группировки. 55 тыс. гитлеровских солдат и офицеров были убиты в боях, которые они вели по приказу своих генералов¹.

Лишь к 19 февраля части нашего укрепленного района полностью очистили территорию в районе своих боевых участков от прятавшихся в укрытиях гитлеровских солдат и офицеров².

К этому же времени батальоны сосредоточились в Шендеровке. Здесь мы с почестями похоронили наших воинов, павших смертью храбрых в незабываемых кровопролитных боях.

Эта печальная церемония — неизбежный атрибут войны, и каждый раз она невольно рождала мысли о том прекрасном дне, когда мы завоюем победу, когда умолкнет грохот битв и народы будут жить в мире и дружбе. Увы, никто из нас не знал, что и

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1136, л. 83.

² Там же, ф. 159 Ур, оп. 48138, д. 3, лл. 10—13.

четверть века спустя найдутся темные силы, на этот раз за океаном, которые войну сделают своим девизом, а массовое уничтожение людей — источником собственного обогащения.

Тогда этого не знали ни мы, живые, ни те, кто отдал свою жизнь за победу над силами зла, за спокойствие и счастье на земле.

Великий подвиг совершили они во имя изгнания захватчиков с родной земли, и теперь она, вновь свободная, благодарно принимала их в свое лоно. И пусть зима, пусть снег и метель, но нашлись и венки для свежей братской могилы. Множество их принесли уцелевшие от фашистских расправ местные жители.

Они стекались сюда, к месту похорон павших воинов Советской Армии, из всех окрестных селений. Пришла и большая группа измученных, изголодавшихся, полузамерзших женщин и детей. Гитлеровцы еще осенью схватили их для отправки в фашистскую неволю, да не успели, а потом так и держали взаперти до тех пор, пока не вызволили наши воины.

Так смешалась в прощаньи с павшими горечь утраты с радостью победы и освобождения и с твердой решимостью довести до конца дело разгрома врага...

От Приднестровья до границы

Несколько дней спустя мы расстались с 27-й армией, в составе которой вели бои по уничтожению корсунь-шевченковской группировки противника. Казалось, миновала вечность с того момента, когда наши батальоны прибыли сюда для участия в создании внутреннего фронта окружения. Так много незабываемых событий произошло за это время. А ведь прошло всего четыре недели. Но какие! Они вписали новую страницу в летопись побед советского оружия, в историю освобождения Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Они стали славной вехой и в боевом пути 159-го полевого укрепленного района. Он, как писали по этому поводу командующий 27-й армией генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, член Военного совета генерал-майор И. П. Шевченко и начальник штаба армии генерал-майор Г. С. Лукьянченко, «принимая непосредственное участие в окружении и уничтожении корсунь-шевченковской группировки противника, с порученными боевыми задачами справился хорошо... Личный состав укрепленного района в боях по окружению и уничтожению корсунь-шевченковской группировки противника показал свою стойкость, выносливость и высокую маневренность на поле боя, а офицерский состав, кроме того, умение управлять своими частями и подразделениями в самых сложных условиях боевой обстановки»¹.

В самых сложных... Да, именно такими были условия боевой обстановки не только для нашего укрепленного района, но и для всех других, действовавших тогда в составе многих армий. И для них январь-февраль 1944 г. тоже стали месяцами славных побед и трудных испытаний.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 48138, д. 3, л. 25.

С. Г. ТРОФИМЕНКО

Еще в середине января мы с радостью узнали о начавшемся наступлении войск Ленинградского и Волховского фронтов. История этих операций хорошо известна. Но в ее описании есть пробел, относящийся к действиям укрепрайонов. Там их было шесть — 9-й, 14-й, 16-й, 79-й в составе войск Ленинградского фронта, 2-й и 150-й — Волховского¹.

Первые четыре совместно с полевыми войсками занимали перед началом наступления мощную укрепленную зону, о которую обломала свои когти крупная группировка фашистских войск под Ленинградом. Эти укрепленные районы, постепенно создав широко развитую систему траншей и ходов сообщения, теперь быстро превратили свою полосу в удобные плацдармы для перехода наших войск в решительное наступление.

Созданная укрепрайонами система наблюдения позволила не привлекать к разведке полевые войска, что также содействовало маскировке намеченного контрудара. Этой же цели они способствовали своими действиями по прикрытию сосредоточения соединений и частей на исходных позициях перед наступлением.

И все это было только началом. После перехода войск Ленинградского фронта в наступление вместе с ними двинулись вперед батальоны 9-го, 14-го, 16-го и 79-го полевых укрепрайонов. Теперь они прочно закреплялись на освобождаемой от врага

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1221, д. 2185, л. 179; ф. 2 Ур, оп. 137438, д. 9, лл. 1—26; ф. 150. Ур, оп. 248823, д. 2, лл. 1—6.

территории, прикрывали фланги армий и стыки между ними, где нередко образовывались разрывы в десятки километров, захватывали узлы дорог, отрезали противнику пути отхода.

Так, 247-й и 339-й батальоны 79-го укрепрайона стремительным броском помешали отходу 58-й пехотной и 12-й танковой дивизий врага. Они задержали их до подхода наших сил и тем самым содействовали полному разгрому этой крупной группировки войск противника.

Характерной чертой действий укрепрайонов в ходе наступления соединений Ленинградского фронта были высокие темпы продвижения вперед. Не отставали от полевых частей и батальоны 2-го и 150-го укрепленных районов, входившие в состав 59-й армии Волховского фронта. Они также с честью выполнили поставленные им боевые задачи.

Впоследствии, когда я ознакомился с материалами о боевых действиях укрепрайонов Ленинградского и Волховского фронтов в этот период, бросилась в глаза еще одна важная деталь. Штурмовые группы или подвижные отряды, вооруженные только автоматами, ручными пулеметами и гранатами, уже тогда появились и там. Этого потребовали условия боевых действий в ходе наступления.

Например, 2-й и 150-й укрепрайоны, выполняя поставленную командованием 59-й армии задачу по обеспечению наступления полевых войск, прикрывали их фланги и стыки, активными действиями оттягивали на себя большое количество сил и средств противника, уничтожали его группы прикрытия. Они не смогли бы это делать без подвижных отрядов, а потому и создали их.

В результате оба укрепрайона получили возможность успешно действовать в первом эшелоне. Вот один из многих примеров: 28 января подвижные отряды 2-го укрепленного района совместно с 44-й стрелковой дивизией атаковали противника в районе Чудово — важного узла железных и шоссейных дорог — и на следующий день овладели им.

Так вновь подтвердилось, что тяжелое вооружение при ограниченности транспортных средств вынуждало командование укрепрайонов искать такие формы организации своих войск, которые выходили за установленные для них рамки. Это касалось не только создания подвижных отрядов, но и формирования различных других временных подразделений.

И тот факт, что подобные меры, являясь «самовольными», были, однако, продиктованы необходимостью, реальными условиями обстановки, молчаливо признавало даже командование тех армий, в составе которых находились укрепрайоны. Признавало, несмотря на запрещение создавать в войсках нештатные формирования.

Мне, например, пришлось в качестве «ответчика» давать по этому вопросу объяснения Военному совету 27-й армии. Ведь

Ф. Ф. ЖМАЧЕНКО

мы у себя создали немало временных «нештатных» формирований, в том числе разведывательную и транспортную роты, саперный взвод, медико-санитарное и другие подразделения. Без них войска укрепрайона не смогли бы вести боевые действия. Несомненно, это было ясно и Военному совету армии. Правда, он счел нужным по данному «делу» не принять никакого решения. Но не мог же он официально одобрить нарушение запрета!

Это было 26 февраля, в последний день пребывания 159-го полевого укрепленного района в составе 27-й армии. Теперь нам предстояло действовать вместе с 40-й армией.

Командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ф. Ф. Жmachenко сразу же вызвал меня и поставил следующую задачу:

— К 2 марта всем составом укрепленного района выйти на северный берег реки Горный Тикич и, сменив там стрелковые дивизии 51-го корпуса на фронте Шуляки, Охматов, прикрывать правый фланг фронта и его стык с войсками 38-й армии 1-го Украинского фронта.

Пожелав на прощанье успеха, генерал добавил:

— Действуйте быстро, так как сменяемые дивизии должны успеть сосредоточиться на правом фланге ударной группировки фронта.

Речь шла о готовившемся новом наступлении¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 320, лл. 5—6.

Благоприятные условия для него были созданы как в результате ликвидации вражеских войск под Корсунь-Шевченковским, так и успешно завершенных в тот же период Ровно-Луцкой операции 1-го Украинского фронта и разгрома никопольско-кировоградской группировки противника войсками 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Итогом двухмесячных действий четырех украинских фронтов было освобождение Киевской, Днепропетровской, Запорожской, почти всей территории Кировоградской и Ровенской, а также частично Винницкой, Николаевской, Каменец-Подольской и Волынской областей.

Противник же, потерпев одно за другим несколько тяжелых поражений, перешел к обороне, так как остро нуждался в пополнении и доукомплектовании своих пехотных, танковых и механизированных соединений. Начав выводить их с этой целью во вторую линию, фашистское командование исходило из расчета на то, что фронт стабилизируется, так как усилившаяся с приходом ранней весны распутица не позволит, мол, Советской Армии вести дальнейшие наступательные действия. И, разумеется, опять просчиталось.

Советское командование избрало именно начало весны для нанесения нового мощного удара по врагу. На этот раз цель широкого наступления 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов на более чем тысячекилометровой полосе состояла в том, чтобы расчлнить и уничтожить по частям силы противника на Правобережной Украине.

2-му Украинскому фронту предстояло наступать в направлении Умани и Ясс. Главный удар наносила мощная группировка из трех общевойсковых и трех танковых армий. Слева от нее сосредоточилась 53-я армия, справа — 40-я. В составе первой из них действовал 54-й полевой укрепленный район, во второй — 159-й, направленные соответственно на так называемые «пассивные» участки левого и правого флангов фронта.

Получив 27 февраля боевой приказ, войска 159-го укрепленного района в тот же вечер начали 100-километровый марш из района Шендеровки и Новой Буды в направлении Охматова.

С первых же шагов дала о себе знать вновь наступившая распутица, сделавшая почти непроходимыми грунтовые дороги — единственные тогда пути сообщения в тех местах. Топкие болота, речки с взорванными мостами, непролазная грязь — всего этого было вдоволь. Нечего было и мечтать о движении автотранспорта по таким дорогам. Даже трофейные гусеничные грузовики — самые мощные по тем временам — не могли здесь пройти.

Быть может, не зря надеялось гитлеровское командование на то, что распутица спасет его войска от нового разгрома? Нет, зря. Не было такой силы, которая смогла бы помешать наступлению Советской Армии, окончательному очищению советской

земли от захватчиков. Наше стремительное движение вперед, на запад, не остановила и весенняя распутица 1944 г.

Большую роль в этом, наряду с неизмеримо возросшим техническим оснащением войск, сыграло широкое использование всех подручных средств, в том числе и транспортных.

Советские воины с исключительной выносливостью совершали стремительные пешие марши по бездорожью. А там, где вслед за ними не могли пройти машины с грузом, это делали кони и даже такая примитивная тяга, как волы. Они двигались, как говорят, медленно, но верно, выручали подчас из самого, казалось бы, трудного положения.

Об этом хорошо знают и наши летчики, которым доводилось видеть свои боевые машины на залитых водой фронтовых аэродромах, и артиллеристы, чьи орудия застревали в грязи на дорогах войны. Думаю, никто не забыл, что в таких случаях добрая упряжка обыкновенных крестьянских волов отлично помогала.

Хорошую службу сослужили они и артиллеристам нашего укрепрайона. Первый опыт в этом отношении мы приобрели в начале Корсунь-Шевченковской операции, при передвижении по бездорожью. Теперь, на марше, у нас были и сотни лошадей, и 72 пары волов. В трудных местах они добросовестно тащили орудия, и, пожалуй, это в значительной мере облегчило нам трудный путь к Охматову.

В ночь на 2 марта, за несколько часов до назначенного срока, мы скрытно сменили войска 51-го стрелкового корпуса, заняв рубеж по северному берегу Горного Тикича протяженностью 38 километров в следующем боевом порядке: пять батальонов в первом эшелоне и два — во втором. Перед фронтом укрепленного района оборонялись три пехотных полка противника — 162-й и 166-й в полосе Ивахны, Шарышиль, Зубриха, Конелла и 202-й — на участке Зеленый Рог, Вороное, Безпечна, Червона Одая.

Наблюдение и разведка подтвердили, что враг укреплял свои рубежи, сооружал новые оборонительные линии. Они имели сравнительно небольшую глубину и состояли из сооружений полевого типа, системы взрывных и проволочных заграждений, минных полей у въездов и выездов из населенных пунктов. Высоты, господствующие над реками, и расположенные вдоль них селения противник опоясал траншеями и отдельными стрелковыми окопами, соединенными ходами сообщения, с блиндажами и укрытиями. Причем этот участок обороны врага был далеко не самым слабым.

Немецко-фашистское командование не ожидало крупного наступления Советской Армии в этот момент. Поэтому удар главной группировки правого крыла фронта, нанесенный 5 марта после короткой, но мощной артиллерийской подготовки, ошеломил противника и спутал все его планы. Он дрогнул и начал отступать.

40-я армия должна была, действуя в локтевой связи с войсками 27-й армии, поддержать удар в направлении Нестеровки, Сарны с задачей свертывания обороны противника перед фронтом своих войск¹.

Но темп продвижения 27-й армии в первый день замедлился, в силу чего войска 40-й армии самостоятельно атаковали врага на участке Русаловка, Рубаный Мост. Прорвав передний край, они вышли на тылы противника в районе Рубаный Мост, перерезав дорогу на Буки и овладев отсечной позицией противника. Наш левый сосед — 133-я стрелковая дивизия приступила к переправе через Горный Тикич между Охматовом и Красным.

В первый же день наступления появилась возможность превратить и пассивный участок укрепрайона в активный. Наблюдение и разведка, которые велись нами все предшествующие дни, показывали, что в сложившихся условиях мы в состоянии самостоятельно форсировать Горный Тикич от хутора Адамовского на Зарубинцы и от Бузовки на Конеллу. Поэтому были заблаговременно подготовлены для атаки резервные батальоны — 500-й, насчитывавший тогда всего две неполные роты, и 494-й в составе трех рот.

Выполняя поставленную им задачу, эти батальоны незаметно переправились через реку и внезапно атаковали противника одновременно с наступлением ударной группы 40-й армии. 500-й батальон выбил фашистов из с. Зарубинцы и захватил высоту 235,8, а 494-й занял высоту 220,6, значительно продвинувшись к Конелле.

В бою за высоту 220,6 пал смертью храбрых парторг 1-й роты пулеметчик Шпекторов. Произошло это так. Только закончился митинг, на котором выступал и Шпекторов, как последовал приказ начать форсирование реки. Переправившись вместе с ротой, парторг на повозке со станковым пулеметом первым ворвался в расположение противника. Будучи смертельно ранен и истекая кровью, он до последнего вздоха вел огонь и этим обеспечил успешное продвижение всей роты².

В течение 6 и 7 марта батальоны при поддержке с северного берега вели бой за удержание плацдармов.

Командующий армией одобрил инициативу и, видимо, поверив в способность укрепрайона вести наступательные действия, поставил дополнительную задачу. Теперь мы должны были помочь 133-й стрелковой дивизии и во взаимодействии с ней сломить оборону противника на южном берегу Горного Тикича, тем самым сократив фронт армии.

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1261, л. 21; ф. 395, оп. 9136, д. 320, лл. 1—12.

² Архив МВО, ф. 159 Ур, оп. 512947, д. 3, лл. 1—2.

Для выполнения этой задачи были привлечены силы пяти батальонов — 500-го, 494-го, 496-го, 493-го и 491-го. Оставив на участках трех последних станковые пулеметы и артиллерию с минимальным количеством прислуги, мы свели остальных бойцов в стрелковые подразделения, составившие ударную группу.

При содействии артиллерийского, минометного и пулеметного огня с северного берега она переправилась на плацдарм у Бузовки и оттуда вместе с 500-м и 494-м батальонами атаковала гитлеровцев на направлении Конеллы, Юстинграда. Взаимодействуя с частями 133-й стрелковой дивизии, наша ударная группа к исходу 7 марта с боем овладела селениями Зеленый Рог, Конелла, Безпечна, превращенными противником в опорные пункты.

На следующий день был получен новый приказ: укрепрайону принять дополнительно участок Юшковцы—Яцковица, сменить оборонявшие его части 4-й гвардейской стрелковой дивизии. Это нужно было для того, чтобы использовать их в составе 50-го стрелкового корпуса для нанесения нового удара в направлении Балабанихи, Подвысокого.

Необходимость такого удара была очевидна. Дело в том, что вражеская оборона была обращена фронтом на север и северо-восток. Ударная же группа 40-й армии, атакуя противника в тактической глубине его полосы, наступала на юго-запад. Таким образом, она отрезала части 75-й и 82-й немецких пехотных дивизий. Для полного их окружения и необходим был удар на правом фланге армии, в направлении на юг.

Перед нами же в связи с этим возникла довольно трудная задача: высвободить части 4-й гвардейской стрелковой дивизии и в то же время не ослабить свою ударную группу, продолжавшую вести наступательные действия. Пришлось нам с Дмитриевым вновь, так сказать, «погадать» на картах. Вернее, на карте, где обозначен был район действий укрепрайона.

Оказалось, что тех сил, которые мы могли снять в связи с ликвидацией противника под Охматовом и Бузовкой, недостаточно для занятия дополнительного участка рубежа. Оставалось одно: перегруппировка частей и подразделений на других участках.

Так и сделали. Причем настолько быстро, что уже к 5 часам утра 9 марта смена частей 4-й гвардейской стрелковой дивизии была окончена.

И свою ударную группу не ослабили. Благодаря этому она продолжала успешно теснить противника на южном берегу Горного Тикича, последовательно освободив населенные пункты Острожанцы, Зубриха, Владиславчик, Шарнышль, Ивахны, Цибуливы, Княже-Крыница.

Наступление 2-го Украинского фронта привело к разгрому уманской группировки немецко-фашистских войск. Бросая оружие, технику и транспорт, противник отходил на Умань, где на-

деялся остановить натиск советских войск. Однако и там он не нашел спасения. 10 марта танковые соединения фронта овладели Уманью и расположенной к северу от него крупной железнодорожной станцией Христиновка.

В составе 40-й армии батальоны 159-го укрепленного района шли на запад, к Днестру, по-прежнему прикрывая ее правый фланг и стык с 38-й армией 1-го Украинского фронта. Преследуя противника, мы заняли к 14 марта Гайсин, а также очистили от гитлеровцев левый берег Южного Буга в этом районе.

Разгромленные дивизии врага, будучи не в состоянии оказать серьезное сопротивление, поспешно отходили. Рассчитывая организовать устойчивую оборону на правом берегу Южного Буга, довольно широкого в пору весеннего разлива, фашистское командование торопилось переправить через эту реку свои силы и средства.

Но уже 11 марта передовые отряды наступающих войск выбили противника из Джулинки и Гайворона, расположенных на Южном Буге, а вскоре и форсировали его, отразив все контратаки врага. Подавив сопротивление двух немецких дивизий в районе Брацлава, переправилась на правый берег и 40-я армия.

Части 159-го укрепрайона форсировали реку у селений Нижняя Крапивна и Шуровцы и двинулись дальше по маршруту Брацлав, Даньковка, Садки, продолжая выполнять задачу обеспечения правого фланга армии и фронта и вместе с ним приближаясь к Днестру. Сотни километров отделяли нас теперь от рубежа на р. Горный Тикич, который мы занимали до 5 марта. И они были пройдены, несмотря ни на какие трудности.

Легко сказать, 18,5 км в сутки — таков был в среднем общий темп наступления войск 2-го Украинского фронта в этот период. Их боевая мощь, помноженная на огромный наступательный порыв, перечеркнула все расчеты противника на весеннее бездорожье. Каждый советский воин в ходе этой операции еще лучше понял идею, которой руководствовалось Верховное Главнокомандование, организуя наступление в пору распутицы: неожиданный для противника, такой удар давал Советской Армии дополнительные преимущества, и они способствовали решительному успеху операции.

Уже в те дни почувствовали мы все близость границы нашей Родины, реальность задачи полного очищения советской земли от захватчиков уже в этом, 1944 году.

Какое это было чудесное, окрыляющее чувство! После стольких утрат, после тяжелых поражений первого периода войны и почти трех лет смертельного единоборства с опаснейшим противником наступал, наконец, час полной расплаты за все его преступления не только перед нашим, но и другими народами. Нужно только побыстрее гнать врага и бить, бить и гнать...

Так думал каждый. И торопился вперед, недоедая, недосыная, с одной лишь этой мыслью.

Не всем, правда, удавалось выдержать общий темп наступления. Не у всех был опыт продвижения вперед по бездорожью. Может быть, поэтому, например, артиллерия нередко отставала, растягиваясь на 150—200 км. Так было и при форсировании Днестра. В результате в тот период в боевых порядках пехоты оказалось не более 50—60% того количества артиллерии, которое предназначалось для поддержки и сопровождения пехоты¹.

Предметом особой гордости артиллеристов нашего укрепленного района было то, что они входили как раз в число тех, кто не отставал. Секрет у них был простой: на трудных участках пути использовали все ту же примитивную, но безотказную тягу — волов. А те вполне прижились у нас, да и артиллеристы к ним привыкли.

Этот способ вызывает улыбку и кажется допотопным, особенно сейчас, когда наши Вооруженные Силы оснащены могучей современной техникой всех видов и такими средствами передвижения, о которых мы тогда могли лишь мечтать. Но ведь нужно было не мечтать, а воевать. Правда, были в войсках и новые по тому времени мощные тягачи, способные преодолеть любое бездорожье. Однако их не хватало на все бесчисленные нужды войны. И великое спасибо нашему солдату за ту особую смекалку, которая помогала ему находить и с успехом использовать для разгрома врага все подручные средства.

Теперь уж я не помню, кто из офицеров укрепрайона первый посадил свое подразделение на коней. И это тоже оказалось отличным средством быстрого продвижения вперед, столь важного в условиях преследования противника.

Трофейных коней у нас было много и после Корсунь-Шевченковской операции. В ходе же наступления их число еще больше возросло. Так постепенно пехотинцы превращались в конников, быстрее двигались вперед, усиливали нажим на отступавшего врага, успешнее отрезали ему пути отхода.

Конные отряды артпульбатов удачно действовали и при подходе 40-й армии к Днестру.

Между ней и 38-й армией 1-го Украинского фронта обозначился не менее чем 50-километровый разрыв. В тылах правого фланга 40-й армии появились разрозненные вражеские группы. Захваченные пленными оказались солдатами почти 20 различных дивизий, входивших в состав 1-й танковой армии противника, которую войска 1-го Украинского фронта отрезали тогда от остальных сил группы армий «Юг» и прижали с севера к Днестру.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 320, лл. 46—49.

Ликвидацию этих вражеских групп и осуществили наши конные отряды. При содействии партизан и местных жителей они прочесывали лесные заросли, вылавливали гитлеровцев в оврагах и прочих укромных местах.

Но этим дело не кончилось.

23 марта батальоны укрепрайона вышли на рубеж вдоль берега р. Лядова к северу от г. Могилев-Подольский. Почти сразу же начали поступать сведения о том, что впереди, в местечке Мурованные Куриловцы, за время отступления противника скопилось много военной техники и имущества, которые он теперь пытался эвакуировать.

И опятьгодились конные штурмовые отряды.

Имевшему их в своем составе 500-му батальону, усиленному временными стрелковыми подразделениями других артиллерийских подразделений, было приказано обойти с севера Мурованные Куриловцы и отрезать находившемуся там противнику пути отхода на запад. Одновременно 494-й, 493-й и 491-й батальоны выдвигались на линию Деришево, Посухово, Перекоринцы, проходившую к востоку и северу от Мурованных Куриловцев. К югу же от этого местечка стояли части 240-й стрелковой дивизии, которым предстояло взаимодействовать с нами.

25 марта 500-й батальон с боем вышел к намеченному пункту — с. Вербовец, оседлав дорогу на Мурованные Куриловцы с запада. Теперь, когда враг был окружен, оставалось разгромить его, что и было сделано общими усилиями укрепрайона и 240-й стрелковой дивизии. В ожесточенном бою была уничтожена большая часть фашистского гарнизона, а свыше 500 гитлеровских солдат и офицеров взято в плен. Захватили мы и свезенную сюда военную технику, а также автотранспорт и обозы противника.

Бой за Мурованные Куриловцы запомнился мне тем, что ему впервые предшествовал быстрый и умелый маневр батальонов укрепленного района по окружению довольно значительного вражеского гарнизона. Особенно отличился 500-й батальон, которым к тому времени командовал майор И. В. Сотников. Его подразделения обходили это местечко, как говорится, под самым носом у врага, но так скрытно, что фашисты и не подозревали о нависшей над ними угрозе. Они увидели опасность лишь тогда, когда батальон с боем ворвался в с. Вербовец. Но было уже поздно.

Накопленный батальонами боевой опыт обеспечил и четкое взаимодействие между ними, а также с частями 240-й стрелковой дивизии. Одновременно с занятием с. Вербовец майор Сотников установил связь с соседями справа и слева, а затем все они, не давая противнику опомниться, обрушили на него сильный удар. Враг оказал ожесточенное сопротивление, но оно было быстро сломлено согласованными действиями атакующих.

И. В. СОТНИКОВ

Теперь батальоны укрепленного района понадобились на правом берегу Днестра, где 40-я армия выполняла поставленную ей задачу овладеть г. Хотин. Этим она должна была отрезать пути отхода войскам противника, отступавшим сюда с севера и востока под натиском левого крыла 1-го и правого крыла 2-го Украинских фронтов. Район Хотина приобрел в тот момент важное значение, так как противник имел там плацдарм и упорно удерживал его.

Фашистские войска, действовавшие на хотинском плацдарме, попытались задержать наступление 40-й армии. Удар был направлен против 42-й, 163-й и 232-й дивизий. Поскольку же у последних не доставало артиллерии, отставшей в пути после форсирования Днестра, командующий армией приказал мне немедленно перебросить на правый берег все орудия укрепленного района для использования в боевых порядках пехоты.

Туда же направлялись наши 20-й и 493-й батальоны. Им была поставлена задача занять соответственно рубежи на участках Молдова, Атаки, Комарово и Ресту-Атаки, Бабино.

Именно здесь противник с особым упорством стремился захватить переправы. Незадолго до подхода 20-го и 493-го батальонов небольшой группе вражеских солдат и офицеров даже удалось переправиться с левого берега на правый и прорваться через боевые порядки стрелковых частей 40-й армии на хотинский плацдарм¹.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 323, лл. 10—12.

К рассвету 30 марта два пулеметно-артиллерийских батальона заняли отведенные им участки на правом берегу Днестра. Быстро укрепили рубеж, изготовились к отражению дальнейших попыток левобережной группировки противника переправиться через реку. С этого момента фашистам больше ни разу не удалось здесь прорваться. Хотя отдельные группы гитлеровцев и достигали правого берега вплавь или на лодках, но тут их уничтожали или брали в плен.

В тот день форсировали Днестр и остальные батальоны 159-го укрепленного района. По приказу командующего армией три из них — 361-й, 491-й и 494-й были направлены для смены 240-й стрелковой дивизии на участке от Бабино до Каплевки под самым Хотином.

Это позволило командованию армии усилить войска, наступавшие на Хотин. К 3 апреля они овладели городом, уничтожив оборонявшие его силы противника. Вражеские дивизии за Днестром лишились выхода на юг.

За активное участие в боях за Хотин и успешное форсирование Днестра в сложной боевой обстановке 159-й полевой укрепленный район был представлен командованием армии к присвоению почетного наименования «Днестровский».

Почти одновременно почетные наименования получили еще два полевых укрепленных района — 1-й гвардейский и 150-й. Они действовали далеко, на других фронтах, но вести об их боевых успехах время от времени доходили и до нас.

1-й гвардейский — это бывший 76-й полевой укрепленный район, о действиях которого под Сталинградом уже рассказывалось выше. За проявленные в тот период отвагу, организованность и героизм в борьбе с захватчиками он был преобразован в 1-й гвардейский укрепрайон¹. Его части, обеспечивая левый фланг наступавших войск 3-го Украинского фронта, в ночь на 14 марта форсировали Днепровский, а затем и Бугский лиманы. В тот же период он отличился при освобождении г. Николаева, и с тех пор стал называться «Николаевским». 150-й же получил наименование «Новгородский» после взятия Новгорода войсками 59-й армии, в составе которой он сражался².

В действиях 1-го гвардейского полевого укрепленного района особенно поучительна его подготовка к форсированию двух лиманов.

Длительное пребывание в обороне было использовано батальонами для создания эффективной разведки противника. Это вообще задача нелегкая. Здесь же, в тяжелых условиях обороны на широком фронте, она оказалась особенно сложной. Но это не остановило воинов-гвардейцев.

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. Ур, оп. 169143, д. 3, л. 1.

² Архив МО СССР, д. 395, оп. 9136, д. 323, лл. 3—10.

В каждом батальоне были созданы разведывательные группы, которые, бесстрашно переправляясь на занятый врагом противоположный берег Днепровского лимана, возвращались с ценными сведениями, а нередко прихватывали с собой и «языка».

Разведка велась буквально день и ночь. Ее результаты оказали большое влияние и на выбор направления удара при форсировании лиманов, и на исход боя на противоположном берегу.

Но и это еще не все. Десятки раз переправлялись через лиманы разведывательные группы укрепрайона, и это явилось для них такой тренировкой, лучше которой не придумаешь. Сведенные к началу наступления в один отряд, они представляли собой идеальный авангард, обладавший не только большой маневренностью, но и отличным знанием местности. Разведчики первыми начали переправу. Идя за ними, спокойно и уверенно чувствовали себя бойцы стрелковых подразделений.

Кстати, эти подразделения, сведенные в один отряд, были в 1-м гвардейском укрепрайоне, разумеется, такими же «временными», как и созданные нами. И кавычки тут поставлены совсем не случайно, ибо группы, взводы и роты, имевшие только легкое стрелковое вооружение, можно было считать временными лишь условно. Конечно, при необходимости они возвращались к орудиям, минометам и станковым пулеметам. Но начиная со Сталинградской битвы почти все укрепленные районы всегда имели в своем составе отряды, соответствовавшие по вооружению небольшим стрелковым подразделениям.

Иначе и не могло быть в период, когда Советская Армия, громя и уничтожая захватчиков, изгоняла их с советской земли. Сам факт участия в наступательных действиях предопределил необходимость таких групп в составе пулеметно-артиллерийских батальонов для штурма и преследования противника. Ну а поскольку они не были предусмотрены существовавшей тогда структурой укрепрайонов, то мы и называли их временными. Впрочем, это несколько не мешало им отважно сражаться и неизменно играть важную роль в достижении укрепленными районами боевого успеха.

Вообще тогда, в условиях напряженных боев, пожалуй, тяжелее всего приходилось тем, кто не искал хотя бы «временных» способов преодоления трудностей, возникавших на каждом шагу.

Взять хотя бы ту же проблему передвижения артиллерии в распутицу. Большинство полевых укрепленных районов использовало для этого любые подручные средства. Однако так поступали не все. Например, 161-й полевой укрепленный район в конце февраля 1944 г. вынужден был приостановить свое наступление, так как из-за отсутствия тяги отстала артиллерия.

Но, раз уж зашла речь и об этом укрепрайоне, не могу не отметить, что в целом его действия были примером выполнения боевых задач.

Прибыв в ночь на 24 января 1944 г. в составе семи пулеметно-артиллерийских батальонов на рубеж протяженностью в 35 километров в междуречье Днепра и Березины, он получил в качестве «полевого заполнения» части 4-й и 194-й стрелковых дивизий. Такое усиление было вызвано тем, что здесь укрепленному району противостояли две вражеские дивизии — 383-я пехотная и 707-я охранная, пытавшиеся ликвидировать наш плацдарм в междуречье.

Прочно обороняя свой рубеж, 161-й укрепрайон в то же время обеспечивал левый фланг готовившейся к наступлению 65-й армии 1-го Белорусского фронта. Когда же армия с боями двинулась вперед, он был привлечен к самостоятельным наступательным действиям.

28 февраля его батальоны во взаимодействии с левым соседом — 4-й стрелковой дивизией атаковали врага, прорвали его оборону и в течение двух дней продвигались вперед. Возобновив наступление после подхода отставшей артиллерии, войска укрепленного района к 18 марта с боями заняли несколько высот и населенные пункты Дерт, Вылазье, Городинки. При этом они освободили свыше 35 тыс. стариков, женщин и детей, томившихся в трех фашистских концентрационных лагерях¹.

В ту весну вместе с пробуждением природы возвращались к жизни сотни советских городов и тысячи сел. Миллионы людей в Прибалтике, Белоруссии, на Украине после длившейся два с половиной года беспросветной ночи фашистской оккупации вновь обрели свою Родину, стали свободными.

Немало городов и сел освободили тогда и воины нашего укрепленного района. И, не стыдясь, скажу: не один из нас украдкой смахивал слезу, глядя на людей, радостно встречавших Советскую Армию-освободительницу, на их пострадавшие лица, полные счастья и восторга...

Итак, Днестр остался позади, и уже было недалеко до границы. Там ждали нас новые бои. Ибо Советская Армия сражалась не только за окончательное очищение советской земли от захватчиков, но и за освобождение поработанных гитлеровцами других стран, за полный разгром фашистского зверя в его логове. И мы знали: эти великие цели уже близки.

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2319, д. 5, л. 6; д. 7а, лл. 5—96.

*Долгожданная,
трижды желанная...*

Еще не окончились бои за Хотин, а 40-я армия частью сил, среди которых были и воины 159-го полевого укрепленного района, двинулась к р. Прут. Памятным на всю жизнь останется этот путь, который батальоны укрепрайона прошли с боями за 33 дня. Не забыть ни тягот бездорожья и опасных переправ, ни радостного ощущения нарастающей день ото дня силы сокрушительных ударов Советской Армии по врагу, ни наших собственных скромных боевых успехов: выигранных сражений, десятков освобожденных населенных пунктов.

Много больших и малых рек лежало на нашем 600-километровом пути от Приднестровья к этим местам. Но ни одна из пройденных нами рек не вызывала такого счастливого волнения, какое испытали мы, увидев перед собой неширокий Прут. Ведь здесь, на причудливо извивающемся холмистом берегу, покрытом виноградниками, мы достигли предела нашей Родины, долгожданной, как писала в те дни «Правда», трижды желанной государственной границы СССР!

Этот день был настоящим праздником для каждого солдата и офицера укрепленного района. Куда девалась усталость после трудного марша! Все как-то по особенному подтянуто, в глазах так и светится радость: доброе начало положено, значит скоро то же самое будет по всей нашей границе — от Черного моря до Ледовитого океана. И в каждом чувствуется огромный прилив сил, страстный порыв добить смертельно раненного врага.

— Да, с врагом расплатимся сполна, — говорили бойцы и офицеры. — Именно с врагом, с фашизмом, с военными преступниками. Но не с народами, обманутыми их правителями. Мы советские люди, и на чужой территории являемся не только воинами, но и представителями первого в мире Советского государ-

ства, страны братства и дружбы народов, отечества трудящихся всего мира. И наша Советская Армия идет туда, за Прут, не с грабительскими, захватническими целями, она несет народам освобождение от ига фашизма. Будем же достойны великой освободительной миссии Вооруженных Сил нашей социалистической Родины.

Всем своим внутренним обликом был подготовлен к такому пониманию обстановки советский человек, глубоко впитавший идеи Коммунистической партии, социалистическую идеологию — самую гуманистическую из когда-либо существовавших на земле. Именно высокие духовные качества нашего народа, столь ярко проявившиеся в годы войны и изумившие весь мир, были одним из тех важнейших факторов, которые предопределили и изгнание захватчиков из пределов Советского государства, и освободительную миссию Советской Армии по отношению ко всем странам, поработанным фашизмом.

Вместе с ненавистью к силам, развязавшим опустошительную войну, Советская Армия несла мир и свободу народам. И в Румынию она вступала не как завоевательница, а как освободительница.

Уже 2 апреля радио донесло до нас из Москвы заявление Советского правительства о том, что СССР «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии». Дальше указывалось, что «вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника». Там же было сказано: «Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции»¹.

В это время батальоны укрепрайона были уже на румынском берегу Прута. Выполняя задачу обороны плацдарма, захваченного здесь 50-м и 51-м стрелковыми корпусами 40-й армии, мы заняли рубеж с передним краем по линии Одая—Лишна, Гавырна, Милеанка, Баздуган. Сразу же закипела привычная работа: рытье траншей, устройство блиндажей, площадок для пулеметов и открытых позиций для орудий, минометов и противотанковых ружей.

Но пробыли мы там недолго. 5 апреля вместе с полевыми войсками двинулись дальше на юг, преследуя отступающего противника.

В тот день вновь отличился 500-й батальон.

Еще на марше от Днестра к Пруту он вышел в глубокую раз-

¹ См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1946, стр. 105.

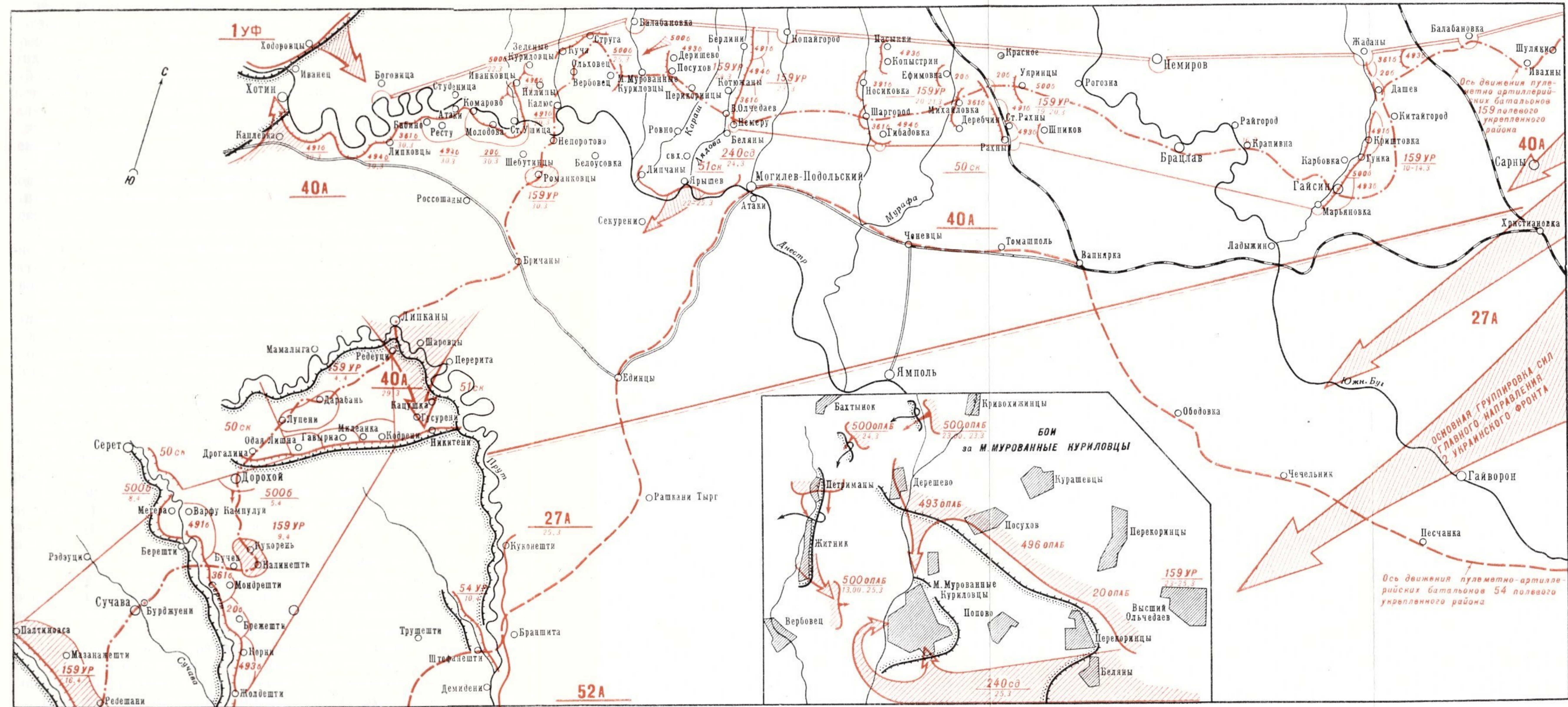

Схема № 2. Боевые действия 159-го и 54-го укрепленных районов в Умань-Батошанской операции 2-го Украинского фронта по разгрому и преследованию противника.

ведку. Переправившись ~~в~~ реку, бойцы верхом и на подводах продвигались по двум маршрутам: Дарабань, Дрогалина, Дорохой, Магера и Биволюя-Маг Милеанка, Говырна, Гривица, Карасу, Брезешть, Леорда, Буца. Впереди батальона по первому из этих маршрутов шла специальная разведгруппа укрепленного района, в составе которой были и два переводчика. Ее задача состояла в том, чтобы разведать пути отхода противника, его силы, захватить пленных и одновременно выяснить обстановку в этих районах и завязать связи с местным румынским населением.

Утром 5 апреля две роты батальона во главе с И. В. Сотниковым достигли северной окраины Дорохой. Оказалось, что город занят противником в составе роты пехоты с минометной батареей.

Комбат принял решение овладеть Дорохой. Последовала внезапная атака. Захваченный врасплох противник пытался оказать сопротивление, но безуспешно. Наши роты в тот же день овладели Дорохой, захватив пленных, оружие, трофеи.

Вскоре сюда прибыл 493-й пулеметно-артиллерийский батальон, высланный мной на смену 500-му, а последний выдвинулся дальше, к реке Сирет, на правый берег которой только что переправилась отступающая немецкая 8-я пехотная дивизия. Вступив в бой с ее арьергардом, он форсировал реку и закрепился в районе Магера, Дялц, Батра¹.

Таким образом, к 9 апреля, когда к этой реке вышли и остальные батальоны укрепрайона, занявшие рубеж по левому берегу от Магера до Жолдешти, в нашем распоряжении уже был предмостный плацдарм на правом берегу. Справа от нас достигли реки Сирет части 50-го стрелкового корпуса.

К этому времени у нас накопились довольно обширные разведывательные данные не только об отступавшем противнике, но и относительно положения и настроений румынского населения.

Румыния, на территорию которой вступила Советская Армия, тогда представляла собой не только поле битвы, но и арену острой внутривосточной борьбы. Особенность ее положения заключалась в том, что война, которую правители этого государства вели на стороне гитлеровской Германии, против Советского Союза, была крайне непопулярна среди подавляющего большинства населения, а значительная его часть активно боролась против фашистов — и немецких, и румынских.

В сущности, начиная с июня 1941 г. румынская правящая клика вела две войны — против советского народа и против

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 48138, д. 3, л. 54.

своего собственного, ибо последний все более открыто выражал свое недовольство ее политикой предательства интересов страны в угоду германскому фашизму. «90% всех румын настроены против немцев», — гласило одно из информационных сообщений, полученных гитлеровским командованием еще в апреле 1941 г.¹ Когда же румынские армии вместе с вермахтом вторглись в пределы СССР, коммунисты Румынии от имени широких народных масс решительно заявили: «Не великий советский народ является нашим врагом... Нашим врагом являются немецкий фашизм и его прислужники в стране во главе с генералом Антонеску»².

Все годы войны власти могли осуществлять свои планы лишь при помощи жестоких репрессий. Но и в этих условиях росло сопротивление политике войны. Оно выражалось в самых различных формах. На стенах домов и даже на денежных знаках люди писали: «Долой изменника Антонеску!» Рабочие многих промышленных городов устраивали забастовки под лозунгами: «Мир с Россией!» «Долой немцев!» В городах участились нападения на германских солдат и офицеров. Многие призывники уклонялись от явки в воинские части. Один из батальонов 89-го румынского полка так и не смогли сформировать: прибыло лишь 30% призванных³.

Хозяйничанье гитлеровцев, грабивших Румынию, огромные военные расходы привели к резкому ухудшению положения трудящихся масс, к дороговизне и острой нехватке продовольствия, одежды, обуви. Это усилило возмущение масс.

Оно приняло особенно широкие размеры, когда стало известно о сокрушительном разгроме фашистских войск на Волге, на Дону, на Кавказе, под Курском и на Украине. «Мы, — писал вскоре после этого Антонеску в письме Гитлеру, — до настоящего времени потеряли четверть миллиона солдат, не считая выходящих из строя раненых, и потеряли материальную часть почти 24 дивизий. Остальные 7 дивизий в настоящее время отрезаны в Крыму»⁴. Однако даже тогда, когда правители Румынии поняли, что война для них проиграна, они продолжали служить Гитлеру, предавая свой народ.

Весть о гибели сына, брата, отца получила почти каждая румынская семья. И вместе с горем пришла к народным массам уверенность в неизбежности полного разгрома фашизма, вдохновившая их на еще более активную борьбу против войны и диктатуры Антонеску.

¹ См.: «Analele Institutului de istorie a partidului de pe Lingă C. C. al P. M. R.», 1961, № 4, p. 98—99.

² См.: «Lectii in ajutorul celor care studiară istoria P. M. R.» Bucuresti, 1960, p. 425.

³ См.: «Lupta de clasă», 1959, № 8, p. 19.

⁴ См.: М. Г. Сазина. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963, стр. 112.

В ряде районов страны появились партизанские группы, состоявшие главным образом из солдат, дезертировавших из армии. Участились акты саботажа и диверсий почти на всех предприятиях военного значения. Был сожжен завод «Аквила». В оружейный арсенал в Констанце бросили бомбу. Рабочие вывели из строя станки, железнодорожники — локомотивы. Были случаи, когда они приводили в полную негодность прибывавшие на ремонт танки.

Конечно, не все эти факты стали известны нашим разведчикам в те дни, когда они прошли по некоторым северо-восточным районам Румынии. Но сущность добытых ими сведений совпадала с позднейшими оценками положения в этой стране перед вступлением Советской Армии на ее территорию. Многие местные жители поведали, что давно и с надеждой ожидали приближавшуюся с боями Советскую Армию и находившуюся в ее составе 1-ю добровольческую дивизию имени Тудора Владимиреску, созданную в СССР военнопленными румынскими солдатами и офицерами.

Правда, среди населения было немало и таких, кто под влиянием фашистской пропаганды страшился вступления советских войск в Румынию. Например, в г. Дорохой, после того как им овладел наш 500-й батальон, часть торговцев закрыла магазины. В результате жители города остались без продовольствия. Это вынудило майора И. В. Сотникова пригласить владельцев магазинов, чтобы выяснить причины прекращения торговли. Они смущенно молчали. Наконец, один из них, некий Павле Ченчун, признался:

— Боимся. Нам говорили, что Советская Армия отберет у нас товары.

— А теперь как, все еще боитесь? — улыбнулся Сотников.

Торговцы стали наперебой уверять, что страх у них прошел и что они убедились в дружественном отношении советских солдат к румынскому населению. Пообещав открыть магазины, они разошлись.

Так постепенно начала налаживаться жизнь в городе. Нашлось немало людей, слышавших по радио заявление Советского правительства от 2 апреля. Теперь они повсюду пересказывали его содержание, собирая вокруг себя целые толпы слушателей, которые тут же выражали по этому поводу свое глубокое удовлетворение.

Большой интерес вызвало в Дорохое и окрестных населенных пунктах появление солдат и офицеров румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску, которая 15 апреля прибыла в г. Ботошаны. Они развернули большую агитационную работу среди 800-тысячного населения румынских городов и сел, освобожденных к тому времени Советской Армией, рассказывали правду о Советском Союзе, о гуманном отношении,

встреченном ими в плену, о близящемся полном разгроме фашизма.

Тогда же, 15 апреля, по приказу командования части 159-го укрепленного района переправились через Сирет и двинулись вперед, к другой реке — Молдове.

Стоял погожий весенний день. Ласково пригревало южное солнце. Мы шли от селения к селению, сопровождаемые пасхальным звоном колоколов. Повсюду навстречу нам выходили люди. Они приветливо махали шляпами, платками, приглашали за свой праздничный стол.

От одного из таких приглашений не удалось уклониться. Это было в городке Сучава, где мы — группа офицеров с небольшим прикрытием — остановились на короткий отдых. Не успели сойти с коней, как рядом с нами появилась немолодая женщина.

— Добро пожаловать, господа офицеры! Пожалуйте, отдохните с дороги, — произнесла она, указывая на домик в глубине цветущего сада. И торопливо, волнуясь, добавила: — Уж вы не отказывайтесь, осчастливьте ради праздника...

А тут еще выяснилось, что по случаю праздника все харчевни в городке закрыты. Что же, воспользуемся приглашением.

Спешились. Поставив коней под навес и выставив на всякий случай охрану, вошли в дом. Посреди комнаты стоял стол с праздничными яствами — куличами, пасхой, крашеными яйцами. В углу еще один, пустой. У него и расположились наши ординарцы. Внеся переметные сумы, начали выкладывать свои дорожные припасы.

Поглядев на них, хозяйка всплеснула руками:

— Не надо, пожалуйста, не надо. Очень прошу, вот сюда, за этот стол. — Потом, как бы сообразив что-то, печально улыбнулась: — Опасаетесь? Так я при вас отведаю каждое блюдо...

Пробовали объяснить, что нас много и что всех ей не накормить.

— Что вы, что вы, — замахала она руками. — Не лишайте меня великой радости. Столько ждали вас!..

И, потчует нас, рассказала свою историю:

— Муж мой — бывший офицер. Он давно ушел с военной службы, поступил преподавателем в здешнюю школу. А теперь... — Женщина не сдержала нахлынувших слез. — Увели его немцы при отступлении. И его, и сына...

Мы, как могли, успокаивали ее. Говорили, что скоро войне конец, и тогда вернутся ее муж и сын. Но уезжали мы с тяжелым чувством: сколько же в мире людей, которым фашизм принес горе и страдания!

На следующее утро батальоны укрепрайона вышли на левый берег Молдовы и заняли рубеж между населенными пунктами Полтинооса и Думбравица. Здесь нам и предстояло участвовать

в подготовке новой крупной операции войск Советской Армии — Яско-Кишиневской.

Выходом советских войск на рубежи рек Сирет и Молдова завершился последний этап грандиозной Уманско-Батошанской операции. В итоге соединения 2-го и 3-го Украинских фронтов проникли в предгорье Карпат, разрезав стратегический фронт врага. Вскоре после этого войска 4-го Украинского фронта, освободив Крым и ряд областей на юге Украины, вышли к Днестру левее 2-го Украинского фронта.

Таким образом советские армии образовали сплошной фронт к востоку, северу и частично к западу от Кишинева и Яс. Внутри этой огромной дуги оборонялась группа армий «Южная Украина», насчитывавшая к началу апреля 53 дивизии, а к началу мая еще больше — 63. Составлявшие ее костяк немецкие дивизии располагались вперемежку с румынскими, которых гитлеровское командование уже не считало «надежными».

Как мы знали, румынское фашистское правительство, почувствовав, что теряет почву под ногами в своей собственной стране и что его уже не спасут и гитлеровские войска, запросило у правительства СССР условия перемирия. Советский ответ от 12 апреля гласил, что Румыния должна: порвать с Германией и участвовать своими войсками в борьбе с ней в целях возвращения своей независимости и суверенитета; признать советско-румынскую границу в соответствии с договором 1940 г.; возместить причиненный Советскому Союзу ущерб; возвратить всех военнопленных и интернированных граждан государств антифашистской коалиции; предоставить Советской Армии и союзным ей войскам возможность свободного передвижения по стране в соответствии с требованиями военной обстановки. Правительство СССР выразило также согласие на аннулирование решения фашистского Венского арбитража о Трансильвании и оказании помощи в освобождении ее оккупированной северной части¹.

Правительство Антонеску вопреки интересам страны отказалось принять условия перемирия. Но это уже не могло повлиять на исход борьбы за вывод Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии. Он был предрешен подготовлявшимся Советской Армией окружением и разгромом противника в районе Яс и Кишинева.

Эта операция, а также другие наступательные действия, намеченные Верховным Главнокомандованием на летнюю кампанию 1944 г., требовали всесторонней подготовки, в связи с чем Советская Армия ненадолго перешла к обороне. Временное затишье наступило почти на всех фронтах. На нашем оно длилось до 20 августа.

¹ См.: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1946, стр. 174—175.

К этому времени произошли важные события, отразившиеся на всем дальнейшем ходе войны. Хронологически они выглядят так: 10 июня войска Ленинградского фронта возобновили наступление, освободив в том же месяце Выборг, а в следующем месяце Нарву; 21 июня начались наступательные операции Карельского фронта, 23—24 июня — 1-го Прибалтийского и трех Белорусских, 10 июля — 2-го Прибалтийского, 13 июля — 1-го Украинского, 17 июля — 3-го Прибалтийского.

К концу второй декады августа Советская Армия, нанеся врагу мощные удары, освободила большую часть Карелии, всю Белоруссию, Украину, часть Литвы. Оставалось довершить изгнание захватчиков из Прибалтики и Заполярья. В то же время наши войска уже вышли к советско-финской границе, вступили на территорию Польши и приближались к границам Пруссии.

С неослабным вниманием следили мы за победоносным наступлением советских войск на огромной территории, начинавшейся где-то недалеко от нас и тянувшейся до Заполярья, гордясь нашей родной Советской Армией, ее великой мощью. Каждый удар по врагу, где бы он ни был нанесен, мы воспринимали как наш собственный успех, как победу общего дела всего советского народа.

Не забыть эти дни не только тому, кто гнал противника на запад, но и тем, кто следил по сообщениям радио и печати за стремительным наступлением советских войск. Ведь именно тогда начинали сбываться надежды, которыми вот уже три года жили все народы Советского государства, все честные люди на земле. То были дни, когда завершалось окончательное очищение нашей земли от захватчиков, когда заря освобождения от фашистского ига уже занялась над всей Европой, когда становился все ближе час полной расплаты с врагом.

Катастрофическое поражение было нанесено немецко-фашистской группе армий «Центр» в ходе Белорусской операции. И несмотря на то что темпы наступления наших войск в Белоруссии были необыкновенно стремительными, достигнув, например, за первые 11 дней 20—25 километров в сутки, в этой операции активно участвовали и полевые укрепленные районы.

Так, 152-й укрепрайон, находившийся в оперативном построении 3-го Белорусского фронта, совместно с полевыми войсками начал 23 июня наступление на Бабановичи. На следующий день он выбил противника из этого районного центра, а также ближайших населенных пунктов Рожок, Кулаженки, Степаненки, Потапенки, Калаченки, Застенки, Лапицкое. Этому укрепленному району довелось участвовать и в ликвидации разрозненных групп противника в тылу у наших наступающих войск¹.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 168724, д. 4, лл. 25—28.

В первых числах июля его батальоны, выдвигаясь в район Минска, обнаружили, что участок Новая Жизнь — Уборки на автомагистрали, ведущей из столицы Белоруссии в Москву, занят полуторатысячным вражеским отрядом. С помощью разведки и показаний пленных было установлено, что он сколочен из наиболее боеспособных подразделений шести разбитых немецких дивизий, остатки которых общей численностью в девять тысяч человек скрывались в лесах северо-западнее местечка Смоленичи. Выяснилось также, что командование этой группы искало возможности соединиться с уцелевшими от разгрома частями немецких войск, прятавшимися по другую сторону автомагистрали, к востоку от Юзефово и Заболотье.

Командование укрепрайона приняло решение ликвидировать обе вражеские группы. Прикрываясь частью сил, пулеметно-артиллерийские батальоны искусным маневром окружили и в коротком бою уничтожили сначала одну из них, а затем и вторую. В дальнейшем, наступая вместе с полевыми войсками от Минска до Каунаса, воины 152-го укрепрайона выявили и уничтожили несколько таких скоплений частей противника¹.

В составе 33-й армии 2-го Белорусского фронта храбро сражались части 154-го укрепленного района. Еще в самом начале Белорусской операции они успешно выполнили поставленную командованием армии боевую задачу по захвату сильного опорного пункта врага на высоте 175,2. Здесь пулеметно-артиллерийские батальоны также действовали штурмовыми группами, поддерживаемыми огнем всех видов оружия. Выбив врага из его опорного пункта, они овладели и ближайшими населенными пунктами².

В Бобруйской операции, закончившейся разгромом крупной группировки немецко-фашистских войск, участвовали 115-й, 119-й, 153-й и 161-й полевые укрепленные районы.

Три последних были сведены в оперативную группу, связавшую фланги 28-й и 61-й армий, и прикрывали направление М. Житковичи, М. Калининичи. Скользя противника огнем и активной боевой разведкой, они воспрепятствовали перегруппировке его сил и этим оказали серьезную помощь нашим войскам, которые вели бой за Бобруйск и Осиповичи. В первых числах июля все три укрепрайона перешли в наступление и, преследуя отступавшего врага, вышли к реке Случь.

В первый же день наступления они прошли с боями до 25 километров. Такой высокий темп продвижения вперед стал возможен благодаря тому, что и здесь пулеметно-артиллерийские батальоны были перестроены в соответствии с боевой обстановкой. Они имели подразделения стрелков и автоматчиков, не обре-

¹ Там же, лл. 28—50.

² См.: Архив МО СССР, ф. 154 Ур, оп. 37973, д. 2, лл. 46—193.

мененные тяжелым вооружением и способные штурмовать укрепления врага и преследовать его.

В то же время созданные в батальонах артиллерийские дивизионы были обеспечены конной тягой и поэтому не отставали во время наступления. Наконец, успеху содействовали также специальные отряды бойцов, обученных разминированию и ликвидации созданных противником препятствий на пути наших атакующих войск¹.

В ходе наступления отличился также 115-й укрепрайон.

После того как выделенная из его состава ударная группа переправилась на правый берег Днепра южнее Жлобина, командование укрепленного района сосредоточило здесь на узком участке до 84 орудий на километр фронта. Затем, взаимодействуя с соединениями левого крыла 63-й армии, пулеметно-артиллерийские батальоны нанесли удар слева жлобинской группировке врага. Оказавшись под угрозой окружения, противник начал отходить. Разгромив его арьергарды, ударная группа освободила Жлобин.

Эти успешные боевые действия были отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего, присвоившего 115-му полевому укрепленному району почетное наименование «Жлобинский».

Почти одновременно был награжден орденом Красного Знамени 155-й укрепрайон. Высокую награду он получил за успешные боевые действия в составе 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта при освобождении Витебска и уничтожении находившейся там вражеской группировки.

К нам, на самый южный участок советско-германского фронта, доходили хорошие вести и с севера. Вновь отличился 150-й полевой укрепленный район. Как я уже отмечал, за успешные действия в январе при взятии Новгорода войсками 59-й армии Волховского фронта ему было присвоено наименование «Новгородский». Переброшенный к началу марта на Карельский фронт, он принял активное участие в летнем наступлении к границам Финляндии. 23 июня его батальоны форсировали реку Свирь, а спустя шесть дней участвовали в освобождении столицы Карелии — Петрозаводска. За это он был удостоен новой награды — ордена Красного Знамени².

Не бездействовал в те летние месяцы и наш укрепленный район. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов напряженно готовились к новому наступлению, тщательно изучали оборону противника и по указанию Верховного Главнокомандования создали 25-километровую прифронтовую полосу, которая должна была обеспечить скрытность приготовлений. Этим были заняты на своих участках и батальоны 159-го укрепрайона.

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2319, д. 7а, лл. 5—96; д. 5, л. 6.

² См.: Архив МО СССР, ф. 150 Ур, оп. 248823, д. 1, лл. 1—6.

Нам было приказано прежде всего овладеть плацдармами на правом берегу Молдовы. Поэтому сразу же по прибытии на правый рубеж части укрепрайона вступили в бой за переправы.

Молдова — горная река. Она течет пятью рукавами, которые весной почти сливаются. Ширина реки тогда достигает километра. Такой увидели ее и мы. А переправочных средств у нас не было. Строили плотники и настилы на порожних бочках, но они оказались непригодными. При спуске на воду их тотчас же сносило быстрым течением.

Особенно трудный участок переправы достался 491-му батальону. Но это не смутило комбата майора М. Т. Колчева. У него уже был немалый опыт решения сложных задач. Вызвав парторга и комсорга батальона, он сообщил им, что нужны добровольцы для захвата хотя бы небольшого участка на противоположном берегу.

— Разрешите нам, комсомольцам... — попросил комсорг Воронов.

На том и порешили.

Комсомольская штурмовая группа из 11 человек в ночь на 22 апреля вплавь переправилась через Молдову. Сильное течение сносило лошадей и бойцов. И все же они добрались до берега, а там скрытно закрепились на «пяточке» недалеко от Валя-Сакэ.

Вслед за ними одна за другой форсировали реку две роты. И к тому времени, когда противник заметил и атаковал штурмовую группу, ей была уже обеспечена поддержка. Шесть раз пытался враг сбросить храбрецов в реку, но безуспешно. Они прочно закрепились на захваченном плацдарме. Он был сначала использован нами для переброски лазутчиков, а затем и в качестве исходной позиции для наступления.

Такую же роль сыграл для укрепрайона и плацдарм на другом участке. Захват его начали 18 апреля 500-й батальон и две роты 493-го.

Под прикрытием огня с левого берега они в тот же день форсировали реку и с боем заняли населенный пункт Праксику. Расширяя захваченный участок, к исходу дня овладели и близлежащими хуторами. Отчаянные контратаки противника, не прекращавшиеся и ночью, оказались безрезультатными.

Вслед за тем, взаимодействуя с переправившимся на правый берег 29-м полком соседней 38-й стрелковой дивизии, мы захватили восточную часть большого селения Богданешть. Здесь бой принял еще более ожесточенный характер. Но попытки противника сбросить наши части в реку не увенчались успехом. 20 апреля 500-й и 493-й батальоны полностью очистили Богданешть от фашистов и, преодолевая их яростное сопротивление, на следующий день заняли также соседнее селение Жухалья.

Это, по-видимому, не на шутку всполошило фашистское командование, опасавшееся развития нашего наступления в сто-

рону основной шоссейной магистрали в этой части Карпат, проходившей от Мулинь на Броштень и Ватра-Дорней, а затем через горный перевал Стин Шиоара. Так или иначе, но оно срочно заменило действовавшие здесь румынские части немцами, перебросив сильные резервы.

Затем последовали попытки вытеснить наши части с правобережного плацдарма. Утром 22 апреля гитлеровцы сбили роту 493-го батальона в Жухалья, стремясь глубоким охватом окружить и уничтожить переправившиеся части укрепрайона.

Но батальоны отошли на предмостные укрепления к Праксике, сорвав замысел противника и сохранив за собой плацдарм. Здесь они в течение следующего дня успешно отразили восемь яростных атак. Оставив на поле боя сотни своих убитых солдат и офицеров, враг вынужден был с наступлением темноты отойти в Жухалья и Богданешть. Однако и из этих населенных пунктов он вновь был выбит в ночь на 24 апреля нашими батальонами, взаимодействовавшими с частями соседней 38-й стрелковой дивизии.

В течение пяти дней после этого не прекращались ожесточенные атаки противника. Так и не добившись успеха, он в конце концов прекратил попытки вернуть себе Жухалья и Богданешть.

Итак, мы захватили и прочно закрепили за собой плацдарм на правом берегу Молдовы, увеличив протяженность переднего края с 35 до 75 километров по фронту¹.

Свой рубеж батальоны оборудовали собственными силами. Только за первые полтора месяца они отрыли около пятисот километров траншей и ходов сообщения, создали почти три тысячи площадок для орудий, пулеметов и минометов, построили более тысячи блиндажей и дзотов. И все это в условиях, когда требовалось в любую минуту быть готовыми к отражению атак противника и вести постоянное наблюдение за ним.

Знать противостоящего нам на 75-километровом фронте врага, его действия и намерения — такова была еще одна важная задача, поставленная укрепрайону. Она также была выполнена: за три месяца мы послали 28 разведывательных партий, систематически доставлявших пленных и ценные сведения. Кроме того, все это время в глубоком тылу врага действовали четыре группы наших лазутчиков с рациями. Их сообщения представляли немалую ценность².

О том же, как они добывались, можно судить по такому эпизоду.

Трое наших разведчиков, коммунисты Гришанов, Краснов и Антропов, проникнув в тыл врага, пробыли там двое суток. Им удалось собрать ценные сведения и даже захватить двух пленных.

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 323, лл. 22—23.

² Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 5.

Наступила пора возвращаться к своим. Но тут их обнаружил противник. До 30 гитлеровцев окружили разведчиков. Начался неравный бой. Вот уже все трое смельчаков ранены. Но, отважно ринувшись на врагов, они не только вырвались из окружения, но и доставили обоих пленных по назначению¹.

Не могу не сказать еще об одной задаче, выполнению которой Советское командование придавало важное значение.

Известно, что гитлеровские генералы даже в пору своих временных успехов меньше всего интересовались вопросом о том, чтобы обезопасить мирное население в районе военных действий. Более того, они не раз планомерно, с звериной жестокостью уничтожали целые населенные пункты вместе с их жителями.

Советское командование, готовясь к новой крупной операции, проявило глубокую заинтересованность в судьбе жителей многочисленных румынских сел, находившихся в полосе, с которой должно было начаться наше наступление. Им было предложено переселиться на некоторое время в тыл. Одновременно позаботились о размещении эвакуирующихся семей.

20 августа войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали Яско-Кишиневскую операцию, оказавшую огромное влияние и на дальнейшие судьбы Румынии и ее народа.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 512947, д. 6, лл. 16—17.

Штурм Восточных Карпат

24 августа, спустя четыре дня после начала Яско-Кишиневской операции 2-го и 3-го Украинских фронтов, вновь перешли в наступление и части 159-го полевого укрепленного района.

К тому времени произошли важные военно-политические события. Соединения двух фронтов мощными ударами сокрушили оборону группы армий «Южная Украина» в районе Кишинева и Ясс и, окружив ее главные силы — пять немецких армейских корпусов, — приступили к их ликвидации. Разгромленные войска противника потеряли управление. Их организованное сопротивление сменилось отчаянными попытками выбраться из «котла».

В составе наших наступающих войск здесь было тогда три левых укрепленных района.

Один из них — 1-й гвардейский — к началу операции занимал рубеж на левом фланге 3-го Украинского фронта, тянувшийся к востоку от Днестровского лимана и по берегу Черного моря. Соответственно этому задача его батальонов в начале наступления состояла в том, чтобы во взаимодействии с 83-й и 255-й морскими стрелковыми бригадами форсировать лиман южнее Аккермана и уничтожить вражеский гарнизон в этом городе.

Переправа через семикилометровый лиман под огнем врага сама по себе была нелегким делом. К этому нужно добавить, что на противоположном берегу оборонялись немецкий гарнизон Аккермана и 110-я румынская дивизия в составе трех полков и батальона пехоты, пулеметного батальона и артиллерийского дивизиона. Общее соотношение сил составляло примерно 4 : 3 в пользу противника.

Последний опирался на оборонительную систему, состоявшую из сплошной линии огневых точек с проволочными заграждениями и минными полями, с траншеями на отдельных участках. Даже в населенных пунктах близ этой линии улицы были за-

баррикадированы, перекрестки закрыты надолбами, каменные здания превращены в огневые точки. В Аккермане же, кроме того, противник приспособил для целей обороны старинную крепостную стену¹.

И все это предстояло преодолеть 83-й и 255-й морским стрелковым бригадам и батальонам полевого укрепленного района.

Получив в свое распоряжение 110 складных лодок и 8 паровых с 3 буксирами, батальоны укрепрайона начиная с 10 августа тщательно готовились к переправе, используя богатый опыт, накопленный ими еще при форсировании Днепровского лимана. Разведчики добыли ценные сведения о расположении врага. Два батальона были выведены в глубокий тыл, где они в течение семи дней «репетировали» переправу и атаку позиций противника.

Части укрепрайона перестроились: в каждом батальоне была создана стрелковая рота, в которой имелись два взвода стрелков, взвод автоматчиков и десять огневых расчетов — на два станковых и шесть ручных пулеметов, а также на два противотанковых ружья. Им предстояло первыми форсировать лиман.

В час ночи 22 августа, после массированного налета нашей авиации на позиции противника, 2-й и 8-й батальоны отплыли на лодках, держа курс на противоположный берег. Полтора часа над лиманом царил тишина. Но вот вражеский дозор обнаружил приближавшиеся лодки. Они находились уже в одном-двух километрах от цели, когда на них обрушился пулеметный и артиллерийский огонь.

Однако он не нанес больших потерь — выручила ночная мгла. Зато тотчас же вступила в дело наша артиллерия. Огнем, корректируемым с лодок, она заставила замолчать пулеметы и орудия противника.

Десант высадился на берег. Поддерживаемый артиллерией, он ворвался в траншеи и завязал бой, длившийся до утра. Тем временем приближался второй эшелон атакующих — на парамах и лодках. Понесся на этот раз более значительные потери, он, однако, также достиг берега.

Усилив натиск, батальоны укрепрайона совместно с частями 83-й морской стрелковой бригады завершили окружение аккерманского гарнизона. В 6 час. вечера 22 августа город был освобожден. Примерно так же развивались события южнее, в районе Бугаза, где действовала 255-я морская стрелковая бригада².

Стремительное продвижение Советской Армии в глубь румынской территории и разгром группы армий «Южная Украина» создали для патриотических сил Румынии возможность ускорить

¹ Архив МО СССР, ф. 1 зв. Ур, оп. 169143, д. 3, лл. 66—85.

² Там же.

подготавливавшееся ими свержение фашистской диктатуры. Вечером 23 августа в Бухаресте вспыхнуло вооруженное восстание, возглавляемое коммунистической партией. Клика Антонеску была отрешена от власти и арестована. В стране началась народно-демократическая революция. Румыния прекратила военные действия против стран антифашистской коалиции и объявила войну гитлеровской Германии.

Так румынская армия из противника превратилась в союзника советских войск. Этот исторический акт не только полностью отвечал чаяниям румынских солдат и подавляющего большинства офицеров, но и в значительной мере был результатом ясно выраженного ими желания воевать не на стороне германского фашизма, а против него. Воинские части принимали активное участие в вооруженном восстании и уже в ходе его по приказу, который разработал руководимый компартией военный комитет, атаковали гитлеровцев.

Так же действовали румынские войска на фронте, причем не только с вечера 23 августа, но и гораздо раньше. Теперь известно, что Антонеску, который после начала советского наступления в районе Ясс и Кишинева срочно выехал на фронт для принятия «исключительных мер», вынужден был по возвращении признать, что армия больше не желает ему повиноваться и отказывается воевать против русских. На последнем заседании своего правительства, как впоследствии писала румынская газета «Скинтейя», он даже внес нелепое предложение выразить за это армии... «вотум недоверия»¹.

Румынские солдаты больше не хотели воевать за чуждые им интересы и теперь воспользовались возможностью повернуть оружие против своего подлинного врага — германского фашизма.

Как я уже отмечал, на нашем участке фашистское командование еще весной заменило многие «ненадежные» румынские части немецкими. В результате к началу августовского наступления 159-му укрепрайону противостояли в основном немецкие войска — два полка и отдельный батальон.

Кроме того, немецкие подразделения были вкраплены в боевые порядки единственной остававшейся здесь румынской воинской части — 3-го пограничного полка. Это было сделано по приказу гитлеровского командования, которое уже давно опасалось брожения среди румынских солдат и требовало пресекать его в случае необходимости даже силой оружия.

В ночь на 24 августа в расположении 500-го батальона, занимавшего плацдарм на правом берегу Молдовы, появились парламентареры, посланные командиром 3-го румынского пограничного полка полковником Теодореску. Это было почти сразу же после

¹ См.: «Scinteia», 15.V 1946.

того, как в 0 часов 30 минут румынские войска получили из Бухареста приказ приостановить военные действия и выйти из подчинения германскому командованию.

Парламентеры, которых я принял в штабе батальона, передали предложение своего командира о переходе румынских частей на сторону Советской Армии. Вскоре прибыл и сам полковник Теодореску. Приехал также представитель Военного совета 40-й армии. Тут же было достигнуто соглашение о совместных боевых действиях против общего врага ¹.

В те дни, когда завершался разгром окруженной группы армий «Южная Украина», командование 2-го Украинского фронта поставило 40-й армии трудную задачу преодолеть Восточные Карпаты, наступая в направлении румыно-венгерской границы. И первым шагом на этом пути должно было стать овладение крупными населенными пунктами Гура-Гумора (Гура-Хуморулуй), Вама, Кымпулунг-Молдовенеск, Ватра-Дорней, которые представляли собой одновременно узлы горных магистралей и опорные пункты противника, контролировавшие основные проходы через Карпаты.

Они находились как раз в полосе предстоявшего наступления 159-го укрепрайона. Поэтому овладеть ими и было приказано нам во взаимодействии с 54-м укрепленным районом, прибывшим еще в июне на участок, расположенный справа от нас.

Соответственно этому был намечен план совместных боевых действий пулеметно-артиллерийских батальонов и 3-го румынского пограничного полка. Мы решили сообща окружить и, не поднимая шума, обезвредить немецкие подразделения, находившиеся в местах дислокации румынских частей. После этого последние должны были развернуться против гитлеровских полков и батальонов и взаимодействовать с войсками укрепленного района в боях за расширение и в особенности углубление нашего правобережного плацдарма.

В ту же ночь выдвинулись в Валя-Сакэ, Мирон и Капы-Кымпулуй 491-й и 500-й батальоны. Совместно с перестроившими свой фронт румынскими частями они взяли в плен 326 немецких солдат и офицеров, захватили три артиллерийские батареи и много другого оружия и боеприпасов. Теперь справа от нашего нового плацдарма находился населенный пункт Гура-Гумора, слева — Мулини. Оба они были превращены противником в сильно укрепленные узлы сопротивления.

Немецкое командование, видимо, держало наготове резервы для быстрой замены румынских войск. Поэтому на направлениях Гура-Гумора, Вама, Кымпулунг-Молдовенеск, Ватра-Дорней и Мулини, помимо имевшихся здесь частей, появилась группа так

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 1—10.

называемых карпатских рот и батальонов, сформированная из остатков немецких частей бывшей каменец-подольской группировки, отдельный полк «Великая Германия» и части 4-й горно-егерской бригады, усиленные танками.

Из показаний пленных было известно, что гитлеровское командование поставило этим войскам задачу любой ценой не допустить прорыва наших частей в глубь Карпат. Узлы Гура-Гумора и Мулини нужны были врагу и в качестве головных участков коммуникаций, по которым бежали в горы разрозненные группы его войск, ускользнувшие из окружения под Яссами и Кишиневом. Кроме того, по этим же дорогам гитлеровцы продолжали усиленно вывозить в Германию румынское сырье и продовольствие.

Всем этим объяснялось то упорное сопротивление, которое встретили атаки 491-го батальона на участке Гура-Гумора и 500-го — в направлении Мулини. Их сил оказалось недостаточно для прорыва обороны противника. Кроме того, стало ясно, что нанесение фронтального удара не достигнет цели.

Решили сосредоточить на правом берегу Молдовы больше сил и атаковать врага с фланга. По горным кручам и густым лесным зарослям батальоны небольшими подвижными отрядами обошли те опорные пункты противника, которые были особенно сильно укреплены, и многие из них захватили.

Большую помощь оказывало нашим войнам румынское население. Многие горцы и даже горянки охотно сопровождали подвижные отряды, сообщали ценные сведения о расположении противника.

Был, например, такой случай. С трудом продвигаясь на гору Обчина, третья рота 491-го батальона встретила спешившую ей навстречу местную крестьянку Руксанду Георгиу. Волнуясь, женщина сообщила, что недалеко отсюда расположились немецкие пулеметчики, стерегущие подходы к вершине горы. Отважная горянка вызвалась также показать поближе вражеские позиции. И, действительно, двух бойцов, посланных командиром роты лейтенантом Ивановым, она провела по еле заметной тропке почти вплотную к расположению противника.

Благодаря этому рота нанесла внезапный удар по фашистам и, уничтожив их, захватила высоту. Развивая успех, 20-й и 491-й батальоны начали движение на Воронеж, а затем на Букшюя, захват которых позволял перерезать пути отхода противника от Гура-Гумора.

Дело в том, что к тому времени его положение здесь резко ухудшилось в результате начавшегося наступления батальонов 54-го укрепленного района. Их подвижные отряды, поддерживаемые артиллерийским и минометным огнем, атаковали опорные пункты врага в горах Мара и Марца, угрожая выйти в тыл всему узлу сопротивления Гура-Гумора.

При таких условиях противник мог отступить только по одной дороге, ведущей к населенным пунктам Букшоя и Воронеж. Но именно в тот момент ее и перерезали 491-й и 20-й батальоны. Сначала первый из них выбил врага из Воронца, а затем они совместно овладели и селением Букшоя.

Это было днем 7 сентября. А к вечеру три наших батальона — 20-й, 491-й и 500-й ворвались в Гура-Гумора и, сломив ожесточенное сопротивление гитлеровцев, овладели им. В тот же день были захвачены опорные пункты врага в ряде селений, в том числе в Остре, а также на одноименной горе¹.

Исход этих боев оказал большое влияние на успех последующего наступления через Карпаты. Особенно содействовал он ликвидации мощных узлов сопротивления в Ватра-Дорнее и Кымпулунг-Молдовенеске.

Противник отходил в юго-западном направлении. Ведя непрерывные бои с его арьергардами, батальоны укрепленного района и румынские пограничные части к 8 сентября заняли полосу с передним краем по линии Палтинооса, Воронеж, Букшоя, Доротея-Плотеница, Стульпикань, Негрилиаса, Шварцталь.

Здесь и нашел нас командующий армией генерал-лейтенант Жмаченко, прибывший для того, чтобы лично организовать разведывательный рейд по тылам противника. Эта операция была непосредственно связана с выполнением поставленной войскам армии боевой задачи.

В то время противник спешно создавал новый фронт обороны. Пытаясь закрыть Советской Армии пути в Венгрию и Югославию, гитлеровское командование решило сомкнуть фланги своих войск, находившихся в районе Восточных и Южных Карпат, и во что бы то ни стало удержать в своих руках горные перевалы.

С этой целью враг предпринял наступление на ряде участков, в том числе крупными силами в районе южнее г. Турда, где ему удалось 5 сентября потеснить 4-ю румынскую армию. Впрочем, в тот же день по приказу командующего 2-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского 27-я, 53-я и 6-я танковая армии, находившиеся уже вблизи румыно-болгарской границы, круто повернули на север и северо-запад, в район вражеского прорыва, имея задачу отбросить противника на исходные позиции.

Что касается 40-й и действовавшей левее 7-й гвардейской армий, то с самого начала нашего наступления в глубь Карпат гитлеровцы оказывали здесь особенно упорное сопротивление. В результате обе армии за первые несколько дней продвинулись вперед не более чем на 20 километров.

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1184, лл. 20—32.

Нужно было проникнуть в тыл противника и найти слабое место в его обороне. Такую задачу и поставил командующий 40-й армией перед разведывательной ротой 159-го укрепленного района. Одновременно он приказал ее командиру старшему лейтенанту Короткову оседлать дороги в районе населенного пункта Лунг, лишить связи фашистские гарнизоны, атаковать их с тыла и захватить пленных. Цель этих действий состояла в том, чтобы инсценировать начало окружения и посеять панику среди вражеских солдат и офицеров.

Разведчики отлично справились с этим нелегким делом.

Первыми пошли несколько групп по пять—десять человек в каждой. Они двигались ползком, просачиваясь в буквальном смысле этого слова между огневыми точками противника. Пробравшись во вражеский тыл, соединились и по команде Короткова открыли внезапный пулеметно-автоматный огонь по ошеломленным гитлеровцам. Он был тотчас же поддержан артиллерией укрепленного района.

Под прикрытием этого огня вся рота без потерь преодолела передний край обороны противника и вошла в лес.

Коротков вел роту, ориентируясь по карте и компасу. Шли густым лесом, через бурелом, держась за провод, протянутый на всю глубину колонны, — чтобы не растерять друг друга. Впереди — три разведчика. За ними командир с группой бойцов. Следом — автоматчики и пулеметчики, обоз на бьюках и снова автоматчики. С флангов и тыла на расстоянии зрительной связи — боевое охранение по три—пять человек.

Углубились в тыл противника более чем на 20 километров. Завязав бой за высоты восточнее и юго-восточнее Лунга, заняли их и захватили пленных. Разведав вражеские силы в Лунге, Коротков принял решение овладеть и им. Внезапная атака с тыла увенчалась полным успехом. Уничтожив противника в этом населенном пункте, разведчики устроили засаду и нанесли серьезные потери двигавшимся на Лунг двум немецким пехотным батальонам. Затем быстро выдвинулись в район Хольда и заняли гору Плешу. Здесь они также уничтожили связь, дорожные сооружения.

Тем временем начали наступление на Хольда 494-й и 361-й батальоны укрепленного района.

Установив с ними взаимодействие, рота Короткова помогла их продвижению и благополучно вышла на свою территорию¹. За этот смелый рейд, позволивший батальонам возобновить наступление, все разведчики были награждены боевыми орденами и медалями. Командиру роты старшему лейтенанту Короткову командующий армией лично вручил орден Красного Знамени.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, лл. 83—84.

Группа разведчиков 159-го укрепрайона (осень 1944 г.)

Итак, мы шли с боями все дальше в глубь Восточных Карпат. Горная война потребовала внести новые изменения в организацию наступательных действий частей укрепленного района. Впрочем, основа этих новшеств — создание подразделений, оснащенных легким оружием и поэтому лучше приспособленных к атаке, — осталась прежней. Но теперь она получила дальнейшее развитие и, кроме того, мы приспособили ее к горным условиям.

Тяжелое пехотное оружие — станковые пулеметы, минометы, противотанковые ружья складывали на повозки или вьючили на лошадей. Вместе с легкими 45-мм орудиями они двигались в обозе вслед за пулеметно-артиллерийскими ротами, превратившимися в подразделения стрелков и автоматчиков.

Главное во всем этом состояло в выработавшемся умении батальонов быстро перестраивать свои боевые порядки. Если нужно было усилить огонь или временно перейти к обороне, они вновь становились пулеметно-артиллерийскими частями. Причем такие превращения были возможны потому, что почти все солдаты, не говоря уж о сержантах и офицерах, имели несколько воинских специальностей. Пулеметчик был одновременно снайпером, автоматчиком и артиллеристом, нередко сапером или связистом.

Достигалось это отчасти благодаря стабильности личного состава. Конечно, она была относительной, ведь мы вели смертельную борьбу с врагом и, естественно, несли потери. Но если офицер, сержант или солдат был ранен и попадал в госпиталь, то по выздоровлении он настойчиво стремился вернуться в свое подразделение. И большинству это удавалось.

Помню, был такой случай. Вскоре после нашего вступления на территорию Румынии несколько десятков солдат в одном из батальонов заболели тифом. Нужно было срочно эвакуировать их в тыл. Но этому воспротивились они сами. А тут еще явилась целая делегация жителей румынского села, настойчиво просивших передать на их попечение заболевших солдат.

— Не довезут их до госпиталя, — уверяли румыны. — А уж мы постараемся для Советской Армии, выходим больных.

И выходили. Благодаря помощи местного населения нашим врачам удалось за две недели ликвидировать вспышку тифа. А выздоровевшие бойцы больше всего радовались тому, что остались в родной части. . .

Вот и получилось так, что многие солдаты и офицеры укрепрайона, плечом к плечу сражавшиеся еще под Москвой, на Волге, под Корсунь-Шевченковским и на Днестре, были вместе и тут, на карпатских кручах. Их связывала не только крепкая солдатская дружба, но и боевая взаимозаменяемость, ставшая у нас теперь традицией, которую бывалые воины передавали и молодому пополнению.

Новым в организации боевых порядков наступавших частей укрепрайона была их способность теперь не только выделять часть своего состава в штурмовые группы, но и целиком преобразоваться в подвижные отряды, готовые атаковать и преследовать врага. Это как нельзя лучше пригодились во время наступления на г. Ватра-Дорней.

Овладение им, как уже сказано, облегчалось предыдущими успехами — взятием Гура-Гумора, Кручи и Остры, а также рейдом разведроты в тыл противника. Но на пути к этому городу находились еще и такие крепкие узлы сопротивления, как Вама и Кымпулунг-Молдовенеск.

В связи с этим командование армии поставило укрепленному району задачу выбить врага прежде всего из г. Вама. Этот город был более сильным узлом сопротивления, чем Гура-Гумора, так как подходы к нему представляли собой узкие дефиле, прикрытые высотами. Тем не менее овладели мы им довольно быстро.

493-й батальон, взаимодействуя с частями соседнего 54-го укрепрайона, наступавшими северо-восточнее, обошел 8 сентября высоту 1012 и достиг западной окраины Вамы. Тогда же 491-й батальон двумя ротами вышел к южной окраине, а двумя другими закрыл выход из города между высотами 1012 и 817.

Во время боев в этом районе противник с особым ожесточением стремился отбить одну из высот, захваченную нами. Она несколько раз переходила из рук в руки. В промежутке между боями командир роты лейтенант Захаренко собрал коммунистов и комсомольцев и поставил задачу отбросить гитлеровцев и удерживать высоту. Сбравшиеся приняли решение во что бы то ни стало выполнить эту задачу.

И они сдержали свое слово. Под огнем врага, переползая от одного бойца к другому, коммунисты воодушевили всю роту на отпор фашистам. «Будем стоять насмерть, высоту не отдадим», — заявили бойцы. На самый опасный участок, откуда фашисты предпринимали свои контратаки, попросился коммунист-пулеметчик В. В. Межевой. С ним пошла группа автоматчиков.

Всю ночь в полной готовности ждали нового удара противника. Гитлеровцы пошли в атаку перед рассветом. И первой встретила их группа Межевого. Отважный пулеметчик метким огнем разил гитлеровцев. Примеру коммуниста Межевого следовали и другие бойцы. Оставив до 20 убитых, враг вынужден был отказаться от дальнейших попыток отбить высоту¹.

Постепенно продвигаясь, 493-й батальон на следующий день занял железнодорожный пост Вама, а роты 491-го батальона захватили ст. Молид, расположенную к югу от города. В ночь на 10 сентября мы овладели и ключевой высотой 817.

Противник, сжатый с трех сторон и опасавшийся полного окружения, к рассвету начал отход. Город Вама — узел шоссейных и железных дорог — был в наших руках.

Гитлеровцы отступали на Кымпулунг-Молдовенеск. Это довольно крупный город в Восточных Карпатах. Он связан железнодорожными и автомобильными магистралями с центральными и западными районами Румынии, а также с Закарпатской Украиной и с Венгрией. Преследуя врага, стремительно продвигались к этому городу и части обоих укрепленных районов.

491-й и 493-й батальоны, наступая по долине реки Молдовы, в ночь на 11 сентября подошли к нему с востока. На несколько часов раньше сюда, а также к южным окраинам Кымпулунг-Молдовенеска выдвинулись 494-й, 496-й батальоны и 3-й румынский пограничный полк, только что завершившие разгром вражеского узла сопротивления в Стульишкань. Теперь они присоединились к двум первым батальонам. 496-й овладел горой Кокора и наступал на местечко Изворуль-Алб, расположенное на подступах к Кымпулунг-Молдовенеску, 494-й — на высоту 1032.

12 сентября сюда же подошли с севера части 54-го укрепленного района. Город фактически оказался блокированным. Оставался один узкий выход на запад — к полустанку Садово.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 512947, д. 6, л. 15.

Туда продвигался 3-й румынский полк с задачей отрезать противнику и этот путь отхода.

Бой носил ожесточенный характер. Противник предпринимал одну за другой яростные контратаки, наиболее упорные на участке 491-го и 493-го батальонов, оседлавших магистраль, ведущую на Вама.

Особенно тяжело пришлось 361-му батальону, укрепившемуся на высоте 1137.

Этим батальоном теперь командовал капитан Субелиани. Тот самый, о котором я упоминал, рассказывая о штурме Сталинградского тракторного. Он уже тогда показал себя храбрым и находчивым офицером. С тех пор коммунист Субелиани не раз проявил свои качества отличного командира, не теряющегося в самых трудных условиях.

Таким был он и в этом бою. Свыше двух суток отважно сражался его батальон. Пример стойкости и мужества показывали бойцам коммунисты рядовые Изотов, Сомов, Исаев, член партбюро батальона Никитин. Будучи ранены, они остались в строю и храбро участвовали в отражении атак врага.

По 10—12 раз в день пытались фашисты сбить и 491-й батальон с занятых им позиций, но так и не добились успеха.

Тем временем 494-й батальон овладел местечком Изворуль-Алб, а 496-й — южной окраиной города. Противник начал отходить на запад, к полустанку Садово, которым должен был овладеть 3-й румынский полк. Оказалось, что последнему не удалось это сделать, так как он задержался в пути, вступив в схватку с упорно оборонявшимися фашистами.

Остаток дня, а также всю ночь на 13 сентября в Кымпулунг-Молдовенеске шли уличные бои. Они завершились к утру разгромом и бегством противника¹.

Совместно с румынскими пограничниками и левым соседом — частями 133-й стрелковой дивизии мы преследовали его южнее реки Молдовы, а батальоны 54-го укрепленного района и части 240-й стрелковой дивизии — севернее. Но к 16 сентября части этих двух дивизий, пондобившиеся для новой перегруппировки 40-й армии, ушли.

159-й и 54-й укрепленные районы по приказу командования встали у горных рубежей на подступах к Ватра-Дорнею.

Полоса 159-го укрепленного района протяженностью свыше 60 километров проходила по линии высота 1279, Пильня Неу, высоты 1604 и 1298, Гура Глодулуй, Дьердь-Бэлбор. Здесь пролегла густая сеть дорог, в том числе Сигет—Кымпулунг-Молдовенеск, Ватра-Дорней—Кымпулунг-Молдовенеск, Ватра-Дорней—Круча,

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 48138, д. 4, лл. 193—195; оп. 144467, д. 8, л. 69.

Ватра-Дорней—Хольда. Наша задача состояла в том, чтобы не допустить просачивания даже мелких групп противника ни по этим дорогам, ни по горным тропам и лощинам вдоль многочисленных притоков реки Бистрица. Батальоны должны были также вести глубокую разведку расположения противника — его боевых порядков и тыла.

Перед фронтом укрепленного района оборонялись немецкие 38-й пехотный, 144-й и 138-й горнопогерские полки и 19-й, 20-й, 22-й отдельные батальоны хортистских войск.

Так состоялось наше первое, пока что заочное знакомство с венгерскими воинскими частями. Их присутствие здесь объяснялось тем, что в районе Ватра-Дорней начиналась территория северной части Трансильвании, оккупированная хортистской Венгрией.

Мы знали, что правитель Венгрии Хорти был одним из подручных Гитлера и в надежде на легкую добычу послал против Советского Союза свои войска, которые, однако, потерпели сокрушительный разгром. Даже теперь, когда неотвратимо приближалось окончательное поражение гитлеровской Германии, хортисты продолжали войну на ее стороне, стремясь помешать вступлению Советской Армии не только в Венгрию, но и в оккупированную ими северную часть Трансильвании.

Но известно нам было и другое...

С первого дня пребывания на новом рубеже появились перебежчики с «той» стороны. В основном это были венгерские хонведы. От них мы узнали, что хортистская армия накануне полного развала.

Венгерским фашистам даже в период временных успехов гитлеровской армии не удавалось разжечь в хонведах ненависть к Советскому Союзу. Хортистские власти пробовали и материально заинтересовать солдат, официально установив нечто вроде «расценок». Они объявили, что тот, кому удастся подбить советский танк, получит на Украине 30 га земли, за захват пленного обещали выдать... тысячу паширос.

Но желающих «заработать» таким способом становилось все меньше. И не только потому, что хортистские войска и без того несли тяжелые потери.

В январе 1942 г. мне довелось прочитать обращение конференции венгерских военнопленных. В нем говорилось: «Нам, венграм, незачем воевать против русских братьев... Не против советских рабочих и крестьян должны мы воевать, а против тех, кто предал нас немецким фашистам».

Брожение среди венгерских солдат началось уже в 1941 г. После же разгрома гитлеровцев под Москвой отказались воевать целые воинские соединения, например 102-я, 105-я, 108-я, 121-я и 201-я венгерские дивизии. Массовые размеры приняло дезертирство, особенно в начале 1943 г., когда 2-я венгерская армия,

насчитывавшая 200 тыс. солдат и офицеров, была наголову разгромлена войсками Воронежского фронта и потеряла убитыми, ранеными и пленными более чем три четверти своего состава¹.

Вместе с нежеланием воевать против Советской Армии росла ненависть к немецким фашистам. Ее усиливало отношение гитлеровского командования к своим «союзникам». Так, отступающие немецкие части отбирали у венгерских средства передвижения, теплое обмундирование, оделяла, даже раненых венгров сбрасывали с саней, а сопротивлявшихся расстреливали...

Слушая рассказы перебежчиков, я начал лучше понимать, почему теперь, осенью 1944 г., когда германский фашизм лишился почти всех своих союзников в Европе и всего лишь несколько месяцев отделяли его от окончательного разгрома, венгерская армия вопреки своему желанию продолжала воевать на стороне гитлеровской Германии.

Примерно полгода назад наступил момент, когда Хорти и его клика почувствовали, что их власти приходит конец. Они не могли не видеть, что венгерский народ ждет лишь приближения Советской Армии, чтобы покончить с войной и свергнуть ненавистный фашистский режим. И вот будапештские правители, страшась остаться далее один на один с народными массами, пошли на неслыханное предательство: дали согласие на оккупацию Венгрии германскими войсками, которая и была осуществлена 19 марта 1944 г. Вслед за тем, опираясь на немецкие штыки, они усилили террор против прогрессивных сил.

Но это была лишь часть плана спасения хортистского режима. Дело в том, что венгерские фашисты уже понимали неизбежность поражения гитлеровской Германии и главные свои усилия направляли на то, чтобы в Венгрию вступили англо-американские, а не советские войска. Поэтому хортистское правительство вело тайные переговоры с Вашингтоном и Лондоном и в то же время отдало все свои вооруженные силы в распоряжение гитлеровского командования для действий против Советской Армии.

Эту политику откровенно сформулировал хортистский военный министр Чатаи. Он, как гласит хранящийся в венгерских

¹ Подтверждение этому я обнаружил недавно в исследовании А. И. Пушкаша «Венгрия в годы второй мировой войны». В этой книге, написанной на основе архивных документов, приведен приказ 102-й и 108-й дивизиям, отданный командиром 8-го армейского корпуса. В нем говорилось: «Солдаты хотя 1 апреля (1942 г. — И. В.) уйти домой. Это невозможно» (см.: А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 295). В архивах сохранилось много и других документов подобного рода. Так, группа депутатов хортистского парламента, побывавшая на фронте летом 1942 г., писала, что венгерские части «приходилось гнать в наступление с помощью оружия».

архивах протокол заседания совета министров в Будапеште от 8 сентября 1944 г., заявил:

— Мы просим англо-саксонскую оккупацию, а воюем против большевизма. — И добавил: — Наши немецкие союзники не могут возражать против такой позиции, ибо они сами предпочитают сдаваться на Западном, а не на Восточном фронте¹.

Так пытались они настроить и свою армию, внушая солдатам, что их враг — советские войска. Хортистские пропагандисты действовали и при помощи яда шовинизма, особенно после вступления Румынии в войну против гитлеровской Германии. Но и такие средства, считавшиеся сильнодействующими, не помогали. Это мы знали из рассказов перебежчиков, которых становилось все больше.

— У нас в батальоне никто не хочет воевать против Советской Армии, — заявил один из них, Золтан Жигмонд. — Почему? Да потому, что русские нам не враги. Мы до сих пор не знаем, почему сражаемся против Советской Армии. Раньше нам говорили: за «жизненное пространство» на Востоке. Теперь твердят: за Закарпатье, за север Трансильвании, за Бачку и Банат. А на что они мне, бедняку, эти украинские, чехословацкие, румынские, югославские земли? Если они нужны нашим помещикам, у которых и без того много богатств, так пусть сами и воюют... Да и воевать-то уже нечего, немцы войну проиграли, а нам и подавно пора сложить оружие.

До вступления советских войск на территорию Венгрии оставались считанные дни.

И вот свершилось. Еще 21 сентября 53-я армия, действовавшая на левом крыле 2-го Украинского фронта, заняла г. Арад вблизи румыно-венгерской границы. Громя противника и продолжая во взаимодействии с 1-й румынской армией наступать на запад, она вступила в Венгрию в районе Баттони-Мако.

В то же время наиболее ожесточенные бои шли в районе Клуж—Турда, где войска 2-го Украинского фронта планомерно взламывали вражескую оборону. Исклчительно упорное сопротивление оказывал противник и нашей 40-й армии, которая почти вплотную подошла к северной части Трансильвании.

За несколько дней, проведенных частями 159-го укрепленного района на этом рубеже, мы основательно изучили противостоящие нам силы врага и нащупали слабое место в его обороне. Для атаки были выделены 493-й и 494-й батальоны. Передав свой рубеж подоспевшим войскам 54-го укрепленного района, они нанесли противнику в ночь на 25 сентября внезапный удар у Гура-

¹ См.: Государственный архив ВНР в Будапеште, фонд Канцелярии премьер-министра, протокол заседания совета министров от 8 сентября 1944 г., л. 8.

Негры, сбили его с оборонительной позиции и ворвались в Ватра-Дорней¹.

Немецкий гарнизон упорно препятствовал продвижению наших подразделений в городе. Уличные бои, начавшиеся еще до рассвета, продолжались весь день. Но под вечер, когда к городу вышли и другие батальоны укрепрайона, гитлеровцы обратились в бегство.

Несколько позднее штаб 40-й армии так охарактеризовал эти боевые действия: «Мастерским ударом двух пулеметно-артиллерийских батальонов 159-й Днестровский укрепленный район в результате уличных боев выбил противника из Ватра-Дорней, являющегося важным узлом шоссейных и железнодорожных путей, и овладел им. Потеря этого узла, через который снабжалась вся группировка врага в Карпатах, заставила немцев и венгров медленно, с боями, отходить, прикрываясь сильными арьергардами»².

Вражеские части начали отход в первую же ночь после потери Ватра-Дорней. Мы же, преследуя их, вышли 26 сентября к линии, проходившей по главному хребту Восточных Карпат — Георгиулу и его отрогам Быргулуну и Кылыманулуну.

Это и была граница, за которой лежала оккупированная хортистами северная часть Трансильвании.

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1184, лл. 20—32.

² Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, лл. 1—15; ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 91—99.

Освобождение севера Трансильвании

Нас обступали горы.

Впереди были два перевала. По одному из них — от Ватра-Дорнея через Тебелеуцу на Парву — вились лишь узкие тропы, проложенные в верховьях рек Тешны и Илюцы, по другому — шоссейная дорога вдоль берега реки Дорнишары, сменявшаяся далее железнодорожной линией на Тихуцу.

Следовательно, наши части не имели возможности продвигаться вперед единым фронтом. Оставалось одно: продолжать наступление на двух образовавшихся здесь направлениях. На первом из них действовали 496-й и 500-й батальоны, на втором — 20-й, 361-й и 493-й. Преодолевая сопротивление арьергардов противника, они вышли 27 сентября в район водораздела Восточных Карпат.

Здесь в один из последующих дней с 494-м батальоном соединилась рота лейтенанта Тропинина, успешно действовавшая в тылу врага. Выполняя поставленную задачу, она захватила господствующие высоты и отрезала противнику пути отхода. 12 дней удерживала рота эти высоты, отражая натиск врага. Пример стойкости и бесстрашия показывали коммунисты. В перерывах между боями они организовывали беседы с бойцами, укрепляя в них дух беззаветной преданности Родине и делу окончательного разгрома фашизма. Здесь же, в тылу врага, два воина были приняты в члены партии и шесть в кандидаты. Среди них были бесстрашные разведчики Никифоров, Гореловский и Мишаков, награжденные за мужество и отвагу орденами и медалями.

Кстати отмечу: во всех частях укрепрайона партийные организации быстро росли, несмотря на то, что наибольшие потери были среди коммунистов, сражавшихся, как правило, на самых опасных участках. Так, в 493-м батальоне только в период боев

на территории Румынии и Венгрии было принято в партию 52 человека, в 496-м — 56, в 361-м — 45, в 491-м — 67, в 500-м — 71. Коммунистами становились лучшие из лучших. И вступление в партию было для них не только самой высокой наградой. Стать коммунистом — это значило принять на себя большую ответственность, новые трудные обязанности, и не только самому полностью выполнять свой воинский долг, но и вести за собой других, подавая им пример мужества и самопожертвования. И это понимал и всем сердцем принимал каждый, кто вступал в партию. . .

Бои принимали все более тяжелый характер. К 1 октября нам удалось несколько продвинуться вперед. 496-й батальон, овладев перевалом, занял участок в районе Парвы, 500-й — высоты 1041 и 1071. На другом направлении перевал был также в наших руках. Его захватил 361-й батальон. Его сосед — 493-й — вышел в район железнодорожной станции Тихуца, 20-й — к населенным пунктам Приют и Сторойск.

Но продвинуться дальше нам пока не удавалось. Наступление приостановилось. Разведка подтвердила сведения, полученные нами ранее от местного населения и пленных: мы подошли к предполью сильно укрепленной оборонительной полосы противника, тянувшейся по линии Надвильва (Ильва Маре), Ивныяса (Ивильяса), Магура, Тихуца, Мурешани-Быргелуй, Калибица. Строительство ее, начатое два года назад, продолжалось до последних дней. Теперь она была оборудована мощными дотами и высеченными в скалах казематами, а также лесными и каменными завалами, проволочными заграждениями на забетонированных стальных кольях, минными полями, фугасами и всевозможными «сюрпризами».

Это было одно из звеньев фортификационной системы, прикрывавшей шоссе и железные дороги на Сигет, Бистрицу и Регин.

Предполье имело глубину 8—10 километров и было оборудовано траншеями полного профиля, дзотами, открытыми огневыми позициями и заграждениями. За ним находилась главная оборонительная полоса глубиной от 15 до 20 километров. Она имела от трех до шести поясов, состоявших из сильно укрепленных узлов сопротивления, дополняемых опорными пунктами. В частности, дорогу на Сигет прикрывали три узла сопротивления, на Бистрицу — четыре. Они представляли собой соответственно свыше 60 и около 70 долговременных огневых точек.

Гарнизон каждого такого узла насчитывал от 300 до 800 солдат и офицеров горных частей, прошедших специальную подготовку к боевым действиям в Карпатах и считавшихся «опытными и стойкими». Всего перед фронтом 159-го полевого укрепленного района только на передовой позиции насчитывалось более восьми батальонов немецких и венгерских войск. Причем для большей «надежности» последних в их состав были «вкрап-

лены» гитлеровские подразделения во главе с офицерами, которые фактически держали венгерское командование под своим контролем.

Из показаний пленных мы знали, что находившиеся здесь, как и во всей полосе наступавшей 40-й армии, войска противника имели задачу «стоять насмерть». Пытаясь отбросить наши батальоны от своего предполья, враг предпринимал также непрерывные контратаки, поддерживаемые бронепоездом и самоходно-артиллерийскими установками. Они имели и другую цель — сорвать операцию войск левого крыла 40-й армии по овладению г. Регином.

В связи с этим нашему укрепленному району была поставлена задача временно перейти к обороне и, удерживая рубеж между горой Фецей и высотой, расположенной южнее реки Дундетул, не допустить прорыва противника. Одновременно приказ командования требовал от нас готовности к дальнейшему наступлению, начало которого ставилось в зависимость от успеха на левом крыле и в центре 2-го Украинского фронта¹.

1 октября указанный рубеж протяженностью до 45 километров заняли пять наших батальонов. Шестой был в резерве командования укрепрайоном, а 491-й, прорвавшийся в ходе преследования к населенному пункту Фришти, вел бой за высоту 1564. Северо-восточнее оборонялся 54-й укрепрайон.

Уже на следующий день 361-й батальон, сбивший врага с высот 1118 и 1089 и овладевший на этом направлении перевалом и дорогой на Тихуцу, а также 494-й, закрепившийся на высотах в районе Приюта и Стройска, были пять раз контратакованы. Противник силою до полка пехоты пытался вернуть эти позиции, но безуспешно.

Отбив его контратаки, мы тем самым помогли 133-й и 232-й стрелковым дивизиям, которые при содействии войск соседней 7-й гвардейской армии вскоре и овладели Регином. Вслед за тем 7-я гвардейская армия была переброшена на усиление ударной группировки войск, получившей задачу наступать в общем направлении на Клуж — Дебрецен — Мишколц.

Противник же, усиливая сопротивление этой группировке в центре 2-го Украинского фронта, а также 40-й армии на его правом фланге, перебросил в полосу их действий крупные подкрепления.

Но и это уже не могло изменить хода событий.

11 октября был освобожден Клуж. Стремительно наступая, советские войска в тот же день пересекли румыно-венгерскую границу и заняли г. Сегед. На следующий день был взят г. Орадя. Одновременно наши войска подошли к Дебрецену, создав угрозу

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 102—107.

тылам 8-й немецкой и двух венгерских армий, находившихся в северной части Трансильвании. В частности, 42-я гвардейская стрелковая дивизия, действовавшая на правом фланге главных сил фронта, 12 октября овладела городом Бистрица, расположенным в тылу вражеских войск, противостоявших 159-му укрепленному району¹.

Это ускорило отход противника по всему фронту.

Впрочем, наши пулеметно-артиллерийские батальоны начали теснить его еще 10 октября. В этот день 494-й батальон, овладев на левом фланге нашей полосы высотами 1566, 1990 и 1812, начал успешно продвигаться на Калибицу. На правом фланге 20-й батальон с наступлением темноты занял гору Шимбройю, захватив в плен несколько десятков немецких солдат с пятью пулеметами.

В ночь на 11 октября штурмовые подразделения 20-го, 493-го, 494-го и 496-го батальонов двинулись вперед по заранее намеченным маршрутам, обходя вражеские опорные пункты.

Противник отходил, прикрываясь сильными заслонами. Горы гудели от взрывов. Это немецкие части взрывали мосты и оборонительные сооружения. Они также заваливали проходы между скал и усеивали за собой путь минами и фугасами.

Но усилия, направленные на то, чтобы оторваться от наших наседавших войск, не достигли цели. Стремительно преследуя врага, батальоны безостановочно двигались вперед. Преодолев оборонительную полосу противника, мы наступали теперь на широком фронте протяженностью до 35 километров.

В этот период стала заметна еще большая дезорганизация в венгерских частях. Пленные хонведы рассказывали, что в последние дни их командиры получали противоречивые приказы, из которых одни требовали остановить наступление советских войск, другие — отступить.

Так, еще в начале боя за предполье в районе Парва командир 57-го венгерского пехотного полка получил приказ об отступлении на Федра. Полк начал отход. Но спустя несколько часов прибыл другой приказ: контратакой восстановить положение. В момент, когда уже перестраивались боевые порядки, поступил и третий, требовавший отходить.

В таком положении оказались и другие венгерские части. А тут возникла угроза окружения, и оборонявшиеся замесались, отступали беспорядочно, не имея времени для организации маневра.

Растерянность в венгерских войсках усиливали и события в Будапеште, о которых стало известно тогда же. Вместо Хорти немецко-фашистские оккупанты нашли еще более подходящую

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 113—114.

для себя фигуру — главаря прогитлеровской партии «Скрещенные стрелы» Ференца Салаши. Его они и сделали «главой венгерской нации». Он же немедленно объявил всех лиц от 12 до 70 лет мобилизованными на военную службу или на принудительные работы и послал Гитлеру телеграмму, в которой обещал «поставить всю венгерскую армию до последнего человека на службу Германии»¹.

Для венгерских солдат, среди которых незадолго до этого прошел слух о близившемся перемирии, известия из Будапешта означали крушение надежды на скорое возвращение домой. Но и солдаты, и многие офицеры были уже сыты войной по горло. И они начали разбегаться по окрестным лесам и селениям, а оттуда — в свои родные места.

Многие сдавались в плен — в одиночку, группами, а то и целыми подразделениями. 11 и 12 октября, когда мы только начали наступление, было взято свыше 300 пленных солдат и офицеров, преимущественно из 57-го венгерского пехотного полка. В дальнейшем их число быстро росло.

Темп нашего наступления вновь усилился 12 октября, когда 42-я гвардейская стрелковая дивизия вышла к городу Бистрица. Быстро продвигаясь вперед, наши батальоны сделали тщетными все усилия немецкого командования, пытавшегося наладить организованный отход своих частей под прикрытием венгерских. За шесть суток безостановочного преследования в условиях горно-лесистой местности, в осеннюю непогоду, мы прошли 170 километров. В боях уничтожили сотни вражеских солдат и офицеров, а еще больше взяли в плен.

В ходе стремительного продвижения вперед не обошлось и без опасной в таких случаях неосмотрительности. Преследуя противника, капитан Субелиани, которого на этот раз подвела его горячность, проскочил во главе 361-го батальона к северу от Борго Тиха, где скопились отступавшие немецкие части. Не приняв мер боевого обеспечения, он неожиданно оказался в окружении. Разумеется, Субелиани организовал круговую оборону, но это немного облегчило положение батальона.

Выручила разведка укрепрайона. Получив ее донесение, я немедленно послал к месту боя 493-й батальон. В результате его искусного маневра немецко-фашистские части сами оказались между двух огней и в ожесточенном сражении были уничтожены.

К 17 октября части 159-го укрепленного района вышли на линию Трестня, Чеколин, Финаце, Чернешти, Куас и Рушо в северной части Трансильвании. Впереди лежал город Бая-Маре, крупный горнопромышленный центр, узел шоссе и железных дорог.

¹ См.: А. И. П у ш к а ш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 456—457.

Связи с соседями ни справа, ни слева не было. Ввиду этого я принял решение овладеть городом силами батальонов укрепрайона.

Разведка донесла, что гитлеровцы сильно укрепили не только город, но и подходы к нему, заминировав проходы в горах и дороги. В Бая-Маре и в полосе вдоль шоссе и железных дорог на Деж и Сигет оборонялись части немецкой 28-й горногерманской дивизии и 27-й, 57-й и 82-й пехотные полки 9-й венгерской дивизии.

С этими венгерскими частями мы уже встречались в боях на подступах к северной части Трансильвании. В частности, 57-й полк я упоминал выше. Не могу не рассказать и то, что мне стало известно тогда о 27-м полке.

Группа его солдат, перешедшая незадолго до этого на нашу сторону, рассказала, что личному составу полка недавно было объявлено новый приказ фашистского командования. Он гласил, что семьи перебежчиков будут расстреляны, а их имущество конфисковано. Одновременно в каждом венгерском подразделении появились немецкие офицеры — «советники», которые всем распоряжались, а также полевые жандармы — по пять на роту, — получившие приказ расстреливать на месте всех, кто попытается покинуть поле боя. С той же целью в тылу венгерских частей располагались немецкие подразделения.

Однако и эти меры не давали ожидаемого результата. Венгерские солдаты продолжали переходить на нашу сторону и сдаваться в плен во время боя. Они говорили нам:

— Немецкие офицеры приказали драться до последнего человека и объявили, что отступать нельзя. Тогда мы решили: раз отступать не велят, то мы пойдем вперед, к русским.

Таким образом, противостоявшие нам в Бая-Маре венгерские части все более теряли боеспособность из-за нежелания солдат и значительной части офицеров продолжать войну против Советской Армии. Однако мы учитывали, что и эти части окажут сопротивление в силу своей подконтрольности фашистам. Главное же, что делало нашу задачу нелегкой, было наличие в городе довольно сильного немецкого гарнизона. Уж гитлеровцы так просто не уступят нам этот важный промышленный и транспортный центр. . .

И тут нам на помощь пришли румынские партизаны.

Это был отряд трансильванских крестьян под командованием Иона Оницы. Он организовался еще в 1940 г., когда хортисты оккупировали северную часть Трансильвании. Сначала в отряде было 15 человек, но постепенно число партизан увеличилось, особенно после того как к Карпатам подошла Советская Армия. Узнав, что вместе с ней приближаются румынские войска, многие жители этого района присоединились к партизанам. Отряд Иона Оницы вырос до 300 человек и непрерывно нападал на от-

ступавшие немецкие и венгерские части, прешаяствуя их отходу и захватывая пленных, оружие и боеприпасы.

Еще 12 октября, когда мы атаковали укрепленную полосу противника в горах, с тыла на него напали партизаны под командованием Иона Оницы и его помощников Антона Пинко и Дмитрия Чише. Разбившись на три группы, они нанесли врагу ощутимые удары и уничтожили в тот день более ста его солдат и офицеров. Тогда же партизаны захватили свыше 120 пленных и передали их нам при встрече, состоявшейся там же, в горах.

Это была краткая, но очень торжественная встреча. Румынские партизаны обнимали советских солдат как братьев, рассказывали о том, с каким нетерпением ждали они освобождения своей родной земли¹.

И вот теперь они помогали нам освободить Бая-Маре. Партизаны разделились на группы и сопровождали части и подразделения укрепрайона, показывая им наиболее удобные подходы к городу. Благодаря этому мы смогли провести эту операцию в короткий срок.

Еще 17 октября передовая походная застава 493-го батальона во главе со старшим сержантом коммунистом Г. М. Дашковым с ходу, внезапным налетом, захватила переправу в нижнем течении реки Лэпуш. Горстка бойцов закрепилась здесь, ведя жестокий бой сседавшими гитлеровцами. Последние яростно атаковали, стремясь отбить важную переправу.

Ожесточенный бой то и дело переходил в рукопашные схватки. Но наши бойцы не дрогнули и отстояли захваченную позицию до подхода батальона. За этот славный подвиг все они были награждены орденами и медалями, а Гаврила Михайлович Дашков удостоен звания Героя Советского Союза².

Исход боя за переправу позволил двум нашим батальонам захватить юго-западные подходы к городу. К рассвету следующего дня другие два батальона — 361-й и 496-й — обошли его с северо-востока и овладели расположенным там городком Бая-Скрие. Не останавливаясь, передовая рота 496-го батальона продвигалась по местам, указываемым партизанами. Она скрытно подошла к северной окраине Бая-Маре и овладела мостом через реку Сасати. Гитлеровцы, уже готовившие его к взрыву, были уничтожены и частью взяты в плен. Одновременно 361-й батальон, действовавший несколько восточнее, захватил населенный пункт Фернезиу.

Тем временем 20-й батальон лобовым ударом смял прикрытие и ворвался в город, завязав уличные бои. Немецкий гарнизон, видя угрозу окружения, начал отходить. Но вокруг него уже сжималось кольцо, которое образовали наши части. Последний

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 3, л. 106.

² Там же, ф. 159 Ур, оп. 512947, д. 6, л. 17.

путь к отступлению отрезала врагу группа преследования во главе с командиром взвода 493-го батальона лейтенантом Ислентьевым.

Вырваться удалось лишь разрозненным группам гитлеровцев. Остальные были уничтожены или сложили оружие.

Продолжая преследовать противника, батальоны вышли к магистральям, ведущим к крупному городу Сату-Маре — окружному центру в северной части Трансильвании.

Здесь нужно напомнить, что к этому времени войска 2-го Украинского фронта, нанеся ряд сильных ударов по противнику и прорвав его оборону, овладели левобережьем Тисы к югу от Дебрецена и освободили этот город, третий в Венгрии по численности населения. Правое крыло фронта достигло линии Сигет—Лэргита.

В центре этой линии, выгнутой в сторону противника, и находился г. Сату-Маре. Таким образом, атакуя его, мы действовали несколько впереди остальных войск правого крыла фронта, наступавших слева и справа от нас.

Пытаясь остановить батальоны укрепрайона, враг основательно укрепился между высотами к северо-западу от Тэуде и рекой Сомешул на подступах к Сату-Маре. Чтобы пробиться прямо по этому дефиле, нужно было затратить много времени на подготовку. Кроме того, такой лобовой удар принес бы и немало жертв.

Поэтому было решено лишь инсценировать подготовку к лобовой атаке. Для этого мы оставили три батальона с артиллерией и тяжелым пехотным вооружением на подходах к дефиле.

Четыре же других начали обходить его с северо-востока, по горным дорогам и тропам, которые нам показывали румынские партизаны. В течение двух дней — 20 и 21 октября эти батальоны, сбив заслоны противника в горах, овладели населенными пунктами Бойца, Нистру и вышли к Ильба-Монтана.

Обнаружив обход, гитлеровцы оставили дефиле и, с боями выходя из полуокружения, начали откатываться на запад, к Сату-Маре.

Тут-то и вступили в бой три батальона, остававшиеся на месте. В жаркой схватке с арьергардами противника они взяли в плен 387 солдат и офицеров, захватили 24 пулемета, 6 орудий, 13 минометов и большое количество боеприпасов.

Главное же — мы, наконец, пробились в долину. Восточные Карпаты, тяжелые бои в горах, где за каждой скалой притаился враг, — все это осталось позади.

Перед нами на правом берегу реки Сомешул раскинулся город Сату-Маре. Справа от нас действовал 17-й гвардейский стрелковый корпус 4-го Украинского фронта. Но между ним и частями укрепленного района образовался разрыв в несколько десятков километров. Именно на этом пространстве находились

Командный состав 159-го укрепрайона (1944 г.)

преследуемые им вражеские части. Под натиском гвардейцев они отступали по скатам Карпат сюда, в долину.

Левее Сату-Маре, за рекой Сомешул, пока также не было наших полевых войск. Туда должна была несколько позднее подойти 232-я стрелковая дивизия. Но ждать мы не могли. Нужно было торопиться, чтобы не потерять возможность нанесения внезапного удара по противнику. Тем более, что, по сведениям нашей разведки, враг продолжал сосредоточивать свои силы вокруг города и укреплять подходы к нему.

Частям укрепленного района была поставлена задача овладеть городом, предварительно блокировав обороняющих его гитлеровцев.

Прежде всего прикрыли свой правый фланг. 491-й и 494-й батальоны были выдвинуты в направлении Апы, Йожио, Левады и овладели шоссе-ной дорогой, ведущей к этим населенным пунктам. Теперь нашим действиям не могли помешать отступавшие сюда войска противника.

Одновременно силами четырех батальонов начали окружать город. С севера его обошел 496-й батальон, он вступил в бой за железнодорожную станцию Сату-Маре. Тогда же поселок юго-восточнее станции был захвачен 20-м батальоном, а 500-й вышел к восточной части города, расположенной непосредственно у реки.

К 10 часам 24 октября противник оказался в полуокружении. Но и это было не все. Вскоре 493-й батальон, овладев мельницей на северо-западной окраине города, перерезал шоссе из Сату-Маре на Фехер-Дьярмат.

У врага остался один путь сообщения с внешним миром — река Сомешул. Однако и этим выходом он не смог воспользоваться: как раз в тот момент на противоположный берег вышла 232-я стрелковая дивизия.

К сожалению, дивизия не смогла оказать нам существенной помощи в завязавшихся тяжелых уличных боях. Ей не удалось форсировать реку: в это осеннее время Сомешул широко разлился, и уровень воды в нем поднялся на два метра, а противник мощным артиллерийским и минометным огнем срывал все попытки навести переправу. Лишь двум стрелковым ротам удалось достичь северного берега на рыбацких лодках и принять участие в битве за город.

Уличные бои продолжались весь день 24 октября.

Передовые роты батальонов, блокировавших город, сжимали кольцо, продвигаясь шаг за шагом к центральным улицам. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, цепляясь за каждый дом. Везде шли рукопашные схватки, неизменно заканчивавшиеся тем, что наши воины решительно выбивали фашистов из зданий, превращенных в опорные пункты.

В 4 часа утра 25 октября батальоны укрепленного района овладели городом, взяв в плен сотни немецких солдат и офицеров. Среди доставшихся нам трофеев были десятки артиллерийских орудий, до сотни пулеметов, три склада боеприпасов, восемь военно-продовольственных складов и подготовленные к вывозу свыше шестисот вагонов с грузами.

Одновременно была захвачена группа приверженцев Салаша. Что касается остальных венгерских солдат и офицеров, находившихся в Сату-Маре, то они, как рассказали нам местные жители, еще во время боя разбежались и, добыв штатскую одежду, поодиночке и группами подались в свои родные места.

Взятием г. Сату-Маре завершилось освобождение северной части Трансильвании¹.

Продолжая движение вперед, части 159-го полевого укрепленного района подошли к границе Венгрии и вступили на ее территорию в междуречье Самоша и Тура, чуть выше их впадения в Тису.

С этим знаменательным событием совпало еще одно, радостное для всех наших воинов: за форсирование Лесистых Карпат и успешные боевые действия в северной части Трансильвании, завершившиеся самостоятельным овладением городом Сату-Маре,

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 121—124.

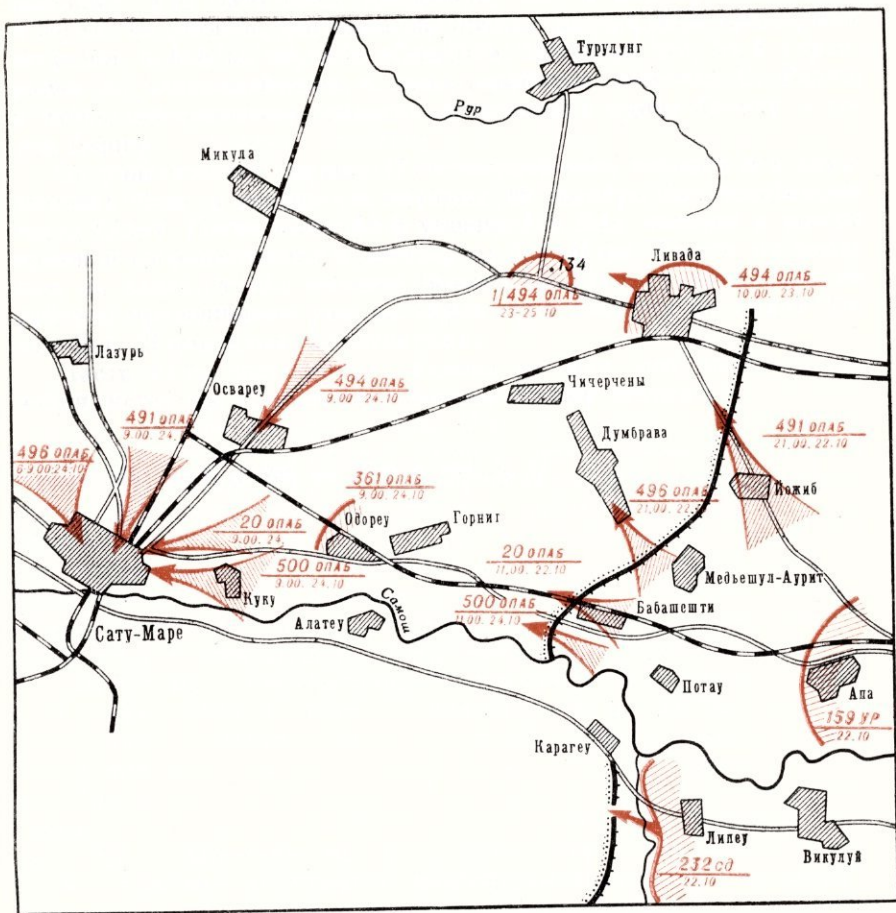

Схема № 3. Боевые действия 159-го полевого укрепленного района по овладению г. Сату-Маре.

159-й Днестровский полевой укрепленный район был награжден орденом Богдана Хмельницкого II степени.

Тогда же действовавшему недалеко от нас 54-му укрепленному району было присвоено почетное наименование «Трансильванский». Его батальоны проделали, как и мы, трудный путь в горах. 10 октября, находясь на правом фланге 40-й армии, они вступили в бой за перевал «Смелый». Захватив его, 54-й укрепленный район во взаимодействии с нами освободил местечко О. Радна, а затем собственными силами — населенный пункт Сечелу и город Боршу.

Он участвовал в составе 17-го гвардейского корпуса и в двухдневных боях, в результате которых 18 октября был освобожден город Сигет. После этого 54-й укрепленный район был выведен в резерв армии и сосредоточился к востоку от Бая-Маре. Теперь он вновь шел на запад, чтобы сменить батальоны 159-го укрепленного района на рубеже, проходившем уже на территории Венгрии по линии Тиса—Бег, Шатмаршки, Фехердьярмат.

Части 54-го укрепленного района догнали нас здесь 27 октября, когда мы готовились к новому броску вперед¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1261, л. 21.

На равнинах Венгрии

Наш первый рубеж в Венгрии был с трех сторон окаймлен реками. Впереди — Тиса, слева и справа — устья впадающих в нее Самоша и Тура.

Стремительная Тиса как бы дважды пробегает по венгерской земле. У устья Самоша она круто поворачивает на север, к району, где сходятся границы Венгрии, СССР и Чехословакии, и оттуда возвращается обратно на юг, вернее на юго-запад.

В обширную долину, образуемую «двумя» Тисами, и вступили наши батальоны. Нам предстояло наступать дальше на запад. А для этого нужно было прежде всего переправиться через реку Самош. Ни мостов, ни переправочных средств не было. Но на помощь пришли местные рыбаки. Каждый, у кого сохранились лодки, спешил предложить их советским воинам.

Вспоминая о той поре, я прихожу к мысли, что в дни, когда началось избавление Венгрии от фашистского ига, крепла и братская дружба между советским и венгерским народами, зародившаяся еще в 1919 г., в период Венгерской Советской Республики. Правда, это происходило в трудных и сложных условиях войны, когда венграм, желавшим помочь Советской Армии в освобождении их родины, грозили беспощадной карой предатели своего народа — хортисты и нплашисты. Сказывалось и влияние многолетней фашистской пропаганды, не скупившейся на клевету по адресу советского народа и его армии. Вот почему в первые дни часть венгров относилась к нам несколько настороженно.

Помню такой случай.

Как-то вечером, сразу же после вступления на территорию Венгрии, появилась возможность несколько часов отдохнуть. Командант штаба проводил меня к одному из домов в ближайшем селе. Во дворе встретил хозяин, человек лет под пятьдесят.

Смотрел он на нас с явным страхом. Угрюмо открыл дверь и удалился, так и не произнеся ни слова...

На рассвете меня разбудил ординарец. Появились и адъютант с переводчиком. Войдя в переднюю, я увидел хозяина дома и... не узнал его. Радостно улыбаясь, он пригласил нас к завтраку. За столом я заинтересовался причинами такой перемены и услышал небезынтересный рассказ.

Хозяин дома оказался местным учителем. Ему были известны приказы фашистского командования от 24 и 25 октября, из которых первый объявлял всеобщую мобилизацию граждан обоого пола от 12 до 70 лет, а второй предписывал жителям левобережья Тисы покинуть свои дома и под страхом сурового наказания уйти вместе с отступающими войсками на правый берег. Одновременно населению внушалось, что тем, кто все же останется, грозит-де отправка «в Сибирь, в специальные колонии, обнесенные колючей проволокой, для перевоспитания в большевиков» и что «советские чекисты поголовно истребляют пленных и мирных жителей».

— Эти запугивания сделали свое дело, — продолжал учитель. — Как видите, даже я, человек образованный и демократически настроенный, поддался им. Недавно я принял на себя обязанности старосты и вместе с большинством жителей села остался здесь. Мы решили, что лучше умереть в родных местах, чем уходить куда-то в неизвестность. И вот вчера, когда вы заняли эти места, я с ужасом ждал... Сам не знаю чего. Во всяком случае, чего-то очень плохого. Не спал всю ночь. И представьте, — улыбулся он, — ни один из ваших солдат не сделал никому в селе плохого. Наоборот, к нам относятся с уважением. И мы все поняли, что пришли наши освободители.

На прощанье учитель поднес нам хлеб-соль и сказал:

— Прошу принять от меня этот символ того, что недалек день, когда мы, венгры, и вы, советские люди, будем по-братски все делить пополам.

Много друзей приобрели мы уже на этом первом нашем рубеже в Венгрии. Местное население видело, что советские воины пришли как освободители, и оказывало нам всевозможное содействие. В частности, большим подспорьем были лодки, предоставленные рыбаками. Жители прибрежных сел помогли нам соорудить и плоты.

Благодаря этому мы еще 28 октября, сразу же после подхода сменявших нас частей 54-го укрепрайона, начали переправу через реку Самош и на ее левом берегу вновь вошли в соприкосновение с противником, откатывавшимся на запад. Громя его арьергарды, батальоны укрепрайона быстро удалялись от Тисы, бегущей на север, и на следующий день приблизились... к ней же, но теперь уже там, где она стремится на юг.

Выйдя в район Захонь-Саполчверешмарт, мы попытались форсировать Тису с ходу, на плечах только что отступивших на про-

твояположный берег вражеских войск. Но этому помешал сильный огонь, который вела по переправе артиллерия противника. Батальоны начали закрепляться на достигнутом рубеже.

Сосредоточив на правом берегу крупные силы, фашисты оказывали отчаянное сопротивление наступающим советским войскам. В тот же день, когда не увенчалась успехом наша первая попытка форсировать Тису, несколько севернее вражеской пехоте при поддержке танков даже удалось вытеснить из Чопа 138-ю стрелковую дивизию соседнего 4-го Украинского фронта, овладевшую было этим городом с ходу.

Противник спешно укреплял правый берег Тисы. Здесь была первая полоса обширной оборонительной системы, создававшейся на территории Венгрии по приказу гитлеровского командования, которое стремилось во что бы то ни стало удержать эту страну в своих руках.

Командование 40-й армии приняло решение не позволить врагу укрепиться на правом берегу. 30 октября я получил следующий приказ: «Прочно удерживая занятый рубеж, форсировать реку Тису и захватить плацдарм на противоположном берегу. . .»¹

За рекой оборонялись части немецкой 82-й и венгерской 16-й пехотных дивизий, насчитывавшие 2160 солдат и офицеров. На вооружении у них было 54 пулемета, 36 артиллерийских орудий и столько же минометов. Мы же имели 3640 воинов, 279 пулеметов, 70 орудий и 49 минометов. Таким образом, соотношение сил и средств соответственно равнялось 1:1,7, 1:5, 1:2, 1:1,4 в нашу пользу. Но зато части противника были усилены 20 танками и самоходными артиллерийскими установками.

Задачу чрезвычайно осложняли характер местности и условия переправы.

Надо сказать, что Тиса, ширина которой в этом районе колеблется от 150 до 200 м, — глубокая и быстрая река с крутыми, обвалованными берегами и каменистым, усеянным валунами дном. Высоты на правом, гористом берегу давали врагу возможность решительно препятствовать нашим действиям по форсированию реки.

Ни бродов, ни переправ не оказалось, мосты противник уничтожил и предусмотрительно угнал даже рыбацьи лодки. А инженерный батальон со специальными переправочными средствами мог подойти лишь через несколько дней. Успех же зависел от внезапности, решительности, быстроты действий.

Многочисленные собрания, в том числе партийные и комсомольские, провести нельзя было по условиям боевой службы. Поэтому в связи с предстоящей операцией партийный актив организовал в подразделениях беседы. Как правило, речь шла о том, что при-

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 140—141.

мером для нас являются герои форсирования Днестра. Бойцы заявляли, что с честью выполняют приказ о захвате плацдарма на правом берегу Тисы. Добровольцев-охотников первыми идти на форсирование оказалось больше, чем нужно было¹.

Немедленно начали изготавливать из так называемого подручного материала плоты. Устраивали поплавки, закупорив и связав тросами пустые железные бочки из-под бензина. Помогли и местные жители, которые нашли две спрятанные лодки и предоставили их в наше распоряжение.

В ночь на 2 ноября начали переправу передовые подразделения 496, 494, 361 (при содействии 20-го) и 493-го пулеметно-артиллерийских батальонов. 500-й оставался в резерве, а 491-й взаимодействовал на правом фланге с соседом — частями 17-го гвардейского корпуса, также предпринимавшими попытки форсировать Тису.

Основную задачу предстояло выполнить 361-му батальону на переправе Коморо—Уйтания. Ему была обеспечена соответствующая помощь артиллерии, саперного взвода, резерва и всех свободных средств и сил укрепленного района. Действия на остальных направлениях (Тисабездед—Фельдвар, Тужер—Земиленагард, Ференцы—Ревлеанвар) были лишь маскировкой, имевшей целью ввести противника в заблуждение, рассредоточить его внимание и силы. В то же время в случае успеха они должны были стать основными при захвате плацдарма и его расширении, а также последующем выходе частей на железную дорогу Чоп—Шаторьяуйхей.

361-м батальоном тогда временно командовал старший лейтенант Анатолий Иванович Синьков, молодой, волевой офицер. Приготовив в районе Коморо три роты и вооружив солдат вместо тяжелого пехотного оружия (минометов, станковых пулеметов, орудий) легким — карабинами, автоматами, ручными гранатами, он выделил для захвата кромки противоположного берега специально отобранную группу коммунистов и комсомольцев, которую возглавил испытанный в боях лейтенант Вашляев. В нее вошли командир взвода младший лейтенант Шилов, сержанты Карпенко и Зиганшин, телефонист Чугунов и еще несколько бойцов.

Над рекой висел густой туман. Постепенно он скрыл от нас лодку с горсткой смельчаков, плывших навстречу неизвестности. Теперь с наблюдательного пункта виден был лишь трос, который они тянули за собой. Один конец его был закреплен на этом берегу. В случае успеха группы Вашляева трос должен был сослужить нам хорошую службу при переправе на плотках.

Наступили тревожные минуты: заметит противник лодку или нет? И вот, наконец, первое донесение Вашляева по связи: бла-

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 22.

гополучно высадился на заданном участке, у песчаной отмели, прикрытой крупным обрывом, который делал ее мертвым пространством для огня противника.

Синьков тотчас же направил туда всю роту Вашляева на плотах, заблаговременно сложенных из бревен, балок, дверей и ворот, которые были добыты бойцами с помощью местных жителей. Тяжело нагруженные плоты плохо держались на воде. Их сполсило быстрое течение. Но выручал трос. Борясь с высокой волной, бойцы на плотах постепенно исчезали в тумане. Начала грузиться еще одна рота.

Вдруг тишину ночи разорвал автоматный и пулеметный огонь. Это начала действовать на правом берегу рота Вашляева. Незамеченная противником, она атаковала его позиции, захватила часть первой траншеи. Беспорядочно забухали орудия немцев. В это время на плотах уже переправлялась третья рота.

Река покрылась фонтанами от разрыва снарядов. Открыла огонь и наша артиллерия. Его корректировали наблюдатели — артиллеристы, переправившиеся с ротой Вашляева.

Начали поступать донесения о сражении на правом берегу, в районе Уйтания. Наши бойцы продвигались вперед. Ими уже были захвачены два орудия и несколько лодок, которые нам весьмагодились. На них тут же начали переброску вооружения, вплоть до легких артиллерийских орудий, а также переброску второго троса. Наличие лодок ускорило и начавшуюся сборку наплавного моста из плотов (на поплавах).

Бой разгорался. В наших руках уже были вся первая и часть второй траншеи противника. При поддержке артиллерийского, минометного и пулеметного огня с левого берега две роты, переправившиеся первыми, к 5 часам утра овладели небольшим плацдармом до 500 метров по фронту и 300 — в глубину, захватив 32 пленных.

К рассвету на правом берегу сражался уже весь 361-й батальон. Левее его форсировала реку рота 493-го батальона, которым командовал опытный и осмотрительный майор Виктор Михайлович Григорьев. Все контратаки, предпринимавшиеся противником в течение ночи, а также на следующий день силами от батальона до двух полков при поддержке артиллерии и минометов, были успешно отбиты.

Захваченный нами плацдарм в районе Уйтания был расширен вправо в ночь на 3 ноября, когда форсировал реку 494-й батальон под командованием капитана Владимира Сергеевича Богоявленского. Прибывшие к тому времени армейские саперы основательно укрепили наплавной мост, появилась возможность усилить гарнизон плацдарма и артиллерией. Это было сделано вовремя, так как вступили в бой танки и самоходные орудия противника.

Ничто не могло остановить наших наступающих воинов. Метр за метром отвоевывали мы у врага. Вымокшие в ледяной воде,

А. И. СИНЬКОВ

бойцы с ходу карабкались по крутому берегу, бросались в рукопашные схватки, штыком, гранатой и огнем из автоматов и пистолетов выбивали фашистов из траншей и огневых точек.

Даже когда гитлеровцы бросили в контратаку свою пехоту вместе с десятью танками, им не удалось отеснить наши подразделения. Командир расчета противотанковой пушки старший сержант Мальков подпустил танки на близкую дистанцию и огнем прямой наводки последовательно уничтожил три из них, а остальные повернули обратно¹.

Вплоть до 6 ноября включительно враг продолжал упорные попытки ликвидировать плацдарм в районе Уйтания и сбросить нас в реку. Отражая его ожесточенные атаки, советские воины проявили высокие образцы героизма, самопожертвования. Мужественно и стойко защищала свой участок и нанесла противнику большой урон рота 493-го батальона, находившаяся несколько на отшибе. Многие ее солдаты и офицеры пали смертью храбрых. Был убит и командир роты коммунист Горбунов. Но оставшиеся в строю отбили все атаки врага.

В эти же дни мы завершили в ходе боев перегруппировку и, выдвинув на правый берег также 496-й и 500-й батальоны, были готовы нанести фашистам новый удар.

Наступило утро 7 ноября. Наш великий праздник мы отметили новым сильным ударом по врагу. Еще на рассвете 494-й,

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, л. 155.

496-й и 500-й батальоны при поддержке артиллерии с левого берега атаковали противника в направлении Ревлеаньвар, Орхед, Пербеник, Хиреш, взаимодействуя на правом фланге с 17-м гвардейским стрелковым корпусом, продолжавшим бои за г. Чоп.

Прорвать всю вражескую оборону не удалось. Но, овладев окраинами Ордогошход, Уйтания и насыпью вдоль правого берега Тисы, мы значительно расширили плацдарм и улучшили свои позиции.

Это сделало безрезультатными дальнейшие контратаки фашистов. Впрочем, бои продолжали носить чрезвычайно ожесточенный характер. Отдельные районы плацдарма по нескольку раз переходили из рук в руки, но в конце концов оставались за нами.

Часто судьбу того или иного участка решали рукопашные схватки, в которых советские воины, как правило, одерживали победу.

Вот несколько незабываемых примеров.

Атакуя насыпь, взвод Колыжибаева попал под сильный артиллерийский огонь. Смелым броском вперед командир вывел бойцов из-под обстрела. Схватившись врукопашную с противником, взвод обеспечил всей роте возможность захватить насыпь.

Так же смело действовала рота 496-го батальона. Когда она захватила перекресток дорог за Ревлеаньваром, враг попытался остановить ее артиллерийским огнем. Старший сержант Елифанов со своим отделением незаметно, по-пластунски подобрался к позициям гитлеровцев. За ним совершила смелый бросок и вся рота. Она выбила противника из траншеи и в рукопашной схватке уничтожила 11 и взяла в плен 23 вражеских солдата, захватив также два тяжелых и два легких пулемета.

В другом бою был выведен из строя огневой расчет нашего орудия, выдвинутого на прямую наводку. Фашисты попытались захватить орудие, но их опередил солдат Рябусов. Бросившись к орудью, он в упор шрапнелью расстрелял приближавшихся врагов.

Героически действовал рядовой Шалагин, оставшийся один у 76-мм орудия. Все его товарищи во главе с командиром были ранены. Но Шалагин не растерялся. Один управляясь с орудием, он бил по врагу прямой наводкой до тех пор, пока атака не была отбита.

Не имея достаточных собственных сил для самостоятельного прорыва обороны противника на всю глубину и выхода на железную дорогу Чоп—Шаторальяуйхей, батальоны укрепленного района продолжали удерживать плацдарм. Непрерывно улучшая его позиции и выжидая успеха действовавшего справа 17-го гвардейского корпуса, мы вели ожесточенные бои, длившиеся непрерывно 22 дня и 22 ночи. В этой битве пали смертью героев десятки наших воинов, и в их числе лейтенанты Вашляев и Шепилов.

21 ноября 2-я гвардейская воздушнодесантная дивизия, сменившая 138-ю на левом фланге 17-го корпуса, смогла, наконец, овладеть восточной окраиной Чопа. А 23 ноября весь этот корпус вновь перешел в наступление.

В тот же день, взаимодействуя с правым соседом — 4-м гвардейским воздушнодесантным полком, 491-й пулеметно-артиллерийский батальон форсировал Тису и выбил противника из Шаламонова и Матияшова. Усиленный затем резервом укрепленного района, он 25 ноября овладел Черна, Малым и Великим Тракани и Фельдваром.

Плацдарм был сохрaнен. Все усилия противника сбросить пас в реку оказались безрезультатными.

Здесь, перед сильно укрепленной полосой противника вблизи венгерско-чехословацкой границы, наступление 17-го корпуса приостановилось. Наше командование приняло решение штурмовать вражескую оборону силами укрепленного района.

В ночь на 26 ноября удалось незаметно разминировать проходы в заграждениях. После трехминутного мощного артиллерийско-минометного налета батальоны пошли в атаку в общем направлении на г. Шаторальяуйхей. 361-й и 491-й батальоны прорвали приграничную линию обороны и в упорном бою овладели Земиленгардом, Ламоцем, а затем Пербеником и Хиреш, пленив несколько подразделений противника. 500-й батальон взял Мониху, Чене и Лацу, 20-й — Ревлеаньвар, Семен и Киш-Развадь, 491-й во взаимодействии с 4-м гвардейским полком — Бачку, Бель, Добру и Краль-Хлумец, 493-й — станции Земленриче и Риче.

Таким образом, железная дорога Чоп—Шаторальяуйхей оказалась перерезанной, и батальоны укрепленного района создали угрозу выхода в тыл противника. Это, а также возобновившееся решительное наступление 17-го корпуса, заставило вражеские войска быстро отступить за р. Бодрог¹.

Следует отметить, что к этому времени нами было взято много трофеев, в том числе 5 орудий, 9 минометов, 16 тяжелых и 17 легких пулеметов, 687 винтовок и автоматов, два склада боеприпасов и несколько складов с другим военным имуществом. Число пленных достигло 732, причем среди них было много немецких солдат и офицеров².

Что касается венгров, то они, не желая воевать против Советской Армии, сдавались уже не только в одиночку, но и группами. От них мы узнали о дальнейшем росте антифашистских и антивоенных настроений в частях венгерской армии. Как рассказали, например, старшина Имре Плахи и сержант Янош Паня, 26 ноября, после начала нашего нового наступления, солдаты их

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, л. 168.

² Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 333, лл. 34—37.

роты договорились, что, как только стемнеет, они незаметно разбегутся по лесам, а потом сдадутся в плен русским. Так и сделали¹.

Противник откатывался за р. Бодрог. Частям укрепленного района была поставлена задача выйти на эту реку к исходу 29 ноября. Но, стремительно преследуя отступавших фашистов, мы уже к вечеру 27 ноября заняли левый берег от устья р. Латорицы до Бодрогсег. Справа к Бодрогу вышел 4-й гвардейский полк, а слева (на следующий день) — румынская 8-я кавалерийская дивизия.

Бодрог — сравнительно небольшая река. Ее ширина от 60 до 100 м и глубина — от 2 до 5 м. Но и здесь высокий правый берег, а левый — заболочен и изрезан осушительными каналами и водостоками. Все это делало Бодрог серьезной преградой, особенно в осеннюю пору. К западу от нее, в пяти-шести километрах, стоит г. Шаторальяуйхей — окружной центр, крупный узел железнодорожных, шоссеиных и грунтовых дорог. Обладание им позволяло фашистам свободно маневрировать резервами и поддерживать непрерывную связь со своими кошицкой и мишколцской группировками.

Поэтому немецкое командование прилагало большие усилия к тому, чтобы удержать Шаторальяуйхей, и превратило его в важный узел сопротивления.

Первая позиция, состоявшая из развитой системы траншей, окопов, ходов сообщения и дерево-земляных блокаузов, проходила непосредственно по правому берегу Бодрога. Все мосты и переправы были уничтожены, а участки, пригодные для форсирования, сильно заминированы. Река и подходы к ней находились под огнем противника.

Вторая позиция с такими же инженерными сооружениями была расположена в двух-трех километрах за первой, вдоль шоссе Цейков—Борша. Здесь высоты и селения были превращены в опорные пункты. Наконец, третья позиция окаймляла непосредственно город с севера, востока и юга. Флангами она упиралась в доминирующие над ним с запада высоты 246 и 510, поросшие лесом и имевшие самостоятельную мощную оборонительную позицию с долговременными фортификационными сооружениями.

Для обороны реки, подступов к ней и города гитлеровское командование пополнило сильно поредевшие части 10-й и 16-й пехотных венгерских дивизий подразделениями из 4-й немецкой горнострелковой дивизии, находившейся в резерве.

Из этого видно, насколько сложными были дальнейшие наступательные действия частей укрепрайона в данном районе. Их успеху в большой степени способствовала 4-я рота 494-го ба-

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, лл. 193—230.

тальона, о действиях которой в эти дни следует рассказать более подробно.

Несмотря на интенсивный огонь противника, рота под командованием коммуниста лейтенанта Хмырова еще 26 ноября, преследуя отступавшего противника, с ходу перешла на правый берег. Первыми выскочили из лодки комсомольцы сержант Николайчук и рядовой Зелинский. Зацепившись за клочок суши, они открыли пулеметный огонь и уничтожили большую группу солдат противника. Тем временем под прикрытием огня из пулемета быстро высадилась на берег вся рота. Заняв небольшой участок площадью 150 × 150 м, она вскоре расширила его почти втрое и закрепилась на нем.

К утру вражеские атаки усилились.

Особенно яростными были они на правом фланге. В неравном бою был смертельно ранен командир оборонявшегося здесь взвода лейтенант Андрей Пастушко. Один за другим выходили из строя и бойцы. К вечеру натиск фашистов отражали лишь два пулеметчика — комсомольцы Павленко и Плаксин. Однако отважные воины не дрогнули.

Плаксин, например, не растерялся и тогда, когда вдруг откатил его пулемет. Быстро осмотрев его, он увидел, что пулемет забило песком. Одной минуты хватило солдату, чтобы спуститься к реке и промыть оружие. И вот уже Плаксин снова рядом с Павленко разит врага. Пулеметным огнем и гранатами они в конце концов отбили все атаки гитлеровцев.

38 часов непрерывно вела бой на плацдарме рота лейтенанта Хмырова против превосходящих вражеских сил, которым так и не удалось ни сбросить ее в реку, ни уничтожить¹.

К этому времени под сильным артиллерийским и минометным огнем противника начали переправу остальные роты 494-го батальона. Используя уже захваченный небольшой плацдарм, они к утру 29 ноября увеличили его до километра по берегу реки и до 1,5 км в глубину.

Бой продолжался и в последующие дни, причем батальон при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня с левого берега несколько раз отбрасывал наседавших фашистов с большими для них потерями. Не помогла врагу и его артиллерия, хотя она и выпустила по гарнизону плацдарма более трех тысяч снарядов. Наши воины успели устроить укрытие, да и артиллерия укрепленного района оказала им действенную поддержку с левого берега.

Развивая успех 494-го батальона, к исходу 30 ноября форсировал реку в районе Земплин и 491-й пулеметно-артиллерийский батальон совместно с частями 2-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. Это позволило саперам в ночь на 1 декабря навести на-

¹ Там же, лл. 195—220.

плавной мост, по которому тогда же на правый берег вышли 500-й и 493-й батальоны. Противник, не прекращавший яростных атак и терявший при этом каждый раз сотни убитых, откатывался назад.

Говоря об ожесточенном характере боя за эту реку, необходимо вновь подчеркнуть, что активно действовали против нас главным образом немецко-фашистские части, а также нилашисты. Большинство же венгерских солдат, как заявляли пленные, не сделало ни одного выстрела.

Кстати, число сдавшихся в плен венгров здесь значительно возросло. Из разговоров с ними выяснилось, что, будучи мобилизованными в армию, они лишь делали вид, что подчиняются своим немецким командирам, да и то потому, что в противном случае им грозила расправа. Даже многие офицеры долго уклонялись от присяги новому «вождю нации» Салаши. Тогда были изданы приказы, согласно которым «денежное довольствие получает тот, кто дал подпись, что присягал Салаши, а «кто не присягал Салаши, с тем будет поступлено как с предателем...»

Только таким путем нилашисты заставили офицерский состав присягнуть марионеточному правительству. Чтобы «укрепить дух» личного состава, в подразделениях было объявлено о том, будто «у немцев есть новое оружие и сильные резервы, которые будут использованы в соответствующий момент и дадут новый поворот войне в пользу немцев».

Но и это не оказало воздействия. В распоряжении немецко-фашистского командования осталось лишь одно средство поддержания дисциплины в венгерских войсках: наказание за малейшую провинность.

Что же касается попыток перехода на сторону Советской Армии, то они карались смертью. Так, в дни боев за р. Бодрог в г. Шаторальяуйхей были повешены лейтенант Дьюла Ковач и трое солдат из его взвода, сговорившиеся сдать в плен, но преданные одним из нилашистов.

И все же число не желавших воевать на стороне фашистов неуклонно росло. Дело дошло до того, что даже унтер-офицеров опасались посылать в разведку, так как они пользовались этим для сдачи в плен. Так поступили, например, фельдфебели Миклош Дорин и Чонтони из 10-го пехотного полка.

Пленные рассказали и о том, что немецкое командование лишило венгерские части самого необходимого, в том числе теплого обмундирования. Солдаты мерзли, росло число больных. В результате больших потерь ни одно подразделение не имело полного состава. Одни части пополнялись остатками других, но и после этого оставались малочисленными. Например, 3-й батальон того же 10-го полка насчитывал всего 140 человек. Лишь в последние дни прибыло пополнение, состоявшее из молодежи допризывного возраста.

Все это говорило нам, что надежды гитлеровского командования на активную поддержку венгерского народа и его армии в битве за Венгрию потерпели крах. Фашисты могли теперь рассчитывать лишь на свои собственные силы, которых, впрочем, у них было еще немало. Это подтвердили, в частности, и бои на правом берегу Бодрога.

К ночи на 2 декабря туда переправились уже все батальоны 159-го укрепленного района. В ходе сражения за Бодрог нами была захвачена первая позиция обороны противника. Сохраняя уже сложившийся боевой порядок концентрического наступления, мы без паузы атаковали и вторую позицию и в результате решительных действий шести батальонов (361-й был в резерве) прорвали ее.

Наибольший успех выпал на долю 491-го батальона. Стремительным броском он овладел высотой 216 и, двигаясь дальше на запад, взял Малую Бару, Великую Бару и высоту 281, перерезал железную дорогу Шаторальяуйхей—Кошице и ворвался в 16 часов на северную окраину г. Шаторальяуйхей.

Отважно действовал артиллерийский взвод под командой старшего сержанта Лобанцева, следовавший со своими 45-мм орудиями в боевых порядках пехоты. Он одним из первых ворвался на окраину города. Враг встретил его сильным огнем. У одного из орудий оказались перебиты лошади. Фашисты решили воспользоваться этим и попытались окружить огневой расчет, отрезать его от частей пехоты. Но артиллеристы, развернув на руках орудие, ударили почти в упор по врагу и вместе с подоспевшими пулеметчиками и автоматчиками отразили его яростный натиск.

В течение следующих нескольких часов завязали уличные бои на восточной, юго-восточной и юго-западной окраинах 496, 20 и 500-й батальоны, а 493-й и 494-й овладели станцией Шаторальяуйхей.

На восточную окраину города первым вышел взвод младшего лейтенанта Казакова из 20-го батальона. Заняв несколько домов и подтянув пулеметы, он отбил три контратаки, а затем вместе с подошедшей ротой вновь пошел вперед.

Свыше суток продолжалась упорная борьба на улицах. Каждый дом брали в ожесточенном бою. Фашисты непрерывно контратаковали, стремясь выбить советские войска из города, но успеха не имели.

Во многих случаях решающую роль сыграла взаимовыручка наших подразделений. Например, четвертая рота 500-го батальона, занявшая высоту Ключевую (510), была атакована сильным отрядом гитлеровцев. Сбив один взвод, они попытались вернуть себе высоту. Но этому помешала находившаяся недалеко третья рота. Ее командир старший лейтенант Маматенко и парторг роты Кукушкин во главе своих бойцов нанесли противнику неожиданный удар и в рукопашном бою уничтожили более 40 фашистов.

Остальные же под натиском обеих рот обратились в бегство. Высота осталась в наших руках¹.

Важная роль в овладении г. Шаторальяуйхей принадлежала действовавшей справа от нас 2-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. Обойдя город с севера, она содействовала захвату господствующих над ним высот, с которых противник вел губительный огонь.

Потеряв и эти позиции, враг отступил на запад.

3 декабря в 20 час. 30 мин. столица нашей Родины Москва салютовала советским войскам, овладевшим г. Шаторальяуйхей, в том числе и частям нашего укрепленного района. А вскоре за участие во взятии этого города были отмечены высокими наградами 493-й и 500-й пулеметно-артиллерийские батальоны. Первый из них был удостоен ордена Богдана Хмельницкого III степени, второй — ордена Александра Невского.

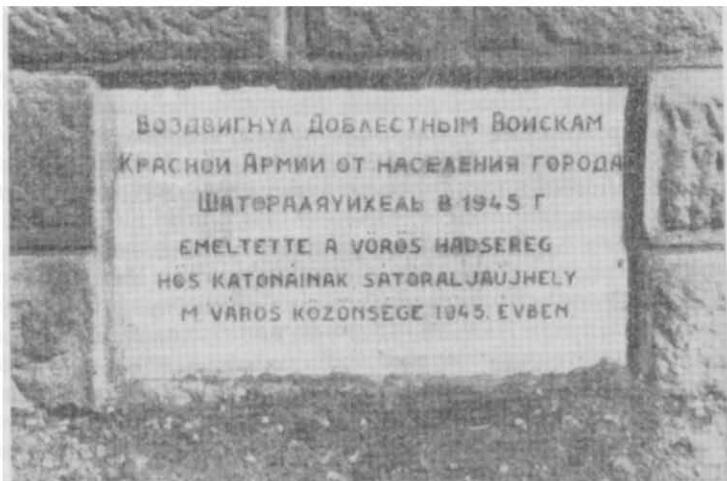
К концу уличных боев ко мне на командный пункт явилась группа граждан города во главе с новым бургомистром (прежний бежал с немцами). Они заявили, что хотят помочь Советской Армии в ликвидации гнезд диверсантов, оставленных фашистами в подвалах и на чердаках домов. По словам пришедших, там засели переодетые в гражданское платье нилашисты, получившие задание обстреливать советских солдат и офицеров и провоцировать репрессии против мирных жителей.

Делегация горожан сообщила также, что гитлеровцы хотели поручить это малопочетное дело подполковнику Ласло Шемену, который незадолго до этого был смещен с поста командира 10-го полка за то, что предлагал сдать без боя Шаторальяуйхей и тем предотвратить разрушения и жертвы среди мирного населения. Когда же он отказался от этого поручения, его арестовали и под конвоем увезли в тыл.

Новый бургомистр и его спутники подчеркнули, что подавляющее большинство жителей города, как и всей страны, видит в Советской Армии освободительницу от немецких оккупантов и их нилашистских приспешников. Антифашистские настроения в Шаторальяуйхей были настолько сильны, что командование немецких войск, наводнивших город в начале 1944 г., первым делом расширило расположенную здесь «королевскую» военную тюрьму.

В нее были брошены многие местные жители, а также тысячи доставленных сюда со всей Венгрии членов левых партий, профсоюзных активистов и тех, в ком подозревали участников Сопротивления. Этот застенок, в котором томились и венгры, и югославы, и словаки, и украинцы, и румыны, представлял собой в миниатюре хортистскую Венгрию, являвшуюся тюрьмой народов.

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1205, лл. 12—17; ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, лл. 195—230; ф. 395, оп. 9136, д. 333, лл. 47—55.

Обелиск в честь Советской Армии-освободительницы, воздвигнутый жителями г. Шаторальяуйхей в 1945 г.

В конце марта здесь разыгралась кровавая трагедия. Группе заключенных удалось обезоружить охранников и уйти в ближайšie леса. Фашисты бросили на их поимку войска. По склонам горы Шатор, где пытались скрыться беглецы, был открыт ураганный огонь из пушек, пулеметов, минометов. 11 человек во главе с Мирко Семичем были захвачены и повешены во дворе тюрьмы. Они умерли с пением «Интернационала».

Свой рассказ бургомистр закончил так:

— Венгрия отдала слишком много жизней своих сыновей коричневой чуме. Но наше терпение уже давно лопнуло. И мы просим дать возможность помочь всем, что в наших силах, вашей благородной борьбе с фашизмом.

Мои гости предложили прежде всего включить в наши подразделения по несколько горожан, которые укажут места, где скрываются нилашистские диверсанты, и помогут опознать и задержать их. Я согласился на это, так как не сомневался, что имею дело с честными патриотами.

И не ошибся. Жители Шаторальяуйхей оказали нам большую помощь в очищении города от провокаторов и диверсантов, оставленных противником при отступлении. Благодаря этому за двое суток было выявлено и захвачено 220 фашистских лазутчиков.

С 4 до 9 декабря наши батальоны занимали рубеж от западной окраины города Шаторальяуйхей до Михолян. За это время мы получили пополнение личного состава, необходимое снаряжение и боеприпасы, хорошо подготовились к дальнейшим наступа-

тельными боям. Был произведен и ремонт оружия, а солдаты и офицеры получили кратковременный отдых.

Но отдыхали далеко не все. Перед фронтом укрепленного района насчитывалось до семи пехотных батальонов и трех дивизионов артиллерии противника общей численностью до трех тысяч человек. Они имели на вооружении до 150 пулеметов, 60 орудий, 60 минометов, несколько танков и самоходных артиллерийских установок.

Занимая заранее подготовленный рубеж, хорошо оборудованный для обороны, враг не только ежедневно методически обстреливал Шаторальяуйхей, но и делал неоднократные попытки ворваться в город. Например, в течение 7 декабря он предпринял девять атак силою не менее батальона пехоты с небольшими группами танков и самоходных установок. Внезапным броском ему удалось даже захватить высоту 345, являющуюся «ключом» с запада к городу, однако он был немедленно выбит контратакой 500-го и 361-го батальонов.

В последовавшем за этими событиями боевом походе через горы Хедьалья 159-й полевой укрепленный район продолжал действовать на стыке 2-го и 4-го Украинских фронтов, прикрывая фланг 40-й армии и ее стык с 18-й армией. Используя успех правого соседа — 17-го гвардейского корпуса в его предстоящем наступлении, наши батальоны должны были продвигаться к р. Хернад.

Приказ командования 2-го Украинского фронта гласил: «В целях не дать возможности противнику создать оборону на реке Хернад, во взаимодействии с левым крылом 4-го Украинского фронта разгромить его группировку, действующую западнее Шаторальяуйхей, 40-й армии с утра 9 декабря перейти в решительное наступление. Главный удар нанести силами пяти дивизий (две из них — румынской армии) и 159-го укрепленного района в общем направлении на Сендрью (Сендре. — *И. В.*)»¹.

И вот наступил день начала нового удара по врагу.

Как и в предыдущих операциях, противник расположился по берегам рек. Раньше это были Тиса, Бодрог, а теперь Роньва, Ольшава, Хернад... Как и тогда, его оборона была обращена на юго-восток, откуда он ожидал наших атак. Но на этот раз фашисты глубоко ошиблись.

Удар был нанесен не только в лоб, по основным укреплениям врага, но и с юга, куда войска 40-й армии вышли к 12 декабря. Это вынудило противника вести бои, как говорится, с перевернутым фронтом, а вскоре и начать отход как там, так и на нашем направлении.

Войска укрепленного района, усиленные 12-м полком 8-й кавалерийской дивизии румын, 40-м армейским огнеметным баталь-

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1205, л. 33.

опом и 100-м инженерным батальоном, сломали оборону противника в направлении Хопсулаз, Михоляни и повернули на северо-запад — на Палхаза, Телкибанья. Справа наступала 138-я стрелковая дивизия 18-й армии 4-го Украинского фронта, слева — 8-я кавалерийская дивизия румын.

Противник отходил с боями. 16 декабря батальоны укрепленного района вышли на линию населенных пунктов Виль, Родвань, Палхоза, Шампатаки, Кишгута. В ожесточенном бою была захвачена еще одна сильно укрепленная противником высота.

При взятии этой высоты сдались в плен 123 венгерских солдата и офицера. Это произошло при довольно любопытных обстоятельствах. Получив приказ об отходе за р. Хернад, немецкие войска двинулись туда первыми. Венгерским же частям фашистское командование приказало прикрывать отступление, сдерживая натиск наших войск. Кончилось это тем, что число пленных венгров намного увеличилось.

К исходу 17 декабря батальоны укрепленного района освободили населенные пункты Кекенд, Абауйвар, Телкибанью, а южнее, двигаясь через горный кряж, захватили высоты 520, 515, 535.

Впереди была река Хернад. Форсировать ее первым должен был шедший в авангарде наступления 491-й батальон.

Выполнению этой задачи способствовали решительность и смелость командира передового отряда коммуниста лейтенанта Никитина. Его 3-я рота стремительным броском вышла к реке и здесь захватила врасплох вражеский разъезд. У командовавшего им офицера был обнаружен секретный пакет с указанием плана и времени взрыва моста через реку Хернад у Гидашнемети.

Послав срочное донесение командиру батальона, Никитин со своей ротой кинулся к мосту и внезапной атакой овладел им. Отбивая одну за другой яростные попытки фашистов возвратить мост, рота разминировала его. Руководствуясь захваченным планом, она извлекла около 900 кг взрывчатки¹.

Одновременно наши части с помощью подразделений соседней 8-й кавалерийской дивизии румын предотвратили и уничтожение моста через реку Генци у станции Генц.

Это были последние наступательные действия 159-го укрепленного района на территории Венгрии.

С 19 по 31 декабря мы прикрывали стык 40-й армии и войск 4-го Украинского фронта, готовившихся к совместному наступлению на кошницкий укрепленный плацдарм противника на территории Чехословакии. Наша задача состояла в том, чтобы воспрепятствовать возможной попытке вражеских войск нанести на этом участке удар из района Кошице на юг, где проходили коммуникации обоих фронтов, а в дальнейшем принять участие в освобождении Чехословакии.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, л. 265.

Новый, 1945 год я встречал все еще на территории Венгрии. В обстановке временного боевого затишья на наш командный пункт, находившийся в Гидашметети, в эту новогоднюю ночь пришли гости — местные рабочие, в основном железнодорожники. Они с радостью делились последними новостями, полученными из глубины страны: об успехах наступавших там советских войск, росте народного движения против фашистских оккупантов. Глубокое удовлетворение у венгерских трудящихся вызвала весть о создании в г. Дебрецен нового демократического правительства Венгрии, объявившего войну гитлеровской Германии.

Рабочие говорили нам, что они не пожалеют сил для участия в освобождении своей родины от немецко-фашистских и илашистских банд, в возрождении Венгрии на новой, демократической основе. Десятилетия, прошедшие с той памятной встречи, как нельзя лучше подтвердили правильность выбора, сделанного тогда венгерским народом, который ныне успешно строит социализм в своей свободной стране.

... Позади был еще один год войны, трудный и полный новых утрат, но победный. Год, когда Советская Армия свершила великий подвиг, полностью очистив родную землю от врага, восстановив нарушенную им в 1941 г. государственную границу на всем ее протяжении от Черного до Баренцева моря и начав осуществление своей освободительной миссии в отношении других народов Европы.

1945-й тоже рождался в пламени битв, в грохоте орудий и свисте пуль. Но именно ему суждено было стать последним годом войны, и предчувствием этого дышало все в мире. Уже были очищены от фашистских войск Румыния и Болгария, часть Югославии и Польши, значительная территория Венгрии.

Да, чужие звезды были над нами в эту последнюю военную новогоднюю ночь. Но они светили нам ярко и дружелюбно. Потому что Советская Армия пришла сюда не как завоевательница, а как избавительница. Потому что советские воины, не жалевшие крови и самой жизни во имя своей Родины, с такой же самоотверженностью и беззаветной отвагой сражались теперь за свободу и независимость поработанных гитлеровцами народов, за полный разгром фашизма...

Взятие города Кошице

Новогоднее утро, как и полагается, принесло новость: 159-й укрепленный район выходил из состава 40-й армии. Отчасти это объяснялось изменением разграничительной линии между наступавшими войсками, в результате которого, например, занятый нами участок включался в полосу 4-го Украинского фронта. Вместе с тем командованию последнего батальоны нашего укрепленного района нужны были в связи с подготовкой операции по освобождению Кошице.

Старинный город Кошице — один из красивейших в Словакии. Он раскинулся высоко в горах, поросших лесом. К северу от него — гранитные скалы Высоких Татр, на юго-западе — Рудные горы.

Но не красота и седая старина привлекли сюда немецко-фашистских захватчиков. Кошице — крупный административный и культурный центр Словакии, важный узел железных дорог, связывающих Советский Союз, Венгрию, Польшу, Чехословакию. И еще это — ворота в глубь Словакии, в горы, куда гитлеровцы перебазировали из Германии часть своей военной промышленности, чтобы укрыть ее от бомбардировок.

Стягивая в район Кошице крупные силы, немецкое командование стремилось во что бы то ни стало удержать этот горный плацдарм.

Надо сказать, что противник опирался на мощный оборонительный рубеж, подготовленный к длительной обороне. Он также владел командными высотами. Наконец, очень невыгодной для наступления была местность, окружавшая Кошице, — горная, покрытая сплошными лесами. Все это и послужило объяснением неудачи, которой окончились две попытки наступления, предпринятые в середине и в конце декабря 1944 г. частями, входившими в состав 4-го Украинского фронта.

Они хотели овладеть городом Кошице, обойдя его с севера. Но 3-й горнострелковый корпус смог лишь прорвать первую оборонительную полосу противника и разгромить его опорные пункты в Бачкове и Даргове, после чего наступление замедлилось и вскоре приостановилось. Ни к чему не привели и усилия командования корпуса, направленные к тому, чтобы развить первоначальный успех, взаимодействуя с другими соединениями армии.

Столь же неудачным было наступление 18-й армии, которая пробовала 24 декабря пробиться от селения Сенья прямо на Кошице.

К началу января командование 4-го Украинского фронта приняло решение создать в составе 18-й армии сильную ударную группу, которая должна была наступать со стороны города Мишколц. Ей предстояло обойти Кошице с запада и выйти в тыл вражеской группировки, оборонявшей этот плацдарм. Поскольку же формирование ударной группы потребовало дополнительных войск, 159-му укрепленному району было приказано силами семи пулеметно-артиллерийских батальонов занять новый рубеж, сменив части четырех дивизий — 2-й гвардейской, 24-й, 237-й и 138-й стрелковых.

Перегрушировку нужно было провести скрытно, незаметно для врага. Поэтому мы могли менять стрелковые части только ночью. И все же высвободили их очень быстро — к утру 3 января.

Перед выходом на новый рубеж войскам укрепрайона была объявлена благодарность Военного совета 40-й армии. В его приказе от 2 января говорилось:

«... В непрерывных наступательных боях рядовой, сержантский и офицерский состав 159-го Днестровского ордена Богдана Хмельницкого укрепленного района показал высокие образцы героизма и воинского мастерства, громя и уничтожая врагов нашей Родины на самых ответственных участках пути наступления армии. Начав бой с рубежа реки Горный Тикич, в трудных условиях он форсировал водные преграды — реки Буг, Днестр, Прут, Сирет, Сучаву, Молдову, Бистрицу, Сомешул, Мурешул, Тису, Бодрог, Хернад, особенно отличился в боях за Карпаты и Трансильванию...»¹

Так расстались мы с 40-й армией, с которой прошли славный боевой путь от Днепра по правобережной Украине, по румынским и венгерским землям. Теперь нам предстояло освободить Чехословакию в составе 18-й армии 4-го Украинского фронта.

Новый рубеж 159-го укрепрайона проходил в горах к юго-востоку от Кошице. Он тянулся более чем на 35 километров от селения Керестур до Сенья². Хотя смена войск была произведена

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 13.

² Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 10—13.

Перед боем в горах Чехословакии (январь 1945 г.)

скрытно, все же противник, по-видимому, что-то «учуял». Об этом свидетельствовало усиление его разведывательных действий.

Не прекращались попытки взять у нас «языка». Однако в этом намерении противник успеха не достиг.

Так, рано утром 4 января два немецких взвода атаковали огневые точки на участке первой роты 496-го батальона, намереваясь окружить одну из них. Ближе всех оказался рядовой Мартынюк, вооруженный ручным пулеметом. К нему они и попытались подобраться, но не тут-то было. Мартынюк зорко следил за подкрадывающимися фашистами. Подпустив их на 20—30 метров, он меткой очередью уничтожил часть нападавших, а тех, кто уцелел, бойцы закидали гранатами.

Часа через два фашисты повторили попытку захвата «языка», атаковав другую огневую точку. На этот раз их встретил огнем станкового пулемета младший сержант Ежов. Двое гитлеровцев были убиты, остальные откатились.

Но и на этом дело не кончилось. Вскоре вражеская рота атаковала взвод младшего лейтенанта Квасневского. Забросав его гранатами, фашисты стремились захватить в плен хотя бы одного советского воина, пусть даже раненого. Но их вновь постигла неудача: взвод успешно отбил и эту атаку.

Так было каждый день. Иногда немцам удавалось даже блокировать наши отдельные подразделения. Например, в темную ненастную ночь на 10 января они окружили взвод 496-го батальона, но подоспевшая резервная рота заставила их отступить. На поле боя осталось десять убитых фашистов, сраженных пуле-

метчиком старшим сержантом Епифановым. Сам он был тяжело ранен, но продолжал вести огонь по врагу, пока тот не обратился в бегство.

Стойкость и бесстрашие в бою — эти качества стали общими для всех наших бойцов. И они блестяще проявились в эти беспокойные ночи, когда враг все упорнее стремился хоть где-нибудь заставить нас врасплох.

Отважно действовал окруженный группой гитлеровцев сержант второй роты 496-го батальона комсомолец пулеметчик Кулимбаев. Фашисты убили его напарника, гранатой разбили пулемет. Все теснее сжималось кольцо врагов. Они кричали: «Рус, сдавайся!» Но Кулимбаев с гранатами в руках рванулся вперед. Раздалось несколько взрывов. Фашисты метнулись в разные стороны. Прокочив окружение, Кулимбаев вскоре добрался до своих.

Отчаявшись добиться своей цели силой, вражеское командование пустилось на хитрость. За «языком» была послана группа, имевшая в своем составе разведчика, говорившего по-русски. В ночь на 14 января пулеметчики Савчук и Тарашняк, занимавшие позицию у ручья на участке третьей роты 20-го батальона, услышали подозрительный шорох.

— Кто идет? — крикнул Савчук.

В ответ послышалась ругань, как говорится, на чистом русском языке. Затем тот же резкий голос приказал:

— А ну, проводите меня через ручей, самому тут не пройти... Своего лейтенанта не узнаете, что ли?

Савчук и Тарашняк переглянулись, как бы спрашивая друг друга: что бы это означало? А в это время их сосед рядовой Клименко предостерегающе крикнул:

— Поберегись! То фашисты...

И развернул свой ручной пулемет в сторону подкрававшихся врагов. Но больше он ничего сделать не успел. В него полетели гранаты, и одной из них он был убит. Но теперь и Савчук с Тарашняком развернули свой пулемет. Меткий огонь заставил вражескую разведку ретироваться, даже не подобрав своих убитых.

Так не помогли фашистам и их «специалисты».

Между тем и нас интересовали сведения о противнике. Они нужны были не только штабу укрепленного района, их ждало от нас и командование 18-й армии, готовившееся к наступлению. Причем поскольку о наших разведчиках ходила добрая слава, то и спрос с них был немалый.

В укрепрайоне действительно выросли замечательные разведчики, умело действовавшие и на переднем крае противника, и у него в тылу. Такие рейды проводились не только разведротой укрепленного района, но и разведывательными взводами батальонов. А так как они действовали поочередно, то разведка во

вражеском тылу была непрерывной: один взвод возвращался, другой уходил.

Их рейды были весьма успешными. Еще на предыдущих рубежах, например, разведывательный взвод 20-го батальона с 24 ноября по 24 декабря четыре раза проникал в тыл врага. За этот месяц он не только добыл ценные сведения, но и вывел из строя четыре моста, которыми пользовался противник, и захватил в плен 112 немецких солдат и унтер-офицеров. Душой взвода, его лучшими разведчиками были коммунисты Гришанов, Антропов, Кашин и Краснов.

На новом рубеже нам пришлось особенно тщательно изучать врага. Мы должны были знать не только его расположение и силы, но и намерения фашистского командования. Такая задача вытекала из особенностей обстановки на нашем участке, проходившем по долине реки Хернад.

Эта долина была очень удобной для действий подвижных войск — танковых и механизированных. Естественно, что по ней можно было наступать не только со стороны Мишкольца на Кошице, но и... в обратном направлении. Иначе говоря, ею мог бы воспользоваться противник для нанесения удара от Кошице на Мишколец и далее на Дебрецен. Вероятность такой попытки не исключалась, так как немецкое командование продолжало сосредоточивать крупные силы на кошицком плацдарме.

Войска нашего укрепленного района в этом случае первыми испытывали бы на себе удар противника, нацеленный на юг. В то же время он грозил сорвать наступление ударной группы 18-й армии. Поэтому одной из главных задач нашей разведки и являлось выяснение намерений врага.

Не могу не подчеркнуть, что огромную, неоценимую помощь в этом оказывало нам местное население. Большинство его составляли словаки.

Да, мы находились уже в южной части Словакии. И хотя Гитлер еще до войны «подарил» ее хортистской Венгрии, однако оккупантам так и не удалось добиться от свободолюбивого словацкого народа покорности.

Господство венгерских фашистов над этой частью Словакии оставило тяжкий след. Здесь, как и на всех захваченных хортистами землях, проводилась политика особенно жестокой эксплуатации трудящихся, оказавшихся под двойным гнетом. Словаки, работавшие по найму, получали меньшую зарплату, а налог платили в полтора — два раза больший, чем венгры. У словацких крестьян было отобрано свыше половины принадлежавших им земель.

Словацкий народ не покорился угнетателям. Провалились и их попытки использовать его в войне против СССР. Солдаты и офицеры словацкой армии, попадая на фронт, целыми подразделениями переходили на сторону советских войск, вступали в пар-

тизанские отряды. Под руководством чехословацких коммунистов партизанское движение приняло огромный размах. Оно вылилось в известное словацкое восстание, вспыхнувшее в августе 1944 г.

Партизаны тогда развернули массовую вооруженную борьбу против фашистских правителей страны, заняли многие города и села. Восстание охватило две трети территории Словакии, в том числе и районы, непосредственно прилегавшие к нынешнему нашему рубежу.

Этим в значительной мере и объяснялось усиление концентрации немецко-фашистских войск в Словакии, которые немедленно оккупировали ее с целью борьбы с партизанами. Повстанческая армия, против которой были брошены крупные силы, оказалась в тяжелом положении.

Его отчасти облегчила в сентябре-октябре Карпатско-Дуклинская операция 38-й армии 1-го Украинского фронта. Она была проведена совместно с Чехословацким корпусом и сыграла большую роль в укреплении чехословацко-советского братства по оружию. В ходе этой операции наши войска в упорных боях с противником, непрерывно подбрасывавшим крупные подкрепления, овладели Дуклинским перевалом Главного Карпатского хребта и вступили на словацкую землю.

38-й армии не удалось полностью выполнить задачу и соединиться с партизанами Словакии. Однако ее наступление в известной мере улучшило их положение, так как немецкое командование вынуждено было перебросить из районов восстания довольно значительную часть своих войск. В последующие месяцы оно вновь усилило нажим на партизан, но так и не сумело справиться с ними.

К тому времени, когда 18-я армия готовила наступление на Кошице силами своей ударной группы, в тылу у противника, в основном на склонах гор, активно действовали десятки отрядов и несколько крупных соединений словацких партизан. Только в декабре они за три недели взорвали сорок немецких воинских эшелонов, уничтожили свыше пяти тысяч солдат и офицеров и несколько десятков танков противника¹.

Коммунисты были душой антифашистской борьбы и в той части Словакии, которая примыкала к венгерской границе. Широкую подпольную деятельность вели коммунистические организации в городах Кошице, Нове-Замки, Лученец, Рожнява. Наиболее активным был Кошицкий партийный центр, руководивший борьбой против оккупантов во многих окрестных селах.

Об этом рассказали нам словацкие коммунисты в селах, расположенных в занятой войсками укрепрайона полосе.

¹ См.: «*Otárky národní a demokraticke revoluce v CSR. Sborník*». Praha, 1955, str. 72.

Среди встречавших нас жителей селения Сенья были коммунисты Иозеф Хрицко, Стефан Судружки, Павел Вайда, Миколай Вигнанец, Штефан Этрик, Михаил Чиелко и другие. Руководитель организации Иозеф Хрицко пригласил меня и начальника политотдела Н. Н. Калининна к себе домой и показал реликвии, которые он долгие годы хранил в тайнике.

Прежде всего он развернул красное знамя с любовно вышитой эмблемой, изображавшей рабочего и крестьянина. Вышитыми были и надписи на словацком языке: на одной стороне знамени — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», на другой — «Коммунистическая организация села Сенья»¹. В тайнике у Хрицко было и несколько брошюр, нелегально изданных в Братиславе и Моравской Остраве: «Решения VII конгресса Коминтерна», «Программа Коммунистической партии Чехословакии», «Рабочие против фашизма» и другие. С волнением слушали мы рассказ старого словацкого коммуниста.

Оказалось, что коммунистическая организация в селе возникла еще в 1920 г. Вскоре ее загнали в подполье, а Иозеф Хрицко попал в тюрьму. Год спустя он возвратился и вновь был избран руководителем организации, которая не прекращала своей деятельности, несмотря на репрессии. Еще труднее стало в годы господства хортистов, а особенно в последнее время, когда в Словакию нахлынули отступавшие под натиском Советской Армии немецко-фашистские войска. Но и тогда, в условиях жестокого террора, коммунисты продолжали бороться всеми доступными им средствами.

— Труднее стало, но и ... легче, — с улыбкой говорил Хрицко. — Ведь мы тайком слушали радио и знали об успехах Советской Армии. Оттого и легче нам было. Видели, что не зря мы верили в великую силу ленинских идей, в мощь Советской России, в ее победу над фашизмом... Ну, а то, что мы узнавали, ясное дело, сразу же становилось известно всем в селе. — Он опять радостно улыбнулся: — Вот так и дождались счастливого дня — прихода Советской Армии. Теперь помогать вам будем...

Этот разговор происходил сразу же после восторженной встречи, оказанной населением Сеньи нашим войскам, вступившим в тот день в село. Мне тогда пришлось говорить со многими местными жителями, в том числе с крестьянами Кузьмой Юлусом, Эдуардом Пожаком, учительницей Маргаритой Патай, учителем Франтишекком Эгри и многими другими.

Помню, меня удивило, что все они довольно хорошо осведомлены и об известном советско-чехословацком соглашении, и об успехах советских войск, и даже о действиях Чехословацкого

¹ В настоящее время это знамя хранится в музее г. Кошице.

корпуса, созданного в СССР. Одного они не знали: от кого шли по селу эти вести. Теперь, беседуя с Хрицко, я получил ответ на этот вопрос: от коммунистов.

Да, горстка коммунистов, к тому же действовавших в условиях подполья, оказалась такой мощной силой, что против нее были бессильны фашисты со всем своим аппаратом подавления. Жители села рассказали нам, что гитлеровское командование, готовясь к отступлению, издало приказ, требовавший явки всех мужчин от 18 до 42 лет на сборные пункты для эвакуации. Никто не пришел. Тогда срок явки был продлен, причем фашисты решили воздействовать еще и клеветой на Советскую Армию: она, мол, не падит никого. Но и после этого на сборные пункты явилось лишь несколько человек.

Так благодаря своим односельчанам-коммунистам большинство жителей Сенья не дали себя обмануть. Они предпочли уйти в горы и вернулись лишь с приходом Советской Армии. Подобно Иозефу Хрицко, многие из них сразу же вызвались помогать нашим войскам. И так было не только в Сенье, но и во всех окрестных селах.

В результате у нас появились сотни действительно очень хороших помощников. Зная все тропки в горах, они доставляли бойцам на передний край боеприпасы и пищу, выносили в тыл раненых, были отличными проводниками, добывали ценные сведения о противнике.

Особенно важной была помощь местного населения нашим разведчикам.

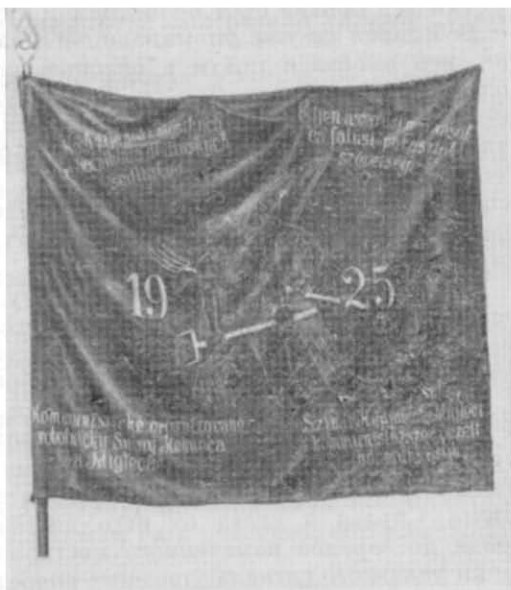
В те дни, в первой половине января, мы усиленно засылали в глубину вражеского расположения лазутчиков с радиостанциями. Они изучали тылы противника, движение его резервов, отмечали смену частей. Группы поиска делали то же самое на переднем крае, заодно прощупывая расположение огневых точек врага, захватывали «языка».

Как нельзя лучше пригодилась помощь местных крестьян. Многие из них имели родственников и друзей в селах, находившихся в тылу противника, и не только направляли наших разведчиков к верным людям, но часто и сами шли туда проводниками.

Легко представить, насколько трудно было организовать такую разведку на новом месте, в незнакомых условиях. Особенно на первых порах. И тут-то нас выручил дед Зенько.

Со старым словацким крестьянином меня познакомил 4 января коммунист Юрий Велес из соседнего селения Мислава. Велес состоял в партии с 1935 г. и, подобно Иозефу Хрицко, возглавлял сельскую ячейку. Она была невелика и насчитывала всего четыре человека, но в течение долгих лет была вожаком антифашистской борьбы в своем селе. Коммунисты срывали мероприятия оккупантов, наладили связь с партизанами. Ячейка

Знамя подпольной коммунистической организации словацкого села Сенья

имела прочную опору среди крестьян Миславы, а также соседних сел.

Одним из лучших ее помощников и был дед Зенько. Его родное село Олшовяны было расположено за линией фронта, но это не мешало старому горцу пробираться сюда, на нашу сторону. И часто лишь для того, чтобы, как он говорил, еще раз взглянуть на русских братьев и узнать, скоро ли они освободят и его родное село.

— Риск, конечно, есть, — пожимая плечами, говорил дед Зенько в ответ на мои вопросы, — да ведь и терпенья больше нет. Вот и посылают меня односельчане: сходи, мол, поторопи Советскую Армию, да узнай, не нужно ли чем помочь.

В те дни мы готовили группу разведчиков к рейду по фашистским тылам, нащупывая наиболее подходящий участок для проникновения в глубину расположения вражеских войск. Этим была занята группа офицеров штаба, которая во главе с А. С. Дмитриевым вот уже более суток находилась на наблюдательном пункте и, как говорится, не спускала глаз с переднего края противника.

Дед Зенько сразу разрешил все наши сомнения. Узнав назначенный маршрут разведки, он решительно заявил:

— Я поведу. Тут тропка есть в горах, как раз туда выведет. Да и мне по ней возвращаться сподручно. И ни одного немца не встретим. Ему туда нет дороги.

Так дед Зенько стал проводником группы наших разведчиков. Возглавил ее уже упоминавшийся капитан Коротков. Из многих, кто вызвался пойти в опасный рейд, он выбрал четверых солдат своей разведроты. Это были пулеметчик Мартынюк, сапер Михаил Мельник и связисты братья Владимир и Павел Марчуки. И не только потому, что они были самыми отважными. Решающую роль при отборе сыграло то, что каждый из них успел хорошо заучить несколько десятков общеупотребительных фраз на венгерском и словацком языках. Это весьма пригодилось им в тылу врага.

Пятеро разведчиков засели за карту, на которой был обозначен их маршрут. Теперь они изучали его при помощи объяснений своего будущего проводника, отлично знавшего всю округу, каждую тропку в горах, каждый речной брод.

Ночь на 7 января выдалась темная, что называется, ни зги не видать. Но дед Зенько уверенно повел разведчиков к ущелью, вернее, к узкой щели между высотами 836 и 678. Маленький отряд Короткова был вооружен автоматами и гранатами и имел рацию. Справа и слева от него двигались группы прикрития. Дойдя до заранее намеченного места, они остановились в ожидании условного сигнала ушедших вперед разведчиков.

А вот и радиосигнал. Он означал, что отряд Короткова, не замеченный фашистами, благополучно проник в их тыл.

Дед Зенько оказался отличным проводником. Он не только провел разведчиков по тайной тропе, но и помог им выйти на кратчайшую дорогу к Кошице. Более того, когда у села Богдановце группе Короткова преградила путь река Олшава, старый крестьянин постарался избавить разведчиков от «купанья» в ледяной воде.

— Замерзнете, а обогреться некогда, — назидательно сказал он. — Сделаем по-другому...

Село было совсем рядом, и дед Зенько через несколько минут привел оттуда двух лошадей. На них разведчики по очереди и переправились на противоположный берег.

Вскоре с помощью деда Зенько и других таких же бесстрашных добровольных помощников мы проложили и другие пути в тыл противника. К середине января у нас уже была налажена систематическая доставка разведывательных сведений. Это и оказало решающее влияние на развернувшиеся вскоре события.

То были дни, когда только что созданная ударная группа войск 18-й армии вела ожесточенные бои, стремясь прорваться к городу Кошице. Начав 12 января наступление с юго-запада в направлении Мольдова—Нижний Тейкош, она, однако, сумела за пять дней овладеть лишь первым из этих двух населенных пунктов, а также деревней Мокранце. При этом ей удалось перерезать железную и шоссеиную дороги, ведущие от Кошице на запад. Но дальше продвинуться она не смогла, так как против-

ник усилил огневое сопротивление и контратаки силами пехоты и танков¹.

Именно тогда наша разведка начала доносить об изменениях в составе вражеских войск, противостоявших укрепленному району. В целом сведения сводились к тому, что противник явно уменьшал плотность своей обороны и перебрасывал часть сил поближе к Кошице. Это подтвердили захваченные 15 и 16 января в плен солдаты 207-го горнострелкового полка. Выяснилось, что значительная часть этого полка снята с оборонительных позиций. На одном из участков, занятом раньше двумя батальонами, теперь остался один.

Все это могло означать лишь одно: гитлеровское командование спешно перегруппировывало свои войска. Видимо, оно поняло замысел операции 18-й армии, состоявший в том, чтобы ударом с юго-запада создать угрозу окружения кошицкого плацдарма. Противник, несомненно, принимал в расчет и начавшееся 12 января наступление 40-й армии и входившей в ее состав 4-й румынской армии на Рожняву. На этих двух направлениях он и концентрировал силы, снимая их с участков, которые считал неактивными.

Стало ясно, что к числу таких участков немецкое командование отнесло и наш. А так как это был грубый просчет, то нам оставалось лишь воспользоваться им и нанести удар там, где враг меньше всего ожидал его.

Как всегда в таких случаях, я посоветовался прежде всего с Н. Н. Калининым и А. С. Дмитриевым. Начальник политотдела и начальник штаба также считали, что изменившаяся обстановка была благоприятной для начала активных действий войск укрепленного района. Такое же мнение единодушно высказали командиры частей на состоявшемся в тот же день оперативном совещании.

Принятое мною решение основывалось на том, что в изменившихся условиях можно было вывести один батальон в резерв укрепленного района, а оборонять свою полосу остальными шестью, причем даже неполными. Каждый из них получил приказ создать собственный резерв в составе не менее двух рот и подготовить их к маневру.

Конечно, потребовалось принять меры для того, чтобы в условиях уменьшившейся плотности нашей обороны не допустить возможного прорыва даже мелких групп противника — разведывательных или диверсионных. Для этого оборону построили в виде крупных опорных пунктов, а в промежутках между ними установили непрерывное патрулирование на лыжах, верхом и на подводах.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 1—30.

И в этом помогли крестьяне окрестных деревень. Они показали нам все места в горах, где мог пройти враг. Там было организовано неослабное наблюдение. Благодаря этому все попытки фашистских разведчиков проникнуть в наш тыл — а их было немало — окончились безуспешно.

Местное население предоставило нам и приспособленные к горным условиям средства передвижения — верховых лошадей и легкие санки, выделило проводников и создало команды добровольцев-лыжников, которые успешно действовали в составе всех выведенных в резерв и готовившихся к наступлению подразделений.

Тем временем события на фронте развивались так.

17 января с утра ударная группа 18-й армии предприняла еще одну попытку овладеть городом Кошице, но вновь встретила яростное сопротивление. Напряженный бой длился весь день, так и не принеся успеха наступающим.

Тогда с целью облегчить их задачу внезапно атаковал врага наш сосед — 237-я стрелковая дивизия. Прорвав фашистскую оборону в районе Сеньи, она вышла на рубеж Гинев, Белжа, Крайцер, Бочар. Но здесь была контратакована немецкой горноегерской дивизией, поддержанной 25 танками.

После тяжелого шестичасового боя 237-я дивизия не только приостановила наступление, но и вынуждена была оставить Крайцер. К вечеру отошла на исходные позиции и ударная группа армии¹.

Наступила ночь на 18 января, которой суждено было стать началом наступательных действий частей укрепрайона в направлении Кошице.

Началось с того, что командиры 491-го и 496-го батальонов майор Сергей Яковлевич Нарыков и капитан Михаил Дмитриевич Староверов, выполняя задание штаба укрепленного района, выслали по одной роте в ночной поиск. Рота 491-го батальона подошла вплотную к населенному пункту Сланец. Ее командир старший лейтенант Иванов узнал от местных жителей, что это село, являвшееся крупным опорным пунктом в обороне немцев, сейчас занято небольшим гарнизоном — не более взвода. Остальные подразделения противник накануне днем отвел в сторону Кошице.

Иванов счел обстановку благоприятной для активных действий. Но так как проверять данные о численности противника на этом участке не было времени, он решил атаковать совместно с соседней ротой 496-го батальона. И тут же связался с ней. Два командира быстро договорились о взаимодействии.

К двум часам ночи роты обошли и обложили Сланец. Почти сразу же один из взводов был обнаружен вражеским пулемет-

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 53—54.

чином, дежурившим у околицы. Фашист уже начал было разворачивать пулемет, чтобы открыть огонь. Но не успел. Помешал ему двигавшийся впереди взвода головной дозор. Боец И. П. Шармор забросал гитлеровца гранатами.

Завязался короткий ожесточенный бой. В нем особенно отличился пулеметчик Сорочаев. Будучи тяжело ранен и истекая кровью, он продолжал вести огонь до тех пор, пока наши роты не овладели селом. Уцелевшая от разгрома часть гарнизона сдалась в плен.

Момент был весьма подходящим для осуществления наших намерений. Майору Нарыкову и капитану Староверову было приказано ввести в бой все резервы и успех поиска развить в наступление с целью прорыва оборонительной полосы противника. Для руководства этими действиями в Сланец выехал начальник оперативного отдела штаба укрепрайона майор Григорьев, туда же выдвинулся резервный 361-й батальон капитана Субелнани. За ним шли две роты — резерв командира 500-го батальона майора Сотникова.

Договорившись о взаимодействии с соседом справа — 318-й стрелковой дивизией, я немедленно доложил обо всем этом командующему 18-й армией. Генерал-майор Антон Иосифович Гаспилович, выслушав подробный доклад, утвердил принятое мной решение и одобрил проведенные мероприятия. Он разрешил и в дальнейшем действовать силами укрепленного района с целью прорыва всей оборонительной полосы противника.

Бросив в бой резервы остальных батальонов, мы к рассвету 18 января прорвали первую оборонительную полосу немцев на всю ее глубину и вышли ко второй — на линию Сланчик, гора Верхедь, Ракошь, Нижня Мишля.

Тем временем капитан Коротков, действовавший со своей ротой впереди батальонов, разведал эту полосу. Выяснилось, что и она занята сравнительно небольшими вражескими силами, но все же одних лишь резервных подразделений недостаточно для ее прорыва.

А прорывать ее нужно было немедленно, пока вражеское командование не начало подбрасывать сюда подкрепления. Тем более, что, взломав и здесь оборону противника, мы получили бы возможность выйти непосредственно к городу Кошице.

Опять состоялся наш неизменный «совет трех». Начальник штаба полковник А. С. Дмитриев и начальник политотдела полковник Н. Н. Калинин поддержали предложение снять с обороны еще часть сил и бросить их для прорыва второй укрепленной полосы гитлеровцев. Тут же связались с командующим армией и получили его согласие.

С этого момента наши батальоны начали безостановочное движение вперед. Одновременно и соседние 318-я и 237-я стрел-

ковые дивизии перешли в наступление, прикрывая фланги атакующих частей укрепленного района.

В то же утро пулеметно-артиллерийские батальоны, преодолев упорное сопротивление врага, с боями вышли на левый берег реки Олшовы. К 14 часам 491-й, 493-й и 496-й батальоны овладели расположенными здесь населенными пунктами Бологод, Русков и знакомым нам по рассказам разведчиков селом Богдановце, где дед Зенько добывал для них лошадей.

Одновременно форсировал эту реку и занял селение Нижня Мишля на ее правом берегу 500-й батальон. Его успех использовал 20-й. Продвинувшись вперед, он выбил противника из села Ждана и переправился через реку Горнад, с которой мы уже встречались в Венгрии, где ее называют Хернад.

К 18 часам тот же 20-й батальон захватил участок отсечной позиции в районе Геча и вышел в тыл второй оборонительной полосы немцев. Слева и справа от нас продвигались 237-я и 318-я стрелковые дивизии. Первая к 14 часам овладела Хамиской, а передовые части второй к 15 часам выбили врага из Свиницы.

На рассвете 19 января батальоны укрепленного района форсировали реку Скварош. 500-й и 20-й, которые еще накануне переправились через Горнад, к 7 часам утра с боем овладели селением Полянка и станцией Опочка.

Далее наступление развивалось не менее успешно. 500-й батальон первым ворвался в Кошице со стороны села Здоба, а вслед за ним и 20-й, наступавший со стороны станции Опочка. В 12 часов дня они достигли центра города и здесь вскоре соединились с частями 318-й и 237-й стрелковых дивизий, совместно с нами освобождавшими Кошице. Противник поспешно отступил на запад¹.

Хочу еще раз подчеркнуть, что успешное участие батальонов укрепрайона в освобождении Кошице было обусловлено в значительной мере обстановкой, сложившейся в результате наступления Советской Армии как на этом, так и на других участках советско-германского фронта.

То было время, когда неотвратно приближался бесславный конец гитлеровской Германии. Но фашисты еще обладали крупными силами. И везде, где могли, они отчаянно сопротивлялись натиску Советской Армии. Особенно напряженными были бои на участках, где противник пытался отстоять подступы к границам Германии, — на побережье Балтики, в Польше, Венгрии и Чехословакии.

Но исход этих сражений был неизменно в нашу пользу.

В январские дни, о которых здесь идет речь, мощные удары по врагу нанесли 1-й, 2-й и 3-й Белорусские и 1-й Украинский

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 3, 10, 19, 50—63.

Вручение наград воинам 159-го укрепрайона в Высоких Татрах

фронты в Восточной Пруссии, между Вислой и Одером. Это — справа от нашего 4-го Украинского фронта. Слева же 3-й Украинский фронт участвовал в отражении контрударов, пмевших целью прорвать кольцо окружения, сомкнувшееся вокруг будапештской группировки немецко-фашистских войск, а правым своим крылом наступал на юге Словакии, взаимодействуя с 4-м Украинским фронтом.

Активное участие во всех этих боевых действиях принимали полевые укрепленные районы. Их войска проявили высокую отвагу в наступлении и подлинный героизм в оборонительных боях.

Ордена Красного Знамени был удостоен 152-й укрепленный район, части которого вместе с полевыми войсками 3-го Белорусского фронта захватили плацдарм на западном берегу озера Ягоднер. В дальнейшем батальоны укрепрайона участвовали в овладении городами Вормдитт и Мельзак, а позднее содействовали захвату одного из наиболее мощных центров вражеского плацдарма в районе Мазурских озер — городом Летценом¹.

Более подробно хочется рассказать о январских боях 1-го гвардейского укрепленного района, на долю которого вышло тяжелое испытание во время третьего контрудара противника в районе озера Балатон.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 152 Ур, оп. 168724, д. 4, лл. 1—12.

Из Югославии, где войска этого укрепрайона отличилась при взятии городов Княжевец и Ниш, их перебросили на автомашинах в Венгрию. В канун Нового года они заняли рубеж: высота 202, опушка леса Орегердо, Балатонфекайяр, Лепшень, юго-восточный берег озера Балатон.

Силы и средства укрепрайона были невелики — пять пулеметно-артиллерийских батальонов, усиленных семью танками и пулеметной ротой 3-го мотополка. Протяженность же занятой им полосы по фронту составляла 55 километров, в том числе ее сухопутной части — 20. Оборудование рубежа оставляло желать лучшего: сплошных линий траншей не было, на переднем крае заминировали лишь отдельные участки, так как не хватило мин, проволочные препятствия прикрывали меньше трети рубежа — шесть километров¹.

В результате оборону пришлось вытянуть в одну линию глубиной полтора—два километра. На сухопутном ее участке в среднем на километр фронта приходилось всего лишь 27 орудий (почти половину их составляли 45-миллиметровые, остальное — 76-миллиметровые), 1,4 миномета, 8 станковых и ручных пулеметов, 4 противотанковых ружья с одним комплектом боеприпасов².

Все это было терпимо до тех пор, пока укрепрайону противостоял только 54-й полк 28-й венгерской дивизии. Правда, недалеке, в районе Акаратья, имелись части 5-й танковой дивизии и дивизии СС «Викинг», которые не столько поддерживали венгерский полк, сколько удерживали его на фронте.

Но так было до 15 января. Ибо именно здесь немецкое командование решило нанести свой третий контрудар, о котором сказано выше. Сведения об этом поступали с 7 января почти ежедневно. В ночь на 15 января их подтвердили венгерские солдаты, которые в количестве более 200 человек перешли на сторону Советской Армии. Они назвали даже дату готовящегося наступления — 17 января³.

И все же меры по усилению обороны укрепрайона не были приняты. Замечу, что это обстоятельство не укрылось от внимания историков, ныне исследующих ход вооруженной борьбы с гитлеровской Германией. Они вполне справедливо пишут, что командование 4-й гвардейской армии тогда неправильно оценило замыслы врага. Но объясняют это тем, что «противник умело и скрытно подготовил наступление, введя в заблуждение» командование наших войск⁴.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 1 гв. Ур, оп. 169143, д. 3, лл. 134—135.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: «История Великой Отечественной войны. 1941—1945», т. 4, стр. 401.

Между тем уже в ночь на 16 января появились признаки, подтверждавшие сведения о намерениях противника: усилилась его огневая активность, заметнее стали передвижения во вражеском тылу. Следующей ночью впервые не пришел ни один перебежчик — это определенно свидетельствовало о смене частей. Наконец, в ночь на 18 января был явственно слышен гул множества моторов. Кроме того, ни одной разведгруппе укрепленного района на этот раз не удалось достичь даже переднего края противника, что говорило о большей плотности сосредоточенных там войск¹.

Так что об «умелой и скрытной подготовке» вряд ли можно говорить.

Напротив, все предвещало вражеское наступление. Укрепленный район попытался сорвать его, произведя два артиллерийских налета на районы Чагя и Акаратья, где сосредоточивались силы противника. Но, израсходовав 350 снарядов, орудия умолкли. Большого укрепления не мог выделить для этой цели.

18 января в 6 час. 20 мин. до трех батальонов фашистской пехоты отдельными отрядами атаковали позиции укрепления. Встреченные автоматным и пулеметным огнем, они залегли и начали окапываться. Последовала 30-минутная артиллерийская подготовка противника.

В 7 часов враг перенес огонь в глубину обороны, одновременно атаковал передний край двумя полками пехоты с 80 танками. Двадцать пять из них ринулись на правофланговый 11-й батальон, шесть — на 10-й, двадцать — на 9-й, восемнадцать — на 2-й, двенадцать танков и четыре бронетранспортера — на 8-й батальон.

Завязались ожесточенные бои.

В центре, на участках 9-го и 2-го батальонов, враг не добился успеха. На первом из них за полтора часа было отбито семь атак. 2-й батальон подбил два танка артиллерией, еще два подорвались на минах. Остальные остановились, продолжая вести огонь. К ним подошли восемь бронетранспортеров и высадили до батальона пехоты с саперами. Последовала новая яростная атака, но и она была отбита.

Пехоте противника пришлось залечь, а его саперам не удалось обезвредить минные поля. Тем временем 2-й батальон уничтожил еще два танка и несколько бронетранспортеров и вскоре вынудил вражескую пехоту отойти.

Хуже обстояло дело на флангах.

Шесть атак в течение двух часов отбил 11-й батальон. Два танка были подбиты на участке 10-го. Но на стыке между ними остальные четыре ворвались в населенный пункт Шандорку и

¹ См.: *Архив МО СССР, ф. 1 зв. Ур, оп. 169143, в. 3, лл. 28—135; в. 4, лл. 2—6.*

при поддержке действовавшей слева группы танков и пехоты подавили огневую систему и вышли в тыл обоих батальонов.

На участке левофлангового 8-го батальона уже в начале атаки были уничтожены два танка и бронетранспортер. Однако восемь танков ворвались на передний край второй роты и начали ее обходить. Три из них удалось подбить, но остальные пять вышли в тыл роты, вынудив ее вести бой перевернутым фронтом.

Командование укрепрайона не могло оказать существенного воздействия на ход сражения, так как имело крайне незначительный резерв — пулеметно-артиллерийскую, пулеметную и танковую роты. У командира же 135-го стрелкового корпуса также не было такой возможности, поскольку в составе этого соединения, кроме 1-го гвардейского укрепрайона, имелась лишь одна стрелковая дивизия — 252-я, причем два ее полка располагались севернее участка вражеского прорыва.

К 9 часам утра противник ввел в бой главные силы. Перед фронтом укрепрайона развернулось более 150 танков.

До тридцати из них десять минут спустя ворвались на передний край, смяв боевые порядки второй и четвертой рот 11-го батальона. 45-мм орудия не смогли причинить вред «тиграм», лишь сержанту Смирнову удалось подбить один из них. Дальше, в глубине обороны, враг был встречен огнем 76-мм орудий, который оказался весьма эффективным. Расчеты Ширяева и Бурмана сразу же подбили по два танка, Гривы — три.

Но вслед за первым эшелоном «тигров» шел второй. На предельной скорости ворвался он в боевые порядки батальона. Командиры орудий Грива и Ширяев опять подожгли два танка, но тут же надвинулись еще пять. Под обстрелом оказался и командный пункт батальона. Комбат капитан Балыбин был тяжело ранен.

Сильный удар пришелся и по участкам 9-го и 2-го батальонов в районе шоссе Акаратья—Эннинг, а также высот 176 и 119. Сюда противник бросил свыше 100 танков. Из Балатонкенеше непрерывно подходили машины, высаживавшие пехоту.

9-й батальон отбил атаку, уничтожив 13 из 30 шедших на него танков и отрезав от них пехоту. Три последовательные атаки отразила вторая рота 2-го батальона. Но в неравной борьбе с батальоном пехоты и 15 танками она понесла большие потери и поэтому вынуждена была отойти во вторую траншею.

Тогда и прорвались сюда вражеские танки. В результате им удалось с флангов атаковать соседнюю четвертую роту, а затем и окружить ее. Вторая рота избежала этой опасности, загнув свой фланг.

К 11 часам битва в полосе укрепленного района и соседнего полка 252-й стрелковой дивизии достигла наивысшего напряже-

ния. На поле боя действовало 280 танков и штурмовых орудий противника.

Мужественно оборонялись воины 10-го батальона. В районе Шандорки противник в течение пяти часов трижды атаковал их двумя батальонами пехоты при поддержке 16 танков, но безуспешно. Почти вся вражеская пехота была уничтожена метким пулеметным и минометным огнем. Большие потери нанесли ей и электрозаграждения, находившиеся как раз на этом участке.

Однако к 16 часам 10-й батальон оказался во вражеском полукольце и, выполняя приказ командования укрепрайона, отступил в направлении Мезосентдьерди. Еще в полдень отошли к востоку и остатки 11-го батальона.

Героически сражались солдаты, сержанты и офицеры 2-го батальона, против которых противник бросил две тысячи пехотинцев и сто танков. Фашистам пришлось неоднократно повторять атаки, и каждый раз советские воины выводили из строя по нескольку танков, отрезали от них пехоту пулеметным огнем.

В жестокой схватке с врагом не дрогнул ни один.

Сержант Фесенко, оставшись один у орудия и будучи ранен, продолжал вести огонь по танкам. Когда же несколько гитлеровцев окружили его, намереваясь взять в плен, он уничтожил их меткими выстрелами из винтовки.

Сержант Дебельский, тоже раненный, подполз к вражескому «тигру» со связкой гранат и подорвал его, погибнув смертью героя. Командир батареи старший лейтенант Скворцов, увидев, что весь расчет 76-мм орудия выведен из строя, немедленно бросился к нему и один вел огонь, успев подбить еще два танка.

Пять часов вели неравный бой роты этого батальона. К 16 часам они потеряли все огневые средства. Лишь после этого противнику удалось овладеть их позициями и ворваться в Балатонфекайяр, завязав уличные бои.

Добавлю, что армейские резервы были приведены в движение уже через два часа после начала наступления. Причем переданные в распоряжение командования укрепрайона полки — истребительно-противотанковый и самоходноартиллерийский — прибыли вскоре после полудня.

Первый из них появился в районе боев в 13 часов. Обстановка же к тому времени была такова, что в спешке, на виду у противника и под его огнем артиллеристам не удалось даже выбрать подходящие позиции и организованно занять их. В коротком бою вражеские танки подавили артиллерию истребительного полка. Наконец, авиация противника непрерывно воздействовала на боевые порядки батальонов.

Наши штурмовики появились над полем битвы в 16 час. 30 мин. Но к этому времени оборона была прорвана во всей полосе укрепрайона. Подразделения его батальонов еще несколько часов вели бой разрозненными, изолированными одна от другой

группами, без поддержки артиллерии. В ночь на 19 января они начали выходить в район Томаши. Туда же прибыло управление укрепрайона.

Потери в его частях были велики — свыше двух третей личного состава. Противник же за день боев понес еще более значительный урон. Он потерял только убитыми тысячи солдат и офицеров. Было уничтожено 60 его бронетранспортеров и 124 из 560 танков и штурмовых орудий, участвовавших в наступлении¹.

Этот вражеский контрудар привел в последующие дни к тому, что войска 3-го Украинского фронта были расчленены на две части. Цель противника заключалась в том, чтобы прорвать кольцо окружения будапештской группировки немецко-фашистских войск, деблокировать ее и объединенными силами уничтожить сначала 46-ю и 4-ю гвардейскую армии, а затем и 57-ю, восстановив свою оборону на Дунае².

Однако планам гитлеровского командования и здесь не суждено было осуществиться. Мощными ударами советских войск враг был остановлен к исходу 26 января, а в последующие дни отброшен.

Итак, сопоставив даты, можно увидеть, что наступательные действия нашего 159-го укрепрайона и других соединений 18-й армии происходили в то время, когда и на всех остальных участках советско-германского фронта наши войска вели крупные операции завершающего этапа войны. Гитлеровское командование предпринимало лихорадочные попытки остановить натиск советских войск, организуя ожесточенное сопротивление, а кое-где и контрудары.

Но нехватка необходимых для этого сил и средств становилась все более катастрофической. Поэтому фашисты то и дело перебрасывали с участка на участок свои таявшие с каждым днем войска. Так было и в целом на всем советско-германском фронте и, в частности, на чехословацкой земле, которую тогда начала освобождать Советская Армия.

Не удивительно, что в этих условиях и в полосе нашего укрепрайона наступил какой-то момент, когда вражеская оборона оказалась ослабленной. Это было вызвано, как я уже отмечал, и тем, что противник, считая данный участок «неактивным», снял с него часть своих войск для обороны кошицкого плацдарма на других направлениях.

Следовательно, нам оставалось уловить именно этот момент. Вот тут и сказалась вся та кропотливая и нелегкая работа по организации глубокой разведки, которую мы вели с первого

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. Ур, оп. 169143, д. 4, лл. 8—9.

² Архив МО СССР, ф. 243, оп. 2900, д. 1572, лл. 53—54.

дня на новом рубеже, а также огромная помощь местных жителей, ставших в полном смысле слова нашими «глазами и ушами» в тылу врага.

И еще нужно было заранее подготовиться, да так, чтобы в нужный час мы могли нанести удар как раз там, где он принесет наилучший результат. Требовалось также правильно распределить силы для обороны и атаки, а когда наметился успех — бросить в прорыв все свои войска. Наконец, весьма существенным делом было четкое взаимодействие с соседями справа и слева — стрелковыми дивизиями.

Все эти задачи были отлично выполнены батальонами укрепления района. В итоге мы с минимальными потерями прорвали оборону противника и выбили его из города Кошице. Наше наступление на 60-километровом участке слилось с крупными наступательными операциями, начатыми тогда 1-м Украинским совместно с правым крылом 4-го Украинского, а также войсками 2-го Украинского фронта, угрожавшими лишить гитлеровцев последней коммуникации в тылу их кошицкой группировки. Это и вынудило противника покинуть Кошице и весь кошицкий укрепленный плацдарм¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 10, 19, 30, 50—65.

Через Западные Карпаты

Воинам укрепрайона даже не удалось как следует разглядеть освобожденный город Кошице. Выйдя в тот день к 17 часам вслед за отступавшими гитлеровцами на его западную окраину, мы получили от командования армии следующую задачу: «С рубежа Навечаны, Нижний Тейнеш, Шемша (северо-западнее Кошице) преследовать противника в общем направлении на Гельнице. Разграничительная линия слева (с 17-м гвардейским стрелковым корпусом) — Сенья, Бузника, Рудник, Мнишек, справа (с 95-м стрелковым корпусом) — Обишевце, Маргецаны, Маркушевце»¹.

Это была дорога опять в глубь Карпат, теперь уже Западных, куда поспешно отходил противник, надеясь в Словацких Рудных горах остановить продвижение советских войск.

Словацкие Рудные горы называются так потому, что они издавна известны месторождениями железных и медных руд, сурьмы, магнезита и других полезных ископаемых. Кто только не грабил эти богатства! Ведь за свою более чем пятнадцативековую историю Словакия много раз переходила от одних иноземных завоевателей к другим. Эта небольшая страна площадью меньше 50 тыс. квадратных километров в средние века была захвачена сначала венгерскими королями, потом турецким султаном и, наконец, империей Габсбургов. Перед второй мировой войной ее фактически поделили между собой Гитлер и Хорти.

И все эти пятнадцать веков словацкий народ вместе со своими братьями-чехами боролся против поработителей. Сменялись эпохи, а в горах Словакии, поросших густыми лесами, не переводились отряды борцов за свободу. Укрывались они и в Словацких Рудных горах. Здесь был один из центров восстания 1944 г. против немецко-фашистских оккупантов.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, л. 65.

Теперь туда уходили разгромленные войска кошицкой группировки гитлеровцев.

Перед фронтом 159-го укрепленного района отступали остатки немецкой 1-й лыжногерманской дивизии. Прикрывали их охранные отряды, а также два полка и батальон пехоты так называемой 2-й венгерской резервной дивизии. Общая численность боевого состава только этих арьергардных сил, преследуемых нашими батальонами, составляла до 6300 солдат и офицеров, имевших 294 пулемета, 64 орудия, 82 миномета и 25 танков.

Батальоны укрепленного района наступали по двум направлениям. 20-й и 491-й под командованием майора Щербакова и майора Нарыкова двигались через населенные пункты Банков, Кавечаны, Кош-Бела, Малый и Большой Фолькмар, Якловце, Жакаровце, Словинки, Пора, Коттербах, Чакипуста, 500-й батальон майора Сотникова — чуть левее. Вторую группу составляли 493-й батальон капитана Синькова и 494-й капитана Богоявленского, наступавшие в направлении Малая Ида, Идка, Злата Ида, Мнишек, а также — справа от них — 361-й батальон капитана Субелиани.

Противник не случайно выбрал для отхода горы. Он рассчитывал, что здесь легче оторваться от преследования. Чтобы задержать нас, фашисты минировали за собой все пути и с помощью взрывчатки заваливали их обломками скал. Ставили и всевозможные заграждения, а также устраивали засады, выбирая для этого места, позволявшие совершать внезапные нападения. Наконец, как мы вскоре убедились, враг намеревался достигнуть значительно раньше нас района Мнишек или Спешка-Нова-Вес и, выиграв таким образом время, укрепиться там.

Но все эти усилия оказались тщетными...

Вновь мы шли вперед по горным тропам на высотах от 400 до 1300 метров. И была не осень, как в горах Румынии, а зима. Тропы покрылись толстым слоем снега, местами обледеневшего. Подниматься в гору было нелегко, а спускаться еще труднее.

Впрочем, все это учли еще перед выходом из Кошице, ведь теперь мы имели кое-какой опыт горной войны. Батальоны вооружили карабинами, автоматами, ручными пулеметами и гранатами, артиллерию же и тяжелое пехотное вооружение везли боевые обозы, двигавшиеся слева и справа от нас по шоссе. Дорогам вслед за соседями — 17-м и 95-м стрелковыми корпусами.

Первый из них наступал через Нижний Медзев и Шведлар, второй — на Маркушевцы, Компахы. Между ними, в горной полосе шириною 17—20 километров, по узким труднопроходимым тропам, а часто и вообще по бездорожью, преследовали противника войска укрепленного района.

Ни ухищрения врага, ни снежный буран, разразившийся в эти дни в горах и занесший все тропы, не могли помешать нашему движению вперед. Неудержимый наступательный порыв

владел советскими воинами, знавшими, что, добывая смертельно раненного фашистского зверя, они освобождают народ братской Чехословакии.

Знали это и радостно встречавшие нас жители гор. Их помощь, которую мы ощущали и прежде, теперь была особенно широкой, я бы даже сказал, что она сыграла существенную роль в нашем успешном продвижении вперед.

Словацкие Рудные горы оказались действительно партизанским краем. Здесь мы повсюду встречали участников недавнего антигитлеровского восстания, смелых и опытных бойцов, горевших желанием вновь принять участие в борьбе с ненавистным фашизмом. И, пожалуй, без них мы не смогли бы так быстро добывать сведения о противнике, а главное, успешно вести батальоны в глубине незнакомых гор, где за каждой скалой таилась опасность. Словацкие партизаны были нашими добровольными разведчиками и проводниками, помогали расчищать завалы, самоотверженно участвовали в разминировании троп.

Они не раз оказывали подразделениям укрепрайона и непосредственное содействие в овладении населенными пунктами.

Так была захвачена врасплох вражеская часть в Кош-Гамри. На подходе к этому селению навстречу головному взводу 20-го батальона вышел пожилой крестьянин, оказавшийся хорошим знакомым наших проводников-партизан. По всему видно было, что он ждал их, чтобы передать сведения для наступающих советских войск. Выяснилось, что в селении находится немецкая часть и что она, не ожидая нашего появления здесь раньше следующего дня, расположилась в крестьянских домах на отдых.

— Прямо в село идти нельзя, дозор ихний увидит, — сказал крестьянин, — обойдем вон по той тропке и попадем как раз к моему дому. Там тоже немцы, да они спят... Семейку я выведу, а дом... Бог с ним, с домом...

Старому словаку не жалко было и своего жилища, лишь бы не ушли безнаказанно ненавистные фашисты, принесшие столько горя его родине.

Командир взвода комсомолец младший лейтенант Бобров решил взять непрошенных гостей без боя. После донесения командиру роты он со своим взводом окружил прилепившийся к скале домик. Старик ушел за семьей и тут же вывел ее в безопасное место.

Проснувшиеся гитлеровцы что-то прокричали ему вслед. Видимо, почуяли опасность.

Но в дом уже ворвались наши воины. Они быстро обезоружили фашистов и приставили к ним охрану. Тем временем подошли две роты 20-го батальона. Они заняли селение, взяв в плен всю находившуюся там вражескую часть.

Очистив от противника ряд населенных пунктов, войска укрепрайона 22 января с ходу форсировали горную реку Гель-

ницу и в тот же день освободили одноименный городок на ее берегу.

Чем дальше продвигались мы на запад, тем чаще среди партизан встречали чехов. Они в количестве нескольких тысяч человек еще осенью пришли в Словакию из чешских областей страны, чтобы принять участие в происходившем здесь восстании. В этом сказалась глубокая общность национально-освободительной борьбы двух братских народов за единую свободную Чехословакию. Единство их интересов проявлялось и в том, что словаки и чехи с одинаковым одобрением отзывались о советско-чехословацком договоре о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, который был заключен еще в конце 1943 г. и тогда же стал широко известен в стране благодаря подпольщикам-антифашистам.

— Советский Союз — наш друг и брат, — говорили они. — В союзе с ним мы восстановим наше единое государство и навсегда сохраним свободу, которую несет нам могучая Советская Армия.

Везде нас, советских воинов, встречало все население освобождаемых населенных пунктов. На улицы выходили и женщины с маленькими детьми, и глубокие старики.

— Советская Армия пришла, — радостно говорили они, — пришла наша свобода...

И нам было приятно сознавать, что сбылась мечта этих тысяч людей об освобождении от ига фашизма, что для них война уже окончилась и наступили дни мирных забот. Кстати отмечу, что во всех освобождаемых нами городах и селах тотчас же образовывались местные органы власти. Как правило, население высказывалось за то, чтобы возглавлял такие органы кто-либо из бывших повстанцев или тех, кому они доверяли, — так велик был здесь авторитет участников партизанской борьбы.

Например, в Гельнице, куда первым вступил 500-й батальон майора Сотникова, главой городской администрации стал рекомендованный партизанами служащий местного банка Александр Керечнер. Ему мы и передали власть в городке, когда покидали его территорию, чтобы продолжать преследование врага. Это полностью соответствовало советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г., по которому районы, освобожденные Советской Армией и переставшие быть зоной непосредственных военных операций, полностью переходили под управление чехословацких органов власти.

Такому правилу следовали все командиры наших частей. Причем во многих населенных пунктах народная власть тайно существовала уже давно. Так было, например, в селении Гельмановцы и местечке Порач, где к нашему приходу заранее готовили торжественную встречу с чехословацкими и советскими флагами, духовым оркестром, праздничным угощением. И мы

не удивлялись всему этому, зная, что идем по партизанскому краю и что, в частности, местечко Порац было одним из повстанческих центров в Словацких Рудных горах.

Но даже при активной помощи населения далеко не везде удавалось войскам укрепрайона продвигаться вперед беспрепятственно. В ряде пунктов отступавший противник оказывал ожесточенное сопротивление и даже предпринимал контратаки.

Батальоны правой группы, возглавляемой начальником штаба полковником А. С. Дмитриевым, с ходу овладели Коттербахом. Однако, поскольку именно здесь находились перебазирующиеся из Германии два крупных завода промышленного концерна Геринга — металлургический и ртутный, вражеское командование попыталось выбить наши части из этого городка и бросило против них свежие силы — два немецких батальона с пятнадцатью танками и самоходными орудиями. Одновременно пехота противника с восемью танками двинулась на соседний городок Кромпахи.

Но Дмитриев, вовремя получивший от разведки партизан сведения об этом, принял необходимые меры. 20-й и 491-й батальоны приготовились встретить врага на подступах к Коттербаху. 500-й был выдвинут в Кромпахи.

Рано утром 25 января немцы яростно атаковали три наших батальона.

20-й и 491-й отразили натиск врага. Безуспешной была и предпринятая против них вторая, еще более ожесточенная атака.

Более сложной была обстановка у Кромпахи. Противник избрал это направление исключительно с целью выхода во фланг и тыл всей группировке войск укрепрайона. Как только это стало ясно, я послал туда и резервный 496-й батальон капитана Староверова. 500-й, отлично укрепившись на занятых им позициях, уже вел бой с фашистской пехотой и танками. Выдержав их натиск и уничтожив более 50 гитлеровцев, он перешел в контратаку и вместе с подоспевшим 496-м батальоном отбросил врага.

К этому времени левая группа батальонов выбила противника из Мнишека, являющегося узлом шоссе дорог.

Занятый вражеским полком с артиллерией, он преграждал путь на Спишка-Нова-Вес, куда двигались и мы, и соседний 17-й гвардейский стрелковый корпус. Поэтому сразу же после выхода 361-го, 493-го и 494-го батальонов на восточные подступы к городку командование укрепрайона и наступавшей левее 8-й стрелковой дивизии договорились о совместных действиях по освобождению Мнишека.

Это было 23 января. В тот же день 493-му батальону была поставлена задача выйти к северо-западу от городка, на южные скаты горы Адлербруннер. Для этого ему нужно было преодолеть высоты 1055, 1096, 951 и форсировать реку Гельницу.

Путь был опасный. Поэтому батальон двигался осторожно. Впереди шли разведчики во главе с лейтенантом Бойко. Их сопровождала группа партизан-словаков, хорошо знакомых с местностью. За ними — три роты, тоже с проводниками. Фланги были прикрыты дозорами.

Наступление темноты застало батальон на высоте 1055. И почти сразу первая рота капитана Китайгородского обнаружила впереди себя противника. Комбат Синьков приказал выйти в тыл вражескому заслону и, перерезав тропу, лишить его возможности отступить. Обнаруживший фашистов взвод пробрался лесом на высоту, нависшую над тропой. Оказавшись метрах в тридцати от заслона, он открыл огонь из автоматов.

Гитлеровцы бросились врассыпную, спеша укрыться в лесу.

Но тут же оказалось, что это всего лишь передовая застава. Основные силы заслона, выскочив из укрытия, атаковали роту Китайгородского. В темноте завязался жестокий бой, длившийся три часа. Тут подросла вторая рота лейтенанта Плохих, и общими усилиями заслон был сбит и частью уничтожен.

Путь был открыт. Глубокой ночью батальон вышел на следующую высоту 1096. На ее вершине бушевала сильная метель. Она сбивала с ног, слепила глаза. Переждав ее в лесу, роты с рассветом вновь двинулись вперед. Чтобы выйти на высоту 951, им пришлось сбить еще один немецкий заслон. Лишь после этого они смогли переправиться через Гельницу и выйти на южные склоны горы Адлербруннер.

Здесь к 493-му батальону присоединился 361-й. Вместе они перерезали шоссе Мнишек—Шведлер, блокировав вражеский гарнизон с северо-запада, и установили связь с батальоном 8-й дивизии, действовавшим к западу от городка, а также с 494-м батальоном, наступавшим с востока.

Окружение гарнизона Мнишека было завершено.

Но одновременно с наблюдательного пункта на южных скатах горы Адлербруннер было замечено в районе Шведлера движение пехоты противника в направлении Мнишека. Стало ясно, что предпринимается попытка выручить его гарнизон.

В этих условиях нельзя было медлить, и я принял решение прежде всего ликвидировать противника, засевшего в городке.

Прикрывшись частью сил, батальоны атаковали позиции вражеского гарнизона. Он ответил артиллерийским и пулеметным огнем. Но наши подразделения уже приблизились к траншее, опоясывавшей окраину города. Из нее выскочили несколько десятков венгерских солдат. Они бросились в ближайший лес, видимо, не желая больше сражаться. Многие из них, встретив наших бойцов, бросали винтовки и сдались в плен.

Майор Синьков повел свой батальон в новую атаку. С севера ударил 494-й батальон. Враг дрогнул, попятился. Разгром окруженного гарнизона был уже неминуем. Вражеские солдаты

сдавались в плен. Таких набралось более 200. Остальные, оставив на поле боя до сотни убитых, а также орудия, пулеметы и боеприпасы, рассеялись по лесу, где и были выловлены или уничтожены партизанами.

Все это произошло так быстро, что спешившая на выручку колонна немцев успела лишь достигнуть участка, где наши подразделения прикрывали шоссе на Шведлер.

Она было обрушилась на них, но, встреченная шквальным огнем из укрытий, остановилась. Гитлеровцы залегли, готовясь к новой атаке. Затем попытались охватить фланги оборонявшихся.

Но вот со стороны горы Адлербруннер появились цепи наших бойцов. То подходили роты 361-го и 493-го батальонов, завершившие ликвидацию гарнизона Мнишека. С тыла к фашистам приближался батальон головного полка 8-й дивизии.

В панике, бросая оружие, гитлеровцы бежали, как говорят, куда глаза глядят. Число пленных увеличилось до 765 солдат и офицеров. Достались нам и трофеи — артиллерийская батарея, автомашины, повозки...

Освобождение Мнишека и разгром противника в этом районе открыли советским войскам путь на город Спешка-Нова-Вес. По шоссе к нему двинулся 17-й гвардейский корпус, а батальоны укрепрайона вновь поднялись в горы и пошли в направлении Завадки и Маркушовцев. Но вскоре движение приостановилось.

Впереди оказалось еще одно серьезное препятствие. Отступая 25 января на Маркушовцы, гитлеровцы заминировали железнодорожный мост через реку Горнад. Взорвать его должны были минеры, оставленные под прикрытием на левом берегу.

Словацкие партизаны знали об этом и предупредили нас. Один из них, Грабец, взялся незаметно вывести наших разведчиков к мосту, чтобы помешать его уничтожению.

На операцию пошли добровольцы во главе с пулеметчиком 361-го батальона М. Е. Мельником. Беспшумно, в ночной темноте они подкрались к врагу. Дождались рассвета и тогда внезапно ринулись на мост.

Только одному вражескому автоматчику удалось выпустить очередь. Но в ту же минуту минеры вместе с их прикрытием были уничтожены, не успев сделать даже попытки к взрыву моста.

Захватив его, наши подразделения с ходу овладели и населенным пунктом Маркушовцы — на подходе к городу Спешка-Нова-Вес.

Позади были тяжелый 100-километровый марш в горах, по бездорожью, в пургу и буран, восемь суток непрерывных боевых действий. Бойцы нуждались хотя бы в коротком отдыхе. Обратились с соответствующей просьбой в Военный совет армии и получили разрешение провести дневку.

Сосредоточились в районе Маркушовце, Лескованы, Одорин, Ямник и Данишевце. Радовались предстоявшей короткой передышке.

Но, увы, дневка не состоялась. Обстановка вынудила командование армии отменить свое разрешение. Вместо него укрепленный район получил новую и весьма нелегкую боевую задачу. Оказалось, что наступление левого фланга 18-й армии застопорилось, так как гитлеровцы успели укрепиться в районе Спишка-Нова-Вес. И этот город, расположенный в предгорьях Словацких Рудных гор, и все прилегающие к нему заводы и селения они превратили в сильный узел сопротивления. Он представлял собой мощную оборонительную систему из инженерных сооружений, заграждений, противотанковых рвов, завалов, колючей проволоки.

Командование 18-й армии приказало 17-му гвардейскому стрелковому корпусу, приближавшемуся к Спишка-Нова-Вес походной колонной с юго-востока, по шоссе, овладеть городом. Командир корпуса решил сделать это с ходу и приказал атаковать противника головным полком колонны.

Как потом выяснилось, противник тщательно подготовился к отражению удара. На окраинах он имел замаскированные опорные пункты. Их гарнизонам было приказано не обнаруживать себя при подходе наших сил и пропустить их в город. Поэтому головному полку и удалось не только сразу же ворваться в Спишка-Нова-Вес, но и достигнуть его центральной площади.

Однако успех оказался более чем сомнительным. Полк был тотчас же выбит из города внезапной контратакой немецкой пехоты, поддержанной танками и самоходными артиллерийскими установками. При этом он попал под перекрестный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь тех самых опорных пунктов врага, которые не были замечены им при вступлении в город.

Положение стало очень сложным. Атаки других передовых частей разбитых об упорную оборону противника. Развернуть же корпус, следовавший одной колонной, в условиях гор, покрытых глубоким снегом, было немыслимо, тем более в короткие сроки. Требовалась довольно длительная перегруппировка его сил, грозившая приостановить наступление всей 18-й армии.

Обо всем этом рассказал мне в тот же вечер командующий армией генерал-лейтенант А. И. Гастилевич.

Я понимал, что вызван неспроста, и заранее позаботился о том, чтобы батальоны были готовы к выполнению новой задачи. Выезжая на командный пункт армии, я, конечно, не знал, какой именно будет эта задача, но в том, что получу ее, не сомневался: чутье, что ли, подсказывало.

Примирившись заранее с мыслью о том, что дневка будет отменена, решил лучше использовать хотя бы то время, кото-

рое уйдет на поездку к командующему и обратно. Больше всего хотелось бойцам помыться и привести себя в порядок после тяжелого марша и непрерывных боев. А сделать это быстро они не могли, так как и наши импровизированные банно-прачечные средства, и свежее белье везли обозы, подхода которых мы ждали лишь на следующий день.

Но ведь вокруг нас были наши друзья и братья-словаки. И они с величайшей радостью взялись все устроить наилучшим образом.

Во всех хатах топились печи. Мужчины доставляли дрова, женщины грели воду. В каждом доме слышались всплески воды, шутки, смех. Бойцы с наслаждением смывали с себя следы трудных боевых дорог, а вместе с ними и усталость, стирали и сушили у горячей печки белье.

Я в это время уже был у командующего армией. Рассказав об обстановке, он добавил:

— Вынужден огорчить — дневку отменяю. Чем заняты бойцы? — Выслушав мой доклад, он кивнул головой: — Одобряю. Передайте жителям селений благодарность Военного совета армии. Но когда же окончится ваша импровизированная баня?

— Думаю, к полуночи.

— Позвоните отсюда, чтобы поторопились. Ужин бойцам пусть приготовят получше. Ну и, как Суворов говаривал, после бани... — Командарм улыбнулся, потом подошел к карте, подозвал меня. — Ваши молодцы умеют отлично лазать по горам. Судя по всему, им и зима нипочем. Это сейчас очень кстати. Нужно во что бы то ни стало к рассвету обойти Спешка-Новавес с северо-востока и хотя бы одним батальоном выйти к северо-западу от него, вот сюда, в Снижаны. Задача: перерезать гитлеровцам единственный путь отступления из города — на северо-запад. Остальное, полагаю, вам ясно. Да? Значит — за дело!

Я тотчас же позвонил на свой командный пункт в Маркушове, а через полчаса и сам туда вернулся. Все вызванные командиры батальонов, офицеры штаба и политотдела уже собрались. Пришли и приглашенные по моей просьбе представители местных партизан. Они, как всегда, были готовы помочь нам добрым советом, проводниками и разведчиками.

В пути из штаба армии у меня было время обдумать план предстоявших боевых действий. Теперь мы его сообща уточнили. Каждый батальон получил четкую задачу.

И вот едва наступила полночь, войска укрепрайона уже вышли в путь. Бойцам все же удалось немного отдохнуть, и теперь им было легче шагать сквозь пургу, обжигавшую лицо колючим, морозным снегом. Все вокруг окутала мгла. Это сильно затрудняло движение, но в то же время радовало нас: можно было незаметно для противника проскользнуть на север от города.

Да, не о трудностях пути и всей нашей борьбы с врагом думали в ту суровую военную пору советские воины. Ведь и вся война в сущности была цепью неизмеримо тяжелых испытаний для Советской Армии и всего нашего народа. Скольким из них было за годы смертельной схватки с фашизмом! Но ни временные неудачи в начале войны, ни тяжелые лишения и горькие утраты, ни зимняя стужа и летний зной, ни горы и реки, стоявшие на нашем пути, не сломили воли к победе, не остановили советских воинов, не смогли помешать разгрому врага.

И частицей этого великого подвига Советской Армии был трудный, но славный боевой путь воинов нашего укрепленного района.

Начатый под Москвой и в Сталинграде, он привел нас теперь в горы Чехословакии, на неведомые тропы. Они вели к победе, а потому, какие бы опасности ни ожидали здесь советских воинов, они продолжали идти вперед. Они знали: там, впереди, победа, и это ради нее нужно вновь идти в ночь, в бурю, в горы, где на каждом шагу мог встретиться враг...

Три батальона выдвигались из Ямника и Данишевце. С ними шли проводниками наши верные друзья — словацкие партизаны.

Самая трудная задача досталась 20-му батальону. Ему предстояло вместе с 491-м и 500-м выйти к северу от Спишка-Нова-Вес, а затем уже одному достигнуть Снижан, овладеть этим селением и, оседлав шоссе и железную дорогу к западу от города, закрыть противнику пути отхода. Имелось в виду, что этот батальон будет действовать совместно с частями 17-го гвардейского корпуса, которые должны присоединиться к нему, обойдя город с юго-востока.

500-му и 491-му батальонам было приказано занять исходные позиции у Гориховцев, севернее Спишка-Нова-Вес, и изготовиться к атаке. То же самое предстояло 493-му, 494-му и 361-му батальонам, оставшимся в Данишовце, Одорине и Лескованах.

Таким образом, враг оказывался окруженным с трех сторон. С четвертой, южной, должны были вновь наступать части 17-го гвардейского корпуса. Его правофланговые батальоны капитана Петрова и майора Транезникова с этой целью установили прочную связь с нашим левофланговым 361-м батальоном капитана Субелиани.

Главная цель нашего плана — овладеть городом и открыть левофланговым войскам армии дальнейший путь на запад — была полностью выполнена. Глухой ночью вражеский гарнизон был атакован не только с юга и востока, но и с севера. Наше появление с этой стороны оказалось для него совершенно неожиданным. Оно и оказало решающее влияние на исход боя.

Первым вошел в Спишка-Нова-Вес 500-й батальон. Роты лейтенанта Овчинникова и лейтенанта Каверга быстро достигли

центральных улиц. Немецкие подразделения, переброшенные на это направление по тревоге и изготовившиеся к контратаке, были сметы ударами во фланг.

Один за другим вступили в город также 491-й батальон — с северо-востока и 494-й — с востока. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись натиску наших войск, цепляясь за каждую улицу, за каждый дом. Но командование фашистского гарнизона уже не могло не видеть, что город ему не удержать. Основные силы противника начали отходить на запад. На их плечах двинулись в преследование войска 17-го корпуса.

Важную роль в овладении городом сыграл 20-й батальон под командованием майора С. К. Щербакова — «бати», как его прозвали у нас еще в дни Корсунь-Шевченковской битвы. Его роты, преодолев все трудности ночного марша в занесенных снегом горах, точно в назначенное время вышли к Снижанам. И хотя им не удалось овладеть этим селением, превращенным фашистами в сильный узел сопротивления, все же появление 20-го батальона в тылу у гарнизона Слишка-Нова-Вес ускорило бегство гитлеровцев.

В бою за Слишка-Нова-Вес нами было взято 162 пленных и захвачено много военных трофеев.

Утром в город прибыли командующий и члены Военного совета 18-й армии. Они поздравили солдат и офицеров укрепленного района с новым боевым успехом. Высоко были оценены и предыдущие действия наших батальонов.

Командование армии охарактеризовало их следующим образом: «Прорвав оборону противника 18 января 1945 года западнее Требилев, 159-й укрепленный район во взаимодействии с другими частями армии овладел на территории Чехословакии крупными и сильными узлами сопротивления немцев — городами Кошице и Слишка-Нова-Вес.

В ходе операций войска укрепленного района своими решительными и умелыми действиями дважды обеспечили успешное продвижение левого фланга армии: 23 января, выдвинувшись вперед и захватив Мнишек, содействовали быстрейшему продвижению частей 17-го гвардейского корпуса и 27 января первыми ворвались в Слишка-Нова-Вес»¹.

За это 159-й Днестровский ордена Богдана Хмельницкого укрепленный район был удостоен новой высокой награды — ордена Красного Знамени. 20-й и 361-й батальоны были награждены орденами Суворова III степени, 494-й — орденом Кутузова III степени, 493-й — орденом Богдана Хмельницкого III степени, 500-й — орденом Александра Невского и 491-й — орденом Красного Знамени.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур. оп. 345881, д. 1, л. 23.

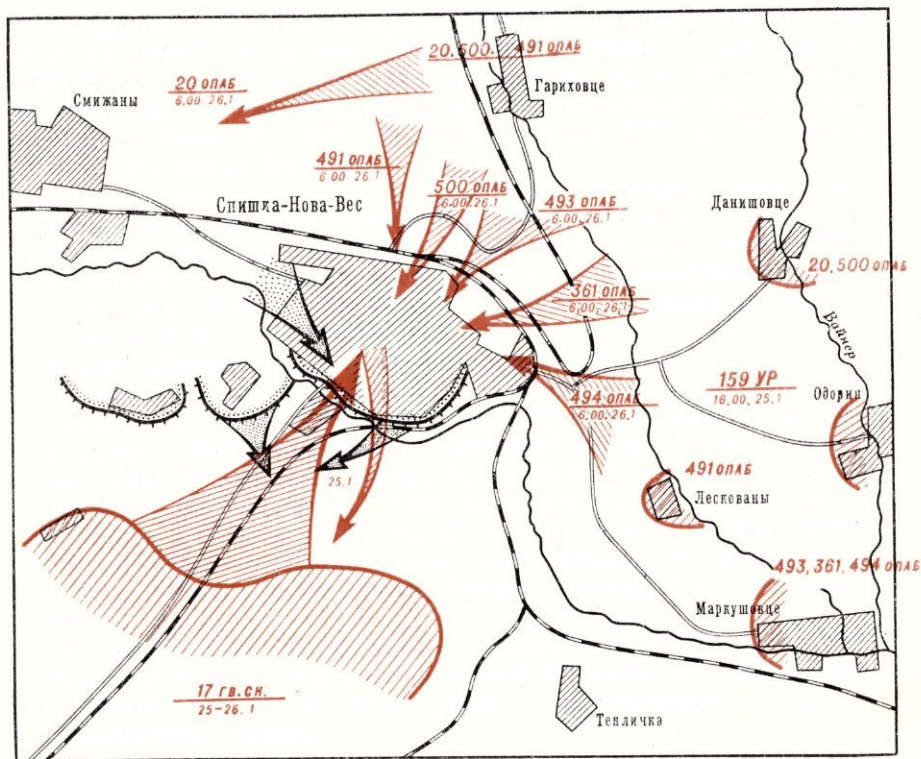

Схема № 4. Боевые действия 159-го полевого укрепленного района по овладению г. Спишка-Нова-Вес.

Но о столь высокой оценке наших боевых действий узнали мы позднее. В дни же, следовавшие за только что изложенными событиями, батальоны укрепрайона участвовали в преследовании отступавшего противника. Теперь мы шли на северо-запад по восточной части Высоких Татр, вновь преодолевая непогоду и крутизну гор.

Стремясь оторваться от преследовавших войск, противник широко применял уже хорошо знакомые нам методы — заваливал и минировал проходы в горах, взрывал мосты. Однако ни преграды, ни снегопад и 30-градусный мороз не помешали нам пройти по хребту Беланске Татры в районе высот 1172 и 913, затем по хребту Спишка-Магура.

За три дня на этом пути батальоны освободили населенные пункты Левочу, Русиновку, Творожну, Любице, Кежмарок, Стражки, Спишку-Белу, Ждяр, Поспади. Благодаря стремительным темпам продвижения, части укрепрайона своевременно перерезали узлы шоссейных и железных дорог в районе Кежмарок и Спишка-Бела, освободили эти города и тем самым помогли полевым войскам овладеть городом Попрад.

Подходил к концу январь 1945 г. Близость победы была уже очевидна: по всему огромному советско-германскому фронту неудержимо наступали войска Советской Армии. То было время, когда даже гитлеровская клика не могла больше скрывать катастрофического положения своего вермахта. «Как будто рухнули плотины, — растерянно заявил 23 января один из фашистских главарей Лей, выступая по радио, — не знаешь, что предпринять для того, чтобы создать новые фронты против большевистских армий»¹.

И все же враг изо всех сил создавал «новые фронты», ища в этом спасения от неминуемой гибели. С одним из них довелось встретиться в ту пору 18-й армии, а следовательно и 159-му укрепленному району.

30 января мы вышли на чехословацко-польскую границу в долине трех рек — Чарны-Дунаец, Оравица и Студены. Обходя справа высочайший в Западных Карпатах Герлаховский пик (2663 метра над уровнем моря), миновали небольшую полосу польской территории от Закопанае до Яблонки и на следующий день оказались вновь на границе, но теперь уже в районе гор, известных под названием Бескид Живецких и Татр Липтовских.

Здесь, в межгорье, которое само по себе было труднодоступным, противник заблаговременно создал мощный оборонительный рубеж с целой системой инженерных сооружений, до отказа насыщенных огневыми средствами, с естественными и искусствен-

¹ См.: ЦГАОР, ф. 4459, ед. хр. 782, л. 244.

ными препятствиями, со сплошными минными полями. Это и позволило ему временно стабилизировать свой фронт на этом направлении, приостановить движение 18-й армии¹.

Для организации дальнейшего наступления потребовалась перегруппировка войск. Прикрыть ее было приказано нашим батальонам.

Так мы вновь преобразились из стрелкового соединения, преследующего врага, в укрепленный район. И, казалось, надолго: оборона противника в этом районе была «крепким орешком».

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 532, лл. 1—50.

«Брепкий орешек»

Не так уж много времени понадобилось войскам укрепрайона, чтобы опять стать пулеметно-артиллерийскими батальонами. Подтянулись боевые обозы. Бойцы, еще вчера двигавшиеся по горам налегке, с автоматом или карабином, вернулись к своим орудиям, минометам, станковым пулеметам.

Правда, не все. В каждом батальоне одна из четырех рот по-прежнему имела на вооружении лишь автоматы, ручные пулеметы, гранаты и предназначалась как для обороны, так и для наступательных действий на определенном участке. Один из ее взводов составлял резерв командира батальона.

Такое распределение сил, подсказанное опытом боев начиная со Сталинграда, вполне оправдало себя в условиях полевого укрепленного района, который благодаря этому всегда был готов и к обороне, и к наступлению. А именно это и требовалось от нас в тот момент. Ведь наша оборона здесь была временной, вызванной исключительно необходимостью провести подготовку полевых войск армии к новому наступлению.

Очередное превращение батальонов из стрелковых частей в пулеметно-артиллерийские было не очень обременительным для нас делом. Главные трудности заключались в ином.

Выполняя приказ, войска укрепрайона заняли рубеж к западу от Законане, вдоль польско-чехословацкой границы. Он тянулся на 45 километров от южных скатов самой высокой в Бескидах горы Бабя Гура (1725 метров над уровнем моря) до горы Скорушина (1312 метров). Почти на всем своем протяжении передний край проходил по пустынным берегам речек Липнице, Хижняк, Оравиця, Церна, Михуш и по скатам скалистых гор, покрытых снегом по пояс и обдуваемых со всех сторон жгучими морозными ветрами.

Так что негде было солдату ни обогреться, ни помыться как следует: здесь имелось лишь несколько населенных пунктов, в том числе Пиживартувка и Розтоки, да и они были разорены и наполовину сожжены фашистами, не раз учинившими жестокою расправу над местным населением за помощь партизанам.

Не было и возможности вовремя сменять бойцов на переднем крае — слишком широка была обороняемая нами полоса. Понятно, что в таких условиях и горячий обед стал редкостью. Пока доставят пищу, она остынет. А разогреть ее вблизи позиции нельзя: на самый маленький дымок противник посылает горячие «гос-тинцы».

Особенно тяжело пришлось в этом отношении 496-му батальону. Нужно было предпринять срочные меры для улучшения его позиций и занятия хоть одного населенного пункта.

И вот 2 февраля две роты этого батальона атаковали противника в селении Рабовке. В ходе боя гитлеровцы внезапно охватили фланги наступающих, вышли им в тыл и попытались уничтожить. Но натолкнулись на умело и быстро организованную круговую оборону. Два часа длился жестокий бой. Окруженные отбили все атаки, а затем при помощи резерва 496-го и соседнего 500-го батальонов отбросили противника, заняв не только Рабовку, но и расположенное недалеко селение Оравуцу.

Так первые же дни пребывания на новом рубеже вновь подтвердили необходимость иметь в каждом батальоне готовые к броску вперед подразделения.

Бой за Рабовку также показал отличную боевую выучку воинов, их стойкость в обороне, находчивость и мужество. Так сражались и роты 496-го батальона, и те, кто пришел им на помощь. Взвод 500-го батальона, выручая окруженных, сам попал во вражеское кольцо. Но ни бойцы, ни их командир лейтенант Крутник не растерялись. Пулеметчик И. И. Присяжнюк бесстрашно кинулся вперед на возвышенность и оттуда меткой очередью скопил наседавших фашистов. В их кольце образовалась брешь, через которую взвод стремительным броском и выбрался из окружения, не понеся потерь.

Противник, конечно, понимал, что ему удалось лишь временно приостановить наступление 18-й армии на этом участке. Не составляло труда догадаться и о начавшейся перегруппировке ее войск. Гитлеровское командование всячески пыталось установить, где она происходила и в каком месте будет нанесен новый удар. Поэтому не прекращались палеты, прощупывание нашей обороны боем, попытки взять «языка», сопровождавшиеся стычками и даже рукопашными схватками.

Цель этих вражеских диверсий была ясна. Но нельзя было не считаться и с тем, что они могли являться также подготовкой к контрудару, весьма для нас опасному.

Дело в том, что фланги укрепрайона оказались особенно уязвимыми, так как локтевой связи с соседями не было. Справа, между нашим наблюдательным пунктом на вершине уже упоминавшейся горы Баба Гура и флангом соседних войск 1-й гвардейской армии был пятикилометровый разрыв. Слева в 25 километрах находились части Чехословацкого корпуса, но их отделял от нас считавшийся непроходимым горный хребет Липтовске Гол.

Опасность таилась и на центральном участке рубежа, у села Витаново, расположенного на берегу реки Оравицы. Здесь над позициями нашей пулеметно-артиллерийской роты нависала высота, находившаяся в руках у противника. Правда, на этом направлении укрепленный район расположил большую часть своей артиллерии, а также резервы, но они были весьма скромными.

Вот почему намерения противника стали, как всегда, объектом нашего пристального внимания. Кроме того, от нас требовалось разведать расположение противника, нащупать слабые места в его обороне.

В таком деле успех зависит не только от нашего умения, но и от условий обстановки. А они были более чем неблагоприятными. Противник хорошо укрепился на заранее избранном и тщательно оборудованном рубеже. Силы его по сравнению с нашими были весьма значительны: трем немецким дивизиям — 254-й пехотной, 3-й и 4-й горнострелковым противостояли семь пулеметно-артиллерийских батальонов. Полевые же войска 18-й армии, как я уже отмечал, приступили к перегруппировке в тылу укрепрайона.

Здесь оказались бессильными помочь нам и местные жители. Разумеется, они отлично знали пути, ведущие в расположение врага, но попытки проникнуть туда или установить связи с населением сел, расположенных у него в тылу, неизменно оканчивались неудачей. Гитлеровцы остервенело расправлялись с каждым, кто вызывал у них подозрение.

Не имели успеха и наши собственные первые шаги в этом направлении. Шли дни, и сведения о противнике и его намерениях становились все более необходимыми и для войск укрепрайона, и для готовившегося к наступлению на этом участке 17-го гвардейского стрелкового корпуса.

Первая удача обошлась нам очень дорого. За нее заплатил жизнью замечательный командир старший лейтенант Иван Васильевич Удалов.

7 февраля, выполняя боевую задачу, он во главе разведгруппы 500-го батальона в ночной темноте проник на передовую позицию противника. Забросав траншею гранатами, смельчаки уничтожили несколько гитлеровцев, а одного из них, оглушенного взрывом, втокнули в мешок и потащили в свою сторону. Но быстро ползти по глубокому снегу было невозможно, по-

этому кинувшиеся с двух сторон гитлеровцы мгновенно окружили разведчиков.

Группе Удалова оставалось одно — круговая оборона. Так и сделали. Отбили одну атаку фашистов, другую... Удалов был уже ранен, но продолжал руководить боем до подхода группы прикрытия. С ее помощью разведчики отбились от гитлеровцев и даже свою «драгоценную» ношу не потеряли. Но Удалов при этом пал смертью храбрых.

Разведчики отомстили за гибель своего командира, уничтожив до десятка гитлеровцев. А следующей ночью вновь пошли за «языком».

Такие разведывательные партии действовали на участках всех батальонов. Постоянно рискуя жизнью, они с каждым днем пополняли сведения о противнике.

Что касается его намерений, то, казалось, наши опасения не оправдывались. Ничего особенно тревожного мы не узнали. Но почему-то не верилось в то, что враг и в дальнейшем ограничится «булавочными уколами». Тем более, что приближался день Советской Армии и по опыту было известно, что фашисты не откажутся от попытки испортить нам праздник.

Первое подтверждение этому мы получили уже 20 февраля. В этот день рота, оборонявшая район Липнице Вельки, отбила две сильные атаки гитлеровцев. Можно было предположить, что и они предприняты с разведывательными целями. Однако это было не так — разведка велась, несомненно, в интересах подготовки более активных действий.

О том же говорили и результаты ночного поиска, проведенного накануне праздника, 22 февраля, воинами 493-го батальона. У развезда Лъечек им удалось захватить двух пленных, оказавшихся солдатами немецкого 91-го горноегерского полка. Это означало появление новой дивизии, причем специальной, горной, и еще больше насторожило нас.

Вновь были тщательно проверены все принятые батальонами предупредительные меры, боеготовность частей — словом, сделано все, что требуется в таких случаях. И не напрасно.

В 4 часа утра 23 февраля, после короткого, но мощного артиллерийского налета противник атаковал четвертую роту правого флангового 361-го батальона. Немецкий батальон лыжников с артиллерийскими самоходками вклинился в ее боевые порядки и захватил часть селения Розтоки, создав угрозу охвата правого фланга укрепленного района. Развивая успех, гитлеровцы попытались захватить селение Липнице Вельки с тем, чтобы выйти затем к местечку Яблонке, расположенному у нас в тылу.

Так начался праздничный день. Но войны укрепрайона не были захвачены врасплох. И временный успех врага был лишь следствием многократного превосходства его сил на участке атаки.

Четвертая рота встретила противника сильным огнем и не отступила ни на шаг. Ее подразделения стойко сражались и тогда, когда оказались разобщенными и окруженными. В неравном бою они проявили высокое мужество и самоотверженность. Трудно даже сказать, кто из бойцов отличился более других. Впрочем, об одном из них нельзя не рассказать особо.

Пулеметчик старший сержант Епифанов, о боевых подвигах которого уже упоминалось в предыдущих главах, был в том бою правогофланговым. Гитлеровцев он встретил прицельным огнем. Вот уже скошены насмерть те из них, кто шел впереди. Но остальные, даже не оглянувшись на убитых, продолжали идти. Пулемет бил по ним безостановочно. Два бойца едва успевали набивать диски.

Расстояние быстро уменьшалось. Фашисты открыли стрельбу из автоматов. Епифанов ранен. Однако его пулемет продолжает косить врагов. Старший сержант не отрывается от прицела. Короткая очередь, вторая... По тем из гитлеровцев, кто поближе. И они падают как подкошенные.

А в глазах у пулеметчика потемнело. Слабеют руки... Но в тот же миг в сознании вспыхивает мысль: немцы не должны пройти. Напрягая остаток сил, Епифанов вновь сменил диск, и пулемет ударил длинной очередью, заставив, наконец, залечь оставшихся в живых фашистов.

Тогда только уступил Епифанов свое место второму номеру. Сам же с трудом добрался до перевязочного пункта. Здесь его перевязали и велели не двигаться, так как он потерял много крови. Но тут кто-то пробежал мимо, прокричав:

— Опять атака!

Епифанов вскочил:

— Мало им, значит? Прибавим... — и, не слушая увещаний, ушел к пулемету...

Врагу не удалось осуществить свой замысел, хотя он и ввел в бой еще один батальон. На помощь четвертой роте подоспели сначала две соседние роты, а затем резерв штаба укрепрайона. Выдержав несколько повторных яростных атак, они совместным ударом отбросили противника на исходные позиции.

Положение было восстановлено.

Но вот в 8 часов артиллерия противника обрушилась на центр полосы укрепленного района. Из полутора тысяч посланных ею снарядов и мин большая часть была нацелена как раз на участок в районе села Витаново. Пять пулеметных точек на западной окраине села вышли из строя. Сюда, в образовавшуюся брешь, и кинулась лавина пьяных гитлеровцев. Одновременно отряды немецких лыжников охватывали окраины села также с севера и юга.

Оборонявшая Витаново рота 493-го батальона была рассечена противником на отдельные группы, которые сражались до по-

следнего патрона, до последней гранаты. Бой сразу же принял исключительно ожесточенный характер.

Вот что происходило, в частности, у двух домпков, в одном из которых оборонялись двенадцать бойцов во главе с заместителем командира батальона капитаном С. К. Внуковым, в другом — артиллерист капитан М. С. Крушин с пятью бойцами и рацией.

Внуков, старшина Боев и сержант Малявко, закончив обход переднего края, продрогшие и усталые, возвратились на рассвете на командно-наблюдательный пункт. Связистка Валя предложила им горячего чаю. Только взялись за кружки, как все вокруг затряслось, загрохотало. Огненные вспышки осветили село. А вслед за ними с окрестных гор скатилась лавина фашистских лыжников. Враг с трех сторон ворвался в Витаново. Группа гитлеровцев уже подходила к домику Внукова. Все это произошло за несколько минут. Но группа Внукова успела изготовиться к бою и, встретив фашистов пулеметным и автоматным огнем, прижала их к земле. В это время со двора донесся голос пулеметчика Васюты:

— Немцы — в тылу!..

И тотчас же застрочил его пулемет.

Внуков с тремя бойцами кинулся в глубину двора. Там пыталась прорваться большая группа гитлеровцев. Встретив усилившийся отпор, она тоже залегла. Но Внуков не обманывал себя. Он видел: это окружение.

В подобном положении была и горсточка бойцов во главе с капитаном Крушиным, оборонявшаяся в соседнем домике. Оба строения вместе с находившимся между ними сараем представляли собой как бы подкову. Это позволило Внукову и Крушину организовать круговую оборону и совместно отбиваться от наседавших гитлеровцев. Крушин, не выпуская из рук автомата, в промежутках между очередями еще и корректировал по радио огонь нашей артиллерии, наводя его на атакующего противника.

Осажденные сначала вели огонь не только из окон, но и из каждой щели. С чердака, откуда хорошо были видны ползущие по снегу гитлеровцы, бил по ним из пулемета старшина Боев.

Враг несколько раз поднимался в атаку и тут же откатывался назад, оставляя перед домиками десятки трупов. Но, не считаясь с потерями, продолжал сжимать кольцо окружения.

Особенно яростно атаковал он группу капитана Внукова. Здесь первой героически погибла связистка Валя. Проводная связь была прервана, и девушка, взяв карабин, присоединилась к защитникам домика. Бесстрашно встретив рвавшихся на крыльцо фашистов, она в упор выстрелила в офицера. Гитлеровец с простреленной грудью упал на ступеньки, но два других, схватив Валю за руки, обезоружили и по приказу раненого офи-

М. С. КРУПИН

цера подвели к нему. Приподнявшись, с искаженным злобой лицом, он разрядил в нее свой парабеллум.

Полагая, что с защитниками домика покончено, гитлеровцы полезли и в дверь, и в окна. Но тут же повалились наземь, сраженные наповал меткими пулями. Мстя за Валю, бил по ним в упор из-за косяка двери сержант Малявко. Внуков с остальными бойцами держал под обстрелом окна.

Новая беда: боеприпасы на исходе... Внуков приказал беречь каждый патрон, стрелять только наверняка. Но ведь так долго не продержишься.

И сержант Малявко, сибиряк, охотник, выпрыгнул из раскрытого окна и с молниеносной быстротой, буквально распластавшись по снегу, пополз между убитыми гитлеровцами, подбирая их оружие. Над ним засвистели пули, но из домика ответили сильным огнем, и под его прикрытием смельчак добрался до окошка. Бросок, и Малявко вновь среди своих, живой и невредимый. В руках у него два немецких ручных пулемета, на поясе несколько сумок с боеприпасами, а в карманах пять гранат.

Все в домике повеселели: опять можно драться.

Неравный бой продолжался. Только что отбили очередную атаку, а фашисты уже готовятся к следующей. Враг стремится любой ценой сломить сопротивление советских воинов. Среди них уже многие ранены, но, наспех перевязывая друг друга раны, они продолжают стойко сражаться.

Разъяренные гитлеровцы решили сжечь их заживо. Запылали оба домика и прилегающие постройки. Огненные струи хлестнули по окнам, по деревянной крыше.

Первым затрещал домик Крупина. После оглушительного взрыва в единственную комнату ворвалось пламя. На людях зателася одежда — ее тушили руками. Комната наполнилась удушасющим дымом. Нечем было дышать. Но бойцы, обгорелые и прокопченные, стояли на своих местах, встречая огнем каждую попытку фашистов проникнуть в домик.

В соседнем домике Боев все еще был на чердаке. Присметив немецких радистов, корректировавших артиллерийский огонь, он попытался достать до них очередь из своего пулемета. Но чердак был уже объят пламенем, пришлось уходить. Тогда старшина спустился вниз и вместе с четырьмя бойцами устроил охоту за корректировщиками.

Рискуя попасть под пули, по-пластунски подобрались к радистам и забросали их противотанковыми гранатами. Вражеская артиллерия лишилась корректировщиков, а пятерка смельчаков возвратилась в домик, успев по пути собрать целую кучу немецкого оружия и боеприпасов.

К этому времени и здесь уже все было в огне. Капитан Внуков решил последовать примеру Крупина, перебравшегося с бойцами и рацией в подвал дома. Внизу стало легче дышать. У двух крошечных окошек, превращенных в бойницы, устроились с ручными пулеметами капитан Внуков и сержант Малявко, у входа в подвал — старшина Боев с остальными бойцами. Приблизительно такой же «боевой порядок» был и в группе Крупина.

Теперь фашисты вплотную обложили полусожженные дома. Совсем рядом раздавались крики:

— Рус, сдавайся!

В ответ кто-нибудь из осажденных посылал пулю:

— Получай, фашист!

Запас патронов с каждой минутой тает. Еще несколько выстрелов — и все... А фашисты уже ломаются в один из подвалов. Крупин с бойцами и рацией перебирается к Внукову. Тут подвал надежнее. Но отсюда выхода уже не будет.

— Есть выход, — говорит капитан Внуков.

И все знают, какой: еще работает рация, значит можно вызвать огонь на себя и уничтожить всех атакующих гитлеровцев. Ну, а если при этом придется и самим погибнуть, то со слабой, как подобает советским воинам.

Крупин быстро подсчитывает: да, снаряды должны лечь так, чтобы не повредить подвалу, но...

Внуков из-под окровавленной повязки пытливо оглядывает товарищей. В их глазах он видит одну мысль, одно решение. И все же спрашивает:

— Кто против?

Малодушных не нашлось.

Теперь приступает к делу капитан Крупин. По его приказанию радист Моргун вызывает начальника артиллерии укрепленного района майора С. А. Алексеева. Крупин просит огня, диктует точные координаты. Чувствуя, что майор явно смущен, повторяет заявку.

Она взволновала не только Алексеева. Я тоже почувствовал смятение, когда он доложил мне о ней:

— Это же огонь... на себя!

— Все будет зависеть от точности переданных Крупиным координат, — тихо, как бы про себя, заметил Алексеев.

— И от точности стрельбы нашей артиллерии, — добавил я. — Перед выполнением заявки еще раз запросите координаты. Личному составу дивизиона скажите все... Чтобы каждый оружейный расчет знал: речь идет о спасении наших товарищей.

И вот координаты подтверждены. Тут же Крупин получает извещение:

— Огонь готов.

Он командует по радио:

— Четыре снаряда, беглый! Дивизионом!

48 снарядов легли точно вокруг домиков. Мало кто из находившихся здесь гитлеровцев уцелел. Оставшиеся в живых поспешно бежали подальше от зоны разрывов. Но и там их настигла наша артиллерия, перенося огонь по команде Крупина.

Никто из осажденных не пострадал. В подвале царило бурное ликование. Но и врага здесь не забывали. Воспользовавшись переполохом среди фашистов, сержант Малявко с тремя бойцами собрал еще десяток немецких автоматов и много патронов. Моргун с двумя бойцами также вышолз из подвала. Быстро подобрав оружие и боеприпасы, они возвратились.

— Товарищ капитан, — обратился к Крупину радист, — разрешите оттуда, сверху, подсказывать вам места, где фашисты скопились. Там виднее...

Действительно, в наступивших сумерках из-за полуразрушенной стены домика лучше видны были беспорядочные группы уцелевших вражеских солдат. Там с разрешения капитана и залег Моргун, помогая корректировать огонь нашей артиллерии.

Враг уже не рисковал приближаться к горсточке бесстрашных советских воинов. Но и у них силы были на исходе. Смертельно усталые, почти все раненные, они понимали, что одним им долго не продержаться, а обещанная помощь все не шла.

Но вот радостная весть. Командир 493-го батальона капитан Синьков сообщил по радио, что помощь близка.

В это время резервы укрепрайона сосредоточивались для удара по врагу, не только захватившему Витаново, но успешному и продвинутому дальше, на шоссе, ведущее к Гладовке.

Наших семи батальонов, имевших большой недокомплект,

явно не хватало для обороны 45-километрового рубежа, да еще при крайне невыгодных условиях местности. Тем не менее нам предстояло собственными силами отбросить вклинившегося противника и восстановить положение. Такую задачу поставил командующий армией. Его решение было продиктовано необходимостью не раскрывать противнику даже в малейшей степени расположение сил армии, готовившихся к наступлению.

Но собственного резерва укрепрайона было недостаточно для выполнения этой задачи. Поэтому пришлось проделать целую «перегруппировку сил». Штаб укрепленного района вооружил солдат хозяйственных подразделений и тыла, сформировал из них стрелковые роты. В их состав вошли и все способные носить оружие выздоравливающие бойцы, находившиеся на медицинских пунктах батальонов и укрепрайона. Затем эти подразделения были выдвинуты на наименее ответственные направления, высвободив оборонявшие их пять пулеметно-артиллерийских рот.

Эти пять рот, а также разведывательная и саперная вместе с комендантским взводом и составили нашу ударную группу.

Говорят, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. На этот же раз все происходило поистине со сказочной быстротой. Ведь пришлось сначала по всей нашей полосе собирать бойцов для новых боевых формирований, затем подвести их к намеченным для смены частей участкам, разбросанным опять-таки по всему переднему краю, и, наконец, сосредоточить высвободившиеся пулеметно-артиллерийские роты на направлении ответного удара.

К этому нужно добавить и то, что одним из обязательных условий успеха была скрытность предпринятого частями укрепрайона маневра. Чтобы не вызвать у противника подозрений, а следовательно и контрмер с его стороны, смена и сосредоточение рот тщательно маскировались, а это, конечно, тоже требовало дополнительных затрат времени.

И все же к вечеру того же праздничного дня 23 февраля ударная группа была готова к выполнению боевой задачи.

Дальше события разворачивались еще стремительнее. За короткой артиллерийской подготовкой последовал сильный удар, заставивший противника бросить захваченные им позиции на шоссе, ведущее в Гладовку, откатиться в Витаново, а оттуда успешно бежать на свои высоты.

Деревня была полностью очищена от врага, и вот мы уже обнимаем наших боевых товарищей, находившихся весь день в окружении, поздравляем их со славной победой в неравной схватке с фашистами.

Многих мы недосчитались в этот час. Пал смертью героя в бою с врагом и капитан Белов. Были и тяжело раненные, среди них пулеметчик Васюта, находившийся в бессознательном состоянии.

Но во много раз дороже обошлась противнику его попытка вклиниться в нашу оборону. В Витаново повсюду валялись убитые гитлеровцы. Их были сотни. И особенно много — вокруг двух разрушенных и сожженных домиков, где оборонялась горсточка бойцов во главе с капитанами Виуковым и Крупиным.

Так врагу не удалось испортить нам праздник. Не достиг он и своих целей: положение на переднем крае было восстановлено, попытка раскрыть действия и намерения перегруппировывавшихся войск 18-й армии также оказалась безрезультатной.

Последнее обстоятельство, судя по всему, вызывало особенное беспокойство у гитлеровцев. Они и в последующие дни продолжали предпринимать отчаянные усилия, чтобы сорвать планы нашего командования. Не проходило дня без новых попыток прощупать оборону укрепленного района. 24 февраля противник вел разведку боем на участке 496-го батальона, 25-го совершил палет на 361-й. 26-го он четырежды пытался вклиниться в нашу оборону, последовательно атакуя позиции 361-го, 496-го, 491-го и 20-го батальонов. 27-го повторилось то же самое, но теперь и на участке 500-го батальона.

Чтобы представить характер этих налетов, подчас резко осложнявших положение на нашем переднем крае, расскажу об одном из них.

Это было в ночь на 28 февраля. До двухсот немецких автоматчиков скрытно подобралось к переднему краю первой роты 20-го батальона. Тут они были обнаружены и остановлены пулеметным и автоматным огнем. Однако одной группе гитлеровцев, насчитывавшей человек сорок, удалось в ходе боя прорваться через передний край и выйти в район наблюдательно-командного пункта командира роты капитана Захаренко. Часть немцев бросилась на прикрывавшие его расчеты 45-мм орудия и станкового пулемета, другая блокировала соседнюю землянку командира взвода лейтенанта Пахомова.

Советские воины не растерялись. Расчет сержанта Герасимова, разрядив свое орудие по фашистам, бил теперь по ним из автоматов, закидывал ручными гранатами. Одного за другим разил насмерть меткими выстрелами Пахомов. Подоспевший резервный взвод командира батальона частью расстрелял нападавших с ходу, а остатки отбросил штыковой атакой. Так и на этот раз гитлеровцам не удалось осуществить свое намерение пробиться в тыл или хотя бы утащить у нас «языка»¹.

Трудным был для нас февраль. Но вот и он позади.

А в начале марта генерал-лейтенант Гастилевич совместно с командованием 1-го гвардейского стрелкового корпуса и 159-го укрепленного района провел последнюю рекогносцировку. Значит, скоро наступление.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 532, лл. 151.

Но прежде, чем оно увенчалось успехом, нам пришлось еще раз убедиться в том, что перед нами был действительно «крепкий орешек».

По решению командования 18-й армии ударная группа 17-го гвардейского стрелкового корпуса должна была наступать вдоль шоссе на Бобров, Сланицу. Прикрывать ее фланги было приказано 159-му укрепленному району силами четырех батальонов.

В ночь на 5 марта 491-й, 496-й и 20-й батальоны передали свои участки обороны полевым частям и начали подготовку к атаке. Первые два должны были наступать на правом фланге ударной группы, 20-й же вместе с временно приданными укрепления району специально для этого пятью стрелковыми ротами — на левом.

Эти пять стрелковых рот составили созданный штабом укрепления сводный батальон. Возглавил его капитан Богоявленский, оказавшийся тогда «не у дел», так как роты 496-го пулеметно-артиллерийского батальона, которым он командовал, имели большой недокомплект и поэтому были временно переданы на усиление других частей укрепления.

Выбор пал на В. С. Богоявленского еще и по другой причине. Прибывшие к нам стрелковые роты состояли в большинстве из солдат-новичков, обученных насех, необстрелянных. Из них еще предстояло сделать боеспособную часть, и эта задача была под силу именно Владимиру Сергеевичу, одному из лучших, опытейших боевых офицеров укрепления.

И он действительно сделал все, что мог. Стрелковые роты, прибывшие за несколько дней до начала наступления, сразу же включились в боевую подготовку, которую вели наши батальоны. Капитан Богоявленский неотлучно находился с ними, учил бойцов, рассказывал им о боевых традициях войск укрепления района, об их славном боевом пути. Большую помощь, разумеется, ему оказывали в этом наши политработники во главе с полковником Н. Н. Калининным.

Под руководством Владимира Сергеевича эти роты вскоре после прибытия приняли и первое боевое крещение. Вместе с ним они ходили в ночной поиск, и весьма удачно. Так, одна из рот, бесшумно проникнув на передний край обороны противника в районе высоты 1107, захватила группу фашистов, не успевших открыть огонь. Вместе с пленными рота возвратилась в свое расположение, не понеся потерь.

Но такие удачи, конечно, не означали, что за несколько дней новички стали бывальыми воинами. Напротив, они все еще были недостаточно подготовлены к выполнению возложенной на них сложной боевой задачи. Это не могло не сказаться и на результатах боевых действий, которые велись ими вначале.

Наступил назначенный срок — утро 7 марта. Пятиминутный

сильный огневой налет на позиции противника, и вслед за ним — атака.

В тот день части 17-го гвардейского стрелкового корпуса прорвали оборону противника и вышли к восточным окраинам Зуброглавы и Боброва. Дальше продвинуться не смогли. Наступление, едва начавшись, стало затухать.

Безуспешными были и действия частей укрепрайона.

Справа от ударной группы корпуса одновременно с ней пошли вперед 491-й и 496-й батальоны. Им было приказано овладеть на этом направлении сначала высотами 758 и 865, а затем следующей — 819. Продвигаясь по глубокому снегу, они за полчаса достигли леса в двух километрах от первой из названных высот.

На этом участке оборонялись два немецких батальона — горнострелковый и 888-й охранный, незадолго до того прибывший из Германии. Они встретили наших воинов сильным огнем, вынудив их залечь.

Однако атакующие батальоны находились уже непосредственно у проволочных заграждений и, ведя бой, одновременно продельвали в них проходы. Фашисты пытались помешать этому, но две их контратаки во фланг наступающим были отбиты.

В 12 часов 491-й батальон под прикрытием 496-го преодолел заграждения и вышел на линию польско-чехословацкой границы у пограничного столба под номером 85. Продвинуться дальше, на высоту, не смог и, окопавшись в снегу, продолжал огневой бой.

Неудача постигла и сводный стрелковый батальон, наступавший на левом фланге ударной группы 17-го гвардейского стрелкового корпуса. Взаимодействуя с ней, он должен был атаковать врага на реке Чорна Орава у населенного пункта Солтыство Нижне и, овладев частью урочища За-Елесной, продолжать наступление на Гамри.

Две правофланговые роты выполнили первую часть этой задачи, прорвав оборону противника у реки. Наступая вдоль берега, в обход Солтыство Нижне, они даже достигли указанного урочища.

Но там противник встретил их сильным пулеметно-автоматным и минометным огнем со стороны Гамри. Опасаясь окружения, хотя по условиям местности оно было маловероятным, и не установив связи с командиром батальона, обе роты начали отходить.

Две другие роты того же батальона незадолго до полудня вышли на окраину Солтыство Нижне. Но закрепиться здесь не сумели и, будучи атакованы противником, оказались разобщены и позорно также возвратились на исходные позиции¹.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 532, лл. 2—22.

Не принес успеха и следующий день. Ударная группа войск 17-го корпуса не продвинулась далее восточных окраин Зубро-главы и Боброва.

9 марта укрепленному району была поставлена задача вновь атаковать противника теми же силами на обоих направлениях с решительной целью прорвать его оборону. Но и на этот раз наши атаки оказались безрезультатными. Хотя сводный батальон теперь прикрывали две роты 20-го артпульбата и действовал он более слаженно, однако успеха не добился.

Отразили фашисты и новую атаку 491-го батальона, усиленного двумя ротами 496-го. Он успел прорваться к высоте 865 и стал обходить ее, но был контратакован и отброшен. Удалось лишь совместно с 496-м батальоном разгромить при отходе опорный пункт противника у пограничного столба 83, уничтожив роту гитлеровцев.

В тот же день враг панес со стороны Стыруновой Поляны и Пясковой Поляны контрудар по войскам 17-го корпуса, и они были вынуждены оставить занятые позиции на окраинах Зубро-главы и Боброва и вернуться в исходное положение. Таким образом, попытки ударной группы корпуса прорвать оборону противника не имели успеха.

Надо сказать, что таков же был результат наступления, предпринятого несколько раньше с другого направления 1-м Чехословацким армейским корпусом и 24-й стрелковой дивизией 18-й армии. Прорвав 3 марта оборону врага, они с ходу захватили Бобров и Трстень, но противник, введя в бой резервы, на следующий день восстановил положение.

Неудачи обеих наступательных операций в этом районе представляются мне следствием ряда причин, среди которых прежде всего недостаточность сил и средств, выделенных для прорыва вражеской обороны. Неточным был и выбор направления главного удара. Подтверждение этому дал последующий ход операции, когда боевые действия были подготовлены более тщательно, а потому и оказались успешными.

Последние бои

15 марта укрепленный район передал вновь подготовленному к наступлению 17-му гвардейскому корпусу часть рубежа обороны, на этот раз уже южную. Граница между полевыми войсками и пулеметно-артиллерийскими батальонами теперь проходила от горы Острыш по высоте 1025 и южной окраины Витанова до Забидова. В дальнейшем она была перенесена еще чуть севернее.

Соответственно менялось и направление главного удара. Войска корпуса должны были нанести его от Хохолува — Гладовки на Трстень — Твардошин. Батальонам укрепленного района было приказано наступать на Бобров и Зуброглаву. Таким образом, прежнее направление главного удара становилось вспомогательным.

Это изменение, несомненно, способствовало успеху наступления ударной группы корпуса, так как было неожиданным для противника. Задача же частей укрепрайона становилась более сложной, чем прежде: нам предстояло выбить врага из населенных пунктов, которыми не смогли овладеть войска корпуса. Конечно, следовало ожидать, что теперь фашисты бросят свои резервы не против нас, а на новое направление главного удара. Но и при этом овладение Бобровом и Зуброглавой оставалось не легким делом для батальонов укрепрайона, по-прежнему имевших значительный недокомплект личного состава.

Правда, мы частично пополнили их за счет стрелковых рот, о которых уже говорилось. Дело в том, что штаб армии, наконец, зачислил их в постоянный состав наших батальонов. Это было весьма разумным решением, так как стрелковые роты, действуя самостоятельно, понесли в результате наступательных боев 7—9 марта весьма значительные потери. Теперь же новички влились в ряды бывалых бойцов, а это, как известно, лучший способ избежать лишних потерь.

Пополнение было распределено по пулеметно-артиллерийским ротам, что дало возможность восстановить 494-й батальон в качестве отдельной части. Так у нас опять стало семь пулеметно-артиллерийских батальонов, и к началу нового наступления можно было создать более сильные резервы.

Подготовка к прорыву вражеской обороны на этот раз велась тщательнее. Войска корпуса, как я уже отмечал, заняли часть оборонительной полосы еще 15 марта, почти за две недели до начала наступления, и смогли лучше изучить противостоявшие вражеские силы. Немало в этом отношении сделали и отважные разведчики. Каждую ночь доставляли они свежие данные о противнике, а нередко и пленных.

Большая удача выпала разведгруппе 500-го батальона в составе коммуниста старшего сержанта Деева и рядовых-комсомольцев Осиченко, Липы и Новикова. 15 марта они проникли в тыл гитлеровцев и двое суток спустя возвратились не только с ценными сведениями о враге, но и с шестью «языками». Успешно действовали и разведчики 493-го батальона. Старший сержант Нурдинов и рядовые Сантин и Черняев в ночь на 19 марта скрытно подползли к переднему краю противника. Закидав гранатами вражеский блиндаж, они выволокли оттуда двух уцелевших фашистов и доставили их в штаб батальона¹.

Благодаря активности нашей разведки удалось получить довольно ясное представление об обороне противника на направлении предстоявшего наступления батальонов укрепрайона. Она была построена очагами из отдельных огневых точек и блиндажей, соединявшихся ходами сообщения и прикрытых проволочными заграждениями. Все это в сочетании с условиями горной местности, в которой высотами владел противник, сулило атакующим немало трудностей.

Однако они были преодолены.

На рассвете 28 марта, после десятиминутного мощного артиллерийского налета по передовым позициям врага, вместе с ударными частями корпуса пошли в атаку 491-й, 493-й и 496-й пулеметно-артиллерийские батальоны. Встреченные чрезвычайно упорным сопротивлением, они продвигались шаг за шагом. В результате трехдневных ожесточенных боев удалось прорвать оборонительную полосу противника и овладеть Пясковой Поляной и Гамри.

Наступление войск правого крыла ударной группировки 18-й армии также усилилось. Они освободили Трестень и Твардошин.

Складывались благоприятные условия для дальнейшего продвижения частей укрепленного района.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 172604, д. 5, л. 95.

491-й батальон, развернувшись вправо, на Зуброглаву, вышел 1 апреля на речку Поланова Кривень. Влево, на Бобров, двинулся 493-й батальон, установивший в районе речки Чорна Орава локтевую связь с частями соседней 8-й стрелковой дивизии. Туда же наступал вдоль шоссе Яблонка—Бобров и 496-й. Этот батальон и выдвинувшийся сюда резервный 500-й 1 апреля овладели городком Бобров.

Наступление корпуса продолжало успешно развиваться. 8-я стрелковая дивизия овладела населенными пунктами Осада и Урочище Юрчево. К концу дня 1 апреля наступающие части вышли в Устье, полностью выполнив боевую задачу, поставленную командованием армии.

Противник отходил по всему фронту.

На рассвете 2 апреля в наступление перешли все батальоны укрепленного района. Они получили задачу обеспечивать правый фланг 18-й армии и очистить от противника долины рек Веселе, Мутне, Навоть.

20-й батальон, двигаясь в направлении Наместово, Ясеница и дальше вдоль реки Бела Орава, уже в 7 часов утра ворвался в первый из этих населенных пунктов. Здесь он встретил сильное сопротивление и в течение всего дня вел уличные бои, закончившиеся уничтожением вражеского гарнизона. 491-й батальон, переправившийся через реку Бела Орава, вышел в тыл противнику и во взаимодействии с 493-м овладел селением Ясеницы¹.

К 5 апреля эти три батальона освободили также населенные пункты Круштницы, Поречье, Закаменно Оравицу, Мрзачку, а 496-й — Мутно и Навоть. Продолжая успешное наступление в долинах рек Веселе, Мутне, Навоть и Бистрица, части укрепленного района уничтожали засады противника, сбивали его арьергарды и заслоны.

18-я армия имела задачу выйти в ходе преследования на линию Стара Бистрица, Варин, Св. Мартин. Однако в районе населенных пунктов Суль, Рыцерна—Гурна, Стара Бистрица, в труднодоступной горной полосе Бескид Живецких войска армии встретили очередной, сильно укрепленный рубеж противника.

Наступление было вновь приостановлено.

8 апреля перешли к обороне части укрепленного района. Правofланговый 496-й батальон занял участок с передним краем от Боровянки до Граничне. Левее местность представляла собой сплошное нагромождение поросших лесом, почти непроходимых гор. Этот участок протяженностью по фронту до десяти километров отделял 496-й батальон от его соседа — 491-го, чей передний край проходил от подножья горы Кучера до высоты 829. Дальше

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 536, лл. 22—113.

расположились 20-й (Велпкий Поток, Гапчины) и, наконец, 493-й (отметка 564, Домацков). Остальные три батальона предназначались для наступательных действий.

Мы действовали левее 1-й гвардейской армии, связи с которой по-прежнему не имели. Нашими же соседями слева, на противоположном берегу речки Бистрица, текущей с востока на запад, были части 8-й стрелковой дивизии.

Перед нами оборонялись 253-я пехотная дивизия и 774-й пехотный полк на участке Копякув — Стара Бистрица и 304-я пехотная дивизия немцев совместно с остатками нескольких частей другой дивизии — на участке Стара Бистрица—Браницы. Наиболее сильно укрепленной оказалась полоса, прикрывавшая Стару Бистрицу. Она, как установила разведка боем, тянулась от высоты 979 по правому берегу безымянной речки вплоть до ее впадения в Бистрицу у населенного пункта Райноги.

Между тем укрепрайону была поставлена задача овладеть именно этой самой Старой Бистрицей. Мы должны были захватить и гору Кучера (высоту 1004), которая составляла часть упомянутого выше труднопроходимого массива. В дальнейшем батальонам предстояло освободить также город Чадца.

Гора Кучера имела большое значение для успешного выполнения всего этого боевого задания. С нее мы и начали.

Поистине неимоверные усилия понадобились, чтобы обойти с севера высоту 1004. И они оказались под силу советским войнам. Однако, преодолев горное бездорожье и овладев этой высотой, мы не смогли продвинуться дальше, так как встретили ожесточенное сопротивление противника.

Помимо всего прочего это означало, что разрыв между 496-м и остальными батальонами оставался. Насколько он был опасен, показала попытка противника окружить 496-й батальон сразу же после его выхода на этот рубеж. Угрозу выхода врага в наш тыл на этом направлении подтвердили и поиски разведывательной группы 500-го батальона: она обнаружила там батальон фолькштурмистов, недавно прибывший из Германии.

Пришлось принять предупредительные меры. Та же разведгруппа, действуя северо-восточнее Кучеры, с наступлением темноты овладела высотой 1119 (горой Ожел), захватив здесь 27 пленных. Вслед за тем сюда выдвинулся 500-й батальон, а вскоре на эту же высоту был выведен и 496-й, с боем вырвавшийся из окружения.

Захват горы Ожел был составной частью нашего общего плана преодоления вражеской обороны. Он предусматривал наступление по долине речек Ростока-Дол и Клубинска-Дол, откуда мы предполагали выйти в тыл войскам противника, оборонявшим Стару Бистрицу. Обеспечить справа движение атакующих батальонов и должны были наши опорные пункты на высотах 1004 и 1119.

При создании этих опорных пунктов неоценимую братскую помощь оказало опять местное население. Наши друзья-словаки сначала помогли выкатить на руках в горы семь артиллерийских батарей. Затем взялись доставлять туда боеприпасы и продовольствие, выносить с гор раненых.

С чувством глубокой благодарности вспоминаю я об этих замечательных патриотах своей Родины, стремившихся хоть чем-нибудь помочь в борьбе с общим врагом — фашизмом. Их помощь сыграла большую роль в организации нашего дальнейшего наступления в этом районе.

Да вот хотя бы такой пример. 8 апреля, сразу же после нашего вступления в Нову Бистрицу, к моему заместителю по снабжению майору Георгию Алексеевичу Гольцикеру явился представитель местной группы Сопротивления. Он сказал, что можно восстановить узкоколейку от Нова Бистрицы до Брезы (Брезно). Оказалось, что немцы при отступлении завалили тоннель, по которому она проходит.

В ту ночь его отрыли саперы. В тоннеле оказался и паровоз с вагонами. Узкоколейная железная дорога была быстро восстановлена и с помощью словацких рабочих приведена в действие.

Так была решена задача снабжения, которая являлась для нас чрезвычайно затруднительной, так как своего автотранспорта укрепрайон не имел, а требовалось, чтобы мы своими силами подвозили грузы с перевалочного пункта в Брезе. Из Нова Бистрицы в горы все доставлялось также в основном местными жителями, многие из которых были партизанами. Для этого они организовали несколько специальных команд, насчитывавших до 150 человек и действовавших под руководством наших офицеров.

Обеспечив свой правый фланг, части укрепленного района усилили активные действия.

При поддержке артиллерийских батарей, бивших по врагу прямой наводкой с гор Кучера и Ожел, 496-й батальон 10 апреля овладел высотой 757, захватив в плен оборонявшееся здесь подразделение первого батальона 754-го пехотного полка. Тогда же 361-й и 491-й батальоны совместной атакой заняли высоту 950 и двинулись дальше, на Слинков, а 493-й и 500-й овладели фольварком Клубински и высотой 861. Наступая на юг, батальоны 12 апреля отбили у противника высоту 341 и Котлин, а также часть железнодорожной линии, идущей в долину Клубинска-Дол.

Подтянув свежие силы, фашисты 13 апреля предприняли несколько атак с целью выбить наши части с высот. Завязались упорные кровопролитные бои, в ходе которых мы не только удержали занятые нами скаты и вершины гор, но и неизменно продвигались вперед, захватывая новые позиции.

Особенно важно было занять гору Ясен и расположенные вокруг нее три безымянные высоты, преграждавшие путь в долину, где сливались реки Бистрица и Късуца. Против оборонявшего их противника были брошены четыре из пяти батальонов, наступавших на этом направлении. Их совместными действиями умело руководил майор Сотников, возглавлявший теперь оперативную часть штаба укрепленного района.

Первый успех был достигнут 16 апреля. В этот день 500-й батальон внезапной атакой овладел одной из безымянных высот и, передав ее двум соседним ротам 361-го батальона, вновь двинулся вперед. Противник стремился во что бы то ни стало вернуть утраченную важную позицию. Его артиллерия обстреляла высоту. Вслед за тем три роты гитлеровцев атаковали ее, потеснив наши подразделения. Однако 361-й батальон при содействии автоматчиков из 500-го вновь овладел высотой.

Не выдержав рукопашного боя, фашисты отступили. 23 из них были взяты в плен. В это же время 496-й батальон захватил гору Къкула, а затем внезапной атакой занял и расположенную несколько южнее высоту 979.

Высота 979 как раз и прикрывала подступы к горе Ясен и выход к Стибалову. Поэтому в течение трех следующих дней гитлеровцы отчаянно пытались сбить с нее наш батальон. Атаки следовали одна за другой. Высота то и дело переходила из рук в руки. Но 19 апреля на ее вершине появились наши минометы, а также выкаченные на руках 45-мм орудия, ударившие прямой наводкой, и враг был окончательно отброшен.

После этого 361-й, 493-й, 496-й и 500-й батальоны при поддержке артиллерии, следовавшей теперь в их боевых порядках, сломили упорное сопротивление фашистов, оборонявших гору Ясен. 26 апреля в жестоком бою они овладели ею и вышли к Стибалову. В тот же день 20-й и 491-й батальоны освободили Стару Бистрицу, захватив здесь до трехсот пленных и большое количество военных трофеев¹.

Выход в долину двух рек был открыт.

Полоса частей укрепленного района к этому времени расширилась и за счет участка 8-й стрелковой дивизии, принятого нами по приказу командования армии. Его занял 361-й батальон. Таким образом, мы теперь наступали по обоим берегам реки Бистрицы.

Шли вперед и другие соединения 18-й армии. Поэтому противник не имел возможности маневрировать. И все же после потери своего первого сильно укрепленного рубежа он попытался задержать нас на следующем, расположенном вдоль рек Чернянка, Късуца и прикрывавшем город Чадца.

² Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 540, л. 15.

Здесь главная оборонительная полоса гитлеровцев состояла из двух сплошных траншей, тянувшихся от Долки по высотам 650, 758, затем через фольварки До-Губара, До-Старин и далее на юг. Они были усилены противотанковыми рвами, надолбами, проводочными заграждениями, минными полями. Кроме того, на отдельных участках имелись усиленные узлы сопротивления — дзоты, закрытые пулеметные и снайперские точки. Наконец, к западу от этого рубежа фашисты тщательно укрепили непосредственные подступы к городу.

Выполняя боевую задачу, батальоны укрепленного района 27 апреля овладели населенными пунктами Краловя, Кандери, Кадамья, Горцы, Ясковья, Бабайти, Бемья. В течение следующих двух дней они вновь продвинулись на 24 километра и освободили десятки других селений.

30 апреля немецкий 464-й пехотный полк пытался остановить части укрепленного района на наиболее сильно укрепленном участке рубежа — у впадения реки Бистрицы в Кысуцу. Но это ему не удалось. Наше наступление было столь стремительным, что под угрозой оказались фланги гитлеровцев, и полк поспешно начал отходить, стремясь укрыться в городе.

Преследуя отступающего врага, батальоны на его плечах ворвались в ночь на 2 мая в Чадца. Здесь, кроме упомянутого полка и остатков других разгромленных частей, были сосредоточены и резервные подразделения фашистов общей численностью свыше тысячи солдат и офицеров. Большая их часть была уничтожена в завязавшихся ночных уличных боях, многие взяты в плен, а остальные бежали из города и рассеялись в горах и лесах¹.

В бою за освобождение города Чадца смертью храбрых пали десятки советских воинов, и среди них капитан В. С. Богоявленский. Тяжко было видеть лежащим с простреленной грудью боевого друга, отважного офицера, прекрасной души человека. С болью хоронили мы павших товарищей. У братской могилы, выросшей в тот день в скверике на центральной площади Чадца, вместе с нами в скорбном молчании стояли жители города, за счастье которых отдали свою жизнь советские люди.

Это было 2 мая, в тот самый день, когда войска Советской Армии, сломив яростное сопротивление гитлеровцев, штурмом овладели Берлином. Над фашистским рейхстагом развевалось знамя нашей Победы. Несколько дней оставалось до полной и безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

И мы знали, что там, в логове фашистского зверя, и на всех других фронтах, где еще сражалась Советская Армия, и в эти последние дни войны лилась кровь советских воинов и вырастали

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 10; оп. 172604, д. 5, л. 326; ф. 371, оп. 6367, д. 540, лл. 1—15; д. 536, лл. 2—113.

холмики новых братских могил, подобных той, у которой мы стояли в небольшом чехословацком городке Чадца. Но мы также знали, что не напрасно пролилась эта кровь и что все народы, на чьей земле мы оставляли могилы наших павших воинов, будут чтить их как памятники великому подвигу советского народа, освободившего мир от фашизма.

Как известно, военные действия в Европе не закончились с взятием Берлина. Остатки разгромленных вражеских войск с отчаянием обреченных продолжали оказывать Советской Армии ожесточенное сопротивление везде, где это еще оставалось возможным. Так было и в Чехословакии. Гитлеровцы продолжали удерживать в своих руках ее центральную и западную части. Они все еще хозяйничали в столице страны — Праге, жестокими репрессиями подавляя массовое движение Сопротивления.

Немедленное и полное освобождение чехословацкой земли стало в те дни одной из важнейших задач советских войск. К последнему решительному наступлению готовились и соединения 4-го Украинского фронта.

С этим, несомненно, было связано и решение о переброске батальонов 159-го укрепленного района с левого на правый фланг фронта. Таким образом, освободив город Чадца и этим полностью выполнив задачу, поставленную нам командованием 18-й армии, мы должны были покинуть Словакию¹.

Здесь, в Чадца, мы и простились с ней, навсегда сохранив добрую память о словацких друзьях, об их самоотверженной помощи, без которой нам было бы неизмеримо труднее вести боевые действия, особенно в горах. Не забыть и тех минут, когда они с любовью, по-братски провожали нас на последние, завершающие битвы с врагом. . .

В ночь на 5 мая батальоны разместились на грузовиках, присланных управлением фронта. Тяжелое пехотное оружие и боеприпасы также были погружены на машины, а артиллерийские орудия — на прицепы к ним. Без обозов и лошадей, которые должны были двигаться вслед за нами, мы прибыли к утру в селение Нассидаль, где вошли в состав 60-й армии.

Выполняя приказ, части укрепрайона заняли рубеж к западу от этого селения на левом берегу реки Опавы. Но вслед за тем была получена новая задача — с утра 6 мая наступать в направлении Кротендорф, Фридерсдорф, ст. Милотица и к исходу дня овладеть районом Вюрбенсталь—Бухвергсталь.

Вот когда мы почувствовали, что значили для нас оставленные в Чадца лошади. Теперь они вместе с обозами тоже продвигались сюда. Но 250 километров, которые нами были преодолены на машинах за несколько часов, они могли пройти не менее чем

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 172604, д. 5, л. 338.

за четверо суток. А до начала наступления оставалось не более тридцати часов. Где же взять тягловую силу для орудий, транспорт для тяжелой пехотной техники и боеприпасов?

Но вокруг нас и здесь были друзья, на этот раз чехи.

Мы находились теперь в Моравии, а точнее в восточной части Судетских гор. Это была частица как раз той территории, с оккупации которой Гитлер начал захват Чехословакии в 1938 г. Среди местных жителей оказалось много немцев, не успевших или не пожелавших уйти на запад вместе с отступившими войсками вермахта. Быть может, они еще верили своим фашистским фюрерам, слушавшим некое «чудо», которое будто бы в последний момент спасет «расу господ».

Так или иначе, но встреча с немецким населением была новым для нас фактором, потребовавшим от командиров и политработников усиления разъяснительной работы среди бойцов. Ведь наша Коммунистическая партия учила не ставить знак равенства между немецкими трудящимися и нацистскими руководителями. Совсем недавно мы получили новое подтверждение этому в «Правде», которая 14 апреля 1945 г. вполне обоснованно поправила тех, кто полагал, что весь немецкий народ должен разделить участь фашизма.

Нелегко было разъяснить это бойцам, да и многим офицерам. Неизмеримо труднее, чем при первых встречах с румынским и венгерским населением. Столь велика была ненависть наших воинов к фашизму, порожденному Германией. И все же, как в Нассидале, так в других местах, где мы, проходя с боями, встречали немецкое население, ни один мирный житель не был обижен советским солдатом.

Пришлось, правда, реквизировать лошадей в богатых немецких усадьбах. Но их владельцы вряд ли были «мирными» жителями. Скорее все они являлись заправилami в существовавших здесь еще недавно фашистских организациях. Так что такой «грех» мы взяли на себя не задумываясь. Тем более что лошади, как я уже отмечал, нужны были нам безотлагательно.

Впрочем, возникшие тогда транспортные трудности мы преодолели не столько путем военных реквизиций, сколько благодаря помощи чешского населения, видевшего в Советской Армии свою освободительницу от многолетнего ига фашизма. Чехи с радостью передали нам большое количество лошадей, за один день изготовили упряжь, причем сами же нашли необходимые для этого материалы.

Благодаря их братской помощи батальоны задолго до назначенного срока были готовы к наступлению.

От врага нас отделяла река Опава. Противостоявшие нам 56-й и 168-й полки 68-й пехотной и 105-й батальон 17-й танковой дивизий оборонялись на правом берегу, однако передовые их позиции имелись и на левом. Противник опирался на

укрепленную полосу с сетью траншей, закрытых огневых точек и блокгаузов. Броды на реке были заминированы, на берегу и под водой установлены проволочные заграждения.

Эта оборонительная полоса проходила по линии селений Блейхвиц, Бронтау, Линдау, Неплаховице, Яковице и прикрывала Егендорф (Крнов) и далее Оломоуц. Она предназначалась для того, чтобы задержать советские войска на этом направлении и обезопасить коммуникации, по которым отступали основные силы немецкой группировки в Чехословакии.

Обстановка к тому времени была совершенно безнадежной для этой группировки. К востоку, северу и югу от нее были наступающие советские войска, с запада к границам Чехословакии подошли американские дивизии. Однако, видя неизбежность капитуляции, гитлеровцы и здесь намеревались поступить точно так же, как в Германии, на востоке которой они продолжали оказывать яростное сопротивление Советской Армии, а на западе складывали оружие перед англо-американскими войсками. Соответственно этому немецкая группировка в Чехословакии, отступая под натиском советских войск, всячески пыталась задержать их продвижение и дожидаться подхода американцев с запада.

Но тщетно. Советская Армия неотвратимо шла вперед, ломая все преграды, воздвигаемые на ее пути противником.

Одну из таких преград теперь предстояло сокрушить и частям 159-го укрепленного района. Эта задача была выполнена пулеметно-артиллерийскими батальонами в первый же день наступления.

Рано утром 6 мая, после сильного артиллерийского налета на позиции врага, 20-й, 493-й и 500-й батальоны пошли в атаку. С ходу овладев населенным пунктом Блейхвиц, они под прикрытием огня из всех видов оружия форсировали Опаву на флангах немецкой обороны и, сломив сопротивление противника, ворвались в город Крнов.

Этот успех был результатом всесторонней подготовки и огромного боевого опыта наших солдат и офицеров, которые вот уже четвертый год воевали в самых различных условиях и научились действовать в любой обстановке. Особенно помогали воинам укрепрайона их умение владеть многими видами оружия, отличные навыки в разминировании. Даже под водой они быстро обезвреживали вражеские «сюрпризы», прокладывая себе путь к городу.

Уличные бои сначала приняли ожесточенный характер. Но в то время как три батальона вступили в Крнов с востока, еще два — 361-й и 496-й обходили его с севера и юга. Видя угрозу окружения, противник начал отход на запад. Отступая, фашисты оставляли за собой взорванные мосты и завалы на дорогах, что также должно было служить их главной цели — задержать наше наступление. Однако и это не могло им помочь.

Полностью освободив Крнов уже к полудню, батальоны продолжали стремительно наступать. Преследуя врага и выбив его из населенных пунктов Брантиц, Линдау, Хедвигсгрунд, Неплаховице, Браунсдорф, Лихтен и Зейферсдорф, они за один этот день продвинулись вперед более чем на 20 километров.

На следующий день части укрепленного района освободили Бурхвергсталь, Фридерсдорф, Нейерберсдорф и еще 14 различных населенных пунктов. Очистив от противника несколько железнодорожных станций, мы захватили большое количество военных трофеев.

Еще одно поражение было нанесено фашистам в районе станции Молотице. Здесь скопилось много гитлеровских войск, грузившихся в железнодорожные эшелоны. Прикрывавшие их бронепоезда открыли огонь с целью воспрепятствовать захвату нами этой станции. Они тут же были подожжены артиллерией укрепленного района. Овладев станцией, батальоны захватили в плен часть находившихся здесь гитлеровских солдат и офицеров, остальные рассеялись по окрестным селам.

8 мая, продолжая наступление, войска укрепленного района освободили свыше 15 селений, в том числе Карлсталь, Эйзидель. В тот же день они, перерезав коммуникации противника на Оломоуц, содействовали соседям в овладении этим городом.

И вот наступила незабываемая минута. В ночь на 9 мая мы получили сообщение о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Итак, войне конец. Вот она, долгожданная Победа, во имя которой наш народ, наша Советская Армия выдержали тяжчайшие испытания. Выдержали и победили, повергнув сильного и жестокого врага.

Да, война окончилась. Но предстояло выполнить еще одно боевое распоряжение: принять капитуляцию противостоявших нам немецких войск. Тут-то и ожидал нас новый «сюрприз».

Выполняя приказ командования, я послал 9 мая в 7 часов утра начальника штаба полковника Дмитриева, начальника политотдела полковника Калинина и начальника особого отдела укрепленного района майора Мирабова с переводчиками в район Вальденбурга, где находился штаб немецкой дивизии. Им предстояло оформить сдачу этой дивизии в плен. Однако несмотря на то, что условия капитуляции, подписанные немецким верховным командованием, вступили в силу еще в 23 часа 8 мая, нашей делегации было заявлено об отказе сложить оружие. Вместо безоговорочной сдачи в плен командование дивизии еще накануне начало отводить на запад свои войска и боевую технику¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 25.

Надо сказать, что намерениям гитлеровцев, о которых я уже упоминал выше, способствовали действия американского командования, которое вопреки союзническим соглашениям приказало своему 5-му корпусу вторгнуться в Чехословакию.

6 мая американские войска заняли города Пльзень и Карловы Вары, намереваясь двигаться и дальше по чехословацкой земле, чтобы оккупировать ее западную часть до рек Лабы и Влтавы.

Этот замысел, имевший далеко идущие цели, осуществить не удалось. По требованию Советского Верховного Главнокомандования американские войска вынуждены были остановиться на линии Пльзень, Карловы Вары. Однако немецкие войска, находившиеся в Чехословакии и насчитывавшие свыше миллиона солдат и офицеров, все же нарушили условия капитуляции и в день ее подписания начали отходить на запад, на территорию, занятую американцами.

Им не удалось осуществить свое намерение. Советское Верховное Главнокомандование приказало танковым войскам 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов разгромить немецкую группировку и оказать помощь восставшему населению Праги.

Эта задача была выполнена в результате искусного маневра, который завершился 9 мая освобождением Праги и окружением к юго-востоку от нее всей группировки немецко-фашистских войск.

В тот день и частям нашего укрепленного района была поставлена задача силой оружия принудить к капитуляции противника, не желающего выполнять приказ своего командования о сдаче в плен. Так мы вновь начали преследование немецко-фашистских войск и продолжали его почти до Праги. На этом последнем отрезке своего боевого пути батальоны укрепленного района прошли еще 250 километров, с боями освободив десятки городов и сел.

Повсюду, едва утихнет бой, люди спешили нам навстречу, чтобы сказать советским воинам о своей благодарности и братской дружбе.

В городе Местец Кралове, откуда мы только что выбили фашистов, на центральной площади нас ждала наскоро сколоченная из досок арка, увитая живыми цветами. Из окон домов спускались длинные красные полотнища. Площадь была заполнена ликующим народом. Сотни рук тянулись с приветствиями. Глубокий старик обнимал солдата, и слезы радости текли по его морщинистой щеке. Рядом седая старушка по-матерински целовала советского воина. Молодая женщина подняла на руках малыша, шепча ему:

— Смотри на них, это наши русские братья, они освободили нас от немцев. . .

И так было везде, куда вступали наши части.

12 мая батальоны вышли к северо-востоку от Праги. К этому времени соединения трех фронтов почти полностью взяли в плен все 860 тыс. солдат и офицеров противника. Оставалось лишь «прочесать» окрестные районы, выловив укрывавшихся в лесах гитлеровцев. Нам довелось сделать это в полосе населенных пунктов Кржинец, Коуты, Ново-Вес, Местец Кралове. Очистив эти места от мелких групп противника, части укрепрайона получили приказ расположиться на отдых перед возвращением на Родину...

Солдаты отдыхали. И это была уже не та короткая передышка, что время от времени наступала в ходе боев и часто длилась считанные часы, а то и минуты. Это был Мир, завоеванный в долгой и кровопролитной войне.

Заключение

Четыре суровых года шли советские воины к победе. Каким же сказочно коротким показался нам обратный путь на Родину после того, как враг был повержен!

Это был невиданный в истории марш победителей. Не ради захватов пришли мы сюда, на чужие земли, а с благородной освободительной миссией. Могучая очистительная лавина советских войск прокатилась по странам половины Европы, и это была первая в их многовековой истории иностранная армия, пришедшая не как завоевательница, а как подлинная освободительница.

Вот почему в каждом городе и даже в самых маленьких селениях навстречу возвращавшимся на Родину советским войскам выходили все от мала до велика. Праздник царил не только на улицах. Он был и в сердцах этих миллионов людей, которым Советская Армия принесла мир и свободу. Он был и в наших сердцах, ибо мы с победой возвращались на свою горячо любимую Родину.

Да, прекрасен был этот незабываемый триумфальный марш. В то же время он был образцом четкой организованности советских войск, их высокой дисциплины.

Батальоны нашего укрепленного района возвращались на Родину по чехословацкой и польской земле. В новеньком обмундировании, подтянутые, с лихой звонкой песней. Как и подобает советским воинам, победоносно завершившим свой великий ратный труд. На груди у каждого — боевые ордена и медали, полученные за храбрость и мужество в битвах с врагом.

Я не оговорился: у нас к тому времени действительно не было ни одного не награжденного солдата или офицера. Личный состав войск укрепленного района, насчитывавший около 5 тыс. человек, имел тогда 9924 ордена и медали, в том числе двое были награ-

ждены орденом Ленина, 187 — орденом Красного Знамени, 1 — орденом Суворова III степени, 7 — орденом Кутузова III степени, 5 — орденом Богдана Хмельницкого III степени, 34 — орденом Александра Невского, 935 — орденом Отечественной войны I и II степени, 856 — орденом Красной Звезды. Орден Слavery всех трех степеней были удостоены 6 наших воинов, II и III степени — 203 и III степени — 1515. Кроме того, почти каждый был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

Нашему соединению в целом, как я уже упоминал, было присвоено почетное наименование «Днестровский». Укрепрайон был также награжден орденами Красного Знамени и Богдана Хмельницкого, 491-й батальон — орденом Красного Знамени, 20-й и 361-й — орденами Суворова III степени, 496-й — орденом Кутузова III степени, 493-й — орденом Богдана Хмельницкого III степени, 494-й и 500-й — орденами Александра Невского, отдельная 272-я рота связи укрепленного района — орденом Красной Звезды¹.

Батальоны Днестровского Краснознаменного и ордена Богдана Хмельницкого 159-го укрепленного района прошли от Москвы и Сталинграда до чешских равнин сквозь огонь и дым, сквозь тысячи преград, отвоевывая у противника километр за километром, а часто и метр за метром. Ничто не могло их остановить — ни неприступные горы, ни бурные реки, ни неистовство жестокого врага. Ибо они были частицей самой могучей в мире непобедимой Советской Армии, руководимой Коммунистической партией и вдохновляемой ее всепобеждающими идеями.

События второй мировой войны ныне стали достоянием истории. В частности, подробно и тщательно исследуют военные историки ход боевых действий, силы сторон и применявшиеся ими методы и формы вооруженной борьбы. Это очень нужное и полезное дело, ибо опыт прошлого — великая сокровищница, щедро одающая того, кто не пренебрегает ею.

Что касается этой книги, то она, как уже ясно читателю, не является историческим исследованием. Это — воспоминания или, иными словами, свидетельства современника. Поэтому они, естественно, ограничены в основном рамками боевых действий, в которых автор лично участвовал, и проблем, с которыми он столкнулся как командир специального войскового соединения — полевого укрепленного района.

Создание полевых укрепленных районов в годы Великой Отечественной войны означало рождение еще одной новой формы

¹ См.: *Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 11.*

организации войск и привело к появлению войсковых соединений, специально приспособленных как к обороне собственных рубежей, так и к прорыву укрепленной полосы противника.

Прежде укрепленные районы были понятием географическим. Считалось, что это определенные участки местности, оборудованные фортификационными сооружениями. Их гарнизоны предназначались для того, чтобы в случае нападения противника оборонять границу до подхода войск прикрытия.

Попробуем представить себе такую картину: враг совершил внезапное нападение, оно отбито, и наши войска перешли в наступление, преследуя противника на его территории. Что же в этом случае, согласно нашим довоенным представлениям, требовалось от гарнизонов укрепленных районов? Весьма немногое. Они должны были оставаться на своих прежних позициях на тот случай, если бы противнику вновь удалось приблизиться к нашим границам.

Принципиально иное решение продиктовала война. И объясняется это не только развитием военного искусства, но и характером вооруженной борьбы, которую вел тогда советский народ, задачами, стоявшими перед нашей армией.

Известно, что то была острейшая схватка не на жизнь, а на смерть между социализмом и фашизмом. Не кто иной, как Гитлер, начиная войну против СССР, заявил о своих намерениях следующее: «Цель моей жизни и смысл существования национал-социализма — сокрушить большевизм»¹. Еще более определенно высказался он в своем выступлении по радио в 1943 г. «... Речь идет, — объявил он, — не о военном конфликте между отдельными государствами, а о гигантской битве... в ходе которой побеждает одно мировоззрение и безжалостно уничтожается другое»².

На полях битв с гитлеровскими захватчиками советский народ защищал не только территорию Родины, но и свою социалистическую идеологию, величайшие социально-политические завоевания, свободу и независимость первого в мире государства трудящихся. И он знал, что сможет отстоять все это лишь путем полного разгрома гитлеровской Германии. Такая цель диктовалась и глубокой заинтересованностью советского народа в судьбах других народов, в будущем всего человечества, которому фашизм угрожал своим существованием.

Подтверждение этому мы находим во всех исторических документах того времени начиная с директивы Центрального Комитета партии и Советского правительства от 29 июня 1941 г. Уже в ней был намечен стратегический курс на превращение

¹ См.: «Le testament politique de Hitler». Fayard, 1959, p. 61.

² См.: ЦГАОР, ф. 4459, он. 1, ед. хр. 1517, л. 27.

Мэр чехословацкого города Яблоне приветствует советских
воинов, возвращающихся на Родину после победы над фашистской
Германией (июнь 1945 г.)

неблагоприятно начавшейся войны в войну победоносную, имеющую конечной целью разгром гитлеровской Германии, искоренение злейшего врага человечества — фашизма.

Справедливый характер Великой Отечественной войны советского народа и решительность ее целей вдохновляли наши войска и в тяжелых оборонительных боях первого периода, и в последовавших за ним мощных наступательных операциях. Эти цели, провозглашенные Коммунистической партией, определили стратегию и тактику Советской Армии.

В отличие, например, от французской предвоенной доктрины советское военное искусство не считало стратегическую оборону, какой бы сильной она ни была, основным фактором достижения решающего успеха в войне. Оборона в наших Вооруженных Силах всегда служила задачам наступления. Даже в первый период войны, с полным основанием названный оборонительным, наряду с задачами вынужденной непосредственной защиты каждого клочка родной земли, наша оборона имела еще и цель прикрыть мобилизацию сил и средств для последующих контрударов и перехода в наступление.

И в том, что эта цель была блестяще осуществлена, огромную роль сыграли новые оборонительные рубежи, на которых Советская Армия нанесла противнику огромный урон и развеяла его надежды на «блицкриг», тем самым в значительной мере

предопределив провал дальнейших наступательных операций вермахта.

История создания этих рубежей — одна из ярчайших страниц эпохи борьбы советского народа за победу в Великой Отечественной войне. Только за первые 15 месяцев войны на это ушло, по неполным данным, свыше 300 млн. человекодней. Иначе говоря, на сооружении укрепленных линий в тот период ежедневно трудилось в среднем около миллиона рабочих, колхозников, учащихся. Они построили 25 тыс. километров оборонительных рубежей, протянувшихся от Северного Ледовитого океана до Черного моря и рассчитанных на размещение 6 тыс. батальонов!

Далеко не все в этом деле шло гладко. Нехватка специалистов, материалов и строительной техники, приверженность устаревшей «очаговой» системе обороны обусловили на первых порах невысокое качество инженерных сооружений, их несоответствие требованиям времени. Быстро меняющаяся обстановка на фронте часто не давала возможности довести строительство до конца. Наконец, организация обороны новых рубежей в ряде случаев оставляла желать лучшего.

В то же время многие из них представляли собой большой шаг вперед по сравнению с довоенными укрепленными районами, особенно Московская зона обороны, Лужская оборонительная полоса, Красногвардейский укрепленный район, частично Сталинградские обводы «О», «К», «С» и «Т». То же самое можно сказать и о южной части Ленинградского оборонительного кольца. Построенная героическими ленинградцами после начала войны, она была намного более мощной, чем довоенный Карельский укрепленный район, составлявший северную часть этого же кольца.

Одновременно с полевыми укрепленными районами, как назывались теперь новые оборонительные рубежи, появились и специальные войска, предназначенные для их обороны. Это были все те же пулеметно-артиллерийские батальоны. Сведенные в соединения, также называвшиеся полевыми укрепленными районами, они лишь по форме походили на прежние. Что же касается их предназначения, то оно стало значительно шире. Свои задачи они выполняли в тесном взаимодействии с полевыми войсками и в то же время обеспечивали их маневр.

Была у полевых укрепленных районов еще одна существенная особенность, связанная с временным характером оборонительных действий Советской Армии в целом. Она заключалась в том, что эти войска оказались перед лицом необходимости не только обороняться, но и наступать.

Эта задача возникла уже в 1941 г., особенно в битве под Москвой, когда враг был отброшен на значительное расстояние от столицы. В ходе сражения должны были выдвигаться вперед и гарнизоны полевых укрепленных районов, получавшие теперь

совершенно новые для них задачи: обеспечивать фланги наступавших полевых войск, закреплять захваченные ими рубежи, участвовать в отражении контратак, а подчас и самостоятельно штурмовать оборону противника.

Все это означало, что по темпам продвижения силы и средства полевых укрепленных районов не должны были отставать от мобильных войск. Вот почему они уже тогда, вопреки довоенным представлениям о таких войсках, начали учиться стремительным темпам наступления. В дальнейшем эта способность полевых укрепленных районов непрерывно совершенствовалась, и в результате они стали существенным элементом как оборонительного, так и наступательного боя.

Это видно и из содержания настоящей книги. Поскольку же в ней речь идет в основном о боевых действиях одного укрепленного района, то представляется целесообразным подтвердить сказанное выше еще хотя бы несколькими примерами.

В 1942 г., когда противник рвался к Воронежу, атаки многократно превосходящих сил гитлеровцев стойко отбивал 75-й полевой укрепленный район. Одними лишь собственными силами, составлявшими шесть пулеметно-артиллерийских батальонов, он в течение четырех суток оборонял рубеж протяженностью по фронту 115 километров. За это время в ожесточенных боях было подбито 154 танка противника и уничтожено до полка фашистской мотопехоты.

В результате успешных боевых действий войск 75-го полевого укрепленного района немецко-фашистские войска на четверо суток застряли на подходе к Воронежу. И это произошло как раз в тот момент, когда для обороны города дорог был выигрыш каждого часа. Задержав врага, войска укрепленного района тем самым дали возможность за это время сосредоточить 40-ю армию, а также подвести резервы и в итоге не допустить прорыва противника на данном направлении.

А вот пример успешного взаимодействия 125-й стрелковой дивизии и батальонов 9-го укрепленного района, совместно отразивших наступление четырех немецких пехотных дивизий, поддерживаемых 50 танками.

Это было в апреле 1944 г. на западном берегу Нарвы, где к тому времени войска Ленинградского фронта захватили плацдарм, имевший важное значение для успеха готовившейся новой наступательной операции. Его и обороняли батальоны укрепленного района совместно с полевыми частями. Глубина этой полосы достигала 12 километров, а ее передний край тянулся на 50 километров от населенных пунктов Кренгольм и Уйзамыса, затем проходил вдоль канала Йогусе и по болоту Лаука до паромной переправы у Черемухи.

Командование противостоявшей вражеской группировки, насчитывавшей семь немецких дивизий, поставило своей целью

сбросить наши войска с важного плацдарма. Для этого оно и предприняло наступление крупными силами.

Главный удар наносили три пехотные дивизии противника с 30 танками из района Удерна, Каннуки на юг. Замысел врага состоял в том, чтобы рассечь оборону в центре плацдарма, выйти в район переправ через реку Нарва, отрезать, а затем и уничтожить наши войска на ее западном берегу. Кроме того, одна пехотная дивизия с 20 танками наступала на вспомогательном направлении из района Появялье, Ривимаа, имея задачу сковать оборонявшихся на западном выступе плацдарма и помешать их маневру силами и средствами.

19 апреля в 13 час. 30 мин. противник начал артиллерийскую подготовку. Более 500 орудий полтора часа били по намеченным участкам прорыва, один из которых обороняли 109-й и 111-й пулеметно-артиллерийский батальоны, второй — 124-й.

Артподготовка, однако, не нанесла им больших потерь и даже не нарушила систему огня на переднем крае плацдарма. Поэтому вражеская пехота, которая при поддержке танков пошла в атаку, была встречена должным образом. Сильный пулеметный огонь прижал ее к земле. Безрезультатными были и последующие атаки. Вклиниться между огневыми точками переднего края удалось за весь день лишь мелким группам противника, но и они были уничтожены.

В ночь на 20 апреля атакующие части отошли на исходные позиции, но на утро вновь двинулись на участок 109-го и 111-го батальонов. Этой атаке также предшествовала артиллерийская подготовка, еще более мощная, чем накануне.

Вклинившись на стыке двух батальонов и развернув их фланги, противник попытался развить успех при поддержке танков. Но ему удалось проникнуть в глубину переднего края лишь на 600 метров, да и то ценою огромных потерь.

Артиллеристы 109-го батальона прямой наводкой подбили три танка, вынудив остальные откатиться. Вступил в бой и стрелковый полк, находившийся в тылу у 111-го батальона.

Понеся большие потери и не выдержав контратаки, вражеская пехота начала окапываться. Саперы противника поспешно ставили мины и проволочные заграждения. Одновременно фашистское командование бросило на участок прорыва крупные подкрепления, все еще рассчитывая развить успех.

Но тщетно. Пулеметно-артиллерийские батальоны совместно с введенным в бой резервом 125-й стрелковой дивизии выбили врага с захваченных им позиций. К утру 21 апреля положение было полностью восстановлено. Противник, видимо понявший безнадежность своих намерений, больше даже не пытался наступать. Плацдарм остался в руках советских войск и был успешно использован ими в дальнейшем для наступления.

В оборонительных боях блестяще проявились специфические

особенности полевых укрепленных районов. Их войска, в отличие от полевых частей, состояли в основном из расчетов артиллерийских орудий, минометов, пулеметов, противотанковых ружей и по своей организации и боевой подготовке были лучше приспособлены к обороне фортификационных систем.

Все это очень пригодилось им и во время наступательных операций Советской Армии, когда они приобрели еще и несвойственную им ранее подвижность. Их место и значение в боевых действиях Советских Вооруженных Сил во втором и третьем периодах войны определялось теми же особенностями полевых укрепленных районов, сделавшими эти войска наиболее подходящими не только для прикрытия перегруппировок наступающих армий и обеспечения их флангов, но и для прорыва обороны противника.

В последнем также сказались специальная подготовка пулеметно-артиллерийских батальонов к бою в условиях фортификационных систем. Она же обеспечила им успех и при преследовании врага, когда нужно было сбивать заслоны противника, громить его арьергарды.

Наконец, нельзя не сказать об активном участии войск укрепленных районов в окружении и ликвидации больших и малых вражеских группировок. Так было и под Сталинградом, и в районе Корсунь-Шевченковского, и во многих других местах вплоть до Берлина.

К тому, что рассказано об этом в данной книге, можно добавить множество и других примеров.

Так, войска 119-го полевого укрепленного района во время наступления 1-го Белорусского фронта на территории Германии в начале марта 1945 г. овладели населенными пунктами Кретцов и Коллин. В апреле они участвовали в боях по ликвидации окруженной франкфуртской группировки немецко-фашистских войск, в дальнейшем форсировали канал Одер—Шпее и, преследуя противника, вышли в последние дни войны к Эльбе¹.

77-й укрепленный район, действовавший в составе 1-го Украинского фронта, достиг Одера в районе Бреслау (Вроцлава) еще в начале февраля 1945 г. Его батальоны ликвидировали сильно укрепленный плацдарм противника у реки Вейде и овладели городом Гросс-Бишвиц. Затем они заняли остров на Одере и активно продолжали участвовать в боях за Бреслау до капитуляции его 40-тысячного гарнизона 6 мая. За отличие при взятии Бреслау укрепрайон был награжден орденом Красной Звезды².

Высокими наградами за боевые подвиги были отмечены воины всех укрепленных районов. Они стойко и мужественно сражались на полях битв с врагом вплоть до его окончательного разгрома.

¹ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2319, д. 7 а, лл. 5—96.

² Архив МО СССР, ф. 77 Ур, оп. 149864, д. 6, лл. 12—20.

Для некоторых из них война не окончилась и после капитуляции гитлеровской Германии. Они вновь пошли в бой в августе 1945 г., когда советские войска нанесли сокрушительный удар по милитаристской Японии. Причем дальневосточные укрепленные районы исключительно успешно использовали опыт наступательных действий пулеметно-артиллерийских батальонов на советско-германском фронте.

Мне тоже довелось кончить войну на Дальнем Востоке. Еще на марше из Чехословакии я получил назначение в 36-ю армию Забайкальского фронта, которым к тому времени командовал Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

По плану предстоявшей операции против японской Квантунской армии 36-я армия выделила группу войск под командованием генерал-лейтенанта Фоменко, названную Маньчжурской. В ее состав, помимо двух стрелковых дивизий, вошли гарнизоны 31-го Борзинского и 32-го Даурского укрепленных районов, переформированные в две пулеметно-артиллерийские бригады. Мне, как заместителю командующего 36-й армией по укрепленным районам, было поручено руководить ими в предстоявших боях.

Дальневосточные укрепленные районы весь период Великой Отечественной войны находились в полной боевой готовности. Но поскольку при этом их гарнизоны не покидали долговременных огневых точек и, следовательно, в течение четырех лет ограничивались огневой подготовкой в составе расчетов, то теперь им нужно было еще научиться не только обороне вне укрепленного района, но и в особенности наступательным действиям.

Несмотря на минимальные сроки, пулеметно-артиллерийские батальоны обеих бригад всесторонне подготовились к выполнению предстоявшей им боевой задачи. Это подтвердили первые же бои.

Для успеха наступления при прорыве японского Чжалайнор-Маньчжурского укрепленного района прежде всего требовалась тактическая и оперативная внезапность. Поскольку подготовка к операции велась исключительно скрытно, ни о какой разведке — войсковой или воздушной — не могло быть и речи. Сведения же, которые были накоплены укрепленными районами за долгие годы тщательного наблюдения за приграничной полосой, конечно, не могли быть исчерпывающими и давали лишь представление о расположении и характере японских укреплений.

Что касается сосредоточенных в них сил и средств, то об этом сведений не было. И мы не знали, выведены японские войска из казарм в долговременные сооружения или последние охраняются лишь караулами.

А от этого зависело многое. В первом случае попытка внезапно захватить передний край силами пехоты грозила значи-

тельными, а главное, неоправданными потерями. Во втором же оказалась бы малоэффективной артиллерийская подготовка, которая к тому же лишила бы нас преимуществ внезапной атаки.

Все это было учтено при разработке плана боевых действий.

Он предусматривал, что первыми пойдут в наступление несколько рот — по одной от каждого стрелкового полка или пулеметно-артиллерийской бригады. Они двинутся вперед за полтора — два часа до рассвета максимально рассредоточенной цепью, имея задачу бесшумно уничтожить японские караулы и прикрытие, захватить основные узлы сопротивления на переднем крае. Затем с ними сблизятся идущие следом остальные подразделения атакующих частей. При поддержке артиллерии они должны были захватить укрепленную полосу во всей ее глубине.

Был и другой вариант, предусматривавший мощную артиллерийскую подготовку. Он должен был вступить в действие лишь в том случае, если бы передовые роты постигла неудача. Однако он не понадобился.

Предположения о том, что японский укрепленный район охраняется только караулами, подтвердились. Это означало, что наше наступление было подготовлено достаточно скрытно и что противник захвачен врасплох. Почти все передовые роты без выстрела заняли передний край его обороны.

Исключение составляла лишь сопка Офицерская, непосредственно прикрывавшая железнодорожную линию и шоссе, которые вели к городу Маньчжурия. Она была превращена японцами в сильный узел сопротивления. Долговременные огневые артиллерийские и пулеметные сооружения, казематы, убежища, искусственные заграждения в два яруса опоясывали крутые скаты сопки. Расположенный здесь усиленный батальон пехоты противника и остановил огнем продвижение передовой роты 1-й пулеметно-артиллерийской бригады.

Но тотчас же сопку блокировали два пулеметно-артиллерийских батальона, которые вскоре и овладели ею. Уцелевшие после разрушительного огня нашей мощной артиллерии остатки японского гарнизона сдались в плен.

Тем временем остальные части 1-й бригады быстро продвигались к городу Маньчжурия. Он также был блокирован и к 9 часам освобожден.

После того как наши передовые части к 13 часам овладели городом Чжалайнор, группа войск двинулась отсюда к Хайлару. Здесь блокировавшую этот город стрелковую дивизию сменили две пулеметно-артиллерийские бригады. После трехдневных боев они принудили к капитуляции гарнизон Хайларского укрепленного района японцев и направились вслед за ушедшей вперед Маньчжурской армейской группой.

Активное участие в боевых действиях против японской Квантунской армии приняли и части других наших дальневосточных

укрепленных районов. В частности, они были успешно использованы для внезапного захвата оборонительной полосы противника.

106-му укрепленному району командование 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта накануне наступления поставило такие задачи: обеспечить сосредоточение главной группировки армии на участке прорыва, захватить в том же районе командные высоты, не допустить вторжения противника на нашу территорию и одновременно подготовить свои батальоны к движению вперед.

Выполняя этот приказ, артпулбаты к моменту подхода наших полевых войск скрытно подготовили позиции для стрелкового корпуса. Треть своих сил командование укрепрайона сосредоточило в фортификационных сооружениях, остальные же вошли в пять штурмовых отрядов. Каждый из них имел три роты автоматчиков, роту противотанковых ружей, пулеметную, минометную, два саперных взвода и подразделения обслуживания.

В ночь на 9 августа штурмовые отряды заняли исходное положение непосредственно у государственной границы.

Впереди расположились группы разграждения в составе автоматчиков, саперов и электриков. Они предназначались для того, чтобы внезапно и бесшумно проделать проходы в заграждениях и перерезать провода связи, соединявшие опорные пункты на участке прорыва. Им была также поставлена задача уничтожить боевое охранение противника. В ста метрах за ними — группы прикрытия, охранявшие их от внезапного нападения. Далее — основные силы штурмовых отрядов.

Двинувшись вперед в 3 час. 30 мин., они уже два часа спустя полностью выполнили задачу. Опорные пункты противника были захвачены, их гарнизоны уничтожены или взяты в плен.

Успешно сражались войска укрепрайона и в дальнейшем. Особенно четко было организовано взаимодействие. Третий, четвертый и пятый отряды сковывали боем гарнизоны центрального и южного узлов сопротивления, не позволяя противнику маневрировать силами в сторону северного узла, где действовали первый и второй отряды. Первый, продвинувшись на шесть—восемь километров, к 10 час. 30 мин. оседлал дорогу, соединявшую японские Дуинский и Пограниченский укрепленные районы. Он также овладел опорным пунктом, который прикрывал вход в ущелье Тунданчен. Второй отряд к этому же времени ликвидировал другой опорный пункт, носивший название Колпак, и вскоре захватил названное ущелье, в которое командующий армией и ввел к вечеру танковую бригаду и 39-й стрелковый корпус.

Умело и отважно действовали и части 111-го укрепленного района. В ходе подготовки они были переформированы соответ-

20 лет спустя в г. Крнов (Чехословакия) у братской могилы советских воинов, павших в бою за освобождение этого города

ственно задачам наступления. Теперь здесь имелись три батальона автоматчиков, усиленные артиллерией, минометами и саперными подразделениями, а также сильный резерв — стрелковый полк и артиллерийский дивизион. Кроме того, были подготовлены еще шесть взводов автоматчиков. Они и атаковали противника первыми.

Силами этих взводов были захвачены японские заставы, а также взяты под контроль пути, ведущие из казарм, где находился гарнизон противника, к его фортификационным сооружениям. Попытку отбить эти пути, предпринятую подоспевшим вражеским подкреплением, отразили батальоны автоматчиков 111-го укрепрайона.

Вслед за ними был введен в бой резервный стрелковый полк, который занял узел шоссе в районе Минза. В полосе укреплений противника образовался широкий прорыв, что и позволило начать наступательную операцию полевых войск.

Более двух десятилетий прошло с тех пор, как отгремели последние залпы второй мировой войны, но ее история не перестает волновать умы и сердца людей. Никогда не изгладится из их памяти величие подвига, свершенного в те годы советским

народом и его могучими Вооруженными Силами, спасшими мир от фашизма.

Победа в Великой Отечественной войне нелегко досталась нашему народу. Она потребовала не только мобилизации всех его могучих духовных и материальных сил, но и умелого использования их для разгрома врага. Вот почему одной из предпосылок победы являлось советское военное искусство.

«В этой войне победили Советские Вооруженные Силы. Созданные для защиты завоеваний Октября, они с честью пронесли свои боевые знамена через всю историю Советского государства. Никогда не забудутся подвиги советских воинов, совершенные ими в годы Отечественной войны. Великая победа над фашизмом была обеспечена также благодаря превосходству советской военной науки и военного искусства»¹.

Развивающееся под руководством Коммунистической партии и на основе ее всепобеждающих идей, советское военное искусство продемонстрировало в годы Великой Отечественной войны свое решительное превосходство над стратегией и тактикой гитлеровского вермахта, считавшегося тогда самой сильной в мире армией.

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы Центрального Комитета КПСС. М., 1967, стр. 20.

Указатель имен

- Агеев 13
Александров А. В. 133
Алексеев С. А. 265
Антропов 178, 227
Антонеску 170, 173, 182
Антошкин Ф. А. 38, 58, 122
Аристархов 140
Артемьев П. А. 22, 23
Ахачилов 138
- Бабушкин 102
Балыбин 240
Банюв С. С. 70, 84
Безыменский Л. А. 109
Белов 226
Бехтерев 45
Блюдов 86
Бобров 246
Богоявленский В. С. 73, 210, 245, 268, 277
Боев 262, 264
Бойко 249
Бражников И. Ф. 60
Булдович Р. Е. 141
Бурман 240
Бызов 140
Бялик 140
- Вайда П. 229
Ватер 144, 145
Ватутин Н. Ф. 44
Вашляев 209, 210, 212
Велес Ю. 230
Вечный П. П. 48, 49
Вигнаец М. 229
Виноградов И. Н. 5, 6, 7, 14, 220, 222
Владимиреску Т. 174
Внуков С. К. 73, 262—264, 267
Воронов 177
- Вязов 17
- Галаган 12
Гапанович Д. А. 127
Гаспилович А. И. 235, 251, 268
Геббельс 113
Георгиу Р. 184
Герасимов 267
Гитлер 54, 75, 76, 108, 109, 111, 113, 123, 139, 170, 191, 199, 227, 244, 279, 286
Голиков Ф. И. 43
Гольцикер Г. А. 275
Горбунов 244
Гореловский 195
Горохов С. Ф. 54, 60, 76, 77, 100
Гот 69
Грабец
Грива 240
Григорьев В. М. 70, 100, 210, 235
Гришанов 179, 227
Грылев А. Н. 139
Гудериан 19, 41
- Давыдов 45
Дадичев 13
Дашков Г. М. 201
Дебельский 241
Деев 272
Денисов Ф. В. 12
Дергачев 45
Дмитриев А. С. 35, 37, 39, 40, 51, 56, 63, 67, 77, 86, 93, 101, 103, 108, 117, 159, 231, 233, 235, 248, 281
Дмитриев Б. Г. 122
Долженков В. Т. 85
Дорин М. 216
- Ежов 225

Епифанов 212, 226, 261
Еременко А. И. 78

Жадов А. С. 66, 67, 115
Железнов В. В. 106
Жигмонд Э. 193
Жмаченко Ф. Ф. 155, 185

Зайцев А. Н. 73, 74
Захаренко 189, 267
Зелинский 215
Зенько 230—232, 236
Зиганшин 209

Иванов 184, 234
Изотов 190
Иконников 58, 62
Исаев 190
Ислентьев 202

Каверга 253
Казаков 217
Калинин М. И. 36, 37
Калинин Н. Н. 50, 56, 61, 62, 63, 67,
74, 86, 108, 117, 141, 229, 233, 235,
268, 281

Карначев М. Т. 46
Карпенко 209
Кашин 227
Квасневский 225
Керечнер А. 247
Китайгородский 249
Ковалев 140
Ковач Д. 216
Козлов 106
Колчев М. Т. 82, 83, 177
Кольжибаев 212
Корженевич Ф. К. 67
Коротков 186, 187, 232, 235
Крамарчук Д. В. 9
Краснов 179, 227
Крутин М. С. 262—265, 267
Крутник 258
Кудряшев А. И. 127
Кукушкин 217
Кулимбаев 226
Кучеренко 45

Лебедев-Кумач В. И. 133
Левитан Ю. 14
Лей 255
Ликовенков Н. Г. 17
Лица 272
Лобанцев 217
Лукьянченко Г. С. 152
Ляпушкин 138, 149

Малиновский Р. Я. 128, 185, 292
Мальков 211

Малявко 262—265
Маматенко 217
Манштейн 78
Мартынюк 225, 232
Марчук В. 232
Марчук П. 232
Маслов В. Ф. 60
Матюков А. И. 60
Межевой В. В. 189
Мельник М. Е. 232, 250
Мирабов 281
Мишаков 195
Моргун 265
Муравлев 77

Нарыков С. Я. 234, 245
Негода И. А. 93
Никитин 56, 190, 221
Никифоров 195
Николайчук 215
Никулин 85
Новаковский И. М. 86, 88, 100
Новиков 272
Нурдинов 272

Овчинников И. С. 138, 149, 253
Оглизов И. А. 138
Огрызаев 149
Опицы И. 200, 201
Осиченко 272

Павленко 215
Павлов 140
Пания Я. 213
Пастушко А. 215
Патай М. 229
Паулюс 69, 92, 101, 109
Пахомов 267
Пемов И. Н. 35, 36, 40, 50, 56, 60
Петров 253
Пинко А. 201
Плаксин 215
Плахы И. 213
Плохих 249
Пожак Э. 229
Присяжнюк И. И. 258
Прониченко К. С. 12
Пушкаш А. И. 192, 199
Пырков 12

Рокоссовский К. К. 56, 57, 64, 67, 78
Рябусов 212
Рябышев Д. И. 53, 54, 56

Савельев 141
Савчук 226
Сазина М. Г. 170
Сазонов 45
Салаши Ф. 199, 204, 216

Самолетов М. В. 72
Сантин 272
Семич М. 219
Семькин В. З. 87
Синилов К. Р. 16, 17, 18
Синицин И. П. 84, 87, 140, 144—146
Синьков А. И. 209—211, 245, 249
Скворцов 241
Смирнов, лейтенант 141
Смирнов 240
Советников И. Г. 57
Соколов Г. Г. 48
Соколовский В. Д. 19
Сомов 190
Сорочаев 235
Сотников И. В. 162, 163, 169, 171,
235, 245, 247, 276
Сталин И. В. 12
Староверов М. Л. 234, 248
Степанов 45
Степанченко М. Ф. 17
Студнев 82
Субелиани И. П. 95, 190, 199, 235,
245, 253
Суворов А. В. 252
Судружки С. 229

Тагиров Ф. Ш. 93
Тарашняк 226
Таскаев 77
Теодореску 182, 183
Титов 45
Ткаченко И. С. 61
Трапезников 253
Тропинин 195
Трофименко С. Г. 147, 152, 153

Удалов И. В. 259, 260
Улисов А. В. 70

Фесенко 241
Филиппов 85, 86, 95
Фоменко 291

Фомин И. 64
Фрунзе М. В. 13, 25, 26

Хайдаров 88
Хмыров 215
Хорти 191, 192, 244
Хрицко И. 229, 230

Цыганков 140

Чатаи 192
Ченчун П. 171
Черняев 272
Чиелко М. 229
Чише Д. 201
Чонтони 216
Чугунов 209
Чуйков В. И. 42

Шалагин 212
Шармор И. П. 235
Шассэн Л. М. 113
Шевелев В. М. 17
Шевченко И. П. 152
Шемеду Л. 218
Шенилов 212
Шилов 209
Ширяев 240
Шпекторов 158
Штеммерман 143, 146, 150
Штрекер 92, 105, 106

Щербаков М. А. 50
Щербаков С. К. 137, 138, 150, 245,
254

Эгри Ф. 229
Этрик Ш. 229

Юлус К. 229

Якушкин 144

Оглавление

Предисловие	5
Вместо введения	9
Глава 1. Задача со многими неизвестными	22
Глава 2. Поиски решения	35
Глава 3. В степи под Сталинградом	50
Глава 4. Первый боевой рубеж	68
Глава 5. От обороны к наступлению	81
Глава 6. Битва за Сталинградский тракторный	92
Глава 7. До свиданья, Сталинград!	107
Глава 8. Перед броском на запад	118
Глава 9. Страницы Корсунь-Шевченковской эпопеи	131
Глава 10. От Приднепровья до границы	152
Глава 11. Долгожданная, трижды желанная	167
Глава 12. Штурм Восточных Карпат	180
Глава 13. Освобождение севера Трансильвании	195
Глава 14. На равнинах Венгрии	206
Глава 15. Взятие города Кошице	223
Глава 16. Через Западные Карпаты	244
Глава 17. «Крепкий орешек»	257
Глава 18. Последние бои	271
Заключение	284
Указатель имен	297

Иван Николаевич Виноградов

Оборона — штурм — победа

Боевой путь 159-го полевого укрепленного района в годы
Великой Отечественной войны

Редактор издательства *З. Г. Демидова*. Художник *Е. В. Крылов*
Технический редактор *Л. И. Матюхина*

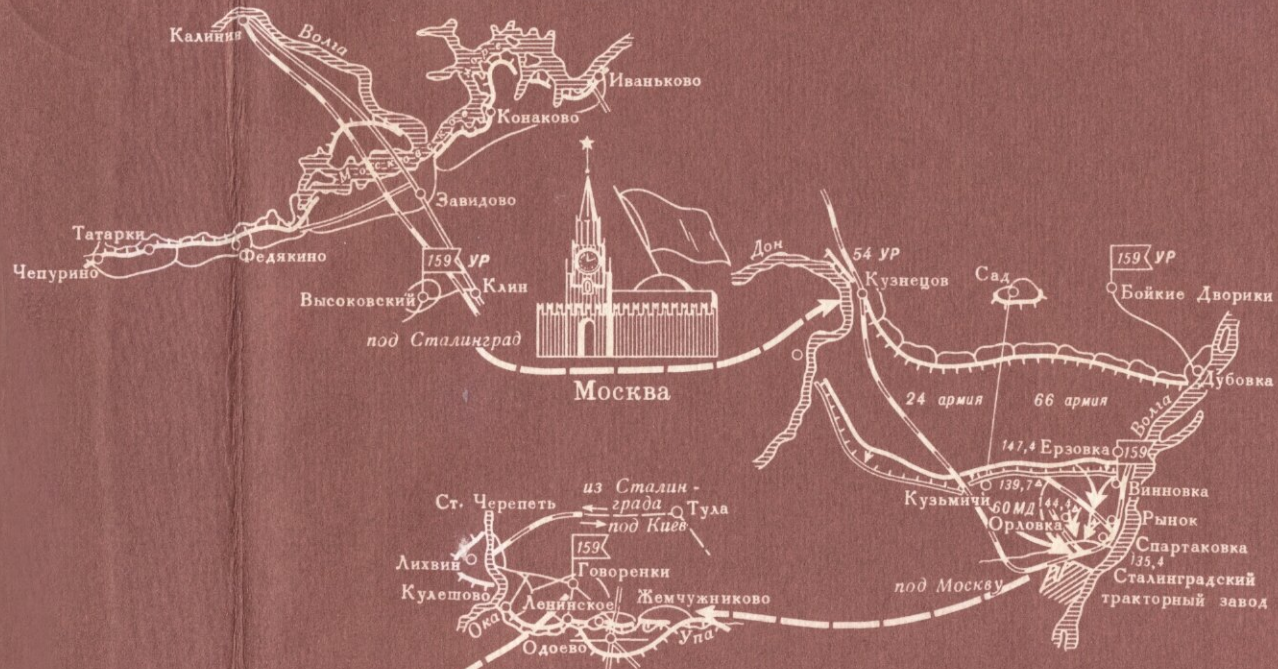
Сдано в набор 25/V 1967 г. Подписано к печати 19/I 1968 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1.
Уч.-изд. л. 18,4 + 4 вкл. Тираж 30000. Т-01723. Тип. зак. 347. Цена 1 р. 44 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
174	1 сл.	159 УР	152 УР
267	4 сл.	1-го	17-го
279	2 св.	тягловую	тяговую

Виноградов И. Н. Оборона. Штурм. Победа.

Прага